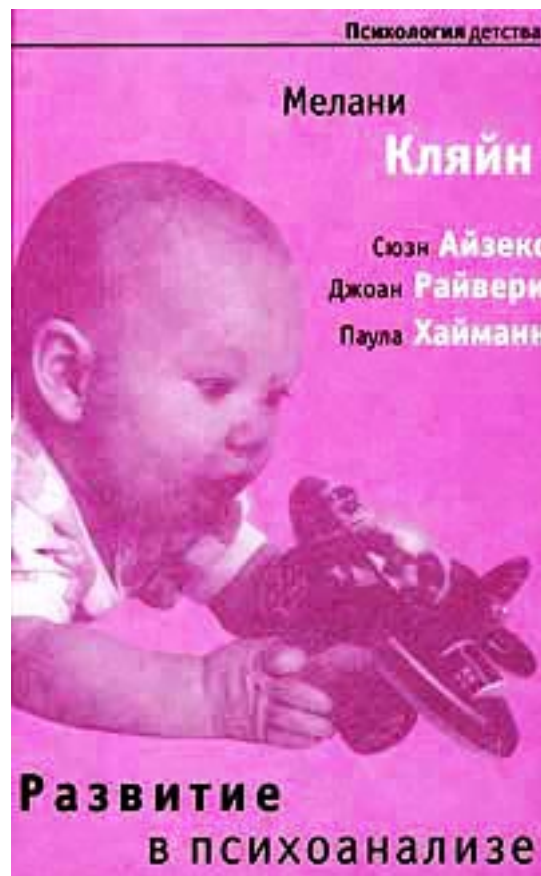

Мелани Кляйн, Сюзн Айзекс, Джоан Райвери, Паула Хайманн

Развитие в психоанализе (Developments in psycho-analysis)

Содержание:

1. Общее введение (Джоан Райвери)
2. О происхождении психического конфликта в раннем младенчестве (Джоан Райвери)
3. Природа и функция фантазии (Сюзн Айзекс)
4. Функции интроекции и проекции в раннем младенчестве (Паула Хайманн)
5. Регрессия (Паула Хайманн и Сюзн Айзекс)

6. Некоторые теоретические выводы, касающиеся эмоциональной жизни младенца (Мелани Кляйн)
7. О наблюдении за поведением младенцев (Мелани Кляйн)
8. О теории вины и тревоги (Мелани Кляйн)
9. Заметки о некоторых шизоидных механизмах (Мелани Кляйн)
10. Заметки о теории инстинктов жизни и смерти (Паула Хайманн)

1. Общее введение

*«...Оглядываясь на дело своей жизни, я могу сказать,
что проделал разнообразную работу
и проложил немало новых путей,
из которых в будущем что-то должно получиться...
Позволю себе высказать надежду,
что я открыл дорогу важному прогрессу нашего познания».*

Этот отрывок из «Автобиографии» Фрейда («Автобиография», с. 145) лишь один из многих, в которых он говорит о психоанализе, как о науке, которой еще предстоит развиваться и расширяться. В одном из своих предисловий он пишет: «Мое искреннее желание, чтобы эта книга побыстрее состарилась и ее недостатки были заменены чем-то лучшим». В 1924 я боролась с неясными для перевода местами в «Я и Оно». Когда я попросила Фрейда уточнить значение некоторых мест, он ответил мне: «Через тридцать лет эта книга все равно устареет!»

С тех пор прошло почти 30 лет и ничто из того, что он писал, не стало устаревшим. Все созданное им заслуживает тщательного изучения, проверки и обсуждения. Даже его предположение о развитии и распространении его работы — путями, которых он не мог сознательно предвидеть — подтвердилось. Если мы последуем этими новыми путями, которые ведут глубоко в неизведанные уголки души и в то же время так внятно и широко объясняют поведение человека, мы обнаружим, что начальное зерно наших современных приобретений было на самом деле посеяно мыслями Фрейда, неразвитыми, не рассмотренными, или даже отвергнутыми им.

Эта книга посвящена обзору вклада в психоаналитическую теорию, сделанного трудами Мелани Кляйн. Утверждая, что истоки почти всех последних достижений могут быть обнаружены в трудах Фрейда, я не хочу обесценить оригинальный вклад других исследователей, например, Шандора Ференци, Эрнеста Джонса и Карла Абрахама, в ту сумму знаний и инструментов познания, которая составляет современный психоанализ. Мелани Кляйн принадлежит тут особое место. Можно сказать, что Фрейд открыл бессознательную душу человека, Кляйн же исследовала наиболее отдаленные ее уголки. Она обнаружила, что мир бессознательных чувств и влечений (которые мы обозначаем как «фантазии») является основой всех действий и реакций человека, трансформируясь во внешнее поведение и сознательное мышление. Хотя Фрейд обнаружил эту истину и применил ко многим своим наблюдениям, оставалось много проблем, где она не была использована. Более полное разрешение они получили благодаря постоянному вниманию Мелани Кляйн к значению бессознательных фантазий. Обстоятельства, в которых Фрейд начинал и продолжал свою работу, то есть медицинская практика, без сомнения, повлияли на его точку зрения. Например, в начале своего пути он уделял большое внимание различиям между «нормальной» и «больной» психикой, и это в значительной степени отвлекало его внимание от открытых им общих законов. Также это сказалось в том, что Фрейд переоценивал силу принципа реальности, не полностью поняв, что взаимодействие внешних и внутренних отношений индивидуума является диадой, столь же значимой для психической деятельности, как и другая диада, которую он обнаружил.

Как оказалось, эта другая диада теории Фрейда, две основные силы — в настоящий момент мы называем их инстинктами жизни и смерти — сделала возможным для Мелани Кляйн понимание общего закона, лежащего в основе ее исследований ранних проявлений психической жизни младенцев и маленьких детей. Огромное для наших взрослых умов количество деструктивности и жестокости, которую любой отстраненный наблюдатель,

повторяющий ее исследования, обнаружит в детях, может остаться неразрешимой тайной. По мнению Мелани Кляйн, гипотеза Фрейда о наличии деструктивной силы в нашей психике, находящейся во взаимодействии с силой сохранения жизни, придает этой агрессивности должное значение. Эта концепция деструктивной силы внутри каждого индивида, стремящейся к уничтожению жизни, естественно вызывает крайне мощное эмоциональное напряжение.

Психоанализ является отраслью науки; он развивается собственным путем, как знал и предвидел Фрейд; «возможности развития, скрытые в нем, справятся с противодействием», — утверждал он. В действительности, на сегодняшний день усвоено многое из того, что он оставил нам в виде прямых формулировок, хотя и не так много из того, что, как мне кажется, он подразумевал. Основные открытия Мелани Кляйн касаются очень ранних стадий психической жизни, где обнаруживается действие психологических механизмов (расщепление, проекция и т. д.), весьма похожих на механизмы психотических расстройств. Это другой аспект ее работы, встретивший сильное эмоциональное сопротивление. Мы не можем не обратить внимание на тот факт, что другое нелицеприятное положение Фрейда, к которому его привел собственный клинический опыт — инстинкт смерти, — получило большую определенность в результате проведенного Кляйн детского анализа. Невозможно не обращать внимание на подтверждение, которое получили работы обоих ученых в этом моменте. Более того, можно сказать, что нет ничего удивительного, что оба вывода встретили неодобрение, поскольку они очень сильно взаимосвязаны. Однако лишь в последующие годы Мелани Кляйн в результате собственных исследований сумела показать в деталях исходную связь фрейдовской диады инстинктов и самых ранних этапов развития детей, лежащую во взаимоотношениях между персекуторной тревогой и депрессивной тревогой с чувством вины, понятыми как работа инстинкта смерти.

Первая книга Мелани Кляйн «Психоанализ детей» является основой всей ее работы. В других ее публикациях рассматриваются отдельные вопросы ее открытий, так что возникает потребность в обзоре и упорядочивании ее вклада в теорию. Количество интересующихся этими достижениями стремительно растет, как среди обучающихся психоанализу, так и среди работников смежных медицинских профессий; в то же время растет интерес к ее работам в области детской психологии среди профессионалов и среди образованной публики. Поэтому было решено опубликовать в виде книги общий обзор ее вклада в развитие психоаналитической теории. Настоящая книга основана на четырех статьях, которые были доложены в цикле Дискуссий, организованных Британским психоаналитическим обществом, имевших целью прояснить взгляды на ее работу. Остается только сожалеть, что опубликование этого обзора столь отстает во времени от даты выхода в свет оригиналов; это тем более печально, что Сюзн Айзекс, чья энергия, без сомнения, была одной из движущих сил Дискуссий, к величайшему сожалению, умерла в 1948 году, так и не дождавшись выхода этой книги в свет. Для такой отсрочки было множество причин, начиная от общеизвестных трудностей с публикацией книг во время и после войны, до серьезных личных проблем авторов, не последней из которых была большая потребность в психоаналитическом образовании в это время. Однако нет худа без добра. Благодаря этой задержке появилась возможность включить в эту книгу более поздние статьи Мелани Кляйн, которые не составляли часть Дискуссий, но в которых сделаны существенные дополнения и прояснения ее взглядов вообще.

Все материалы Дискуссий 1943 года, как оригинальные статьи, так и отклики, были размножены и розданы участникам в течение дебатов. Эти копии находятся в распоряжении Британского психоаналитического общества. Ссылки, которые я делаю относительно критики работы Мелани Кляйн, частично почерпнуты из этого источника,

хотя подобные взгляды можно встретить среди тех аналитиков, которые большее предпочтение отдают ранним концепциям психоанализа.

Понятно, что в книге, где собрано несколько статей, за исключением одной, посвященных единственному периоду жизни — самому раннему, — некоторое количество пересечений и повторений неизбежно; главы взаимодополнительны; аспекты одних и тех же явлений относительно искусственно изолируются и рассматриваются с различных сторон. Существует очень тесная связь между главой 6 «Некоторые теоретические выводы, касающиеся эмоциональной жизни младенцев» и главой 4, частью 2 «ранние объектные отношения». Так же понятно, что в теории, которая лишь недавно получила признание, невозможно, за редким исключением, привести демонстративные случаи из практики. Глава 7, озаглавленная «О наблюдении за поведением младенцев», является исключением и тем самым представляет значительный интерес.

Представляя этот обзор трудов Кляйн для публикации, уместно также привести некоторые характеристики существующей оппозиции ее взглядам и отдельным положениям теории в частности. Возражения, которые я считаю характерными, все еще имеют важное значение, хотя с годами они изменились по форме и содержанию. Прежде чем детализировать этот вопрос, я хотела бы остановиться на одной из общих характеристик оппозиции, которая пропитывает практически все возражения против взглядов Кляйн и, следовательно, заслуживает быть рассмотренной *per se*. Я имею в виду предположение, не всегда выражаемое, но всегда подразумеваемое, что ее утверждения «не психоаналитичны». В некоторых журналах утверждается *tout court*, что ее работы — независимая вариация психологической теории, альтернативной психоанализу. Оппоненты, которые делают подобное предположение, ясно дают понять, что только они представляют фрейдовский психоанализ. На самом деле главные моменты, играющие в ее теории развития решающую роль, были интегральной частью психоаналитической теории задолго до нее: например, интроекция и проекция, внутренние объекты (например, при меланхолии), ранние орально- и анально-садистические установки. Эти факторы являются неотделимой частью всей работы Кляйн по раннему развитию. Эта работа основана на известной психоаналитической базе, и не имеет ничего общего с ее изобретательностью, как утверждают некоторые критики.

Несомненно, существуют различия между психоанализом сегодняшнего дня и психоанализом тридцатилетней давности; если бы этих различий не было, мы бы не могли утверждать, что сделан некоторый прогресс. Эти статьи являются отражением фактов и нашего понимания их. Работа Мелани Кляйн является развитием и расширением знания, добытого Фрейдом. Но развитие не обязательно обозначает несовместимость. На самом деле, наука продвигается с помощью видоизменения известной теории и ее адаптации к новым данным. Фрейд говорил: «Как показывает нам блестящий пример физики, ее сформулированные в точных определениях «основные понятия» подвержены постоянному изменению своего содержания». С начала существования психоанализа и до сегодняшних дней возникает множество так называемых «психоанализов». Можно сказать, что для всех них характерна одна общая черта: они оспаривают или отрицают основной источник происхождения человеческой психологии, постулированный Фрейдом — инстинкты с их телесными органами и целями. Подход Фрейда был биологическим с самого начала, о чем свидетельствует выбор любви и голода в качестве отправных точек. Работа Мелани Кляйн сохраняет эту базовую взаимосвязь психологии с биологической основой человеческого организма как источником инстинктов, которую открыл Фрейд.

Другое положение, часто выдвигаемое теми, кто оспаривает работу Мелани Кляйн и, я бы сказала, прогресс понимания в психологии, это защита истинно фрейдовского

психоанализа, который нельзя подвергать сомнению. Если и можно понять идентификацию наших оппонентов со всем, что сделал Фрейд, все равно с научной точки зрения недопустимо отвергать любые последующие модификации его концепции. Однако пристальное рассмотрение аргументов критики Мелани Кляйн показывает нечто другое. Позиции психоанализа, защищаемые таким образом, имеют весьма выборочный характер. Положения Фрейда носят неоднозначный характер. Он противоречит сам себе, пересматривает свои взгляды, затем возвращается к прежним воззрениям. Истинно научный склад ума Фрейда прекрасно проявляет себя в той непоследовательности, которую он открыто демонстрирует в некоторых вопросах. Он не мог заставить себя выбрать одно из альтернативных решений, так как видел истину в каждом из них, и это для него было важнее, чем немедленное достижение стройности. Задача разрешения непоследовательности должна стать целью последующей работы, наблюдений и открытий. Для него было важно не отрицать элементы истины там, где он видел их.

Эти черты работы Фрейда хорошо известны. Например, его взгляд на прямую трансформации либидо в тревогу, который он изменил, включив сюда агрессию, а затем опять вернулся к первой, прямой формулировке (см. главу 8). Другое неопределенное отношение, возможно, менее выраженное, видно в его взглядах на Супер-Эго. Фрейд явно подчеркивал, что его формирование происходит при разрешении Эдипова комплекса. Однако (как показано в главе 6,1 (б)), он обнаружил много фактов, которые не могут быть генетически связаны с развитием Супер-Эго и его окончательным становлением в начале латентного периода, поэтому он пропустил установление некоторых отношений. С определенной точки зрения, наиболее важным примером непоследовательности Фрейда в отношении собственных теорий является постулирование инстинктов жизни и смерти. В выдвижении этой теории и в открытых обсуждениях он не стремился сделать это допущение первым принципом психоанализа. Тем не менее в своих позднейших работах он выражался куда более ясно, постоянно ссылаясь на эту диаду инстинктов как на основу интрапсихического конфликта.

В нескольких подобных случаях исследования Мелани Кляйн показали, что многие из предположений, которые Фрейд ввел как интуитивные допущения, но не ввел в главную канву психоанализа, возродились в ее более поздних работах. Более того, в 10 главе Пауле Хайманн удалось показать, что два противоречивых взгляда Фрейда на природу тревоги могут быть примирены. Это же касается и вопроса о Супер-Эго. Хотя Фрейд и не сделал никаких указаний относительно предшествующих ему форм, он писал о ранней идентификации с родителями, происходящей задолго до формирования Супер-Эго. В то же время, он описывал более позднюю родительскую идентификацию как единственный механизм формирования Супер-Эго.

Сегодня наибольшее количество противоречий между Мелани Кляйн и ее критиками касается как раз тех вопросов, в которых Фрейд был непоследователен, либо тех, которые подвергались им переработке, — мы можем называть это по-разному. Очевидно, что наиболее неистовые критики Мелани Кляйн находятся среди тех аналитиков, которые твердо стоят на исходных позициях Фрейда, оставленных им без изменений; там же, где Фрейд позднее пересмотрел свои взгляды, зачастую опираясь на интуитивное предвосхищение, они не последовали за ним. Нельзя не согласиться с тем, что это целиком и полностью касается теории инстинкта смерти, которая не просто отрицается многими аналитиками, но и часто совершенно не воспринимается как часть теории Фрейда. Они могут оправдывать себя тем, что сам Фрейд не связывал существование или падение психоанализа с этой теорией, хотя вряд ли он стремился к тому, чтобы эту концепцию рассматривали мимоходом или вообще предавали забвению. Интерес Фрейда к этой

теории полностью проявляется в его позднейших работах, в которых он связывает психические конфликты и патологические нарушения с гипотезой конфликта инстинктов.

Не случайно, что проблема тревоги во всей ее разветвленности составляет другое фундаментальное различие между работой Мелани Кляйн и ее оппонентов. Для нее тревога всегда оставалась краеугольным камнем, путеводной нитью, которая вела ее через неизведанное и в конечном счете привела фрейдовский постулат об инстинкте смерти в логическое соответствие с другими элементами его работы. Для самого Фрейда тревога имела огромное значение; она постоянно занимала его внимание с самого начала его работы. Правда и то, что его подход носил несколько физиологический характер, и что, исследуя и понимая тревогу как состояние напряжения, Фрейд не уделял столько внимания психологическому содержанию страхов (фантазий), как Мелани Кляйн. Тревога и защиты против нее с самого начала составляли суть подхода Мелани Кляйн к психоаналитическим проблемам. Именно с этой позиции она обнаружила существование и важность агрессивных элементов в детской эмоциональной жизни, что привело к формулировкам, касающимся персекуторной и депрессивной тревоги, а также защит раннего Эго от этой тревоги. В конечном счете это позволило ей привести большую часть известных феноменов, связанных с тревогой, в соответствие с основными принципами анализа. В этой связи стоит упомянуть один интересный момент — существование прямой связи между тревогой и теорией инстинктов жизни и смерти.

Связи, обнаруженные Мелани Кляйн между этой теорией и этапами раннего развития, а также другие ее открытия в этом и позднейших периодах жизни, позволяют рассматривать множество прежде разрозненных феноменов как части единого целого. Такое приложение концепции инстинкта смерти, т. е. понимание способов, которыми действует этот инстинкт, или с помощью которых он влияет на психику, отрицается, поскольку инстинкт смерти а priori рассматривается как «чисто биологическая теория, в которой психологическим понятиям до сих пор нет места», как было отмечено в Дискуссиях. Здесь не стоит вопрос, является ли понятие инстинкта смерти приемлемым допущением само по себе. Это гипотеза, которая может быть проверена применением ее, например, в отношении теории психического конфликта или психологии невротиков и так далее. Фрейд выдвинул концепцию диады инстинктов жизни и смерти как базовой антитезы бессознательного, чтобы заместить антитезу Эго-инстинктов и либидо, которая не могла больше быть состоятельной после открытия феномена нарциссизма. В своей позднейшей работе он постоянно возвращался к ней, как к обоснованию наличия интрапсихического конфликта. То, что он писал о мазохизме или суицидальной меланхолии, кажется неоспоримым в этом смысле. Достаточно одной цитаты, чтобы показать собственное отношение Фрейда:

«Выделение и выраженное проявление инстинкта смерти находятся среди наиболее достойных внимания результатов любого невроза, например, обсессивного... Суть регрессии либидо, например, от генитального до анально-садистического уровня, должна состоять в разделении инстинктов, так же как продвижение от ранних стадий к определению генитальной формируется в результате открытия доступа к эротическим компонентам» (The Ego and the Id (1923), p. 57.).

Как перед лицом этого можно утверждать, что гипотеза инстинкта смерти не связана с психическим конфликтом или теорией невротиков? Или что инстинкт смерти — «чисто биологическая теория, в которой психологическим понятиям нет места»?

Другим примером противоречия оценок, даваемых Мелани Кляйн и ее оппонентами работам Фрейда, могут быть его статьи «Экономические аспекты мазохизма» и

«Отрицание». Последняя — необычна в своем роде. Это скорее поздняя и изолированная статья Фрейда, и на первый взгляд для оппонентов Мелани Кляйн она не играет большой роли. На самом деле это одна из богатейших и наиболее концентрированных его работ. Будучи достаточно краткой, она, подобно прожектору, освещает психическую жизнь с вершины до самых глубин. Теории Кляйн удивительно точно совпадают со строгими и жесткими положениями этой статьи, широко освещая их, что само по себе подтверждает эти теории. И снова, в работах Фрейда многие замечания сделаны походя, они как бы демонстрируют его осведомленность о наличии фактов, которые нет времени включить в теорию. Мелани Кляйн не только показала ценность этих наблюдений или интуиции Фрейда, но также и то, каким образом их дальнейшее развитие поддерживает и обогащает психоаналитическую теорию. Таковы, например, упоминаемые Фрейдом страх маленькой девочки, что ее хочет убить мать, или связь между страхом быть отравленным молоком и опытом отлучения от груди. Эти интерпретации недостаточно разъяснены психоаналитической теорией, какой она представлена в работах Фрейда, или теми аналитиками, которые отрицают труд Мелани Кляйн. (Интерпретации, данные Кляйн этим фантазиям, намного более точны в своем приложении и дают более полную картину, устанавливая связь с другими феноменами.) Кроме того, в отношении аналитиков к оригинальным формулировкам психоаналитической теории проявляется недооценка работ Абрахама, Джонса и Ференци.

Поэтому иногда данное противостояние становится похожим на фарс: каждая сторона объявляет себя более фрейдистской, чем другая, при этом подчеркивая важность одного из аспектов работы Фрейда, — более раннего или измененного и позднейшего. Цитируя Фрейда, мы не стремимся прежде всего доказать правильность наших взглядов, но подчеркнуть, что многие из понятий, развитых Мелани Кляйн, имели место в ранней психоаналитической теории и наблюдениях, и что ее работа логическим и естественным путем произрастает из этой теории. Однако подчеркиваются именно те места, в которых работа Кляйн выходит за пределы теории Фрейда или противоречит последней.

Эти соображения заставляют меня определить некоторые теоретические основы различий между Мелани Кляйн с ее последователями и большинством ее оппонентов. Тот факт, что она высказывается в поддержку взглядов Фрейда — прямо или косвенно — не означает, что ее вклад базируется только на этом основании. Ее результаты, в отличие от базовых психоаналитических принципов, сформулированных Фрейдом и поддерживаемых Мелани Кляйн, основываются на собственном фундаменте независимых исследований и непрерывающейся работы по их развитию. Она действительно создала нечто новое в психоанализе, а именно, интегрированную теорию, хотя и в первом приближении; она принимает во внимание все психические проявления, нормальные и патологические, от рождения до смерти, не оставляя непреодолимых препятствий и очевидных явлений без внятного объяснения их связи с остальными. Помня о том, как мало связей между отдельными частями своей теории оставил нам Фрейд и как много проблем не нашло объяснения в его работах — две наиболее важных: психотические элементы в человеческой психологии и психическое развитие в ранний период жизни, — мы не можем не признать размах о достижений Мелани Кляйн, основывающихся на его работах.

А теперь я кратко остановлюсь на нескольких расхождениях в теории, связанной с ранним развитием. Суть большинства противоречий составляет раннее развитие психической жизни, в частности, в течение первых месяцев жизни: наиболее неясная стадия, которую Фрейд называл «тусклая и туманная эра». Исследования Мелани Кляйн пролили свет на некоторые примитивные эмоциональные аспекты развития в этот ранний период, от рождения до полугода и далее: ранние формы тревоги (персекуторного типа), ранние взаимоотношения любви и страха/ненависти с первичным объектом (матерью), а также

возникающую позже, но все же очень раннюю реакцию вины и тоски. Эти открытия встретили энергичную критику наших оппонентов, хотя они также согласны, что первые месяцы жизни — темный период и что мало известно об истинных реакциях младенца. Один из камней преткновения — природа фаз аутоэротизма и нарциссизма, предшествующих объектным взаимоотношениям. В Дискуссиях, говоря об этом и рассматривая ранние объектные взаимоотношения, аутоэротизм и нарциссизм, Анна Фрейд утверждала:

«Я считаю, что существует нарциссическая и аутоэротическая фаза длительностью в несколько месяцев, предшествующая собственно объектным взаимоотношениям, хотя зачатки объектных взаимоотношений медленно развиваются на этой начальной стадии».

И снова: «Теория Фрейда допускает существование на этом этапе жизни только грубых рудиментов объектных взаимоотношений и рассматривает жизнь, охваченную стремлением к инстинктивному удовлетворению, в котором восприятие объекта достигается постепенно...».

Здесь она делает различие между «собственно объектными взаимоотношениями», с одной стороны, и «грубыми рудиментами объектных взаимоотношений» или «медленным развитием объектных взаимоотношений на этой начальной стадии», с другой. Здесь не может быть такого разделения, поскольку «начало развития» и проч. является собственно объектными взаимоотношениями для ранней стадии развития. На каждой стадии развития первичных инстинктов характер или степень объектных отношений является адекватной этой стадии (такое различие можно сделать только если собственно взаимоотношения понимать как полностью развитые, «взрослые»).

Из глав Мелани Кляйн 6 и 7 мы увидим, какого рода и уровня объектные отношения она предполагает у ребенка в первые месяцы жизни. Существование фазы, называемой аутоэротической, является фактом, а не теорией; ни один аналитик не пожелает отрицать наличия нарциссического состояния у ребенка. В Главе 4 Паула Хайманн ясно показывает, что Мелани Кляйн не только далека от отрицания этих общепризнанных черт раннего развития, но и способна объяснить их происхождение. На наш взгляд, нарциссическая или аутоэротическая фаза сосуществует наряду с объектными отношениями, которые серьезно влияют на развивающиеся на этой стадии интроективные процессы. Каждое проявление развития является звеном в цепи, имея причинно-следственные связи с другими процессами: например, с помощью интроекции и проекции аутоэротическая и нарциссическая активность и установки устанавливают связь с инстинктивными потребностями. Кроме того, следует признать и их защитную функцию снижения напряжения и редукации тревоги. Эта теория подтверждается некоторыми цитатами из Фрейда. Но оказывается, что для некоторых аналитиков эти абзацы из Фрейда являются не более чем подтверждением того факта, что ребенок рождается с эrogenными зонами. Во время Дискуссий было сказано, что «фрейдовская концепция нарциссического начала жизни представляет аутоэротизм как врожденный источник удовольствия». Это может быть и так, но даже если существует наследственная предрасположенность, процесс получения врожденного удовольствия имеет психологическое значение.

Вопрос разбития Эго является следующей большой проблемой. Двадцать лет назад, оппозиция взглядам Мелани Кляйн большей частью концентрировалась вокруг сроков возникновения Супер-Эго. С тех пор проблема развития Эго вышла на первый план. В последнее время вопрос формулируется таким образом: «Не совсем ясно, существует ли столкновение между любовью и ненавистью, либидо и деструктивностью до появления

центрального Эго, обладающего силой интеграции психических процессов, или возникает после».

Взгляд Мелани Кляйн состоит в том, что в соответствии с генетическим характером развития мы можем постулировать изначальное наличие Эго с рудиментами интеграции и связности, прогрессирующее в этом направлении; далее, этот конфликт возникает до выраженного становления Эго и полного развития его способности к интеграции психических процессов. Существование синтетических функций, связанных с развитием Эго (например, сенсорной перцепции и проверки реальности), очень полно продемонстрировано Сюзан Айзекс в главе 3. Мы считаем, что наблюдения подтверждают этот взгляд, равно как и некоторые теоретические посылки, которые разделяются всеми психоаналитиками: так, например, Фрейд определял либидо (Эрос) как силу, служащую сохранению, размножению и унификации, то есть его функция является синтетической; мы не можем представить себе, что в какой-либо период жизни не существует синтетической функции. На наш взгляд, борьба и конфликты разного рода существуют и действуют с самого начала человеческой жизни; рост и развитие и, наконец, инволюция протекают внутри орбиты этих сил в течение всей жизни.

Обсуждая возражения, которые встретили теории и открытия Мелани Кляйн на протяжении 25 лет, следует отметить, что рассмотренные здесь критические замечания являются современными репрезентациями более ранних замечаний и были отобраны именно по этой причине. Форма несколько изменилась, но значимые элементы спора остались в основном теми же. Фактическое содержание ранних аргументов, используемых против Мелани Кляйн, во многом отличается от содержания современных. К примеру, наличие мощных садистических фантазий, в первую очередь, оральных, в раннем возрасте оспаривается гораздо реже, чем раньше; широко распространено мнение, что Эдипов комплекс и формирование Супер-Эго начинается гораздо раньше, чем считалось прежде. Также становится понятно, что по мере того, как ее работы обретают почву под ногами, находят признание доказательства ее более поздних предположений, например, депрессии у младенцев.

Мне хотелось бы завершить этот обзор противоречий и расхождений между Мелани Кляйн и другими аналитиками, выразив убежденность в том, что наступит время, когда обучающемуся аналитику трудно будет позитивно оценить реальность такого противоречия и, более того, представить себе, что этот спор мог поглотить столько энергии и усилий. Тем не менее, человеческая природа такова, какова она есть, и мы можем испытывать удовлетворение от того, что продвижение в психоанализе, сделанное со времени Фрейда, продемонстрировало столько жизненности и внутренней способности находить новые пути и генерировать дальнейший прогресс.

Вначале предполагалось, что настоящая книга будет включать только 4 статьи, представленные в Дискуссиях 1943—44 годов. Поэтому с некоторыми сомнениями я согласилась включить в нее свою венскую лекцию 1936 года в качестве второй главы, поскольку она увидела свет гораздо раньше. Она имеет характер относительно краткого и всеобъемлющего обзора, более общего и описательного и менее технического по сравнению со статьями Дискуссий. Хотя она и предваряет статьи Дискуссий, общие и пространственные формулировки этой главы не соответствуют общему тону этой книги. Основная часть книги состоит из одиночных статей, каждая из которых рассматривает отдельный аспект цельной теории психической (эмоциональной) ситуации раннего развития, точнее, первого года жизни. Именно эти статьи с их точным и ясным обсуждением деталей процесса развития на ранних стадиях жизни существенно развивают наши знания. Более того, моя вступительная статья несколько устарела. Те пункты в ней,

которые сегодня мы склонны считать ошибочными, объяснены в примечаниях. Одним из таких взглядов можно считать утверждение о том, что раннее отношение к миру является негативным и враждебным. Из глав 6 и 7 «Эмоциональная жизнь младенца» и «Наблюдение за поведением младенцев» станет понятно, что это не отражает взглядов Мелани Кляйн и что отношение любви к матери существует с самого начала и проявляется очень рано. Оно развивается *pari passu* с враждебным отношением к ней и к окружению. Другой пункт, к которому я обращаюсь в статье, это «нарциссическая фаза развития». Здесь я рассматриваю ранний опыт ребенка на основе работы Фрейда о стадии первичной идентификации и показываю, как некоторые из наших взглядов на раннее развитие объектных взаимоотношений естественно вытекают из этой фундаментальной гипотезы Фрейда. Однако я должна обратить внимание на большой прогресс, достигнутый нами в понимании «нарциссической фазы» и ее развития из первичной идентификации путем интроекции и проекции. (См., в частности, главу 4, хотя аналогичные выводы пронизывают всю книгу.)

Оригинальные статьи Дискуссий открываются статьей «Природа и функция фантазии» Сюзан Айзекс, в которой впервые подробно рассмотрен один аспект бессознательной психики. Этот аспект имеет существеннейшее значение для понимания любой психологической проблемы, хотя часто на него не обращают внимание. Психика представляет собой целостность, высшие функции не действуют независимо, бессознательное не является ненужной или рудиментарной частью психики. Это активный орган, в котором действуют психические процессы, никакой психический процесс не может происходить без его участия, хотя обычно происходит существенная модификация бессознательной первичной активности, прежде чем сформируется поведенческий акт взрослого человека. Истинную первичную психическую деятельность, которая обычно остается бессознательной, мы называем бессознательной «фантазией». Следовательно, существует бессознательная фантазия, стоящая за каждой мыслью и за каждым действием (кроме, возможно, телесных рефлексов). Сюзан Айзекс пишет: «Открытие Фрейдом динамики психической реальности положило начало новой эпохе психологического понимания... Он писал: «Мы полагаем, что Оно (Ид) находится в определенном контакте с соматическими процессами, принимает от них инстинктивные потребности и придает им психологическое выражение». По мнению сегодняшних авторов, психическое выражение и есть бессознательная фантазия... Не существует импульса, нет инстинктивной потребности или реакции, которые не переживаются как бессознательная фантазия». Так происходит даже в том случае, если сознательная мысль или действие совершенно рациональны и соответствуют реальности; не каждый сознательный импульс различается с бессознательным желанием и не каждое бессознательное желание противоречит цивилизованным стандартам или диктату необходимости.

Хотя Фрейд дал достаточно конкретные описания бессознательного, сходные по содержанию с приведенными выше, выводы, которые следовали из них, оставались подвешенными в воздухе, и, подобно другим теоретическим посылкам Фрейда, не были четко вплетены в ткань теории и техники. С одной стороны, понятно, что этот общий закон интуитивно используется многими аналитиками, которые в соответствии с ним стремятся найти бессознательное содержание за сознательными действиями и мыслями. Можно предположить, что подобный образ действия является логическим продолжением открытия Фрейдом бессознательного, однако на самом деле многие психоаналитики, не знакомые с техникой Мелани Кляйн, не работают согласно этому положению, и когда что-либо выглядит рациональным или «объективным», дальнейшее исследование его связи с бессознательным не проводится. Эта разница во взглядах может быть чем угодно, но только не академической проблемой или вопросом «альтернативных» методов. Рассматриваемый принцип имеет фундаментальное значение для описания роли

бессознательного в сознательной жизни. Когда мы понимаем эту фундаментальную разницу в точках зрения, мы понимаем также и то, почему некоторые аналитики так мало находят в материале своих пациентов, так мало интерпретируют, даже не осознают ситуации переноса до тех пор, пока пациент не выразит ее в прямом и сознательном обращении к аналитику и т. п. В подобном случае только часть того, что пациент говорит или делает, будет распутана психоаналитиком.

Задача аналитика в том, чтобы обнаружить и интерпретировать содержимое бессознательного, выдаваемого пациентом здесь и теперь, во время сессии. Как мы знаем, слова пациента могут быть, а могут и не быть формой, избираемой бессознательным для выражения; пациент будет действовать, равно как и говорить. Содержание фантазии, стоящей за действием и за речью, может быть раскрыто только после интерпретации, так что оно может быть полностью выражено в словах, как и должно быть. Фрейд подчеркивает значение интерпретаций и сравнивает пациента со студентом, который не видит в микроскопе ничего до тех пор, пока ему не скажут, что искать. Аналитик должен рассуждать следующим образом: «Что в бессознательном пациента нашло выражение во всем, что он показал мне сегодня?» Аналитик должен рассмотреть вопрос, является ли и может ли являться такая форма выражения нормальной или рациональной в повседневной жизни. Но даже в случае положительного ответа следует проследить бессознательные корни в той же степени, что при патологических проявлениях, если мы вообще стремимся к достижению целостности личности пациента. Этот момент имеет значение не только для техники, но, скорее, для теории и для прогресса нашего знания о психике. Вся полнота ее содержания, а не только явно невротические проявления, должны быть рассмотрены для того, чтобы получить полное теоретическое понимание законов, управляющих структурой и развитием личности в целом.

В этой книге рассматриваются вопросы, сосредоточенные вокруг самых ранних фаз психической жизни — первого года жизни человека — до появления сознания как понятийного мышления или способности к вербализации чувств и мыслей. Поскольку, как я отметила, понимание психической деятельности и развития в целом зависит от признания важности бессознательных фантазий как источника любого психического процесса, ясно, что этот примитивный аспект психической жизни будет действовать до развития высших функций. Сюзан Айзекс очень ясно показала, что у ребенка довольно много фантазий относительно того, что происходит с ним и внутри него. Работа Мелани Кляйн характеризуется признанием того, что психика функционирует прежде всего посредством фантазий, то есть психических и эмоциональных результатов импульсов, связанных с телесными объектами и действиями, которые являются ответами на значимые переживания удовольствия или боли. Не представляется трудным отразить влияние таких реакций на психические способности ребенка. Тот факт, что эти ощущения и их значение для него имеют мало или вообще ничего общего с объективной внешней реальностью в этой связи относительно малозначим, хотя и мешает нам составить суждение о психических (эмоциональных) процессах ребенка. Ребенок и взрослый научный работник представляют собой два противоположных полюса знаний и переживаний. Ребенок не имеет абсолютно никакого представления о внешнем мире, в то время как научный работник знает только его. Следовательно, у них нет ничего общего и они не могут общаться. Врожденные инстинкты ребенка заставляют его определять и придавать некоторое значение любому ощущению или переживанию, но ученый не способен распознавать или выделять такие значения, поскольку они не имеют связи с внешней или материальной реальностью. Только психоаналитик способен до некоторой степени перебросить мост, если он оценит состояние ребенка, рассмотрит его реакции, проигнорирует то, что игнорирует ребенок, а затем проверит результаты того, что ребенок демонстрирует. Поэтому мы стоим перед трудностью передачи наших выводов другим

коллегам с помощью письменного слова. Эта трудность преследует психоанализ с самого начала, но в данном случае она усугубляется тем, что у ребенка нет речи.

Предмет наших исследований младенцев состоит из эмоциональных элементов и их взаимоотношений, часто неразрывно связанных с телесными ощущениями, так что эмоции и ощущения являются неразличимыми переживаниями. Чувства человека часто переживаются в его «теле», так же как и в «душе», что напоминает нам об отсутствии реального разделения между ними. Но в то время, как мысли можно более или менее точно выразить словами, телесные ощущения в этом смысле намного более «неудобны». Хотя мы имеем слова для обозначения «эмоций», эти слова в общем случае обладают динамической способностью порождать личные ассоциации у читателя или слушателя, что делает их непригодными для научного использования. В аналитической ситуации это затруднение едва ли заметно. На самом деле ассоциированное эмоциональное содержание обычного языка делает его подходящим способом общения в кабинете аналитика. Абстрактные неэмоциональные модели мышления или выражения скрывают тревогу и являются защитами. Ситуация анализа детей по сути та же самая, хотя пропорция фантазий и чувств может быть иной. Мысли или содержание фантазий выражаются в игре, и чувства выражаются гораздо более прямо и интенсивно, чем у взрослых. Детский язык достаточно ярок и соответствует задаче. Маленький ребенок понимает гораздо больше, чем может сам выразить словами. Более того, его речью является в основном действие, игра.

Трудности возникают, когда мы становимся перед необходимостью сообщить наши результаты коллегам. Я иногда думаю, что читателями психоанализа создан невозможный стандарт — не первый из тех, которые требовались от психоанализа и которые невысказаны в других науках. С одной стороны, читатели, которые не знакомы с проделанной работой и используемыми техническими терминами, сражаются с «непонятным жаргоном», а с другой, то, что описано обычным повседневным языком человеческих чувств и переживаний, критикуется как ненаучное, недостаточно обобщенное.

Если говорить о выявлении эмоциональных ситуаций, в которых оказываются дети, трудности, на первый взгляд, покажутся еще большими, чем в случае со взрослыми, из-за отсутствия у детей средств выражения. Тем не менее, я уверена, что однажды это суждение будет признано сильно преувеличенным. У детей есть средства выражения, хотя, в сравнении со взрослыми людьми, они кажутся нам неадекватными. Возможно, именно это сравнение лишает нас возможности видеть их знаковый язык. По моему мнению, те, кто утверждает, что дети ничего не могут выразить, подобны тем, кто считает, что иностранцы не умеют разговаривать, на том основании, что не понимают их. Все, что требуется для изучения языка ребенка — достаточный интерес к его чувствам. Однажды выученный, он более прост для передачи, чем сложные и многозначные эмоциональные построения взрослых. Правда, природа вещей снова выступает помехой, хотя и не так, как у взрослых. Тем не менее, это не является непреодолимым препятствием для сообщения результатов другим исследователям. Более того, такие книги, как «Мать и дитя» М.М. Миддлмор и работы бихевиористской школы, многие из которых цитируются в главе 3, имеют существенную ценность в этой области. Кроме того, изучение интерпретаций детского поведения, сделанных Мелани Кляйн в главе 7, покажут, какой беспрецедентный вклад был сделан ее пониманием процессов расщепления, проекции и интроекции, характерных для младенческого возраста.

Тем не менее, существуют трудности в описании бессознательных фантазий: они легко производят впечатление нереальности и лжи. В качестве примера позвольте привести

внутренне-объектную фантазию персекуторного характера: женщина чувствует, что ее мать внутри нее, что, находясь в ее ушах или в желудке, мать злится и делает ее глухой или рвет ее кишечник. В другом случае мужчина чувствует, как опасный ревнивый отец внутри него делает его импотентом и ослабляет его до такой степени, что тот не может работать. В другое время пациент чувствует, что у него внутри «хорошие» (идеализированные) родители, наполняющие его чувством всемогущества, величия и собственной безупречности. Может показаться, что выражение таких идей словами само по себе вызывает чувство нереальности и фальшивости. Роль наблюдающего психоаналитика, предоставляющего возможную вербализацию подобных эмоциональных процессов, воспринимается в таком случае как чуждый элемент, обесценивающий их аутентичность. Этот феномен был описан Фрейдом следующим образом: «Происходит нечто, о чем мы совершенно неспособны составить представление, но, один раз войдя в наше сознание, оно может быть описано только таким способом». Следовательно, мы чувствуем, что такие фантазии не могут быть описаны словами, и что, поступая таким образом, мы уничтожаем их природу и сущность. Это суждение явно происходит из смешения понятий: вербализация как таковая есть психический процесс, слишком взрослый и слишком сложный, чтобы его можно было применить к такому содержанию. И снова, подобные утверждения еще не настолько общи, чтобы их можно было свести к абстрактным формулировкам. Они все еще слишком индивидуальны и специфичны. Глубоко личное и эмоциональное содержание ошеломляет и обесценивает бесстрастный, безличный вербальный отчет наблюдателя. Этой трудности можно избежать при помощи использования специальных терминов. Но нет и нельзя создать абстрактных терминов для описания конкретных ситуаций, подобных вышеприведенным примерам. Еще более важным является тот факт, что необходимая отстраненность таких описаний от человека и ситуации, в которой они были пережиты, лишает слова соответствующих эмоций, которые составляют реальность психических переживаний любого индивида. Поэтому в письменной форме такие описания создают эффект нереальности и безжизненности.

Существуют и другие причины, почему описания, подобные приведенным выше, неприемлемы для читателей. Поскольку предположения, подобные тому, что в бессознательных фантазиях мы имеем любимые или ненавистные фигуры, не относятся к физической реальности, существует тенденция отрицать их за недостатком объективности — здесь мы снова встречаемся с отрицанием реальности психических процессов (эмоциональных переживаний), с которым боролся Фрейд.

Налицо неспособность провести различие между достоверностью утверждений об эмоциональных фактах и содержанием утверждений о материальных физических фактах. С этим связано сильнейшее психологическое сопротивление против того, чтобы вытесненная бессознательная реальность стала осознаваемой. Такие предположения бросают вызов нашим моральным стандартам и нашему вкусу, равно как и представлению о физически возможном, поэтому мы стремимся отрицать их существование как невозможное. Бессознательные фантазии во многом «непроизносимы», а бессознательные эмоции «невыразимы». Но такие фантазии не являются патологическими для детей, хотя от дальнейшего развития зависит, придет ли ребенок к взрослой нормальности. Бредовый и «сумасшедший» характер этих фантазий, воспринимаемый нашим рациональным сознанием, происходит из того факта, что эти ранние эмоциональные переживания несут в себе зерна, которые в дальнейшем в некоторых случаях развиваются в психотические расстройства. Как следствие, они пробуждают у читателя тревоги, которые каждый из нас пережил в раннем детстве, вызывают из забвения опасности, которые были предотвращены и преодолены с болью и усилием в процессе нашего развития. Методы и защиты, использованные нами в этой борьбе, становятся интегральной и наиболее ценной

частью нашей личности, которая снова чувствует угрозу при столкновении с этими очень примитивными импульсами и опасностями.

Таковыми могут быть некоторые из причин непростого восприятия на слух или при чтении полных описаний событий, которые, возможно, никогда не были сознательными до аналитического опыта и никогда не вербализовались большинством людей любого возраста. Вызывая ужас и возбуждение у читателей, описания воспринимаются как лишенные объективности и беспристрастности. Как аналитики мы понимаем трудность справедливого отношения к нашим открытиям, сделанным с помощью заведомо неподходящих инструментов.

Вопросы, связанные с природой и функцией фантазий, их бессознательный довербальный характер и трудности, вытекающие отсюда для исследователя, приводят к депрессии. Я должна вернуться к рассмотрению фактического содержания этой книги. Четвертая глава Паулы Хайманн «Функции интроекции и проекции» является первым описанием этих процессов, специально посвященным изучению их самих, режимов их функционирования и их эффектов. Существование этих процессов было признано психоаналитической теорией с самого начала ее становления, проекция также является старым психиатрическим понятием. Но, как происходит почти с любым явлением, связь этих процессов с другими психическими феноменами не была прояснена на раннем этапе развития психоанализа. Роль, которую они играют в психической деятельности на протяжении всей жизни все еще не получила достаточного освещения как самостоятельная тема.

Мы можем догадываться о важности этих процессов на примитивных психических уровнях на основании знаний о ментальности «нецивилизованных» народов, полученных антропологами до возникновения психоанализа, и более поздних работ Рохейма и других авторов. Верования, действия и ритуалы примитивных племен очень полно демонстрируют принятие внутрь тела или изгнание из него соответственно хороших и плохих объектов, а также страхи, защитные и противодействующие мероприятия, связанные с этими процессами. То, что для дикаря является относительно осознаваемым и составляет нормальную часть жизни, стало сильнейшим табу для западного цивилизованного человека, хотя и продолжает играть существенную роль в христианской религии, например, во время обряда причастия. Психологическая потребность человека получать удовлетворение и облегчение путем «принятия внутрь хорошего» и выделения плохих и опасных компонентов подвергается сомнению в образованных кругах и рассматривается как «суеверие». Достаточно парадоксально, что эта потребность находит свое выражение в терминах ипохондрии, например, в настоятельной потребности поглощения исцеляющего «хорошего» в виде медицинского обследования или лекарств, загара и т. д., равно как и удаления плохого путем занятий спортом, принятия слабительных etc. . Скорее всего, вера в объективность медицинского мнения пересиливает страх перед суеверием. Но, как сказал Бэкон: «Существует суеверие, состоящее в избегании суеверий». Как бы там ни было, примечателен факт, что тенденция такой интенсивности, постоянно проявляющаяся в мириадах форм — не только телесных — в каждом человеке любого возраста, расы и уровня развития, не была распознана как таковая ни одним психологом.

Глава 4 представляет полное описание такого сложного предмета, как способы деятельности проекции и интроекции на ранних этапах жизни. Я не буду пытаться обобщать изобилие деталей или различных аспектов, содержащихся в статье, но упомяну несколько наиболее важных. Один раздел посвящен происхождению Супер-Эго. Роль, которую играет интроекция в становлении Супер-Эго, является лишь одним из примеров

ее действия, не считая заболевания меланхолией, признаваемого оппонентами Мелани Кляйн. Другое, уже упоминавшееся противоречие — аутоэротизм и нарциссизм против объектных отношений в первые месяцы жизни. Интернализированные объекты, которые образуются из продолжающейся интроекции внешних объектов, тесно связываются с удовлетворением (удовольствием в органах), получаемым телом самого ребенка в аутоэротизме. Для ребенка (в его фантазии) часть его тела, используемая для удовольствия, является комбинацией объекта и его самого (the self).

Важный раздел посвящен рассмотрению отношений между внешним и внутренним миром. Другой — осложнениям, которые касаются удовлетворения и тревоги, когда люди начинают восприниматься как индивиды (целостные объекты, мать, отец и так далее), и процессам проекции и интроекции в этих отношениях. В конце в этой связи обсуждается зарождение Эдипова комплекса.

В разделе, посвященном внутренним объектам, обсуждение ипохондрии используется как иллюстрация патологических конфликтов и фантазий о внутренних объектах. Это само по себе представляет большой интерес, особенно потому, что до открытий Мелани Кляйн это таинственное заболевание практически не имело объяснения.

В дополнение к этим чрезвычайно глубоким темам в главе представлены оригинальные воззрения Паулы Хайманн, проливающие свет на данный предмет. В нескольких случаях это приобретает форму демонстрации того, как противоречия между построениями Фрейда и Мелани Кляйн могут быть разрешены при ближайшем рассмотрении. Это касается, например, вопроса об объектных отношениях и аутоэротизме в первые месяцы жизни. Решение таково — аутоэротизм представляет собой отношение к объекту, но внутреннему. Кроме того, представленные выводы о развитии Эго включают в себя формулировки Фрейда по этому вопросу, а затем автор показывает, как его взгляды подтверждаются и в то же время значительно расширяются в связи с работой Мелани Кляйн. Анализ ипохондрии, о котором упоминалось выше, отражает ее собственные выводы по применению теории Мелани Кляйн.

Кроме этих конкретных моментов, Паула Хайманн делает в этой главе много ремарок и замечаний, которые высвобождают нас из тесных рамок дискуссии и открывают широкие перспективы. Например, развивая свое мнение об аутоэротизме, она говорит, что, хотя последний, несомненно, и представляет собой фазу развития, более правильно определить его как тип поведения. Эта формулировка, на мой взгляд, очень убедительна, поскольку она сразу устанавливает связь между аутоэротизмом и мастурбацией, двумя очевидными формами одного и того же процесса. Последняя, не ограниченная никакой стадией развития и практикуемая в любом возрасте, становится более понятной, чем это было до сих пор, если рассматривать ее как деятельность, имеющую отношение к внутренним объектам. Полная ненависти и деструктивная природа этого отношения к внутренним родителям продуцирует характерную вину, депрессию и фантазии самоповреждения, которые следуют за мастурбацией. Другим ее инсайтом является замечание в отношении «поглощения и выделения» (интроекции и проекции) и многочисленных феноменов подобного рода о том, что «у Природы немного моделей, но она неистощима в их вариациях».

Эта глава завершается примечанием, посвященном мифу о Нарциссе, в котором лучшие психоаналитические традиции интерпретации мифов соединяются с новой концепцией депрессии, т. е. извечного человеческого переживания печали и отчаяния в связи с потерей любимого, приводящего иногда даже к смерти.

Будет показано, что в этой главе много внимания, наряду с другими темами, уделяется специфическим вопросам формирования внутренних интернализированных объектов, хороших и плохих, с помощью интроекции и проекции. Поэтому в последующих главах вопрос обсуждается не так подробно и эти механизмы рассматриваются в конкретной взаимосвязи с интеграцией и развитием.

Пятая глава, «Регрессия», имеет, на мой взгляд, особый характер. Она самая простая, прозрачная и легкая для понимания во всей книге. Более того, тема фиксации и регрессии не связана с ранними фазами развития. Я могу предложить тем, кто не знаком с работами Мелани Кляйн, начать с этой главы, оставив на время в стороне детальное обсуждение переживаний ребенка в первые месяцы жизни. Каждый психотерапевт столкнется с проявлениями фиксации и регрессии, и эта глава не описывает неизвестной территории. Изначально в психоанализе фиксация считалась вызванной «застрявшим» вследствие фрустрации либидо. Здесь данный подход увязывается с понятиями, имеющими большое значение в работе Мелани Кляйн, а именно, тревогой и деструктивными импульсами. Обсуждение роли, которую играют эти факторы в общем явлении фиксации и регрессии, предоставляет возможность ясно увидеть тот способ, которым ее взгляды дополняют более ранние формулировки и намечают разумный подход к ранее неразрешимым проблемам. Например, типичные конфликты и склонность к регрессии у женщин во время менопаузы описываются для того, чтобы проиллюстрировать общее положение: «Именно возрождение примитивных деструктивных целей является главным причинным фактором вспышки психического заболевания».

Следующие две главы, 6 и 7, взаимно дополняют друг друга. Первая из них представляет теоретические выводы из работы Кляйн, а вторая иллюстрирует эти выводы ссылками на фактический опыт наблюдения за детьми. Это комбинированное изложение носит характер всеобъемлющего обобщения сегодняшних взглядов Кляйн на ранние стадии развития. Образ ребенка, который здесь возникает, включает биологические процессы, деятельность инстинктивных влечений в организме и показывает их психологические проявления в виде тревог более ясно, чем когда бы то ни было. Способ, которым расщепление, интроекция и проекция служат деятельности инстинктивных потребностей и используются в качестве защит против них, является частью этого образа. Психические выражения этих влечений — зачатки значений и фантастическое (эмоциональное) содержание пробуждающейся психики — приобретают для нас более детализированную форму: это больше не «неясная и туманная сфера». Мы видим начало Эго-формирования и Эго-деятельности в их связи с инстинктивными влечениями и процессами интроекции и проекции, а также начало формирования объектных отношений, протекающее параллельно с ранней аутоэротической и нарциссической фазами, по Фрейду. Эти очень ранние фазы вскоре замещаются, хотя и не уничтожаются объектным отношением к человеку (целостному объекту), в котором переживается типичная амбивалентность аффектов. Это погружает ребенка в переживание вины, депрессии и заботы об объекте, теперь уже отличном от Эго. Интересным моментом является предположение о том, что сила (или слабость) раннего механизма расщепления влияет на развитие вытеснения (regression). Становится понятно, что высокая степень недоступности бессознательного, встречающаяся у шизоидов, вырастает из силы раннего процесса расщепления. У людей, которые развивались более успешно и более близки к полной зрелости, психика более «проницаемая», и у них гораздо более развита способность к инсайтам и способность удерживать их. Инсайты не отщепляются снова и снова.

Важность, которую имеют для психиатрии факторы, описанные Мелани Кляйн, станет очевидной; я вернусь к этому позже. Другой аспект ее работ проявляется в приложении к практике психоанализа. В последнее время теоретическая работа Мелани Кляйн оставляла

ей мало времени для рассмотрения техники в письменных трудах. Здесь она сделала исключение. Одно из примечаний к главе 6 указывает на необходимость раскрытия персекуторных аспектов аналитика в психике пациента и на серьезную опасность того, что аналитик может позволить сопутствующим идеализируемым аспектам маскировать и сужать сильную тревогу и негативные тенденции. В этом случае последние под поверхностью переноса будут мешать терапевтическому прогрессу. В этой главе Мелани Кляйн также кратко касается темы маниакальной защиты — другого важного момента техники. На самом деле, с определенной точки зрения, она представляет собой ту же проблему, что и упомянутая выше. Суть маниакальной защиты на ранних стадиях развития вытекает из ее особой связи с депрессивными тревогами. Здесь речь не идет о новом механизме, но о том, что механизмы отрицания, идеализации, расщепления и контроля за объектами, внешними и внутренними, используемые на предыдущей фазе для противодействия персекуторной тревоге, теперь используются более сильным Эго для противодействия депрессивной тревоге, т. е. фантазиям, в которых любимый объект ощущается как страдающий, терпящий ущерб и находящийся в опасности. Такие чувства и фантазии маниакальным методом отщепляются, отрицаются и подавляются. Таким же образом могут подавляться все чувства, все эмоциональные взаимоотношения и на дальнейших стадиях развития доминирует циничное или безразличное отношение к любимому человеку. Это отношение типа «все равно» может привести к удушению всех чувств любви, включая вину и заботу об объекте, и проявиться как неспособность любить.

Следующая глава 7 «О наблюдении за поведением младенцев» содержит детальное обсуждение различных типов реакций детей на постнатальные ситуации, начиная с самых ранних, которые в основном состоят из реакций на грудь. Используя различные эмоциональные состояния у детей в качестве иллюстраций, Мелани Кляйн показывает, как персекуторная фантазия «плохой» груди проявляется в реакциях ребенка и как с помощью удовлетворения ребенок успокаивается и интроецирует «хороший» объект (грудь, мать). Тот же метод демонстрации используется по отношению к различным видам депрессивной тревоги, которая доминирует, начиная приблизительно с трех месяцев. Изложенные случаи наиболее значимы в смысле их влияния на теоретические заключения. Примечательно то, что описанные ситуации и случаи объясняются в терминах объектных отношений (внешних и внутренних). Эта детальная картина поведения детей становится убедительным вкладом в теорию Мелани Кляйн о функции и ключевой значимости объектных отношений у младенцев.

Описание типичных переживаний ребенка сводится к примерам высказывания эмоций, от самых первых дней жизни до начала ходьбы, например, удовлетворения и счастья или недостатка и потери (депривации), связанных с тревогой и ужасом. В целом читатель убеждается в колоссальном значении, которое имеет на этой стадии развития «получение и обладание» и «потеря и нехватка»; эмоциональная жизнь состоит из этих двух переживаний и ни из каких других. Понятно также, что получение и обладание поощряется почти с самого начала поиском, нахождением, овладением, перемежающимися с периодическими потерями. Этот ключевой паттерн проходит красной линией через все последующие стадии развития ребенка, вначале в отношении к бутылочке или груди, затем в отношении к матери как личности, к своему собственному телу, к игрушкам, к отцу и другим людям, а после отнятия от груди — к другой пище, новым людям, новым видам активности. Паттерн остается одним: поиск, обнаружение, получение, владение с удовлетворением, и потеря, нехватка со страхом и потрясением. Очевидно, что когда этот факт во всей его важности станет признанной частью общего знания, условия, влияющие на развитие детей, существенно улучшатся и может быть достигнуто сопутствующее уменьшение интенсивности персекуторной и депрессивной тревоги, которой они подвержены. Это с необходимостью приведет к усилению

способности избегать и преодолевать невроты и трудности в адаптации, достичь более полной зрелости, чем это имеет место в целом сегодня.

Приведенные примеры очень ясно показывают различие между двумя разновидностями тревоги (персекуторной и депрессивной) и могут помочь читателю или студенту в этом моменте. В заключительном примечании к статье Мелани Кляйн цитирует высказывание Фрейда о реакции ребенка на отсутствие матери. По его мнению, очень маленький ребенок не может чувствовать потерю матери как потерю ее любви или почувствовать ее злость. Мелани Кляйн считает, что ребенок воспринимает отсутствующую мать как плохую (злую, преследующую). Однако в том же контексте (1926) Фрейд ставит вопросы: «... Когда же сепарация от объекта приводит к возникновению тревоги, когда — к возникновению скорби, а когда — к одной лишь боли? Сразу же хочу сказать, что в настоящее время мы не в состоянии однозначно ответить на этот вопрос». Тем не менее, ответ был получен Мелани Кляйн: персекуторная тревога является страхом Эго за самое себя, в то время как повреждение или уничтожение хорошего объекта (потеря его) отрицается; депрессия и траур представляют собой в основном реакции Эго на страх за любимый объект, которому грозит уничтожение и потеря, в эту реакцию включается страх за Эго. Боль должна, естественно, входить в обе эти реакции, но если бы мы были способны представить себе чистую боль без страха или тоски, мы могли бы сказать, что она возникает при потере любимого объекта, который не был поврежден. Это, однако, слишком сложное построение для примитивных уровней нашей психики; оно возможно лишь при помощи различных сложных процессов расщепления.

Глава 8 «Тревога и вина» проясняет все важные вопросы, связанные с тревогой и виной, о которых можно сказать, что они являются стержнем работы Мелани Кляйн. Ни одна проблема не рассматривалась ею без взаимосвязи с тревогой, но это первая статья, полностью посвященная тревоге как таковой в ее различных формах. Именно этот аспект работы Кляйн подвергался критике, о чем упоминалось выше, поскольку ее предложения, хотя и выросли непосредственно из работ Фрейда, ни в коем случае не дублировали их, а иногда и прямо противоречили им. По мнению Мелани Кляйн, тревога рождается как непосредственная реакция инстинкта жизни на силу инстинкта смерти в организме, предположение, которое Фрейд явно отвергал; тревога принимает две дифференцированные формы: одна — персекуторная, вторая — депрессивная.

Этот взгляд на тревогу имеет свои корни в накопленном опыте анализа детей. Обращаясь к гипотезе инстинкта смерти, Кляйн пишет: «Когда в процессе анализа оживляются и повторяются самые ранние тревожные ситуации детей, врожденная мощь инстинкта, первично направленного против Эго, проявляет себя с такой силой, что его существование не вызывает сомнений». Глава продолжается детальным рассмотрением различий между двумя формами тревоги, персекуторной и депрессивной, показывая связь вины с последней, то есть с любовью и заботой о поврежденном объекте. Эта дискуссия имеет особое значение для психоаналитической практики. Важным практическим моментом является способность различить, от какого вида тревоги страдает пациент в данный момент. В этой связи Мелани Кляйн упоминает о том, как часто персекуторный аспект выходит на первый план, как экран и защита против лежащих глубже депрессии и вины.

Это исследование проблемы тревоги показывает в новом свете гипотезу Фрейда о слиянии и взаимодействии двух первичных инстинктов. Эта концепция в его представлении остается весьма теоретической. Для обучающегося не так легко перевести ее в термины переживаний. В этой статье Мелани Кляйн описывает роль либидо в снижении уровня тревоги, в частности то, как творческие и созидательные импульсы, принимая энергию

репаративных инстинктов, рождающихся из депрессивной тревоги, составляют фундамент стабильной и безопасной психической жизни.

Глава 9 несколько выделяется из общего ряда. Книга в целом призвана составить общее представление о взглядах Мелани Кляйн на раннее развитие; в то же время эта статья, «Замечания о некоторых шизоидных механизмах», увидевшая свет в 1946 году, впервые рассматривает ее новые и более поздние выводы, которые большей частью не совпадают с основной линией, которая проводится в остальных главах. Основная тема здесь — расщепляющие механизмы, характерные для примитивных психических уровней, которые до некоторой степени были рассмотрены в ее предыдущих работах, но не исследовались отдельно как таковые.

Расщепляющие механизмы рассматриваются в основном как средства, с помощью которых самые ранние виды тревоги удерживаются в узде. Их прототип, если можно так выразиться, разделяет грудь надвое, на «хорошую» и «плохую», т. е. расщепляются объекты и аффекты Эго (любовь и ненависть), направленные к этим объектам. Из этого первичного расщепления развиваются два примитивных вида объектов (идеализируемый и преследующий), а также два соответствующих отношения к ним. Происходит также расщепление внешней и внутренней реальности, тот же механизм действует по отношению к эмоциям, при этом они могут частично или полностью отрицаться. Тревоги, которые возникают в раннем детстве, и являются характерными для психозов у взрослых, толкают Эго к развитию этих защитных механизмов; точки фиксации позднейших психотических расстройств возникают именно в этот ранний период, а подобные тревога и защиты являются симптоматичными для позднейших шизофрении и паранойи.

Понимание механизмов проекции-интроекции, особенно в их отношениях с деструктивными импульсами, проливает свет на происхождение самых глубинных тревог параноидно-шизоидной природы. Инсайт в отношении защитных механизмов расщепления открывает путь к пониманию спутанности, кататонии и других психотических состояний. Дело выглядит таким образом, что эти формы психической активности, нормальные для раннего детства, являются как бы частью нашего животного наследия и должны быть прожиты в онтогенезе на пути к «высшему развитию», точно также, как физическое развитие проходит ряд этапов в начальном периоде жизни. Аналогия, тем не менее, не может быть полной, поскольку эти стадии развития — более, чем просто следовые остатки в полностью развитой психике, и могут быть до определенной степени активированы даже у самого зрелого взрослого.

Обсуждение касается в основном вопроса расщепления, происходящего в Эго. Рассматривается природа раннего Эго, которое представляется имеющим неинтегрированный характер. Под давлением интенсивной тревоги (происходящей из инстинкта смерти) отсутствие «сцепления» в Эго может привести к его «дроблению». Эта дезинтеграция является основой последующей дезинтеграции при шизофрении. Механика процесса явно сходна с той, которая наблюдается во время войны, когда требуется пережить опасности заключения и минимизировать чувство потери. Результат действия этих процессов на Эго может быть вредным, если они заходят слишком далеко, например, если агрессивные импульсы слишком сильно отщепляются, отрицаются и т. д., происходит обеднение Эго, поскольку многие желательные качества — потентность, сила, знание — тесно связаны с агрессией.

Другой важной темой является концепция «проективной идентификации», которая представляет собой фантазию внедрения всей или части самости внутрь объекта для

обретения власти и контроля над ним, то ли в любви, то ли в ненависти. Эта фантазия, по всей видимости, тесно связана с явлениями деперсонализации и клаустрофобии.

Исследование этих ранних тревог и защит привело к существенному продвижению в понимании определенных психических процессов, которые, будучи оживлены регрессией, составляют ядро психотических расстройств, а в других случаях являются частью нормального психического развития. Этот аспект работ Мелани Кляйн вызвал к жизни сильную оппозицию на том основании, что она рассматривает младенцев как психотиков. Такое заявление, на самом деле, не имеет оснований, напротив, ее наблюдения и выводы впервые проливают свет на процессы, с помощью которых происходит нормальное развитие, равно как и на ранние истоки психических расстройств. Ее открытия, ставшие возможными благодаря «игровой технике», которую она использовала для анализа маленьких детей, имели, в свою очередь, влияние на технику, используемую в анализе взрослых ее последователями и самой Мелани Кляйн. Более полное понимание типично психотических механизмов сделало возможным обнаружение и интерпретацию малых или маскированных их форм, имеющих место у большинства, если не у всех невротиков. По мнению Мелани Кляйн, такой механизм, как расщепление, реализуется даже у нормальных людей в форме преходящей диссоциации или забывания. Следовательно, в каждом анализе, особенно у маленьких детей, у которых эти процессы очень активны и могут неблагоприятно влиять на их умственное и эмоциональное развитие, равно как и у людей, страдающих тяжелыми психическими расстройствами, нововведения в технике приводят к неопределимым результатам. Тот факт, что с помощью этих методов еще одна группа пациентов становится пригодной к лечению, заслуживает внимания всех психиатров.

Статья весьма насыщена, а если принять во внимание новизну и неизвестность большей части ее содержимого, довольно трудна для усвоения. Тем не менее, ее изучение приносит большую пользу: каждый аналитик, читая ее, вспомнит многое из своей практики и найдет эту работу весьма стимулирующей.

В 10 главе Паула Хайманн приводит общие рассуждения по многократно обсуждавшейся теме инстинкта смерти. Эта тема получила сравнительно небольшое освещение в психоаналитической литературе, если принять во внимание то значение, которое она занимает в работах Фрейда. Этим предметом пренебрегают. Вместе с тем, он принадлежит к категории положений, которые находят выраженный отклик — принятия или отвержения — у обучающихся психоанализу. Возможно, это пренебрежение отчасти связано с тем, что, по мнению самого Фрейда, эта концепция в настоящее время не может рассматриваться как определенная и очевидная. Непосредственное наблюдение того, что маленькие дети чувствуют в себе разрушительные силы, сделанное Мелани Кляйн, для меня служит прямым доказательством истинности упомянутой концепции. Паула Хайманн собрала воедино много других соображений по этому вопросу, как почерпнутых из практики, так и основанных на теории. Она подчеркивает тот чрезвычайно важный факт что повторяющаяся компульсия действует против принципа удовольствия. Она демонстрирует, как различные теории, рассматривающие природу тревоги, могут быть примирены при помощи концепции инстинкта смерти. Важность имеющейся в обыденной жизни потребности в ненависти, в поиске реальных или воображаемых «плохих» фигур, объясняется потребностью в выражении деструктивных сил. Приводится очень интересный анализ возможной обусловленности сексуальных убийств. Эти и другие моменты, обсуждаемые в главе, представляют собой важный вклад в решение проблемы, которая до сих пор игнорировалась. Теория может быть принята или отвергнута лишь в процессе проверки ее использования.

Развитие психоаналитического знания, которое и составляет большую часть содержания этой книги, как и все генетические исследования, движется во времени вспять, т. е. в противоположном направлении по отношению к движению жизни индивида. Первые попытки в научной психологии сводились к исследованию поверхностного, сознательного, взрослого в психических процессах. Даже и тогда изучением гипнотизма уже обозначали существование менее очевидных психических процессов. Затем открытия Фрейда одним махом обнаружили то, что лежит за взрослым и сознательным, а именно силы бессознательной психической активности и их тесную связь с психологией ребенка. Бессознательная психика, действуя в каждом взрослом и, оставаясь при этом незаметной для него, является, вообще говоря, ментальностью ребенка. Чем больше мы продвигаемся в познании ее и ее развития, тем дальше мы погружаемся в прошлое индивида, а наши открытия становятся все более чуждыми сознательному, взрослому и тому, что мы называем рациональной формой психической жизни.

Так прогресс, достигнутый в наших знаниях благодаря работам Мелани Кляйн, уводит нас очень далеко в неисследованное прошлое индивида, в то время, которое Фрейд называл «темной и туманной эрой» детской психики, когда еще нет слов, т. е. приблизительно в первый год жизни. Это заявление ни в коем случае не призвано снизить ценность совершенно новых и революционных исследований этого периода, сделанных Фрейдом, Абрахамом, Джонсом или Ференци: оральная фаза развития либидо, теория проекции, каннибалистические и анальные фантазии, существование и значение интроекции. Изолированные наблюдения, сделанные этими пионерами, рассказывают нам о неизведанной территории, которую еще предстоит изучить. Мелани Кляйн сделала довольно обширный ее обзор. Однако ее карта остается не более, чем макетом. Детали и исправления ждут своего часа. Теперь мы имеем цельную картину вместо изолированных и относительно непонятных фрагментов. И это высказывание также не обесценивает важную и ценную работу, сделанную бихевиористской школой в отношении этого раннего периода детской жизни, с ее детальными описаниями развития различных функций и способностей, приблизительной даты их появления и так далее. Связь этих результатов с физиологическим развитием является не менее значимой сферой исследований. Но такие исследования сами по себе значат немногим более, чем простое перечисление очевидных проявлений психической жизни, и не проливают свет на самые ранние формы деятельности нашей психики как таковой.

Эта область знания сама по себе является закрытой книгой для всех научных подходов. Закрытой до такой степени, что, как известно, для многих психологов (и даже для некоторых психоаналитиков) истинным является положение об отсутствии у ребенка психики и психических процессов до тех пор, пока он не научится выражать их аудиально или визуально таким образом, который понятен взрослому. Однако всегда существовали люди, которые имели диаметрально противоположное мнение. Они не являются учеными и почти так же не способны четко выразить свои переживания, как и дети. Я, естественно, имею в виду тех одаренных интуицией матерей и воспитательниц, которые всегда принимают как данность то, что дети «чувствуют», «думают» и «знают», реагируют эмоционально, т. е. психологически, на все, что с ними происходит и что с ними делают. Поскольку знания этих чувствительных женщин не могут быть сведены к нескольким основным принципам, изложенным в определенном порядке, их интуитивное понимание, как я уже сказала, подвергается сомнению или даже отрицается учеными. В работах Мелани Кляйн, последовавших за фрейдовским открытием бессознательной психики и ее истоков в детстве, впервые открывается для научного изучения этот мир явлений — психика человека в первые год-два жизни — со всем его значением для последующего развития.

2. О происхождении психического конфликта в раннем младенчестве

Целью этой статьи является краткое обобщенное описание самых ранних процессов психологического развития ребенка, а именно проблем орально-садистических влечений и сопровождающей их тревоги, а также базовых защитных механизмов против них, вырабатываемых Эго на этой стадии развития. Особое внимание будет уделено защитной функции проекции и интроекции.

Ясно, что более полное понимание действия этих факторов в первые год или два прольет свет на раннее развитие в целом и тем самым прояснит некоторые темные места в развитии Эго и происхождении Супер-Эго, равно как и в их связи с детской сексуальностью и развитием либидо. Любое заявление о том, что психоанализ способен дать понимание Эго-структуры взрослых и детей более старшего возраста, необходимо предполагает возможность проследить ее развитие вспять к самым истокам. Понимание тревог и защит, которые возникают в Эго в ходе самых ранних объектных отношений ребенка, должно, следовательно, иметь особое значение для всей психоаналитической работы. Подобная ориентация статьи не имеет целью обесценить важность развития либидо или либидинозных процессов как таковых. Напротив, важность взаимодействия и связи между Эго и развитием либидо лишь сильнее высвечивает принципиальную важность инфантильных либидинозных потребностей для психического развития в целом.

Пионерская работа Мелани Кляйн в Британском психоаналитическом обществе, в частности, была направлена на изучение этих проблем и, на мой взгляд, прямо или косвенно влияла на работу всех его членов в последние годы. Тем не менее я должна четко сказать, что одна отвечаю за все положения, выдвигаемые здесь. Кроме попытки представить как целое многие из теоретических выводов, сделанных нашими членами, статья является также моей персональной попыткой связать вновь полученные данные в полезную теоретическую гипотезу. Я должна отказаться от стремления доказать взгляды, представленные здесь. Я также не могу рассматривать их как полностью определенные и установленные. Я могу утверждать, что моя гипотеза основывается на всех открытиях Фрейда и не противоречит ни одному из основных принципов, выдвинутых им. Но она расширяет эти принципы в некоторых направлениях, которые сам он предпочел не разрабатывать. В работе «*Inhibitions, Symptoms and Anxiety*», рассматривая отношения между тревогой и симптомами, Фрейд тщательно описал требования Эроса, но не уделил никакого внимания требованиям другого мощного первичного инстинкта (инстинкта смерти) и его связи с тревогой. Ситуации тревоги, произрастающие из взаимодействия агрессии и либидо, формируют отправную точку большей части работ английских аналитиков.

Мы знаем, что никакие психоаналитические факты и законы не могут быть доказаны письменно. Я сама работаю со взрослыми и могу сказать, что эта работа предоставляет серьезные доказательства истинности выводов о ранних стадиях развития. Мы можем предположить, в соответствии со всем полученным материалом, что оральные и каннибалистические импульсы, имеющие отношение к очевидным эдипальным ситуациям, формируются во время использования оральной функции в качестве объектного отношения. Конкретное содержание аналитического материала, доступного сегодня, и его изобилие позволяют нам сформулировать по меньшей мере экспериментальную гипотезу относительно того, что происходит в первые месяцы и годы жизни и как это увязывается с тем, что мы знаем о психическом развитии в этот период. Даже наиболее значимые части Эдипова комплекса, мощные сексуальные и агрессивные импульсы и фантазии вряд ли можно считать доказанными, равно как нельзя утверждать,

что их существование установлено, лишь с помощью вне-аналитических наблюдений. Из этого не следует, что, если ребенок не может выразить свои чувства так, чтобы мы их понимали, у него их нет. На самом деле, это обстоятельство может быть одной из причин особой чувствительности к этим ранним переживаниям и их значимым последствиям. Выводы об импульсах и конфликтах, возникающих в период, когда у ребенка нет почти никаких средств для их прямого выражения, должны основываться на аналитическом доказательстве повторяемости — это единственный источник знания о бессознательном содержании психики, существующем до того, как сознание и память разовьются в полном объеме.

Психическая жизнь ребенка в первые недели является нарциссической по характеру и управляется принципом «удовольствие—боль», в то время как Эго представляет собой телесное Эго. Это — стадия первичной идентификации; нарождающаяся психика еще не подозревает о существовании внешнего мира. Болезненные стимулы, как внутренние, так и наружные, удовлетворяют Эго, либо вызывают неудовольствие, например, голод или телесную боль, вызванную спазмами или вздутием (внутренне), шумом или потерей поддержки (внешне). Отпечатки болезненных переживаний родов сменяются более продолжительными периодами удовлетворения, которое воспринимается нарциссически. Во многих своих работах (особенно в статье «Влечения и их судьба») Фрейд описывал как примитивное Эго реагирует на удовольствие и неудовольствие. Оно стремится сохранить удовольствие-Эго в неприкосновенности, идентифицируясь с приятными стимулами и диссоциируясь от всех болезненных. Всемогущество психики внутри самой себя, в субъективном мире, позволяет сделать это.

Фрейд дал нам это общее описание психической деятельности. Но эволюция психики от этой стадии до генитальной организации либидо, разрешения Эдипова комплекса и полного развития Супер-Эго не была прослежена во всех деталях, и мы не можем утверждать, что генетическая непрерывность между первыми и последними стадиями удовлетворительным образом представлена в психоаналитической теории.

Работы Мелани Кляйн и ее последователей показали, что психические процессы проекции и интроекции имеют гораздо большее значение и оказывают более существенное влияние на каждую из стадий психического развития, чем это считалось до сих пор. Мы полагаем, что описанная Фрейдом примитивная нарциссическая стадия представляет собой фундамент, на котором развиваются все указанные процессы. Сам Фрейд связывал уничтожение болезненных стимулов с процессом проекции. Как только несущие удовольствие «хорошие» состояния отделяются от болезненных «плохих», хорошие ощущения и состояния психологически передаются Эго, а плохие отвергаются и удаляются. Я делаю вывод, что этот ранний психологический процесс смоделирован по образцу процесса, поддерживающего жизнь на физиологическом уровне, а именно метаболизма. Фрейд связывал нарциссическую стадию с функцией сна. Я предполагаю, что психологическая интроекция смоделирована как принятие внутрь «хорошего» питания, в то время как проекция следует физиологической модели выделения излишних продуктов с помощью экскреции. Мы должны помнить, что этот нарциссический душевный мир является «галлюцинацией», основанной на ощущениях и управляемой чувствами (под властью принципа «удовольствие—боль»), совершенно аутистичной, лишенной не только объективности, но и прежде всего объектов. С точки зрения всемогущества, вся ответственность лежит на самости и причинная обусловленность протекает изнутри личности.

Я сказала, что этот мир лишен объективности, но с самого начала в нем существует стержень и основание для переживания объективности. Это основание может состоять

только из телесных ощущений. Переживания телесного удовольствия или боли, даже нейтральное ощущение, если оно достаточно интенсивно, скорее всего, регистрируются как таковые и, несомненно, составляют реальность, которую ничто не в силах поколебать или уничтожить. (Такие безошибочные и объективно истинные ощущения могут формировать более поздний психологический механизм проверки реальности.) Я хочу особо подчеркнуть, что с самого начала жизни, согласно собственной гипотезе Фрейда, психика реагирует на реальность собственных переживаний с помощью интерпретации их — или, скорее, ошибочно интерпретируя их в субъективной манере, что увеличивает удовольствие и охраняет ее от боли. Этот акт субъективной интерпретации переживания (опыта), который осуществляется с помощью процессов проекции и интроекции, Фрейд называл галлюцинацией; он составляет основу того, что мы называем жизнью фантазий. Жизнь фантазий индивида, таким образом, становится способом, с помощью которого реальные внешние и внутренние ощущения и восприятия интерпретируются и становятся доступными индивиду в его собственной психике под влиянием принципа «удовольствие—боль». (Мне кажется, что стоит лишь на мгновение задуматься, чтобы понять, что, несмотря на значительный прогресс, достигнутый человеком в приспособлении к реальности, эта примитивная и элементарная функция его души — ложная интерпретация восприятия для собственного удовольствия — все еще играет существенную роль даже в умах большинства цивилизованных взрослых.) Однако в самом начале реальность целиком интерпретируется ложно, восприятие существует, но его интерпретации полностью ошибочны. Я хочу привлечь ваше внимание к тому, что жизнь фантазий никогда не является «чистой фантазией». Она состоит из истинного восприятия и ложных интерпретаций; таким образом, все фантазии представляют собой смешение внешней и внутренней реальности.

По мере развития органов восприятия ребенок начинает осознавать внешний мир вокруг себя и начинает локализовать раздражители (параллельно с этим из телесного Эго начинает формироваться собственно Эго и начинается топографическая дифференциация психического аппарата). Но психический ответ ребенка на внешние стимулы на время остается таким же, как прежде; приятные внешние раздражители он ошибочно воспринимает как часть себя самого, а неприятные отбрасывает и аннигилирует. И это, по моему мнению, может служить фундаментом для психического процесса смещения. Физический сенсорный аппарат ребенка способен правильно локализовать раздражители, но его психический аппарат смещает их для достижения компромисса. Это смещение объектов, стимулирующее любовь или ненависть, а также размещение их, соответственно, «во мне» или «не-(во)-мне», может быть предшественником смещения аффектов, знакомого нам. Первым внешним объектом является грудь, и мы предполагаем, что именно она является первой вещью, которая воспринимается как внешняя по отношению ко «мне», хотя наряду с этим восприятием она психически включается в «меня». Я полагаю, что инкорпорация молока и временная инкорпорация соска являются не просто физическими прототипами интроекции, но что аффективная переоценка этой инкорпорации стимулирует и интенсифицирует как психический процесс абсорбции впечатлений в личность (интроекцию), так и активность фантазматической жизни, связанной с инкорпорацией объектов. Это, по моему мнению, объясняет тесную связь, которую мы постоянно находим между оральным либидо и интроекцией. Сосок с вытекающим из него молоком, удовлетворяющий как внешний, так и внутренний локус желаний (рот и желудок), в то же время обнаруживается нами в качестве самого раннего прототипа более поздних видов удовлетворения у обоих полов, неважно, насколько различных по характеру. Так, все более поздние источники удовлетворения, следуя этому механизму, в фантазии снова смещаются и интернализуются в «меня» — процесс, соответствующий интроекции.

Но мы должны учитывать случаи неудовольствия, достаточно сильного, чтобы преобладать и побеждать нарциссическое всемогущество. Я возьму случай, в котором удовольствие минимально. Существует проблема ребенка, который не будет сосать грудь, или крайний случай больного ребенка, брошенного или слишком истощенного. Состояние такого ребенка обычно депрессивное; он явно не получает никакого удовлетворения. Более того, мы могли бы сказать, что «в нем нет жизни». Он явно ближе к смерти, чем вожделеющий ребенок, который кричит. Я считаю, что Эго такого ребенка переживает реальность его состояния, его близость к смерти и опасность сил инстинкта смерти, действующего внутри него, а также свою беспомощность перед их лицом. Его тело не имеет достаточно жизни (Эроса), чтобы сделать возможным слияние, достаточно сильное для разрядки инстинкта смерти наружу в агрессивном акте крика, который призвал бы на помощь. Я полагаю, что такая беспомощность против внутренних деструктивных сил представляет собой наибольшую психическую ситуацию опасности, известную для человеческого организма и что эта беспомощность является глубочайшим источником тревоги для человека. Это соответствует «травматической ситуации» (Фрейд) или «преэдиальной первичной тревоге» (Джонс). Фрейд писал (в «*Inhibitions, Symptoms and Anxiety*», р. 106), что ребенок переживает как опасные те состояния, в которых «он беспомощен в отношении накапливающегося напряжения». Он связывал эту опасность с позднейшей кастрационной тревогой, и об этом он говорил: «крайняя форма этой тревоги (равно, как и связанной с Супер-Эго) мне представляется как страх смерти (тревога за жизнь)». Однако Фрейд отрицал наличие страха смерти у младенца, даже во время рождения. Он говорил: «Мы наверняка не можем предположить у новорожденного ничего, приближающегося к знанию о том, что его жизнь может исчезнуть». Я не предполагаю, что у ребенка может быть какой-то «вид знания». Но я считаю, что есть основания для предположения, что ребенок может переживать чувства определенного рода, так же, как любой взрослый может чувствовать себя «как будто мертвым», а состояние сильной тревоги часто именно таково. Я думаю, что данная моя гипотеза приемлема, хотя некоторые из нас могут считать, что она несовместима с другими положениями теории Фрейда, хотя и доказала свою ценность в разрешении многих проблем нашей практики.

Я возьму другой типичный ответ на переживание сильного неудовольствия — на этот раз острой, а не постоянной подострой депривации. Типичная реакция ребенка, например, на острый голод включает в деятельность все его тело: крик, раскачивание, судороги, удары, спазматическое дыхание, выделения — все явные признаки сильнейшей тревоги. Аналитические данные без всяких сомнений указывают на то, что реакция на накопившиеся напряжения ощущается как агрессивный разряд, как мы видим во всех случаях. Если эта реакция приносит требуемое удовлетворение, нарциссическая фантазия восстанавливает свою власть. Но если желанная грудь не появляется и агрессия ребенка доходит до пределов возможностей его тела, этот разряд, который автоматически следует за болезненными раздражителями, сам становится сильнейшим источником неудовольствия. Ребенок задыхается и хрипит, его глаза ослеплены слезами, уши оглохли, горло болит, прямая кишка сжата, испражнения раздражают его кожу. Агрессивная реакция — слишком сильное оружие в руках такого слабого Эго, она становится неконтролируемой и угрожает уничтожить ее владельца. Такие телесные переживания являются реальными и оставляют свой отпечаток в Эго, как показывает аналитический материал. Этот след нельзя стереть или уничтожить; хотя психика постоянно использует свой нарциссический метод, проецируя все подобные ощущения вовне «меня».

Более того, сильное выражение агрессии в конце концов приводит ребенка к состоянию беспомощного истощения и безжизненности, подобное тому, которое наступает в

результате постоянной депривации (Эрос на какое-то время полностью израсходован.) Конечный результат агрессии, направленной вовне, если она не задерживалась и не контролировалась, снова приводит к развитию наихудшей из возможных ситуаций, очень близкой к смерти. Таким образом, по моему мнению, с самого начала внутренние силы инстинкта смерти и агрессии ощущаются как кардинальная опасность, угрожающая организму. Несмотря на все сложности и даже противоречия, я убеждена, что тревога, связанная с беспомощностью перед лицом внутренних деструктивных сил (сильное истощение Эроса внутри организма), составляет основной паттерн всех последующих видов тревоги. Далее все последующие психические достижения строятся на этом фундаменте и внутри них может быть обнаружена эта ситуация в качестве стержня; т. е. следующие этапы развития являются не просто приспособлением к внешней реальности и изменяющимся потребностям организма, но одновременно представляют собой средства защиты от первичной ситуации опасности, которая существует в самых глубинах Эго. На мой взгляд, любые психические достижения, а не только невротические симптомы, являются компромиссами и представляют собой взаимодействие Эроса и Танатоса, они обслуживают потребности либидо и удовлетворяют требования инстинкта смерти, а также стремятся охранять Эго от влияния обоих инстинктов до той степени, до которой те представляют для него опасность.

До тех пор, пока существует первичная идентификация и грудь является частью самости (self), такое интенсивное переживание неудовлетворения должно чувствоваться как переживаемое самой грудью, поскольку двое — это одно. Более того, на этом уровне психика не имеет представления о пространстве и времени, с помощью которых можно корригировать подобные тревожные впечатления. Так что грудь сама по себе подвержена полному и хаотичному уничтожению. Но я предполагаю, что такое болезненное переживание само по себе очень важно для воспитания представлений о внешних объектах. В этой ситуации грудь не только фрустрирует «мои» требования, нарушая таким образом нарциссическую фантазию. Потребность Эго в отделении от неудовольствия столь велика, что оно требует объекта, на котором могло бы разрядиться, и который оно может идентифицировать с плохим, страдающим «мною». В отношении такого объекта переживание неудовольствия настолько сильно, что его необходимо просто «убить», галлюцинировать как нечто несуществующее.

Нарциссическая фантазия таким образом ведет к объектным отношениям, и эти объектные отношения вначале являются негативными, поскольку объекты требуются для того, чтобы нести ношу неудовольствия и агрессивных разрядов, которые Эго не может переносить. С моей точки зрения, психический процесс идет рука об руку с развитием физической возможности локализовать раздражители. Как только физические органы чувств начинают воспринимать объекты, психика использует эти объекты для собственных целей на основе нарциссических фантазий в качестве приемников или контейнеров собственных болезненных переживаний. Однако объективные переживания ведут в том же направлении, что и фантазии; именно поэтому ребенок постоянно переживает, что его удовлетворение и его облегчение от болезненных стимулов, внешних или внутренних, приходит от внешней матери, в той мере, в какой она воспринимается. С самого начала любая непереносимая внутренняя потребность адресуется как требование к внешней матери, мать и потребность есть одно и то же. Агрессивная реакция тревоги также является призывом к ней. Если мать не удовлетворяет потребность, она так же непереносима, как и эта потребность, таким образом, она идентифицируется и с потребностью и с болью. Таким образом это глубочайший уровень проекции: внутренняя депривация и потребность всегда ощущаются как внешняя фрустрация. Внутренняя ситуация потребности и стресса необходимо воспринимается как внешняя, отчасти потому, что помощь может прийти и приходит (переживание), а, следовательно, должна

прийти (всемогущество), из внешнего источника. (Другим источником этого пути психического облегчения от болезненных внутренних ощущений, несомненно, является облегчение, ощущаемое при опустошении прямой кишки от болезненного кала). Ребенок впервые чувствует непереносимую беспомощность и зависимость в связи со своими внутренними состояниями, затем (в качестве первой меры помощи) зависимость от внешних состояний, как источника различного рода помощи. Зависимость от матери и страх ее потери, которые Фрейд рассматривал как глубочайшие источники тревоги, является, с определенной точки зрения (самосохранения), защитой против еще большей опасности (беспомощности перед внутренней деструкцией). Так объектные отношения используются как исправление несоответствий и тревог нарциссического состояния и защита от них (так же, как в последующем брак может рассматриваться как отвержение и защита против тревог, связанных с мастурбацией).

Я еще раз вернусь к боли и тревоге, порождаемым голодом. Муки голода ощущаются не только как инородные агенты внутри меня, грызущие, кусающие, опустошающие изнутри силы, против которых мы беспомощны; сильнейшее желание хватать и поглощать (грудь), которое сопровождает голод при его зарождении, будет идентифицироваться с этими внутренними поглощающими силами и болью. Деструктивное состояние (истощение) уравнивается с деструктивными влечениями: «Мои желания внутри меня пожирают и уничтожают меня». В этих внутренних болезненных и деструктивных чувствах, которые выглядят как чужеродные вредные агенты, мы сталкиваемся с самыми глубокими корнями фантастических плохих внутренних объектов, для которых необходим внешний (как менее опасный) заменитель. Также в них скрывается зародыш строгого Супер-Эго, в дальнейшем развитии которого играют роль те же самые фантазии об опасном внутреннем объекте (сравни муки голода — угрызения совести).

Мы имеем полное право предположить, что агрессивные вспышки ребенка частично происходят напрямую из ярости и выражают его ненависть и желание отомстить. Эта месть первично направлена против внутренней боли и первая ненависть ребенка направлена против него самого. Все эти чувства в фантазиях проецируются на грудь. «Грудь ненавидит меня и ущемляет меня, поскольку я ненавижу ее», и наоборот; так формируется порочный круг. Первое восприятие причины и следствия также проецируется: «Ты не приходишь и не помогаешь мне, ты ненавидишь меня, так как я голодный и пожираю тебя; однако, я должен ненавидеть тебя и пожирать тебя, чтобы ты помогала мне». Мстительная ненависть, которая не может быть удовлетворена, еще больше повышает напряжение, и вызывающая раздражение грудь наделяется всей жестокостью и категорической абсолютностью собственных переживаний младенца. Так «хорошее» и «плохое» внутренние состояния в фантазиях идентифицируются с «хорошим» и «плохим» внешним объектом. Простейшая нарциссическая позиция, в которой Эго делегирует себе самому всю ответственность, все причинные связи, всю силу жизни и уничтожения, пока объекты неизвестны, трансформируется в нарциссическую систему (сравнимую с паранойей), в которой вся ответственность и причинные связи передаются объектам, идентифицируемым с самостью и наделяемым теми силами жизни и смерти и т. д. Вина и раскаяние до некоторой степени представлены наряду с этими персекуторными чувствами и будут усиливать конфликт амбивалентности.

Борьба, которая разворачивается с этого момента, является тем, что мы обозначаем термином «орально-садистическая тревога». Драма разыгрывается в значениях плохих и хороших внутренних состояний и плохих и хороших внешних. Объектные отношения частично обязаны своим происхождением распознаванию таких состояний, а частично, естественно, тому удовлетворению и любви, которое получает младенец от своей матери. Именно в этот промежуточный период (примерно с возраста нескольких месяцев до 2—3

лет), между состояниями первичной идентификации и полным восприятием реальных объектов и формированием интегрированного Супер-Эго, ребенок демонстрирует самые сильные тревоги (страхи перед внешней опасностью). Замещение внутренней беспомощности и боли внешней бессильной и жестокой грудью создает внешний плохой объект, хотя образ хорошей груди сосуществует рядом с ним. Целью психической фантазии, следовательно, является удержание этих двух образов разделенными и различными. Если они сольются, хорошая грудь, которая является одновременно и плохой и жестокой, не может оставаться хорошей. Но существование плохой груди само по себе порождает многочисленные тревожные опасения, например, страх перед ее жестокостью и отмщением; страх перед агрессией, которая рождается внутри личности по отношению к ней; опасность для груди, исходящая от агрессии ребенка, в той степени, в которой она воспринимается как хорошая грудь.

Эта ситуация содержит возможность того, что и внешний объект (грудь) и личность (self) будут заполнены опасностью и деструктивностью — следовательно, это также непереносимая ситуация. Такое состояние психики напоминает состояние меланхолии и имеет тесную связь с «потерей любимого объекта». В качестве защиты от абсолютного отчаяния оживляется и усиливается чувство недоверия к объекту. Оно на один порядок менее болезненно, чем отчаяние. Это радикальное недоверие, которое накладывается на отчаяние, напрямую связано с персекуторными страхами и может воспроизводиться в параноидных психозах, если дальнейшее развитие не дает возможности преодолеть его.

Сталкиваясь с неконтролируемыми и деструктивными импульсами вовне и внутри, Эго прибегает к очень интенсивному использованию защитных механизмов проекции и интроекции, столь характерных для этого периода. Хорошее должно сохраняться внутри, плохое должно уничтожаться и выделяться. Плохие импульсы не только проецируются, т. е. воспринимаются как находящиеся снаружи, но прилагаются активные усилия для выделения и удаления их из личности. Деструктивные импульсы должны быть устранены и от них необходимо избавиться. Позднее они трансформируются в реальную деструктивность маленького ребенка, которая не является просто разрядкой и удовлетворением импульсов. Но младенец, который нуждается в разрядке своей деструктивности по отношению к единственному объекту (грудь) и удовлетворении своей ненависти (кусая ее), неспособен получить значительное удовлетворение. И не только потому, что у него отсутствует физическая координация движений, но и потому, что любовь, уже ощущаемая к груди на этой стадии, также подавляет его. И снова на помощь приходит фантазия.

Когда мы говорим о «фантазиях» у младенцев или маленьких детей, мы не предполагаем наличия в них ни разработанной мизансцены или цельного драматизма, ни, естественно, пластического или вербального выражения. Мы полагаем, что ребенок чувствует себя так, как будто он осуществлял желаемое действие и что его чувства сопровождаются физическим возбуждением некоторых органов (например, рта или мускулатуры). Мы считаем, что вначале ребенок разряжает свою агрессию в основном в виде чувств и ощущений агрессивного порядка. Именно здесь возникает чрезвычайно важное психическое значение выделений как враждебных агентов и средств выражения агрессии. Начинается ли обучение контролю за сфинктерами рано или нет, нет сомнений в том, что эти соматические функции по своей природе приспособлены для того, чтобы представлять разрядку «боли»; и если психика, как мы считаем, нуждается в локализации неудовлетворения в какой-то определенной точке вовне (в объекте), выделение экскрементов может восприниматься в фантазии как перенесение болезненных выделяемых веществ на объект или внутрь его. (Метательное оружие является воспроизведением в объективной реальности этой примитивной фантастической

ситуации.) Плохо контролируемые движения, газы и моча воспринимаются как пекущие, разъедающие и ядовитые агенты. Не только экскреторные, но и все другие соматические функции привлекаются на службу агрессивных (садистических) разрядов и проекций в фантазии. Конечности должны блуждать и бить; губы и пальцы должны сосать, скручивать, щипать; зубы должны кусать, поглощать, жевать и резать; рот должен пожирать, глотать и «убивать» (уничтожать); глаза убивают взглядом, сверлением и проникновением; дыхание и рот наносят вред шумом, поскольку так воспринимают чувствительные уши ребенка. Мы можем предположить, что до достижения ребенком возраста нескольких месяцев, он может не только осуществлять эти действия, но также иметь представления о них. Все эти садистические действия в фантазии осуществляются не только для удаления опасности из личности, но также и для передачи ее объекту (проекция). И затем следует тревога, связанная с «отмщением объекта» (интроекция плохого объекта).

Сам по себе страх мести, естественно, имеет обоснование в переживаниях, а именно, в постоянном возвращении внутреннего неудовольствия и напряжения, потребности и агрессии — по принципу бумеранга. Проекция никогда не бывает успешной. Страшная и ненавистная боль и беспомощность всегда возвращаются. Здесь находится основание идеи наказания — возвращение и повторение причины и следствия в обратном порядке. Преследователи при паранойе вызывают страх как мстители, которые могут появиться из ниоткуда. Мы знаем, что они могут возникать из кала. Каловые массы также «все еще здесь», хотя они постоянно удаляются. Но и процесс фантазирования не приносит адекватной разрядки; неудовлетворенные потребности насыщаются. Возникает другой порочный круг. Попытка экстернализовать трудности до некоторой степени проваливается и оживает первичная ситуация внутренней опасности.

Сопутствующий процесс интроекции действует в то же время как средство усиления и продления хороших внутренних состояний. Процесс интроекции, естественно, работает с самого первого момента восприятия «чего-то» внешнего по отношению ко «мне», т. е. груди: «есть что-то хорошее и я принимаю это внутрь себя». Интроекция, как и проекция, развивается параллельно с развитием объектных отношений; один процесс усиливает другой. Но чувства беспомощности, пустоты (лишения «хороших» ощущений) и зависимости от груди сильно стимулируют потребность принимать вовнутрь все, что воспринимается как хорошее. Так, оральные желания становятся ядром жадности вообще. Стремление накапливать хорошее внутри сильно и связано с агрессивными импульсами захвата (или тайного похищения). Желание обезопасить хорошую грудь, контролировать ее и иметь возможность оставить ее себе навсегда, таким образом получив вечную страховку от отсутствия удовлетворения, опасностей беспомощности и внутренней (и внешней) агрессии, приводит к интенсификации интроекции. А этот процесс очень тесно связан с построением фантазий. Как для теории, так и для практики огромное значение интроекции состоит в системе фантазий, связанных с интернализированным объектом, возникающей на этой стадии. Интернализация всего хорошего является важнейшей потребностью. Прежде всего «хорошие» частичные объекты, «хорошая грудь», хорошие руки матери, хорошее любящее лицо матери, должны получить безопасность внутри «меня» и под «моим» контролем. Именно на этой стадии младенец все берет в рот. Эти чувства развиваются параллельно с ранним переживанием принятия внутрь через рот, через уши и глаза, путем хватания предметов и т. д. Пристальный взгляд шестимесячного ребенка, которым он внимательно смотрит на вас, дает представление о том, как младенец принимает вас внутрь. Ребенок, конечно же, чувствует, если не может знать, что это, по меньшей мере, «приобретение знания» новых образов и звуков, и это происходит каждый день. Мы говорим: «Он узнает меня!» и это означает: «Он сохранил свое восприятие меня неизменным с того момента, как впервые принял меня внутрь». Я думаю, что ребенок

также по-своему знает, что и он сам вовлечен в этот процесс. Его «узнавание» на языке чувств означает для него, что он сохранил память обо мне, но также и то, что я появился снова в конкретной форме. Это стремление инкорпорировать является другим аспектом развитой нарциссической системы, в которой имеется полная зависимость от внешнего хорошего объекта, который полностью идентифицируется со «мной». Поэтому, в дополнение, все время существует цель тотальной абсорбции всех хороших объектов внутрь себя. Эти две противоположности демонстрируют цели проекции и интроекции, которые развиваются из первичного нарциссизма по мере начала восприятия внешних объектов.

Аналитический опыт ясно показывает, что сила этой потребности интернализировать все хорошее приводит к мобилизации и использованию эротических импульсов в их защитной борьбе против садистской тревоги. Ребенок удовлетворяет и разряжает свое либидо на груди, но поскольку это удовлетворение устраняет внутреннюю пустоту и беспомощность, возрастает потребность в его «интернализации». В таком случае, переживаемые в реальности эротические ощущения усиливаются и «подтверждают» (фантастическое) убеждение в том, что внутри на самом деле стало больше хорошего. Потребность в успокоении для редукции тревоги и потребность в эротическом удовлетворении усиливают друг друга. Фрейд поднял вопрос, почему желание становится чрезмерным, т. е. таким, которое нельзя удовлетворить. Некоторые аналитики предполагают, что либидо может стимулироваться только биологически, соматическими раздражителями. Но многие психические проявления показывают, что угроза со стороны инстинкта смерти вызывает сильный прорыв Эроса. Поэтому мы с полным основанием можем заключить, что целью такой реакции является противодействие деструктивным силам, которые ощущаются внутри.

Хорошо известная «ненасытность невротиков» вообще, на мой взгляд, проистекает из реакции на постоянную тревогу, связанную с их собственной агрессией (садизмом, инстинктом смерти), которая также составляет одну из причин невротических симптомов.

Отсутствие орального удовлетворения, а также тревоги и конфликты, основанные на оральном садизме, по-видимому, приводят к ранним проявлениям генитального возбуждения у детей. Генитальная мастурбация и эрекция наблюдается у мальчиков в возрасте нескольких месяцев и есть также основания предполагать, что девочки ощущают возбуждение влагалища. Одной из причин травматического переживания отнятия от груди является то, что ребенок лишается возможности получать удовлетворение от чьего-нибудь тела, кроме своего собственного.

Это пробуждает все тревоги относительно существования хороших ощущений внутри него и способности вырабатывать их; ведет к потребности постоянно демонстрировать и проверять эту способность.

Однако усиление либидо снова стимулирует потребность в инкорпорации объектов, что, в свою очередь, усиливает агрессию и тревогу, связанную с возможностью их уничтожения. А возрастающая способность осуществлять другие действия, кроме сосания (например, бороться, кусаться), подтверждает эти ожидания. Более того, хорошие объекты как снаружи, так и внутри исчезают и заменяются плохими ощущениями (переживаемыми как плохие объекты), болезненными каловыми массаами, болезненными последствиями крика и т. д. Хорошая грудь трансформируется внутри в плохую. Проблема сохранения — тот утес, на котором зиждутся процессы проекции и интроекции. Опустошенность, агрессия и садистские импульсы возвращаются. Точно так же не удастся сохранить хорошее состояние благополучия после еды. Всемогущество фантазии является палкой о двух

концах. Это орудие может быть использовано для создания хорошего и для уничтожения и удаления плохого. Но что, если деструктивность захватит и всемогущим образом (omnipotently) уничтожит хорошее! Постоянное исчезновение хорошего внутри приводит к тревоге, связанной с возможностью «сделать хорошее плохим» с помощью деятельности органов или отравления его веществами изнутри. Деструктивные аппараты, фантазируемые внутри тела, воспринимаются как чуждые, так как Эго не стремится идентифицироваться с ними. Однако, в активном стремлении их уничтожить, оно желает при этом и сохранить их. Здесь и возникают ужасы опасных мстительных внутренних объектов, пожирающих монстров и чудовищ, деструктивных в отношении груди или людей, которых ребенок инкорпорировал. Такие мстительные преследователи внутри, несомненно, являются предшественниками наказывающих аспектов Супер-Эго. Если ничто хорошее внутри не сохраняется, не может быть уверенности и безопасности. В таком случае лишь присутствие сильной хорошей матери снаружи может устранить эти страхи. Поэтому в этот период возникают боязнь темноты, одиночества и т. д.

И снова внешняя ситуация служит заместителем и защитой от внутренней. Внешняя мать должна быть (и обычно является) достаточно сильной для того, чтобы контролировать направленный вовне садизм, следовательно, лучше выпустить его наружу и перенести на нее (на объект) ответственность за сохранность ее самой и ребенка.

В то время как появляется распознавание реальных людей вовне, возникает также и определенное осознание «меня», т. е. начинается развитие Эго как такового. Кажется, что первое сознательное представление обо «мне» во многом связано с болезненными ассоциациями. Фантазии принимаются в качестве средства избавления от реальности «меня». Чувство, что «я — неконтролируемое и не способное контролировать вместилище неприятных и опасных импульсов, направленных на меня и на других, и, следовательно, опять-таки опасных для меня», приводит к другому: «у меня внутри есть кто-то вроде моей хорошей мамы, который будет следить за мной и никогда не даст мне зайти слишком далеко, кто будет охранять и меня и ее (как внутри меня, так и снаружи) от серьезной опасности». В этом чувстве удерживания внутри хорошей, помогающей и защищающей матери мы, несомненно, сталкиваемся с первыми рудиментарными формами более позднего помогающего и контролирующего Супер-Эго, которое управляет и способно повиноваться. Перцептивное распознавание людей в окружающем мире как целостных реальных внешних объектов, которые вызывают некоторые последствия (в целом, хорошие последствия) усиливается и более или менее стабилизируется, несмотря на то, что это первичное знание в большой степени искажается существованием нарциссических отношений. Впоследствии может возникнуть фантазия инкорпорации целостных, наделенных всеми благами (совершенных) любимых объектов таким способом, чтобы они сохранялись внутри. А этот способ сводится к тому, чтобы удерживать их в некоторой глубоко укрытой части личности, где их не могут достичь агрессия и повреждающие импульсы. Физический прототип этого хорошего безопасного способа инкорпорации представлен «хорошим» сосанием груди, которое проходит без всякого вреда (давая больше молока), а это хорошее молоко используется внутри для роста и превращения в хорошего ребенка для матери. Всасываемое вещество становится невидимым и невозвратимым, но его присутствие, несомненно, ощущается; рост и благополучие доказывают его существование. То, насколько успешно происходит интернализация целостных объектов и распознавание реальных людей в качестве таковых, имеет важнейшее значение для развития. Мы обнаружили, что эта стадия объектных отношений, которая соотносится с генитальной, достигается в некоторой степени довольно рано. Это не означает, что оральные и анальные частичные объектные отношения исчезают. Различные позиции и чувства-установки в разной степени усваиваются с самого начала развития. Когда любящее лицо матери, руки, которые

укачивают и нежат, грудь, которая кормит, объединяются в одно целое и получают однозначное восприятие матери как реальной активной помогающей фигуры, возникает чувство любви, отличное от чувственных потребностей. Это чувство любви составляет существенную разницу отношений с частичным и целостным объектом. Любовь — это сложное эмоциональное отношение, которое имеет много стадий и степеней в своем развитии. Очевидно, что на ранних этапах развития доминирует простейшее эгоистическое отношение, в котором объекты рассматриваются либо как источники удовлетворения, либо вызывают страх и ненависть как враги. На этом уровне отношение ребенка с его окружением — чувствует ли он его враждебным или дружественным, желает ли он его или ненавидит и боится — зависит от того, ощущает ли ребенок себя в своем внутреннем мире хорошо (удовлетворенно) или плохо. Поведение реальных объектов воспринимается в большой степени как отражение адресованных им чувств ребенка, находящихся в нем самом. Именно этот факт обуславливает важность реальных переживаний ребенка и средовых факторов его развития. Внешнее понимание и любовь, терпение и хорошее отношение формируют стабильный мир, в котором ребенок чувствует, что плохие или опасные силы внутри него самого могут встретить отпор и быть контролируемыми, а хорошие и полезные чувства и потребности удовлетворяются и поощряются. Бури желаний, ненависти и ужаса могут заканчиваться, не сталкивая его снова лицом к лицу с беспомощностью, отчаянием и разрушением (бегство к реальности).

Если, с другой стороны, переживается по-настоящему жестокое обращение, недостаток любви и понимающей помощи, ребенок ощущает собственную способность к хорошим чувствам, удовлетворяющим родителей и его самого, сильно редуцированной, и его беспомощность в отношении собственной агрессии не может быть преодолена. Реальные строгие и жестокие родители (или родители, на которых ребенок избыточно проецирует собственный садизм, связанный со слишком сильной тревогой) не могут быть интернализированы, а позднее им нельзя подчиняться, поскольку они представляют собой собственную опасность ребенка (давление и навязчивость его собственных неконтролируемых импульсов). Если это отношение к внешним объектам не уравновешивается любовью и верой в них, инкорпорация целостного (любимого) объекта не может быть успешной. Таким образом, вера ребенка в собственные хорошие чувства по отношению к объектам не устанавливается, и, как следствие, этим внешним объектам нельзя доверять, как хорошим и несущим помощь. Ощущается тревога, связанная с ними, хотя, если не бросается открытый вызов, осуществляется поверхностная адаптация с помощью их умиловления и тайного обмана. Но эта тревога сильно мешает развитию независимости ребенка. Охваченность тревогой, ощущаемой по отношению ко всем окружающим людям, в случае ее непризнания создает непреодолимую зависимость. Эти установки позднее проявляются в трудностях с едой (постоянный страх отравления) и в проблемах с функциями выделения вообще, которые усиливаются, когда мать беременна или рождается следующий ребенок. С другой стороны, интернализация хороших, помогающих фигур противостоит этим трудностям. И все это переживается до некоторой степени в первый год жизни, когда режутся зубы и ребенок отлучается от груди.

Когда достигается некоторое понимание относительности, а также возникает представление о времени и пространстве, предметы становятся менее абсолютными, чем было раньше. Опыт подсказывает, что хорошая, помогающая мать сильнее, чем плохая в ребенке (боль и т. д.). Боль может быть пережита и не приводит к смерти, ожидание не приводит к истощению, «потерянная» мать постоянно возвращается и т. д. Когда ребенок начинает ходить и разговаривать, это усиливает в нем импульсы к контролю и независимости.

Способность к настоящей любви к объекту, отличающейся от чувственного желания, развивается из энергии идентификации с хорошей помогающей внешней фигурой, которая, в свою очередь, основывается на ее интернализации. Однако полная способность любить содержит много элементов и не является просто первичным феноменом. Довольно часто, как мы знаем, эта способность не развивается в полной мере. Любовь к объекту предполагает способность переносить определенную боль и лишения ради объекта, т. е. ради любви, без получения немедленной благодарности. Простейшая и самая ранняя форма любви — это, несомненно, желание ребенка обрести вновь свое счастье во внешнем мире, в других существах. Здесь представлено его стремление проецировать внутреннее «хорошее», а также желание отдавать его наружу; здесь не предполагается потерь или отказов от чего-то. С расширением представлений об объектах возникает желание сделать приятное хорошему реальному объекту (матери) или вернуть ей что-то. Нежные чувства любви этого типа время от времени проявляются в довольно раннем возрасте. «Подарки» в виде кала и мочи, которые ребенок делает при кормлении грудью, могут быть жертвами во имя любви (хотя они могут быть и всемогущими дарами, и враждебным оружием). Эти ранние и простейшие импульсы делать хорошее окружающим позднее включаются в производство либидинозных объектных отношений, совершая свой вклад в развитие тревоги и заботы о благополучии любимых объектов, как внутренних, так и внешних (боязнь их уничтожения). Защитные меры, которые сопровождают развитие либидо, также играют свою роль в этом процессе. Это приводит к раскаянию и тревоге, связанной со стремлением возместить ущерб и восстановить поврежденное хорошее как снаружи, так и внутри — вернуть хорошие чувства объекта и свои собственные. Развивается чувство вины и ответственности по отношению к объекту. Стремление удовлетворить и восстановить объекты усиливается стократно, поэтому может переживаться сожаление по отношению к ним. Все эти чувства, некоторые из которых чрезвычайно болезненного плана и дают начало серьезным конфликтам, содержатся в развитой эмоции любви. Первые намеки присутствуют уже в отношении ребенка к матери, как только начинается восприятие ее как реальной, несущей помощь фигуры. Если Эго маленького ребенка в раннем возрасте способно вынести такие эмоции, т. е. если оно не прибегает слишком рано и слишком сильно к защитным методам с целью нейтрализации этих конфликтов (вместе с ними смещая или уничтожая все чувства), он сможет отработать все конфликты и удержать эти эмоциональные отношения. Когда они устанавливаются, то предполагают совершенно определенную организацию объектных отношений Эго, и определенную интеграцию интернализированных родительских фигур, как поддерживающих, так и фрустрирующих, в функцию Супер-Эго. Идентификация с родительскими фигурами существует на всех уровнях развития, от первичной нарциссической идентификации до любви к целостному объекту; последняя не может быть достигнута без формирования «цельного» Супер-Эго (Фрейд). Последний тип идентификации от первого отличает способность отказа от инстинктивного импульса ради объекта.

Здесь невозможно достичь определенности в отношении сложности и разнообразия ситуаций тревоги и защит от них, доминирующих в психике в первые годы жизни. Факторы, имеющиеся здесь, слишком многочисленны, а их комбинации слишком разнообразны. Внутренние объекты используются против внешних, а внешние — против внутренних, как с целью получения удовлетворения, так и для безопасности; желание используется против ненависти и деструктивности; всемогущество против бессилия, и даже бессилие (зависимость) против деструктивного всемогущества; фантазии — против реальности, а реальность против фантазий. Более того, ненависть и деструктивность задействуются как средства предотвращения опасностей желания и даже любви. Постепенно происходит прогрессирующее развитие, некоторым образом похожее на то, которое я описала здесь, с взаимодействием названных и других факторов, и внешней

реальности. Из этого взаимодействия формируются Эго ребенка, его объектные взаимоотношения, сексуальное развитие, Супер-Эго, характер и способности.

Именно богатство фантазийной жизни, в отношении желаний сделать хорошее для объекта к его пользе, для его счастья и благополучия, обнаруженное Мелани Кляйн и ее последователями у крошечных детей, дает нам лучшее доказательство наших взглядов. Этот материал приносит в наше теоретическое обсуждение огромную тему попыток возмещения (reparation) и их колоссального значения для развития Эго. Значение фантазий возмещения, возможно, является наиболее ценной частью работы Мелани Кляйн. По этой причине ее вклад в психоаналитическую теорию нельзя ограничивать исследованиями агрессивных импульсов или фантазий. Важность этих аспектов связана с теорией потребности в защите против агрессии. (Более того, эти импульсы являются источником происхождения творческих импульсов и сублимации.) Поэтому внутренние хорошие состояния и хорошие чувства должны быть спасены, восстановлены и сохранены, если имеется необходимость избежать дезоляции и уничтожения самости и ее объектов в фантазии. Чувство вины и сожаления, рождаемое развивающимися чувствами любви и неконтролируемой агрессией, которые по-прежнему ощущаются очень сильно, а также тревога, связанная с потерей объекта, являются факторами, направляющими к возмещению. Внутренние объекты (чувства в отношении людей) должны быть признаны правильными, поскольку являются частью самости, которую нельзя спасти и сохранить без них. А внешние объекты, реальные родители, братья, сестры и т. д., должны быть довольны и счастливы, как ради них самих, так и ради ребенка. И снова, если внутренние объекты «неправильны», они становятся чрезвычайно деструктивными преследователями и непереносимо болезненными обвинителями, нагромождая упреки внутри «меня». В таком случае тревога и неверие ребенка в самого себя искажают его отношения с реальными людьми вокруг. Они становятся «плохими» и пугающими и, возможно, на самом деле жесткими и недобрыми. Стабильное душевное спокойствие зависит от уверенности в том, что хорошие объекты находятся внутри в безопасности и благополучии, за ними присматривают. В связи с этим усилия по восстановлению являются абсолютно необходимой и интегральной частью развития. Даже если внешние факторы в реальности сложны и тяжелы, они могут переноситься и улучшаться, но только до той степени, до которой сохраняется внутренняя стабильность хорошего. Всю жизнь психическая способность производить что-нибудь хорошее — гармонию, единство, благополучие, новую жизнь — покоится на этом основании.

Как и любая другая активность, эти попытки начинаются в чувствах и фантазии. Так же, как ребенок фантазирует, что его физические и либидинозные потребности удовлетворяются, он представляет, что может вернуть хорошие чувства, которые были потеряны. Агрессивная жадность и месть могут уничтожить добро и превратить его в зло; т. е. всемогущество должно быть использовано для возвращения добра и превращения плохих чувств в хорошие. Внешняя реальность начинает играть свою роль и погружается в мир внутренних ценностей, навязчивое стремление делать все правильно направляется к реальным вещам. Умывание, кормление, игра — все должно делаться «правильным» способом. Все эти виды деятельности со стороны ребенка служат его потребности быть правильным, сливаясь со стремлением отменить вред и делать объекты правильными магическим способом. Постепенно, по мере того как «отменяющие зло» и восстановительные меры могут предприниматься самим ребенком в реальности, они приносят ему увеличивающуюся уверенность, что он может и будет способен сделать «что-то» самостоятельно — превратить катастрофу как в себе, так и для других в нечто правильное реальным и осязаемым способом. Камушки и стекляшки, которые ребенок приносит матери, являются возмещением детей и другого ее внутреннего содержимого, которое он хотел бы похитить — в его фантазиях уже похитил. Если тревога ребенка,

связанная с его плохими стремлениями, все еще слишком сильна, он может чувствовать, что камушки представляют собой новые нападки на мать, и невозможность сделать все правильным снова приносит беспомощность и отчаяние. Рост и развитие в норме делают ребенка способным удовлетворить родителей и сделать их счастливыми все более и более реальными способами. Это приносит удовлетворение ему самому отчасти потому, что означает компенсацию и возмещение родителям как за его деструктивные фантазии, так и за его реальное непослушание.

Я попыталась показать, что внутренние состояния (чувства, ощущения) являются самыми ранними предшественниками объектных отношений. Объекты идентифицируются с внутренними состояниями и таким образом интернализуются. Затем хорошее чувство к объекту означает (в фантазии создает) хороший объект, плохое враждебное чувство — плохой объект. (Так что отношение к объекту является как началом, так и остатком фантазируемого объекта внутри). Проекция и интроекция задействуются в попытках удержать добро и зло отдельно, удержать зло снаружи и добро внутри. Однако плохие чувства не удается удерживать снаружи. Оральные желания и укусы, чувство ярости по отношению к недостижимым желаемым объектам, которые воспринимаются как неутомимые преследователи, живущие внутри, постоянно пожирающие и уничтожающие. Эти «архаичные» чувства являются постоянным элементом в организации Супер-Эго, даже несмотря на то, что они вначале (возможно, и никогда) не принимаются Эго. Они отрицаются и приписываются чужеродным агентам внутри. Но в глубинах бессознательного эти чужеродные агенты являются тем же самым, что и объекты, которые были вначале желанными и инкорпорировались — реальными родителями. Сознательно ненависть и бунт против этих внутренних преследователей часто перенаправляются против заместителей родителей (любого авторитета). Теперь полная интернализация реального человека, как поддерживающей любимой фигуры, обуславливает необходимость отказа от защитного механизма расщепления чувств и объектов на хорошие и плохие. Это означает, что все чувства — любовь или ненависть — относящиеся к матери, на самом деле относятся к реальному человеку, «матери как таковой», и что именно эта любимая реальная мать одновременно и ненавистна, именно ее атакуют неконтролируемые агрессивные чувства ребенка. А это означает, что и хорошие и плохие чувства нужно выдерживать в одно и то же время. Любовь к объекту требует того, чтобы агрессия и боль, прежде проецируемые наружу, оставались внутри в виде чувства вины. Такое слияние плохого и хорошего в одно целое — конфликт амбивалентности — именно то, что пытались предотвратить прежние формы защиты, поскольку это означает, что хороший объект исчезает и превращается в плохой. Только в том случае, если предыдущий опыт научил, что любовь — самое сильное чувство, оба чувства могут быть удержаны вместе по отношению к реальной фигуре и не разделяться столь широко в фантазии. Но эта вера в любовь проходит суровую проверку, поскольку любовь к кому-нибудь, кому был нанесен ущерб, вызывает боль вины, и ребенок или кто угодно другой, чей страх перед внутренней болью слишком силен, может оказаться неспособным выносить ее — боль собственной агрессии по отношению к другим, обращенную внутрь и переживаемую им самим в себе самом за счет идентификации. Это то, что означают самообвинения со стороны Супер-Эго. Эта боль так велика, что имеется сильное искушение экстернализовать ее и снова проецировать агрессию на внешние авторитеты. Вследствие этого ребенок (мазохистически) чувствует как они (или совесть) мучают его, предпочитая эти мучения продолжению описанной боли. Любовь, переживаемая в отношении реального человека, вызывает вину и раскаяние, но также и сильное желание «отменить» причиненный вред и восстановить его или ее, чтобы стать целиком хорошим. И снова ненависть и месть мешают этому, и предпринимается попытка сделать объект ответственным за все зло во «мне».

Эти трудности в развитии очень сложны и открывают дорогу для многих невротических решений. Нормальное развитие и полностью развитое Супер-Эго предполагают способность переносить боль настоящего чувства вины и способность делать реальные жертвы для возмещения и восстановления других. Это может быть достигнуто лишь когда: а) внутренние объекты воспринимаются как большей частью хорошие, не слишком опасные, так что подчинение им или идентификация с ними не означает в фантазии, что только смерть будет достаточной ценой за их сохранение; б) любовь к ним переживается сильнее, чем желание или ненависть, так что присвоение их части и уничтожение (поедание) может быть отвергнуто ради любви; в) в таком случае любовь не будет слишком сильно идентифицироваться с поеданием и не будет вызывать избыточного страха из-за чувства вины, присущего ей, а, следовательно, не будет отрицаться; в) ни ненависть, ни ответственность за нее не должны проецироваться; это возможно, если эти чувства не переживаются как настолько опасные, что их следует даже преувеличивать в качестве защиты от деструктивных импульсов поедания; г) боль вины может быть удержана, поскольку любовь к объекту перевешивает боль и компенсирует ее, а вера и надежда на лучшее более сильны и реальны (менее всемогущи и фантастичны). Когда эти условия присутствуют и боль вины может удерживаться внутри, это усиливает любовь и приносит более значительные награды удовлетворения «хорошими чувствами внутри», что означает объединение и примирение с любимыми объектами внутри и снаружи. Когда, вследствие этого, достигается определенная степень безопасности, так что мы способны чувствовать и сохранять хорошие отношения с окружающим миром, людьми и обстоятельствами, от которых мы зависим, эта безопасность эквивалентна любви нашего внутреннего объекта к нам. Таким образом достигается высокая степень гармонии между всеми составляющими частями личности: чувствами, воспоминаниями и переживаниями, которые формируют Эго. Эти хорошие внутренние объектные отношения и чувства впоследствии рассматриваются как наиболее ценная собственность Эго. К ним чувствуют любовь и доверие (как к Эго-идеалу), и эгоистические импульсы, которые формируют конфликты, могут быть по-настоящему отменены или изменены и приспособлены в соответствии с представлениями о ценностях.

3. Природа и функция фантазии

Введение

1. Методы исследования:

а) метод наблюдения;

б) метод психоанализа; ситуация переноса; психическая жизнь до двухлетнего возраста.

2. Природа и функция фантазии:

повседневное использование термина «фантазия»; фантазия как первичное содержание бессознательных психических процессов; галлюцинации и первичная интроекция; трудности раннего развития, возникающие из-за фантазий; фантазии и слова; фантазии и чувственные переживания; связь ранних фантазий с первичным процессом; инстинкт, фантазия и механизм; фантазия, образы памяти и реальность.

Введение

Обзор работ по психоаналитической теории показывает, что термин «фантазия» используется в самых разных значениях различными авторами и в различное время. Сегодняшнее его использование стало значительно шире, чем ранее.

Большая часть этого расширения содержания остается скрытой. Пришло время рассмотреть значение термина более отчетливо (Прим. 1).

Когда намеренно или случайно расширяется значение технического термина, происходит это в связи с важной причиной: этого требуют факты и объясняющие их теоретические конструкции. Именно отношения между фактами нуждаются в более детальном исследовании и прояснении. Эта глава в большей степени посвящена определению «фантазии», т. е. описанию серии фактов, которые данный термин помогает нам идентифицировать, организовать и связать с другими сериями фактов. Большая часть нижеизложенного состоит из тщательного изучения взаимоотношений между различными психическими процессами.

По мере продвижения психоаналитической работы, особенно, анализа маленьких детей, и расширения наших знаний о ранних этапах психического развития, понимание взаимоотношений между ранними психическими процессами и более поздними, специализированными видами психической деятельности, обычно называемыми «фантазиями», привело нас к расширению понятия «фантазия» в том смысле, о котором будет сказано ниже. (Тенденция к расширению значения термина очевидна во многих работах Фрейда, включая и обсуждение бессознательных фантазий.)

Следует показать, что определенные психические феномены, которые были описаны различными авторами в общем, не обязательно в связи с термином «фантазия», на самом деле предполагают деятельность бессознательных фантазий. Соотнеся эти феномены с бессознательными фантазиями, можно достичь лучшего понимания их истинных взаимоотношений с другими психическими процессами, оценить по достоинству их функцию и значение в психической жизни.

Эта глава не призвана установить какое-либо определенное содержание фантазии. Она посвящена природе и функции фантазии в целом и ее месту в психической жизни. Реальные примеры фантазий будут использованы для иллюстративных целей, но не предполагается, что эти примеры разъясняют вопрос. Они и не отбирались

систематически. В действительности те же самые доказательства, которые подтверждают существование фантазий даже в самом раннем возрасте, дают некоторые указания относительно их конкретного характера. Однако принятие общих доказательств активности фантазий с самого начала жизни и места фантазии в психической жизни в целом не означает автоматического принятия определенного содержания фантазий в определенном возрасте. Связь содержания с возрастом может стать понятной из последующих глав, которым данная глава прокладывает путь разработкой общих положений.

Чтобы понять природу и функцию фантазии в психической жизни, необходимо исследовать ранние стадии психического развития, примерно три первых года жизни. Часто мы слышим скептические замечания по поводу возможности понять психическую жизнь первых лет вообще — в противоположность наблюдению последовательности и развития поведения. На самом деле мы далеки от стремления положиться на простое воображение или на игру в отгадки, даже если это касается первого года жизни. Когда все наблюдаемые факты поведения рассматриваются в свете аналитического знания, полученного от взрослых и детей старше двух лет, с которыми устанавливается связь согласно аналитическим принципам, мы приходим к гипотезам, имеющим высокую степень достоверности, и некоторым убеждениям относительно ранних психических процессов.

Наши взгляды на фантазии раннего возраста почти полностью основаны на предположениях, но это истинно для любого возраста. Бессознательные фантазии всегда выводятся, а не исследуются прямым наблюдением, техника психоанализа в целом основана на выводимом знании. Как часто подчеркивается, подразумевая и взрослого, пациент не говорит нам прямо ни о своих бессознательных фантазиях, ни о предсознательном сопротивлении. Мы часто можем наблюдать чувства и отношения, которые не осознаются самим пациентом. Эти и многие другие наблюдаемые данные (вроде тех, что приведены ниже) делают для нас возможным и даже необходимым сделать вывод, что в данном случае действуют такие-то сопротивления или фантазии. Это — истинно как для маленьких детей, так и для взрослых.

Данные, которые мы рассмотрим здесь, трех видов. Представленные выводы основаны на слиянии этих линий доказательств.

А) Рассмотрение отношений между определенно установленными фактами и теориями, многие из которых хотя и известны в психоаналитических кругах, разрабатываются относительно изолированно. Рассмотренные в целом, эти отношения требуют выдвижения новых постулатов, которые и будут предложены. С помощью этих постулатов достигается более высокая степень интеграции и адекватность понимания.

Б) Клинические данные, полученные аналитиками из анализа детей и взрослых всех возрастов.

В) Данные наблюдений (неаналитические наблюдения и экспериментальные данные) за младенцами и маленькими детьми с помощью различных средств, полученных в распоряжение наукой о детском развитии.

1. Методы изучения

А) Методы наблюдения

Прежде чем рассмотреть наше основное положение, полезно сделать краткий обзор фундаментальных принципов метода, который снабжает нас материалом для выводов относительно природы и функции фантазии и который представлен как в клинических (психоаналитических) исследованиях, так и в последних исследованиях, посвященных развитию поведения.

Многообразные техники для исследования определенных аспектов детского развития были разработаны в последние годы. Примечателен тот факт, что исследования с помощью наблюдения, касающиеся развития личности и социальных взаимоотношений, особенно те, которые стремятся достичь понимания мотивов и психических процессов вообще, уделяют все больше внимания определенным методологическим принципам, которые мы сейчас обсудим. Эти принципы делают их ближе к клиническим исследованиям, формируя ценную связь между методом наблюдения и аналитической техникой. Это: а) внимание к деталям; б) наблюдение контекста; в) изучение генетической непрерывности.

а) Все серьезные работы в области детской психологии в последние годы могут быть приведены в качестве примеров растущего почтения к необходимости повышенного внимания к точным деталям детского поведения, каков бы ни был научный интерес: эмоциональные, социальные, интеллектуальные, моторные или манипулятивные навыки, восприятие или речь. Исследования раннего развития Гиззел, Ширли, Бейли и многих других служат примером этого принципа. Такими примерами могут быть и исследования поведения младенцев, проведенные Д.В. Винникотт и М.М. Миддлмор (Прим. 2). Исследования поведения детей в ситуации кормления, проведенные Миддлмор, продемонстрировали, насколько разнообразны и сложны оказываются даже ранние реакции младенцев, если их отмечать и сравнивать в мельчайших деталях, и насколько сильно тонкие переживания ребенка, например, при укачивании или кормлении, влияют на успешность развития чувств и фантазий, а также психической жизни вообще.

Большая часть наблюдательной и экспериментальной техник разработана для облегчения точных наблюдений и регистрации деталей поведения. Позже мы вернемся к большому значению этого принципа в психоаналитической работе и тому, как это помогает нам открыть содержание ранних фантазий.

б) Принцип регистрации контекста наблюдаемых данных имеет важнейшее значение, как в случае конкретного примера или разновидности социального поведения, так и в отношении конкретной игры, вопросов, задаваемых ребенком, стадий развития речи — какими бы ни были наблюдаемые данные. Под «контекстом» я понимаю не просто описание последовательности поведенческих актов, но также и все непосредственные условия (setting) этого поведения, его эмоциональную и социальную ситуацию. В отношении фантазии, например, мы должны отмечать, когда ребенок сказал то или это, играл в ту или иную игру, воспроизводил тот или другой ритуал, овладел (или утратил) тот или другой навык, требовал или отказался от определенной награды, демонстрировал признаки тревоги, потрясения, триумфа, веселья, аффектации или других эмоций? Кто присутствовал или отсутствовал в это время, каково общее эмоциональное отношение или чувства в данный момент в отношении этих взрослых или товарищей по игре, какие потери, ограничения, удовлетворения переживались недавно или предполагаются теперь? И так далее и тому подобное.

Важность этих принципов изучения психологического содержания конкретных данных психической жизни все в большей степени понимается исследователями детского поведения, будет ли это интерес к особенностям психического развития или к возникновению конкретных форм поведения. Можно привести множество примеров, например, изучение врожденных основ страха СУ. Валентайна, развития речи у младенцев М.М. Льюис, развития симпатии у маленьких детей Л.Б. Мёрфи (Прим. 2).

Работа Мёрфи особенно ярко показала, как необходим этот принцип в изучении социальных взаимоотношений, и насколько он более плодотворен, чем любые чисто количественные или статистические подходы, или изучение черт личности, производимые безотносительно к контексту.

Одним из выдающихся примеров того, как внимание к точным деталям в их общем контексте может открыть значение поведения во внутренней психической жизни ребенка, является описание игры 18-месячного мальчика, сделанное Фрейдом. Этот мальчик был нормальным ребенком среднего интеллектуального развития и в целом хорошего поведения. Фрейд пишет: «Он не беспокоил родителей по ночам, честно соблюдал запрещение трогать некоторые вещи и ходить куда нельзя и, прежде всего, он никогда не плакал, когда мать оставляла его на целые часы, хотя он и был нежно привязан к матери, которая не только сама кормила своего ребенка, но и без всякой посторонней помощи ухаживала за ним и нянчила его. Этот славный ребенок обнаружил беспокойную привычку забрасывать все маленькие предметы, которые ему попадали, далеко от себя в угол комнаты, под кровать и проч., так что разыскивание и собирание его игрушек представляло немалую работу. При этом он произносил с выражением заинтересованности и удовлетворения громкое и продолжительное «о-о-о-о!», которое, по единогласному мнению его матери и наблюдателя, было не просто междометием, но означало «прочь» (Fort). Я наконец заметил, что это игра и что ребенок все свои игрушки употреблял только для того, чтобы играть ими, отбрасывая их прочь. Однажды я сделал наблюдение, которое укрепило это мое предположение. У ребенка была деревянная катушка, которая была обвита ниткой. Ему никогда не приходило в голову, например, тащить ее за собой по полу, т. е. пытаться играть с ней как с тележкой, но он бросал ее с большой ловкостью, держа за нитку, за сетку своей кровати, так что катушка исчезала за ней, и произносил при этом свое многозначительное «о-о-о-о!», вытаскивал затем катушку за нитку, снова из кровати, и встречал ее появление радостным «тут» (Da). Это была законченная игра, исчезновение и появление, из которых по большей части можно было наблюдать только первый акт, который сам по себе повторялся без усталости в качестве игры, хотя большее удовольствие, безусловно, связывалось со вторым актом.

Толкование игры не представляло уже труда. Оно находилось в связи с большой культурной работой ребенка над самим собой, с ограничением своих влечений (отказом от их удовлетворения), сказавшимся в том, что ребенок не сопротивлялся больше уходу матери. Он возмещал себе этот отказ тем, что посредством бывших в его распоряжении предметов сам представлял такое исчезновение и появление как бы на сцене».

Позже Фрейд заметил еще некоторые детали в поведении мальчика. «Когда однажды мать отсутствовала несколько часов, она была по своему возвращении встречена известием «Беби о-о-о!»», которое вначале осталось непонятным. Скоро обнаружилось, что ребенок во время этого долгого одиночества нашел для себя средство исчезнуть. Он открыл свое изображение в стоячем зеркале, спускавшемся почти до полу, и затем присел на корточки, так что изображение в зеркале уходило «прочь».

Наблюдение звуковой детали, которой мальчик приветствовал возвращение своей матери, привлекло внимание к удовольствию, которое ребенок получал от исчезновения и появления своего отражения в зеркале, что было убедительным доказательством его триумфа в контроле чувства потери с помощью игры как примирения с отсутствием матери.

Фрейд также обратил внимание на игру мальчика с деревянным кольцом и на такие отдаленные факты, о которых многие наблюдатели подумали бы, что они не имеют отношения к этой ситуации: отношения ребенка с его матерью, его аффектация и послушание, его способность воздерживаться от причинения ей беспокойства и разрешение ее отсутствия в течение многих часов без нытья и протестов. Так Фрейд пришел к пониманию значения игры ребенка в его социальной и эмоциональной жизни, заключив, что удовольствие от отбрасывания и возвращения материальных объектов было удовлетворением в фантазии желания контроля над приходами и уходами матери. На этом основании ребенок мог переносить ее реальные уходы и оставаться при этом любящим и послушным.

Принцип наблюдения контекста, как, например, внимание к деталям, является неотъемлемым элементом техники психоанализа, проводимого и у детей, и у взрослых.

в) Третий фундаментальный принцип, ценный как для наблюдений, так и для аналитических исследований, — принцип генетической непрерывности.

Опыт доказал, что в каждом аспекте психического развития (так же как и физического), будет ли это поза, моторный и манипулятивный навык, восприятие, воображение, язык или ранняя логика, каждая данная фаза развивается из предшествующих фаз путем, который может быть описан вообще и в конкретных деталях. Эта установленная общая истина служит путеводителем в дальнейших наблюдениях. Все исследования развития (например, Гиззел и Ширли) основаны на этом принципе. Это не означает, что развитие все время происходит в одинаковом ритме. Есть отчетливые кризисы роста, интеграция которых по самой их природе ведет к радикальному изменению переживаний и обеспечивает последующие достижения. Например, обучение ходьбе является таким кризисом. Как бы ни была драматична ходьба в тех изменениях, которые она приносит в мир ребенка, настоящая ходьба является результатом длительной цепочки развития координации. Научение разговорной речи — другой такой кризис; но опять-таки каждый из нас долго готовится и предвосхищает эту способность во всех деталях прежде, чем она установится. Так же правдой является то, что определение способности говорить чисто конвенционально. Обычно она определяется как способность произносить два слова, компромиссный стандарт, используемый в целях сравнения, а не для обесценивания дальнейшего развития. Как часто демонстрировалось, развитие речи начинается со звуков, издаваемых ребенком, когда он голоден или в процессе кормления с первых недель жизни. С другой стороны, изменения, происходящие после овладения первыми словами, столь же разнообразны и сложны, как и те, которые происходят до этого момента.

Один аспект развития речи имеет особое значение для наших насущных проблем: понимание слов намного опережает способность их использовать. Реальное время от того момента, когда ребенок демонстрирует достаточно полное понимание того, что ему говорят или что говорится в его присутствии, до самостоятельного использования слов варьируется у разных детей. У некоторых высокоинтеллектуальных детей интервал между пониманием и использованием слов может составить один год. Этот перерыв между пониманием и использованием наблюдается в течение всего детства. Многие другие

интеллектуальные процессы также выражаются в действиях задолго до того, как они могут быть выражены словами (Прим. 2).

Примеры рудиментарных мыслей, проявляющихся в действиях и в речи со второго года жизни приведены в исследованиях речевого развития М.М. Льюис. Экспериментальное исследование логического мышления, проведенное Хэзлитт и другими, демонстрирует работу того же принципа в более поздние годы (Прим. 2).

Общий факт генетической непрерывности, в частности, в речевом развитии, имеет особое значение в связи со следующим вопросом: «Активны ли фантазии у ребенка в то время, когда определенные влечения впервые начинают доминировать над его поведением и его чувствами, или они становятся активными лишь ретроспективно, когда он может выразить свои переживания словами?». Доказательства убедительно свидетельствуют в пользу того, что фантазии активизируются вместе с влечениями, из которых они возникают.

Генетическая непрерывность характерна для любого аспекта развития во всех возрастах. Нет причин сомневаться в том, что она истинна для фантазий также, как для поведения и логического мышления. На самом деле, не является ли большим достижением психоанализа демонстрация того, что развитие инстинктивной жизни, например, имеет непрерывность, не понимаемую до работ Фрейда? Суть фрейдовской теории сексуальности заключается именно в факте прослеживания детальной непрерывности развития.

Возможно, ни один психоаналитик не подвергнет сомнению этот абстрактный принцип, но не всегда принимается то, что стоит за ним. Установленный принцип генетической непрерывности является конкретным инструментом познания. Он вынуждает нас не принимать ни один факт поведения или психический процесс как *suí generis*, готовую или внезапно возникшую данность, но рассматривать их как этапы развивающейся последовательности. Мы стремимся проследить их назад через ранние и рудиментарные формы к самым зачаточным. Точно так же от нас требуется рассмотрение фактов как проявлений процесса роста, который приведет к более поздним и более развитым формам. Необходимо не только изучать желудь, чтобы понять дуб, но и знать дуб, чтобы понять желудь (Прим. 2).

Б) Метод психоанализа

Три вышеперечисленных способа получения данных о психической жизни — регистрация контекста, наблюдение деталей и рассмотрение фактов в процессе развития — являются неотъемлемыми аспектами работы психоанализа. Они на самом деле являются дыханием его жизни и служат для прояснения природы и функций фантазии, равно как и других психических феноменов.

Наблюдение деталей и контекста настолько тесно связаны в аналитической работе, что их необходимо вкратце рассмотреть вместе. Работая с взрослыми пациентами и детьми, аналитик не только слушает все детали актуального содержания замечаний и ассоциаций пациента (включая то, что сказано, и то, что не сказано), но и отмечает, где был сделан акцент и насколько он соответствует ситуации. Повторения сказанного в необычном аффективном и ассоциативном контексте; изменения в рассказе пациента о событиях прошлого и в описаниях людей из его окружения; происходящие время от времени

изменения в способах обращения к людям и обстоятельствам (включая имена, которые пациент им дает), — все это служит для определения характера и активности фантазий, действующих в его психике. Той же цели служат индивидуальные особенности речи, фразы или формы описания, метафоры или общий вербальный стиль. Другими данными являются выбор пациентом фактов из всего произошедшего, отрицания (например, событий, о которых он рассказывал прежде, психологических состояний, которые были бы уместны в той ситуации, о которой он говорит, реальных объектов, которые он видел, или событий, которые происходили в кабинете аналитика, фактов его личной жизни, которые с определенностью можно вывести из его предшествующих рассказов о себе и своей семье, или фактов, которые известны пациенту об аналитике, или событий в общественной жизни, таких, как война или бомбежка). Аналитик регистрирует манеры и особенности поведения пациента, с которыми он входит и покидает кабинет, способ приветствовать аналитика или прощаться с ним, все детали жестикологии и интонации, ритма речи, изменений в самовыражении и настроении. Также его внимание обращено на все признаки аффекта и отрицания аффекта в их качестве, интенсивности и ассоциативном контексте. Эти и многие другие детали дополняют свободные ассоциации и сновидения пациента и помогают раскрыть его бессознательные фантазии (среди прочих психических фактов). Конкретная ситуация, имеющая место во внутренней психической жизни пациента в данный момент, постепенно становится ясной, равно как и связь текущих проблем с ранними ситуациями и реальными переживаниями его личной истории.

Третий принцип, принцип генетической непрерывности, впечатан в психоаналитический подход в целом, во всю его пошаговую работу.

Открытие Фрейдом фаз либидинозного развития и последовательности различных проявлений сексуальных желаний от младенчества к зрелости не только полностью подтверждается с каждым анализируемым пациентом, но, как и любое удачное теоретическое обобщение, становится надежным инструментом понимания новых данных.

Наблюдаемое в аналитическом поле развитие фантазии, постоянное и развивающееся взаимодействие между психической реальностью и знанием о реальном мире, находится в полном соответствии с данными и обобщениями, полученными в других областях, таких, как телесные навыки, восприятие, речь и логическое мышление. Как внешние факты поведения, так и развитие фантазии мы должны рассматривать как звено развивающейся последовательности, чье начало может быть прослежено назад в прошлое и чьи дальнейшие, более зрелые формы могут быть устремлены в будущее. Понимание того, что содержание и форма фантазии в любое конкретное время связаны с фазами развития инстинктов и Эго, должно всегда присутствовать в разуме аналитика. Сделать это понятным для пациента (в конкретных деталях) — неотъемлемая часть работы.

Именно уделяя внимание деталям, содержанию поведения и речи пациентов, их сновидениям и ассоциациям, Фрейд удалось открыть в психической жизни действие фундаментальных инстинктивных влечений, а также обнаружить различные процессы — так называемые «психические механизмы», посредством которых выражаются и контролируются импульсы и чувства, а также достигается приспособление к окружающей действительности. Эти «механизмы» очень разнообразны по типу и многие из них рассмотрены весьма тщательно. По мнению современных авторов, все эти механизмы тесно связаны с определенными видами фантазий, а те, в свою очередь, определяют характер этой связи.

Открытия Фрейда практически полностью были сделаны на основании анализа взрослых, дополненного наблюдениями за детьми. Мелани Кляйн в непосредственной аналитической работе с детьми от двух лет и старше использовала все ресурсы аналитической техники, применив игру детей с материальными объектами, их игры и активность с аналитиком, их рассказы о том, что они делают и чувствуют или что происходит во внешней жизни. Ролевые и манипулятивные игры маленьких детей дают примеры тех разнообразных психических процессов (а следовательно, как мы увидим, и фантазий), которые впервые были отмечены Фрейдом в сновидениях и невротических симптомах взрослых. В отношении ребенка к аналитику, как и в случае со взрослыми, фантазии, возникшие на самых ранних этапах жизни, повторяются и проигрываются в очевидной и очень драматической манере, богатой живыми деталями.

Ситуация переноса

Изучение контекста, деталей и непрерывности развития в эмоциональных отношениях пациента к своему аналитику особенно плодотворно для понимания фантазий. Как хорошо известно, Фрейд быстро обнаружил, что пациенты повторяют по отношению к своему аналитику те ситуации чувств и желаний, психических процессов вообще, которые они ранее переживали по отношению к другим людям во «внешней жизни», в прошлом. Этот перенос на аналитика ранних желаний, агрессивных импульсов, страхов и других эмоций, подтверждается каждым аналитиком.

Личность, отношения и намерения, даже внешние данные и пол аналитика, как они видятся и переживаются в психике пациента, изменяются от одного дня к другому (даже ежеминутно) в соответствии с изменениями во внутренней жизни пациента (вызываются ли эти изменения словами аналитика или внешними событиями). Другими словами, отношение пациента к своему аналитику практически полностью состоит из бессознательных фантазий. Феномен «переноса» является не только доказательством существования и деятельности фантазии у каждого анализируемого, ребенка или взрослого, больного или здорового; этот феномен, рассматриваемый в деталях, позволяет также обнаружить конкретный характер работающих фантазий в определенных ситуациях и их влияние на другие психические процессы. «Перенос» оказался основным инструментом в понимании того, что происходит в душе пациента, в исследовании и восстановлении его ранней истории; раскрытие фантазий переноса и прослеживание их связи с ранними переживаниями и ситуациями текущего момента становится главным средством «излечения».

Повторение ранних ситуаций и их «отыгрывание» в переносе уводит нас далеко назад, за самые ранние сознательные воспоминания; пациент (взрослый или ребенок) часто показывает нам, с весьма драматическими и живыми деталями, чувства, стремления и отношения, присущие не только ситуации детства, но также и самым первым месяцам младенчества. В своих фантазиях по отношению к аналитику пациент находится далеко в прошлом, в начале своей жизни. Проследить эти фантазии в их контексте и понять их в деталях значит получить прочное знание о том, что на самом деле происходило в психике человека, когда он был ребенком.

Для понимания фантазии и других психических процессов у детей от двух лет и далее мы имеем не только данные наблюдаемого поведения, но также и полные ресурсы аналитического метода, используемого напрямую.

Если мы обратимся к детям младше двух лет, мы сможем использовать инструменты для изучения их реакции на раздражители, их спонтанную активность, признаки аффектов, игры с людьми и материальными предметами, а также все разнообразие их поведения. Во-первых, мы уже описали принципы наблюдения — ценность описания контекста, регистрации точных деталей, рассмотрения данных, наблюдаемых в конкретный момент времени, как звена в последовательности, которую можно проследить в обоих направлениях. Во-вторых, у нас есть представление, почерпнутое из прямого аналитического изучения психических процессов, столь ясно выраженных в сходных типах поведения (являющихся продолжением более ранних) у детей старше двух лет; кроме того, данные, полученные из повторяющихся ситуаций, эмоций, отношений и фантазий в «переносе», развивающемся в процессе анализа детей старшего возраста и взрослых.

Опираясь на эти инструменты, с известной долей вероятности можно сформулировать некоторые гипотезы относительно ранних стадий фантазирования, обучения и психического развития в целом. В нашем понимании существуют пробелы, которые, в связи с природой этой области знания, требуют времени для прояснения. И наши выводы не столь определены, как те, что касаются более поздних этапов развития. Но есть многое, что понятно и теперь, и многое, что ждет лишь уточнения дальнейших наблюдений или большего количества пациентов с целью установления корреляций между наблюдаемыми фактами и достижениями более высокой степени понимания.

2. Природа и функция фантазии

Вернемся к нашему основному тезису. Как было сказано, именно на основе объединения различных цепочек данных должно обсуждаться сегодняшнее значение понятия фантазии. Рассмотрение фактов и теории вызывает необходимость пересмотра использования этого термина.

Повседневное использование термина «фантазия»

Среди исследователей психоаналитиков этот термин часто используют, в согласии с повседневным языком, для обозначения лишь сознательных «фантазий», сновидений наяву. Но открытия Фрейда вскоре привели его к доказательствам существования бессознательных фантазий. Это значение слова необходимо. Английские переводчики Фрейда приняли особое написание слова «phantasy» с «ph», чтобы отличать психоаналитическое его значение, в основном или полностью бессознательные фантазии, от повседневного «fantasy», обозначающего сознательные мечты наяву. Психоаналитический термин «фантазия» обозначает бессознательное психическое содержание, которое может стать, а может и не стать сознательным.

Понятие бессознательной фантазии приобрело большое значение, в частности, вследствие появления работ Мелани Кляйн о ранних стадиях развития.

Кроме того, термин «фантазия» часто используется для противопоставления «реальности». Последнее слово принимается как идентичное с «внешними», «материальными», или «объективными» фактами. Но когда внешняя реальность называется «объективной» реальностью, допускается неявное предположение, отрицающее объективность психической реальности как психического факта. Некоторые аналитики стремятся противопоставить «фантазию» и реальность таким образом, чтобы обесценить динамическую важность фантазии. Сходно использование слова «фантазия» для обозначения чего-то, что «просто» или «только» воображается, как что-то нереальное, в противоположность чему-то настоящему, что происходит с человеком. Такое отношение стремится обесценить психическую реальность и значение психических процессов как таковых.

Психоанализ показал, что качество «быть «просто» или «только» воображаемым» не является наиболее важным критерием для понимания человеческой души. Когда и при каких обстоятельствах психическая реальность находится в гармонии с внешней реальностью — это лишь одна часть общей проблемы понимания психической жизни в целом; очень важная часть, но не единственная. Позже мы вернемся к этой проблеме.

Открытие Фрейдом динамики психической реальности начало новую эпоху психологического понимания.

Фрейд показал, что внутренний мир души имеет собственную живую реальность, со своими динамическими законами и характеристиками, отличными от таковых окружающего мира. Для понимания сновидения и человека, который видит сон, его психологической истории, его невротических симптомов и его нормальных интересов и характера, мы должны оставить наше предпочтение внешней реальности и нашу сознательную ориентацию на нее. Подобное обесценивание внутренней реальности является сегодня установкой Эго в обыденной цивилизованной жизни.

Следующий важный для нашей темы момент состоит в том, что фантазии также активны в нормальной, как и невротической психике. Иногда многим кажется, что только для «невротика» психическая реальность (т. е. бессознательные фантазии) имеют огромное значение, а для «нормальных» людей их значимость уменьшается до бесконечно малой величины. Этот взгляд не соответствует фактам, наблюдаемым в поведении обычных людей в повседневной жизни, или наблюдаемым посредством психоаналитической работы в ситуации переноса. Различие между нормальностью и ненормальностью заключается в способе обращения с бессознательными фантазиями, в особых психических процессах, с помощью которых они обрабатываются и изменяются, а также в степени прямого и непрямого вознаграждения в реальном мире и приспособления к нему, которых позволяют достичь подобные механизмы.

Фантазия как первичное содержание бессознательных психических процессов

До сих пор мы находились на знакомой территории. Однако, если мы установим более тесную связь между последними клиническими данными и некоторыми положениями Фрейда, мы сможем сделать шаг вперед в понимании функции фантазии.

Изучение выводов, вытекающих из анализа маленьких детей, приводит к взгляду на фантазии как на первичное содержание бессознательных психических процессов. Фрейд

не формулировал свои взгляды по этому поводу в терминах фантазии, но мы можем видеть, что такая формулировка находится в полном соответствии с его теорией.

Фрейд писал, что «...все сознательное имеет предварительную бессознательную стадию».

Все психические процессы рождаются в бессознательном и только при определенных обстоятельствах становятся сознательными. Они возникают как из инстинктивных потребностей, так и в качестве реакции на внешние раздражители, воздействующие на инстинктивные потребности. «Мы представляем себе, что у своего предела оно (Ид) открыто соматическому, вбирая оттуда в себя инстинктивные потребности, которые находят в нем свое психологическое выражение...».

С точки зрения современных авторов, это «психологическое выражение» инстинкта есть бессознательная фантазия. Фантазия (в первом приближении) — психическое следствие и представитель инстинкта. Нет влечения, нет инстинктивной потребности или реакции, которые бы не переживались в виде бессознательной фантазии.

В начале своих исследований Фрейд занимался, в основном, либидинозными желаниями и его «психическое выражение инстинктивных потребностей» относилось прежде всего к либидинозным целям. Однако его более поздние исследования, а также исследования других аналитиков, потребовали включить также и деструктивные импульсы.

Первые психические процессы, психические представители либидинозных и деструктивных инстинктов следует рассматривать как самые ранние истоки фантазии. Однако в психическом развитии ребенка фантазии вскоре становятся также средством защиты от тревоги, средством вытеснения и контроля инстинктивных потребностей и выражением репаративных желаний. Связь между фантазией и исполнением желаний всегда подчеркивалась; но наш опыт показывает, что большинство фантазий, как и невротические симптомы, служат и другим целям, кроме исполнения желаний, например, отрицанию, поддержке, всемогущему контролю, возмещению (reparation) и т. д. Конечно, правда, что в широком смысле все эти процессы служат удовлетворению желаний, нацелены на снижение напряжения, тревоги и вины, но полезно выделять различные виды этих процессов и их конкретные цели.

Все импульсы, все чувства, все модели защит переживаются в фантазии, которая дает им психическую жизнь и показывает их направленность и цель.

Фантазия представляет конкретное содержание потребности или чувства (например, желание, тревога, триумф, любовь или сожаление), доминирующих в психике в данный момент. На первых этапах жизни существует множество бессознательных фантазий, которые принимают конкретные формы в связи с катексисом определенных телесных зон. Более того, они возникают и превращаются в сложные паттерны в соответствии с возникновением, исчезновением и модуляцией первичных инстинктивных импульсов, которые они выражают. Мир фантазии демонстрирует то же калейдоскопическое разнообразие содержания, что и сновидения. Эти изменения происходят отчасти в связи с внешними воздействиями, а отчасти — в связи с взаимодействием самих первичных инстинктивных потребностей между собой.

В этом месте будет полезно привести примеры некоторых конкретных фантазий, однако без обсуждения возраста и временных отношений между этими реальными примерами.

Пытаясь привести примеры таких фантазий, мы, естественно, должны перевести их в слова. Мы не можем описать или обсудить их, не делая этого. Очевидно, что это не есть их естественный вид и мы неизбежно привносим чуждый элемент, присущий более поздним этапам развития и предсознательной психике. (Позднее мы обсудим более полно связь между фантазией и ее вербальным выражением.)

На основании принципов наблюдения и интерпретации, которые были описаны и которые прочно установились в психоаналитической работе, мы можем заключить, что когда ребенок демонстрирует свое желание материнской груди, он переживает желание как конкретную фантазию: «Я хочу сосать сосок». Если желание очень сильно (возможно, в связи с тревогой), он может почувствовать: «Я хочу всю ее съесть». Возможно, для предотвращения ее потери или потери собственного удовольствия он почувствует: «Я хочу иметь ее внутри меня». Если он чувствует нежность, он может иметь фантазию: «Я хочу погладить ее по лицу, пошептать и прижаться к ней». В другое время, когда он фрустрирован или возбужден, его влечения могут принимать агрессивный характер, он может переживать это, например, так: «Я хочу укунить грудь», «Я хочу разбить ее на кусочки». Или, если доминируют импульсы мочеиспускания, он может чувствовать: «Я хочу помочиться и обжечь ей кожу». Если такими агрессивными желаниями провоцируется тревога, он может фантазировать: «Меня самого мать должна резать или кусать». А когда фантазия относится к его внутреннему объекту, груди, которая была съедена и сохраняется внутри, он может пожелать извергнуть ее и чувствовать: «Я хочу выбросить ее из себя». Когда он чувствует потерю или печаль, он переживает, как описывает Фрейд: «Моя мать ушла навсегда». Он может чувствовать: «Я хочу вернуть ее назад, я должен иметь ее сейчас», а затем попытаться преодолеть чувства потери, тоски и беспомощности с помощью фантазий, выражающихся в аутоэротическом удовлетворении, например, сосании пальца или игре с гениталиями: «Если я сосу палец, я чувствую, что она снова здесь, принадлежит мне и доставляет мне удовольствие как часть меня самого». Если после атаки на мать и нанесения ей ущерба в фантазии снова возникают либидинозные желания, он чувствует, что хотел бы восстановить мать и фантазирует: «Я хочу сложить кусочки обратно», «Я хочу сделать ее лучше», «Я хочу накормить ее, как она кормила меня» и т. д. и т. п.

Эти фантазии не просто возникают и исчезают в соответствии с изменениями внутренних импульсов, провоцируемых внешними обстоятельствами; они сосуществуют одновременно, бок о бок, даже если они противоречат друг другу. Это похоже на то, как в сновидении взаимоисключающие желания могут существовать и выражаться одновременно.

Кроме того, ранние психические процессы имеют всемогущий (omnipotent) характер. Под давлением инстинктивного напряжения ребенок в первые дни жизни чувствует не только: «Я хочу», но и: «Я делаю то или это со своей матерью»; «Я имею ее внутри», когда он хочет этого. Желание и влечение, будь то любовь или ненависть, либидинозные или деструктивные импульсы, переживаются как реализующиеся по отношению к внутреннему или внешнему объекту. Частично это связано с огромной силой его желаний и чувств. В первые дни жизни желания заполняют весь мир. Очень медленно ребенок научается различать желание и действие, внешние факты и свои чувства по отношению к ним. Степень дифференциации частично зависит от стадии развития, достигнутой к этому моменту, а частично — от силы самого желания или эмоции. Понимание всемогущего характера ранних желаний и чувств опирается на взгляды Фрейда относительно галлюцинаторного удовлетворения младенца.

Галлюцинации и первичная интроекция

Фрейд пришел к выводу (изучая бессознательные процессы взрослых), что в начале психической жизни «... желанное выдвигалось просто в виде галлюцинации, как это и теперь еще еженощно происходит в наших сновидениях». Он называл это «попыткой удовлетворения путем галлюцинации».

Что же, в таком случае, галлюцинирует ребенок? Мы можем предположить, что, в связи с деятельностью оральных желаний, во-первых, сосок, затем грудь, и, позже, мать как целостную фигуру. Он галлюцинирует сосок и грудь, чтобы насладиться ими. Как мы можем видеть из его поведения (сосательные движения, сосание собственной губы и, позднее, пальцев и т. д.), галлюцинации не являются просто кар тинкой, но приносят ему то, что он хотел бы делать с желаемым объектом, который он воображает (фантазирует). Весьма возможно, что галлюцинации работают лучше в периоды менее интенсивного инстинктивного напряжения, возможно, в тот момент, когда ребенок только наполовину пробудился и почувствовал голод, но все еще лежит спокойно. По мере усиления напряжения, голод и желание сосать грудь становятся сильнее, галлюцинации разрушаются. Боль фрустрации вызывает все большее желание, стремление вобрать в себя грудь целиком и оставить ее внутри как источник удовлетворения; и это на какое-то время осуществляется в воображении или галлюцинациях всемогущим образом. Мы должны признать, что инкорпорация груди связана с самыми ранними формами фантазийной жизни. Тем не менее, подобный образ внутренней удовлетворяющей груди может разрушиться, если фрустрация продолжается, голод не удовлетворяется, а инстинктивное напряжение становится слишком сильным для того, чтобы его отрицать. Психику заполняют бешенство и жестокие агрессивные фантазии, что требует нового приспособления.

Давайте посмотрим, что говорил Фрейд об этой ситуации.

Он пишет: «"Я" не нуждается во внешнем мире, поскольку оно аутоэротично, но оно получает из этого мира объекты вследствие переживаний, влечений к самосохранению и не может избежать того, чтобы не воспринимать в течение некоторого времени внутренних раздражений влечений как неприятных. Находясь во власти принципа удовольствия, "я" прodelывает дальнейшее развитие. Оно воспринимает в себя предлагаемые объекты, поскольку они являются источниками наслаждения, интроецирует их в себя (по выражению Ференци), а с другой стороны, отталкивает от себя все, что внутри него становится поводом к переживанию неудовольствия, неприятного (см. ниже механизм проекции)».

Хотя, описывая интроекцию, Фрейд не использует выражение «бессознательная фантазия», понятно, что его представления совпадают с нашим тезисом об активности бессознательных фантазий в ранние периоды жизни.

Трудности в раннем развитии, рождающиеся из фантазий

Значение многих из известных трудностей раннего детского возраста (например, связанных с кормлением и выделениями, страхом чужих, тревогой, связанной с одиночеством и т. д.) может быть понято лучше, если мы рассмотрим их как проявления ранних фантазий.

Фрейд прокомментировал некоторые из этих проблем. Например, он пишет о «... ситуации ребенка, который сталкивается с чужим, а не со своей матерью» и после обсуждения тревоги ребенка добавляет, «...выражение его лица и его плач доказывает, что, кроме всего прочего, он чувствует боль... Как только он потерял свою мать, он ведет себя так, как будто больше никогда не встретится с ней».

Фрейд также упоминает о «... неправильном понимании фактов ребенком».

Под болью Фрейд явно подразумевает не телесную, но душевную боль. А душевная боль имеет содержание, значение и предполагает наличие фантазии. Согласно представленному здесь взгляду, когда ребенок «ведет себя так, как будто никогда не увидит мать», это означает, что в его фантазии она уничтожена его собственной ненавистью и жадностью, потеряна навсегда. Его представление об отсутствии матери окрашено собственными чувствами ребенка по отношению к ней — его желанием и непереносимостью фрустрации, ненавистью и результирующей тревогой. Его «неправильное понимание фактов» является тем же, что и «субъективная интерпретация» восприятия ее отсутствия, как характеризует фантазию Джоан Райвери.

В другом случае, говоря об оральной фрустрации, Фрейд писал: «Кажется, что жадность ребенка к своему первому питанию вообще неутолима, что он никогда не примирится с утратой материнской груди... С отнятием от груди связан, вероятно, и страх перед отравлением. Яд — это пища, которая делает кого-то больным. Может быть, что и свои ранние заболевания ребенок сводит к этому отказу».

Как может ребенок «сводить свои ранние заболевания к этому отказу», если он не переживает эту фрустрацию в душе и не сохраняет о ней бессознательные воспоминания? В то время, когда он испытывает фрустрацию, она является не просто телесным событием, но также и психическим процессом, т. е. фантазией — фантазией о плохой матери, которая вызывает боль и чувство потери. Фрейд писал, что страх отравления связан с отлучением от груди. Он не развил этой связи. Но, как показала работа Мелани Кляйн, это предполагает существование фантазии об отравляющей груди.

Описывая чувства маленькой девочки, Фрейд указывал на «относящийся к матери страх быть убитой».

Теперь, говоря о «страхе быть убитым матерью», мы имеем в виду фантазию убивающей матери. В нашей аналитической работе мы находим, что фантазия «убивающей матери» преобладает над фантазией, в которой мать атакуется жадной убийства самого ребенка. Иногда фантазия о мстительной матери может получить сознательное выражение в словах в более позднем возрасте, как это случилось у маленького мальчика, описанного доктором Эрнестом Джонсом.

Этот мальчик сказал о соске матери, которую увидел, когда она кормила грудью младшего ребенка: «Так вот чем ты меня кусала». Здесь произошло то, с чем мы сталкиваемся при анализе каждого пациента, — ребенок спроецировал собственные оральные агрессивные желания на объект этих желаний, грудь своей матери. В его фантазии, которая сопровождала эту проекцию, она (мать или ее грудь) собирается разорвать его на мелкие кусочки, что он сам хотел сделать с ней.

Теперь мы должны вкратце рассмотреть связь между фантазиями и словами.

Первичные фантазии, представляющие самые ранние импульсы желания и агрессии, выражаются в психических процессах, отстоящих очень далеко от слов и осознанного, связного мышления. Они определяются логикой эмоций. В последующем при некоторых обстоятельствах (иногда в спонтанной игре ребенка, иногда только в процессе анализа) появляется возможность и способность выразить их словами.

Множество доказательств свидетельствует в пользу того, что фантазии активны задолго до появления речи, и что даже у взрослых они действуют наряду и независимо от слов. Значения, подобно чувствам, намного старше, чем речь, и сходны в расовом и детском переживании.

И в детстве, и во взрослой жизни мы живем, чувствуем, действуем и фантазируем далеко за пределами вербальных значений. Например, некоторые из наших снов показывают, какие драмы мы можем переживать, пользуясь лишь визуальными образами. Из примеров рисунка, живописи и скульптуры, а также мира искусства в целом мы знаем, что богатство скрытых значений может скрываться даже в форме, цвете, линии, движении, массе, сочетании форм и цветов или мелодии и гармонии в музыке. В общественной жизни мы на личном опыте убеждаемся в том, что можем многое понимать прямо из выражения лица, тона голоса, жестов, не пользуясь словами; мы узнаем, как много значений скрыто в том, что мы воспринимаем, часто вообще без слов, а иногда даже вопреки произносимым словам. Все это, воспринимаемое или воображаемое, является набором переживаний (*experience*). Слова являются средством отнесения к опыту (*experience*), настоящему или воображаемому, но не идентичны с ним и не могут его заменить. Слова могут вызывать чувства, образы и действия, или обозначать ситуации; это возможно, поскольку они являются знаками переживаний, при этом не будучи их главным материалом.

Фрейд очень ясно выразил эту мысль, неоднократно повторяя, что слова принадлежат только сознательному миру, а не сфере бессознательных чувств и фантазий. Он утверждал, что мы наделяем любовью и интересом реальных людей, а не их имена (Прим. 3.).

О зрительной памяти он писал: «...Она ближе бессознательному процессу, чем мысли, оформленные в слова, и, несомненно, старше последних, как онтогенетически, так и филогенетически».

Возможно, наиболее убедительным доказательством активности фантазий без слов является существование истерических конверсионных симптомов. В этих известных невротических симптомах больные люди обращаются к примитивному довербальному языку и используют ощущения, позы, жесты и висцеральные процессы для выражения эмоций, бессознательных желаний и убеждений, т. е. фантазий. Психогенный характер таких телесных симптомов, впервые обнаруженный Фрейдом и прослеженный Ференци, подтверждается каждым аналитиком; их прояснение является общим в работе с различными пациентами. Каждая деталь симптома, оказывается, имеет конкретное значение, т. е. выражает конкретную фантазию. Различные изменения в форме и интенсивности ощущений в пораженной части тела отражают изменения фантазии в ответ на внешние события или внутреннее напряжение.

Мы однако зависим не только от таких общих, даже весьма убедительных, соображений, полученных от взрослых и детей старшего возраста. Можно собрать достаточно прямых

доказательств того, что в психике маленького ребенка фантазии доминируют задолго до того, как их содержание может быть передано словами.

В качестве примера: маленькая девочка (1 год и 8 месяцев) с плохо развитой речью, увидела туфлю матери с оторванной и болтающейся подошвой. Ребенок пришел в ужас и плакал. Почти целую неделю девочка убегала и плакала, если видела мать в любых туфлях, и принимала ее только в ярких домашних тапочках. Несколько месяцев мать не могла носить туфли, вызвавшие первую реакцию. Постепенно девочка забыла о страхе и разрешила матери носить любые туфли. В 2 года и 11 месяцев, однако (спустя 15 месяцев), она вдруг сказала матери испуганным голосом: «Где поломанные туфли мамы?». Мать осторожно сказала, опасаясь нового приступа плача, что она отослала их обратно, а девочка ответила: «Они могли бы съесть меня целиком».

«Просящую каши » туфлю ребенок видел как угрожающий рот. Девочка реагировала таким образом в возрасте одного года и восьми месяцев, хотя фантазия могла быть переведена в слова лишь более, чем год спустя. Здесь мы имеем самое очевидное из возможных доказательств, что фантазия чувствуется и переживается как реальность задолго до того, как она может быть выражена словами.

Фантазии и сенсорный опыт

Слова, следовательно, являются поздно возникающими средствами выражения внутреннего мира наших фантазий. В то время, когда ребенок может использовать слова (даже примитивные слова вроде «Беби о-о-о-о!»), он уже прошел длинный и сложный путь психических переживаний.

Первое исполнение желания в фантазии, первая «галлюцинация» связана с ощущением. Определенные приятные ощущения (удовольствие органов) должны иметь место, если ребенок выживает. Если, например, первый сосательный импульс не привел к приятному удовлетворению, у младенца развивается острая тревога. Сосательный импульс может в последующем подавляться или стать менее координированным. В крайних случаях может иметь место полное подавление кормления, в менее драматических примерах «худоба» и замедленное развитие. Если, напротив, благодаря естественной общности ритмов матери и ребенка или умелому решению возникающих проблем младенец получает приятное удовлетворение от груди, развивается хорошая координация сосательного процесса, которая поддерживается автоматически и способствует жизни и здоровью.

Изменения в температуре контактной поверхности, сильные звуковые и световые раздражители и т. д., очевидно, ощущаются как болезненные. Внутренние раздражители голода и желания контакта с материнским телом также болезненны. Но ощущения тепла, желаемого контакта, удовлетворения от сосания, свободы от внешних раздражителей и т. п. вскоре приносят приятные переживания удовлетворения. Во-первых, вся масса желаний и фантазий порождается ощущениями и аффектами. Голодный, желающий тепла или напуганный ребенок чувствует реальные ощущения во рту, в конечностях и во внутренностях. Для него это означает, что с ним нечто делают, или что он сам делает то-то и то-то, чего он хотел бы или боялся. Он чувствует, как будто он делает что-то — дотрагивается, сосет или кусает грудь, которая в настоящий момент недостижима. В другое время он может чувствовать, что его насильно и болезненно лишили груди, или же, что она его кусает. Вначале, по-видимому, все это происходит без визуальных и пластических образов.

Интересный материал по этому вопросу предоставлен М.М. Миддлмор. Речь идет об анализе девочки 2 лет и 9 месяцев, которая проходила лечение по поводу тяжелых нарушений питания. В ее играх, как дома, так и во время анализа, она все время кусалась. «Среди прочих игрушек она предпочитала кусающуюся собаку, крокодила, льва, ножницы, которые могли резать чашки, дробильную машину и машину для размалывания цемента». Ее бессознательные фантазии и сознательные игры были на удивление деструктивного характера. В действительности, она с самого рождения отказывалась сосать грудь, и мать вынуждена была отказаться от попыток кормить ребенка грудью в связи с совершенным отсутствием реакций. Когда ее привели к аналитику, она ела очень мало и только после предварительных уговоров. У девочки не было ни опыта реальной «атаки» на грудь, ни даже опыта сосания, только укусы, как у тех животных, жестокие нападения которых она воспроизводила в своих играх. М.М. Миддлмор предположила, что телесные ощущения, т. е. муки голода, которые беспокоили ребенка, были источником этих фантазий о кусании кого-то и ее самой (Прим. 4.).

В последующем самые ранние фантазии, растущие из телесных импульсов, «спаиваются» с телесными ощущениями и аффектами. Они прежде всего выражают внутреннюю и субъективную реальность, но с самого начала связаны с настоящим, хотя и ограниченным суженным, переживанием объективной реальности.

Первые телесные переживания выстраивают первые воспоминания, а внешняя реальность все сильнее вплетается в ткань фантазии. Проходит довольно много времени, прежде чем фантазии ребенка приобретают способность выражаться в пластических образах или ощущениях: визуальных, слуховых, кинестетических, прикосновении, запахе, вкусе и т. д. И эти пластические образы, и драматические выражения фантазий постепенно развиваются вместе с артикулированным восприятием внешнего мира.

Однако фантазии не происходят из артикулированного знания внешнего мира, их источник находится внутри, в инстинктивных импульсах. Например, торможение питания, иногда появляющееся у совсем маленьких детей и очень часто у детей после отнятия от груди на втором году жизни, оказывается (в процессе последующего анализа), проистекает из тревоги, связанной с первичными оральными желаниями алчной любви и ненависти: страха уничтожения (посредством разбивания на куски и поедания) единственного объекта любви — груди, которая ценится так высоко и желается так страстно.

Иногда полагают, что бессознательные фантазии, такие как «разбить на куски», не могут возникнуть в душе ребенка до тех пор, пока он не поймет, что разбить на куски человека значит убить его или ее. Такой взгляд неуместен. Здесь не учитывается тот факт, что такое знание является унаследованным в телесных импульсах как двигатель инстинкта, в цели инстинкта, в возбуждении органа (в данном случае, рта).

Фантазия о том, что страстные желания разрушат грудь, не требуют, чтобы ребенок действительно видел объекты, которые поедаются и уничтожаются, а затем пришел к выводу, что он тоже может сделать нечто подобное. Эта цель, т. е. связь с объектом, является наследственной по характеру и направленности импульса и связанного с ним аффекта.

Возьмем другой пример: проблемы ребенка, связанные с мочеиспусканием, общеизвестны. Постоянный энурез — частый симптом даже у детей среднего возраста. Из анализа детей и взрослых известно, что эти проблемы возникают из особенно мощных фантазий, касающихся деструктивного воздействия мочи и опасностей, связанных с актом

мочеиспускания. (Эти фантазии обнаруживаются и у здоровых людей, но по некоторым причинам они особенно активны у несдержанных детей.) Проблемы в контроле за мочеиспусканием мы связываем теперь с фантазиями о том, что моча представляет собой могущественное зло. Тревога эта, в свою очередь, берет начало в деструктивных импульсах. Прежде всего потому, что ребенок хочет, чтобы его моча была такой опасной, он и приходит к выводу о том, что она в действительности является таковой. Этот вывод изначально не связан с тем, что мать подходит к кровати каждый раз, когда он обмочился, или с тем, что он убедился в реальной опасности своей мочи, или с сознательным пониманием, что во внешней реальности люди и в самом деле могут утонуть и обжечься.

Ситуация возвращает нас к раннему детству. В фантазии: «Я хочу утопить и обжечь мать своей мочой» мы сталкиваемся с выражением агрессии и бешенства ребенка, желанием атаковать и уничтожить мать с помощью мочи, отчасти связанным с вызываемой ею фрустрацией. Он хочет затопить ее мочой в жгучем гневе. «Жгучий» является определением как его телесных ощущений, так и силы его агрессии. «Затопление» также обозначает ощущение силы переживаемой им ненависти и его всемогущества, когда он наводняет халат матери. Младенец чувствует: «Я должен уничтожить плохую мать». Он преодолевает чувство беспомощности могущественной фантазией: «Я могу и уничтожу ее» — всеми доступными ему средствами. И когда уринарный садизм достигает своего пика, он чувствует, что все, что он может сделать, это обжечь мать своей мочой. Несомненно, «обжигать» и «топить» относится к тому, как его захватывает и наводняет беспомощная ненависть, в которой он сгорает. Весь мир наполнен его гневом, и он сам будет уничтожен им, если не сумеет выплеснуть гнев на мать, разряжаясь на ней своей мочой. Вода, прорвавшая плотину, ревущий огонь, разлившаяся река или штормовое море, наблюдаемые как внешняя реальность, связываются в его психике с ранними телесными переживаниями, инстинктивными целями и фантазиями. Когда он дает имена этим явлениям, он может иногда перевести эти фантазии в слова.

Точно так же обстоит дело с экскрементами ребенка, которые он рассматривает как хорошие вещи и хочет преподнести в подарок матери. В определенных случаях и при определенном настроении ребенок чувствует, что его кал и моча — это то, чего хочет мать, и дарение их является выражением его любви и благодарности к ней. Такие фантазии о кале и моче как благах, несомненно, усиливаются тем фактом, что мать радуется, если он испражняется в соответствующем месте и в соответствующее время. Но его наблюдение за удовлетворением матери не является первичной причиной восприятия их как хороших. Источник лежит в его желании дать их как хорошие, т. е. накормить мать так же, как она кормит его, доставить ей удовольствие и сделать то, чего она хочет; а также в его чувстве ценности (goodness) своих органов и всего тела в целом, когда он любит мать и чувствует ее хорошее расположение к себе (feeling her good to him). Его моча и кал становятся таким образом инструментом его способности к любви, так же, как голос и улыбка. Поскольку в распоряжении у ребенка так мало ресурсов для выражения как любви, так и ненависти, он должен использовать все функции своего тела и его выделения для выражения глубоких и ошеломляющих желаний и чувств. Его моча и кал могут быть плохими и хорошими, в соответствии с его желаниями в момент испражнения и способом (включая время и место), которым они продуцируются.

Эти чувства и страхи, связанные с продуктами собственного тела, соотносятся с так называемыми «теориями детской сексуальности». Фрейд первый обратил внимание на тот факт, который впоследствии широко наблюдался, что маленькие дети сознательно и бессознательно создают собственные спонтанные теории о происхождении детей и природе сексуальных отношений родителей, основанные на их собственных телесных возможностях. Например, они могут быть убеждены, что дети делаются из еды, а

отношения родителей заключаются во взаимном кормлении и поедании. Отец кладет хорошую еду в мать, он кормит ее своими гениталиями, а она взамен кормит его своей грудью, а после этого у нее внутри появляются дети. Или они возникают из кала. Отец вкладывает кал внутрь матери, и до той степени, до которой ребенок любит и способен переносить любовь родителей друг к другу, он может чувствовать, что это хорошо, и что это порождает жизнь внутри матери. В другое время, когда он чувствует ненависть и ревность, и совершенно не может переносить взаимоотношений между родителями, он жаждет, чтобы отец вложил плохой кал внутрь матери — опасное, взрывчатое вещество, которое уничтожит ее изнутри, или помочится на нее таким образом, чтобы навредить ей. Совершенно очевидно, что эти инфантильные сексуальные теории не выводятся из наблюдения внешних событий. Ребенок никогда не наблюдал, чтобы дети делались из пищи или кала, никогда не видел отца, который мочится на мать. Его представления о взаимоотношениях между родителями основаны на его собственных телесных ощущениях, возникающих под воздействием мощных чувств. Его фантазии выражают его желания и страсти, используя телесные импульсы, ощущения и процессы в их материальном выражении (Прим. 5).

Разнообразные содержания ранних фантазий, способы их переживания ребенком и формы выражения находятся в соответствии с его телесным развитием и его способностью чувствовать и знать. Они являются частью его развития, расширяются и усложняются с ростом его телесных и психологических ресурсов, находятся под влиянием его медленно созревающего Эго и оказывают обратное влияние на него.

Связь ранних фантазий с первичным процессом

Самые ранние и рудиментарные фантазии, связанные с сенсорными переживаниями и являющиеся по сути, аффективными интерпретациями телесных ощущений, характеризуются теми качествами, которые Фрейд описал как относящиеся к «первичному процессу»: отсутствие координации влечения, отсутствие чувства времени, противоречия и отрицания. Далее, на этом уровне не существует ограничений внешней реальности. Переживания сводятся к реакциям «все или ничего», и отсутствие удовлетворения переживается как позитивное зло. Потеря, неудовлетворенность или лишения ощущаются как позитивное, болезненное переживание.

Мы все знакомы с ощущением «быть наполненным пустотой». Пустота является позитивной в ощущении, точно так же, как и темнота является реальным явлением, а не просто отсутствием света, какими бы ни были наши представления. Темнота падает как занавес или штора. Когда приходит свет, он прогоняет темноту, и так далее.

Так, когда мы говорим (обоснованно), что ребенок чувствует мать, которая не устраняет источник боли, «плохой» матерью, мы не имеем в виду, что у него есть ясное представление о негативном факте — матери, которая не устраняет источник боли. Это более поздняя версия. Боль сама по себе позитивна, «плохая мать» является позитивным переживанием, вначале неотличимым от боли. Когда в возрасте приблизительно 6 месяцев ребенок садится и видит, что его мать как внешний объект не приходит, когда он этого хочет, он может установить связь между тем, что он видит (она не приходит) и болью или неудовлетворением, которые он испытывает.

Когда ребенку не хватает матери и он ведет себя так, «как будто он никогда не увидит ее вновь», это не означает, что у него есть понятие об ограничивающем времени. Скорее, это

свидетельствует о том, что его боль потери носит абсолютный характер, обладая отчетливым признаком «никогда», до тех пор, пока психическое развитие и переживание времени — как медленно создающаяся внешняя реальность — не привнесут конечность в восприятие и воображение.

Однако первичный процесс не следует рассматривать как занимающий все психическое пространство ребенка в некий период времени. Он может играть ведущую роль в первые дни жизни, но мы не должны пропускать первых попыток приспособления младенца к внешней среде, а также факта, что удовлетворение и фрустрация переживаются с самого момента рождения. Прогрессирующее изменение реакций младенца в первые несколько недель и далее показывает, что уже к возрасту двух месяцев имеется довольно высокая степень интеграции восприятия и поведения, с первыми признаками памяти и предвидения.

С этого времени ребенок проводит все увеличивающееся количество времени в исследовательских играх, которые являются одновременно и попыткой приспособления к реальности, и активным средством выражения фантазии (осуществлением желания и защитой от боли и тревоги).

В действительности «первичный процесс» является ограниченным понятием. Как писал Фрейд: «Насколько мы знаем, не существует психического аппарата, обладающего лишь первичным процессом, и в этом смысле это теоретическая фикция» (Прим. б). Позже он говорил о «запаздывающем появлении» вторичного процесса, что выглядит как противоречие. Противоречие разрешается, если мы будем говорить о «запаздывающем появлении» не как о моменте возникновения первых рудиментарных признаков, а как о полном становлении вторичного процесса. Такой взгляд лучше всего соответствует тому, что мы наблюдаем в реальном развитии детей, их приспособлении к реальности, контролю и интеграции.

Инстинкт, фантазия и механизм

Теперь мы должны рассмотреть другой важный аспект нашей проблемы — связь между инстинктами, фантазией и механизмами защиты. Изрядные трудности и определенные неясности по этому вопросу возникают в процессе многочисленных дискуссий. Одна из целей этого раздела — прояснить связи между различными концепциями.

Различия между, например, фантазией инкорпорации и механизмом интроекции не всегда отчетливо наблюдаются. В дискуссиях о конкретных оральных фантазиях поедания или, другими словами, инкорпорации конкретного объекта, мы часто сталкиваемся с выражением: «Он интроецировал объект». Иногда люди говорят об «интроецированной груди», снова смешивая конкретную телесную фантазию с общим психическим процессом. Особенно это касается механизмов интроекции и проекции, хотя проблема связи между инстинктами, фантазией и механизмами защиты может быть решена более общим способом с учетом всего разнообразия психических механизмов.

Рассмотрим, в частности, «интроекцию» и «проекцию»: это абстрактные термины, названия определенных фундаментальных механизмов или методов функционирования психической жизни. Они касаются таких явлений, когда определенные идеи, впечатления и влияния принимаются внутрь личности и становятся ее частью. Или же того, что некоторые аспекты или элементы личности отторгаются и приписываются другому

человеку, группе людей или части окружающего мира. Эти общие психические процессы, вполне различимые как у детей, так и взрослых, в обычной жизни и в кабинете врача, являются «механизмами», т. е. определенными способами, с помощью которых реализуется психическая жизнь, средством контроля над внутренним напряжением и конфликтами.

Эти психические механизмы тесно связаны с определенными мощными фантазиями. Фантазии инкорпорации (поедания, абсорбции и т. д.) любимых и ненавистных объектов, личностей и их частей внутри нас самих находятся среди наиболее ранних и наиболее глубоких бессознательных фантазий, целиком оральных по своему характеру, поскольку они являются психическими представителями оральных импульсов. Некоторые из этих оральных фантазий были описаны выше, например: «Я хочу принять и я принимаю ее (мать или грудь) внутрь меня». Следует четко представлять различие между фантазией инкорпорации и общим психологическим механизмом интроекции. Последний имеет гораздо более широкое значение, чем первая, хотя и тесно связан с ней. Для понимания отношения между фантазией и механизмом мы должны более тщательно рассмотреть отношения их обоих к инстинкту. По нашему мнению, фантазия является передаточным звеном между инстинктом и Эго-механизмом.

Инстинкт понимается как пограничный психосоматический процесс. Он имеет телесную цель, направленную на конкретный внешний объект. Он имеет представителя в психике, который называется «фантазией». Человеческая активность произрастает из инстинктивных потребностей. Только с помощью фантазии, которая должна удовлетворить наши инстинктивные потребности, мы способны попытаться реализовать их во внешней реальности (Прим. 7).

Будучи психическими явлениями, фантазии, тем не менее, касаются прежде всего телесных целей, боли и удовольствия, направленных на какой-либо объект. Противопоставленные внешним или телесным реальностям, фантазии, подобно другим психическим процессам, являются фикцией, поскольку их нельзя потрогать руками или увидеть. Однако они являются реальностью в переживании субъекта. Это настоящая психическая функция, и она имеет реальные эффекты не только во внутреннем мире психики, но также и во внешнем мире телесного развития субъекта и его поведения, а также в душах и телах других людей.

Мы уже вскользь коснулись примеров конкретных фантазий; например, у маленьких детей с ними связаны такие проблемы, как фобии и трудности, связанные с кормлением и испражнениями. К этому можно добавить так называемые плохие привычки, тики, отрицание авторитетов, лживость и воровство и т. д. Мы говорили также об истерических конверсионных симптомах у людей всех возрастов как о выражении фантазий.

Следующим примером могут служить трудности с питанием и пищеварением, головные боли, подверженность простудам, дисменоррея и многие другие психосоматические симптомы. Даже обычные телесные характеристики, не имеющие отношения к заболеваниям, как например, тон голоса во время разговора, пантомимика, походка, характер рукопожатия, выражение лица, почерк и общие манеры прямо или косвенно находятся под влиянием конкретных фантазий. Эти последние обычно очень сложны, связаны как с внутренним, так и с внешним миром, а также с психологической историей индивида.

Примечательно, насколько часто и до какой степени подобные телесные выражения индивидуальных фантазий могут изменяться, временно или постоянно, в процессе

анализа. В момент депрессии, например, манера ходить и держать тело, выражение лица и голос, телесный ответ пациента на окружающий мир и других людей будет сильно отличаться от ответа во время возбуждения, отрицания, поражения или попыток контролировать тревогу и т. д. Эти изменения в процессе анализа иногда выглядят довольно драматично.

Во внешней жизни люди могут иметь периоды частых ошибочных действий и тенденции к несчастным случаям: падениям, переломам, спотыканиям, потерям вещей.

Нужно только посмотреть на людей в обычной жизни, в метро, автобусе, или ресторане, или семейной жизни, чтобы увидеть бесконечное разнообразие телесных характеров, в частности, манер, индивидуальных предпочтений в одежде и речи, и т. д., через которые выражаются доминирующие фантазии и эмоциональные состояния, связанные с ними.

Аналитическая работа дает возможность понять, что означают эти разнообразные детали, какие именно меняющиеся наборы фантазий действуют в психике пациента: о его собственном теле и о других людях, о его телесных или социальных связях с ними, сейчас или в прошлом. Многие из таких телесных черт изменяются, иногда очень заметно, после анализа стоящих за ними фантазий.

Точно так же более широкое социальное выражение характера и личности демонстрирует силу фантазий. К примеру, отношение людей к таким вещам, как время, деньги или собственность, к опозданиям и пунктуальности, возможности давать или брать, лидерству или подчиняемости, пребыванию «на острие событий» или работе в коллективе и так далее и тому подобное, всегда в процессе анализа оказывается связанным с каким-либо набором фантазий. Развитие этих фантазий может быть прослежено через их различные защитные функции в связи с конкретными ситуациями, назад к их истокам в первичных инстинктивных процессах.

В своем исследовании исключений Фрейд рассматривал удивительные примеры характеров людей, считающих или провозглашающих себя исключительными. Такие люди ведут себя так, будто находятся вне всяких требований других людей, членов семьи или врача, внешнего мира в целом. Фрейд обратился к шекспировскому Ричарду III, как крайнему примеру этого явления, и связал некоторые из фантазий, лежащие за внешне простым вызывающим поведением Ричарда с его уродством. Фрейд предполагал, что монолог Ричарда — не просто вызов, но бессознательный довод (который мы можем назвать фантазией): «Природа нанесла мне вред, отказав в красоте формы, которая завоевывает любовь людей. Жизнь предоставляет мне возмещение за это, и я получу его. У меня есть право быть исключением, переступить через те связи, которыми другие позволяют себя связать. Я могу делать неправильные вещи потому, что со мной поступили неправильно».

Я могу привести пример из собственного аналитического опыта. Подросток приступил к терапии в связи с серьезными трудностями дома и в школьной жизни, таких как очевидное вранье, которое, несомненно, будет раскрыто, агрессивное поведение, дикая неопрятность в одежде. В целом, поведение этого шестнадцатилетнего мальчика шло совершенно вразрез с традициями его семьи. Это было поведение социального изгнанника. Даже когда анализ принес существенное улучшение, так что он смог поступить на службу в Воздушные Силы вскоре после начала войны, он не мог следовать нормальному для его социальных обстоятельств ходу событий. Он отлично работал в армии и заслужил прекрасную репутацию, но отказывался принять офицерский чин. В начале анализа он был одинок и несчастен, совершенно не имел друзей. Позже он мог

поддерживать прочную дружбу, его очень любили в сержантской столовой, но он был совершенно не в состоянии жить в соответствии с общественными традициями своей семьи, в которой было много известных офицеров.

Заболевание этого мальчика, как всегда, определялось многими сложными причинами — внешними обстоятельствами и внутренними реакциями. У него была богатая фантазийная жизнь, но доминировала в ней фантазия, в которой единственным способом преодоления ненависти к младшему брату (в конечном счете, к отцу) представлялся отказ от всех амбиций в их пользу. Он чувствовал, что для них обоих — него и брата (нормального, одаренного и счастливого человека) — невозможно быть любимым матерью и отцом. В телесных терминах, для них обоих, него и младшего брата (а в конечном счете, отца), было невозможно иметь потенцию. Это мнение родилось в глубинах его души из ранних фантазий об инкорпорации отцовских гениталий. Он чувствовал, что если он всосет гениталии отца от своей матери, проглотит их и будет обладать ими, то хорошие гениталии будут уничтожены, его младший брат не получит их, никогда не вырастет, никогда не станет потентным, любимым или мудрым, никогда не будет существовать! Выбирая отказ от всего в пользу младшего брата (отца), мальчик изменил и смог контролировать агрессивные импульсы по отношению к родителям, а также и свой страх перед ними.

У этого мальчика многие вспомогательные внутренние процессы и внешние обстоятельства привели к тому, что эта фантазия стала доминировать в его жизни. Утвердилось мнение, что существует только один вид объектов: эта хорошая грудь, эта хорошая мать, этот хороший пенис отца. И если кто-то обладает этим идеальным объектом, другой должен страдать от его потери, становясь таким образом опасным для обладателя. Эта фантазия широко обнаруживается, хотя у большинства людей она видоизменяется и уравнивается в процессе развития, играя менее значимую роль в жизни.

Фрейд также подчеркивает, что провозглашенное Ричардом чувство собственной исключительности переживается всеми нами, хотя у большинства людей происходит его видоизменение, коррекция или перекрытие. Фрейд пишет: «Ричард являет собой гигантское преувеличение того, что мы все можем обнаружить в себе» (Прим. 8). Наш взгляд на базовую и постоянную роль фантазии не только в невротических симптомах, но также и в нормальном характере и личности находится в соответствии с фрейдовскими комментариями.

Возвратимся к проблеме фантазии инкорпорации. Психический процесс бессознательной фантазии инкорпорации описывается в абстрактных терминах как процесс интроекции. Мы видели, что каким бы ни было название явления, оно вызывает реальные психические эффекты. Это не есть настоящее поедание и глотание, но оно приводит к настоящим изменениям Эго. Эти «простые» убеждения в отношении внутренних объектов: «У меня внутри есть хорошая грудь» или, возможно, «У меня внутри кусающаяся, мучающая меня плохая грудь — я должен убить ее и освободиться» и тому подобные, — приводят к реальным эффектам: глубоким чувствам, реальному поведению в отношении других людей, глубоким изменениям Эго, характера и личности, развитию симптомов, вытеснений и способностей.

Фрейд рассматривает связь между такими оральными фантазиями и ранними процессами интроекции в своем эссе «Отрицание». Здесь он утверждает, что не только интеллектуальные функции суждения и проверки реальности «рождаются из взаимодействия первичных инстинктивных импульсов», покоясь на фундаменте

механизма интроекции (момент, который мы вкратце рассмотрим); он также показывает роль, которую играют в этом порождении фантазии. Описывая тот аспект суждения, который предполагает или отрицает определенное свойство предмета, Фрейд пишет: «В переводе на язык древнейших, оральных инстинктивных импульсов суждение гласит: «Вот это я хочу съесть, а это вот — выплюнуть», в перенесении на более общий план — «Вот это я хочу ввести в себя, а это вот — из себя исключить». То есть: «Это должно быть во мне» или «Это должно быть вне меня». Желание, сформулированное таким образом, является тем же, что и фантазия.

То, что Фрейд образно назвал здесь «языком орального импульса», в другом месте он обозначил как «психическое выражение» инстинкта, т. е. фантазии, которые являются психическим выражением телесной цели. В этом примере Фрейд показывает, что фантазия является психологическим эквивалентом инстинкта. Но в то же время он формулирует субъективный аспект механизма интроекции (проекции). Фантазия является связью между импульсом Ид и механизмом Эго, средством, которое одно преобразует в другое. «Я хочу съесть это, следовательно, я уже съел это» — является фантазией, которая представляет импульс Ид в психической жизни. В то же время это субъективное переживание механизма (или функции) интроекции.

Проблема лучшего понимания процесса интроекции, связанного с фантазией инкорпорации, часто решается таким образом: интроецируется «образ» или «имаго». Это суждение действительно правильно, но слишком формально и требует привлечения сложных феноменов для объяснения всех фактов. Оно описывает только предсознательный процесс, но не бессознательный.

Как может кто-либо, будь то психолог или любой другой человек, понять это отличие: то, что он «принимает в себя», его внутренний объект, является на самом деле образом, а не материальным объектом? Путем длительного и сложного развития. Такое развитие, среди прочего, должно включать следующие шаги.

а) Ранние фантазии строятся в основном на основе оральных влечений, связанных со вкусом, обонянием, прикосновением (губ и рта), кинестетических, висцеральных и других соматических ощущениях. Эти фантазии очень тесно связаны с переживанием «принятия объектов внутрь» (сосание и глотание). Визуальные элементы относительно незначительны.

б) Эти ощущения (и образы) являются телесными переживаниями и вначале не связываются с внешними, пространственными объектами. (Кинестетические, генитальные или висцеральные элементы обычно имеют такую связь). Они дают фантазии конкретное телесное качество «яйности» («me - ness»), которое переживается в теле. На этом уровне образы едва ли отличимы от настоящих ощущений и внешних восприятий. Кожа еще не воспринимается как граница между внутренней и внешней реальностью.

в) Визуальные элементы в восприятии постепенно нарастают, сливаясь с тактильными переживаниями и пространственно дифференцируясь. Эти ранние зрительные образы в большой степени остаются «эйдетическими» — возможно, до трех-четырех лет. Они очень живые, конкретные и часто путаются с восприятием. Более того, они еще долго остаются в тесной связи с соматическими реакциями: они переплетены с эмоциями и требуют немедленного действия. (Многие детали, относящиеся к этой теме, хорошо разработаны психологами.)

г) В процессе развития, когда зрительные элементы в восприятии (и соответствующих образах) начинают доминировать над телесными, становясь дифференцированными и пространственно интегрированными, что, в свою очередь, делает более ощутимыми различия между внутренним и внешним миром, конкретные телесные элементы в общем переживании восприятия (и фантазирования) большей частью подвергаются вытеснению. Визуальные, обращенные вовне элементы фантазии становятся относительно де-эмоционализированными, де-сексуализированными, независимыми в сознании от телесных путей. Они становятся «образами» в более узком смысле, представителями (representations) внешних объектов «в психике» (но не их осознанными телесными инкорпорациями). Приходит «понимание» того, что объекты находятся снаружи психики, а их образы — внутри нее.

д) Такие образы обладают энергией, воздействующей на психику, находясь «в ней»; т. е. они влияют на чувства, поведение, характер и личность, основываясь, в свою очередь, на вытесненных соматических ассоциациях в бессознательном мире желаний и эмоций, которые составляют связь с Ид и которые в бессознательных фантазиях означают, что объекты, к которым они относятся, находятся внутри тела, инкорпорированы.

В психоаналитической дискуссии мы слышим больше об «имаго», чем об образах. Различие между «имаго» и «образом» можно свести к следующему: а) «имаго» описывает бессознательный образ; б) «имаго» обычно относится к человеку или его части, ранним объектам, в то время как «образ» может быть любым объектом или ситуацией, человеком или наоборот; в) «имаго» включает все соматические и эмоциональные элементы субъективного отношения к воображаемой фигуре, телесные связи с Ид в бессознательной фантазии, фантазию инкорпорации, которая лежит в основе процесса интроекции, в то время как в «образе» соматические и большая часть эмоциональных элементов вытеснены.

Если мы рассмотрим детали того, как другие психические механизмы действуют в психике наших пациентов, каждый механизм окажется связанным с конкретной фантазией или видом фантазий. Они всегда переживаются как фантазии. Например, механизм отрицания выражается в психике субъекта приблизительно так: «Если я не буду замечать его (болезненный факт), он не будет существовать». Или: «Если я не буду замечать этого, никто не будет знать, что оно существует на самом деле». В конечном счете этот аргумент может быть прослежен в применении к телесным импульсам или фантазиям, например: «Если нечто не выходит из моего рта, это означает, что у меня внутри его нет», или «Я могу не допустить, чтобы кто-нибудь знал, что нечто находится у меня внутри». Или: «Хорошо, если оно выйдет из моего заднего прохода как газы или кал, но оно не должно выйти изо рта как слова». Механизм скотомизации переживается как: «Чего я не вижу, в то не обязательно верить» или «Чего я не вижу, не видят и другие, оно не существует».

Механизм навязчивой исповеди (который используют многие пациенты) предполагает следующий бессознательный аргумент: «Если я скажу это, больше этого не скажет никто» или «Я могу восторжествовать над ними, говоря это первым, или получить их любовь, по крайней мере, имея вид хорошего мальчика».

В общем, можно сказать, что Эго-механизмы происходят в конечном счете из инстинктов и врожденных телесных реакций. «Эго является дифференцированной частью Ид» (Прим. 9).

Фантазии, образы памяти и реальность

Цитируя фрейдовское «Отрицание», мы отметили, что интеллектуальные функции суждения и проверки реальности «происходят из первичных инстинктивных импульсов». Если фантазия является языком этих первичных инстинктивных импульсов, можно предположить, что фантазия включена в самое раннее развитие Эго в его отношении к реальности, поддерживает развитие проверки реальности и знания об окружающем мире.

Мы уже убедились в том, что ранние фантазии связаны с ощущениями и аффектами. Эти ощущения, вне зависимости от того, насколько они усиливаются аффектами, приводят переживающую психику в контакт с внешней реальностью, а также выражают импульсы и желания.

Внешний мир рано привлекает к себе внимание ребенка и тем или иным способом удерживает его постоянно. Первые психические переживания возникают в результате массивных, разнообразных раздражителей, в том числе взятия и отталкивания груди во время первого кормления. Это значимое переживание в первые 24 часа жизни должно вызывать первую психическую активность и предоставить материал как для памяти, так и для фантазий. Фантазия и проверка реальности на самом деле присутствуют с первых дней жизни.

Внешнее восприятие начинает воздействовать на психические процессы с определенного момента (с момента рождения, хотя вначале оно не воспринимается как внешнее). Сначала психика обрабатывает большинство внешних стимулов точно так же, как и инстинктивные: посредством примитивных механизмов проекции и интроекции. Наблюдение за детьми в первые недели жизни показало, что если внешний мир не удовлетворяет желаний или фрустрирует нас, он сразу же становится ненавистным и отвергается. Мы боимся его, наблюдаем за ним и приближаемся к нему для того, чтобы защититься от него; но до тех пор, пока он не будет наделен определенной порцией либидо через связь с оральным удовлетворением и таким образом не получит определенную порцию любви, мы не станем с ним играть, изучать его и понимать.

Вместе с Фрейдом мы утверждаем, что разочарование в галлюцинаторном удовлетворении есть первый рывок к некоторой степени приспособления к реальности. Голод не удовлетворяется галлюцинированием груди, будет ли это внешний или внутренний объект, хотя ожидание удовлетворения становится более переносимым с помощью фантазии. Рано или поздно галлюцинации рассыпаются и начинается приспособление к реальным условиям (например, требования к внешнему миру с помощью плача, поисковых движений, принятия определенной позы и совершения нужных движений при приближении соска). Здесь лежит начало адаптации к реальности и развития соответствующих навыков и восприятия окружающего мира. Разочарование может быть первым стимулом в адаптивном принятии реальности, но откладывание удовлетворения, необходимое для усложняющегося обучения и мышления о внешней реальности, может быть перенесено ребенком в том случае, когда последние также удовлетворяют инстинктивные потребности, представленные в фантазиях. Обучение зависит от интереса, а интерес происходит из желания, любопытства и страха — особенно, желания и любопытства.

В своих развитых формах фантазийное мышление и реальное мышление являются различными психическими процессами, различными способами достижения удовлетворения. То, что они имеют различный характер на момент полного развития, не предполагает, что реально мышление действует независимо от бессознательных фантазий.

Они не просто «смешиваются и переплетаются», их отношения немного более интенсивны. По нашему мнению, реальное мышление не может работать без сосуществующих и поддерживающих его фантазий, т. е. мы продолжаем «принимать вещи в себя» нашими ушами, «поедать» глазами, «читать, отмечать и переваривать» всю свою жизнь.

Эти сознательные метафоры представляют бессознательную психическую реальность. Известно, что все раннее обучение построено на оральных импульсах. Первый поиск и захват груди постепенно переносится на другие объекты, рука и глаз лишь со временем получают независимость от рта как инструменты исследования и познания внешнего мира.

В течение средней части первого года жизни рука младенца тянется ко всему, что он видит, чтобы положить это в рот, вначале чтобы съесть это, или, по крайней мере, пожевать и сосать, а позже — чтобы почувствовать и исследовать нечто. Это означает, что объекты, к которым ребенок прикасается, которыми манипулирует, на которые смотрит и которые изучает, наделены оральным либидо. Он не интересовался бы ими, если бы это было не так. Если бы на любой стадии он был полностью аутоэротичен, он никогда бы ничему не научился. Инстинктивное стремление принимать предметы в душу через глаза и пальцы (и уши также), стремление к рассматриванию, прикосновению и исследованию удовлетворяет некоторые оральные желания, фрустрированные первичным объектом. Восприятие и интеллект развиваются из этого источника либидо. Рука и глаз сохраняют оральное значение всю оставшуюся жизнь в бессознательных фантазиях и часто, как мы видели, в сознательных метафорах.

В своих статьях «Анализ младенцев» и «Значение символизации в развитии Эго» Мелани Кляйн принимает взгляд Ференци, что (первичная) идентификация, являющаяся предшественником символизма, «возникает из попытки ребенка обнаружить в каждом объекте собственные органы и их функции», и мнение Эрнеста Джонса, что принцип удовольствия делает возможным уравнивать два различных объекта вследствие аффективного интереса. С помощью клинического материала она показала, как первичная символическая функция внешнего объекта позволяет Эго совершенствовать фантазию, развивает сублимацию в процессе игры и манипуляции, строит мост от внутреннего мира к интересному внешнему миру, познанию физических объектов и событий. В игре ребенка трех-четырёх месяцев ясно виден его благожелательный интерес к миру, его эксперименты и открытия в этом направлении. В этой игре он демонстрирует (наряду с другими механизмами) процесс символического образования, связанный с теми фантазиями, которые, как мы позднее обнаруживаем в процессе анализа, активны в это время. Внешний физический мир наделяется значительным количеством либидо благодаря процессу символизации (symbol - formation).

Почти каждый час свободных ассоциаций в аналитической работе открывает нам что-то из фантазий, которые породили (в основном, через символическое образование) и поддерживали развитие интереса к внутреннему и внешнему миру, процесс обучения ему, из которых черпалась энергия для поиска и систематизации знаний о нем. Известно, что, с определенной точки зрения, каждый пример столкновения с реальностью, практической или теоретической, также является сублимацией.

Это, в свою очередь, означает, что *pari passu* определенная мера «синтетической функции» используется с самого начала жизни на основе инстинктивных потребностей. Ребенок не мог бы учиться, не мог бы приспособиться к внешнему миру (человеку) без

определенного вида и степени контроля и вытеснения, а также удовлетворения инстинктивных потребностей, постепенно развивающихся с момента рождения.

Если, следовательно, интеллектуальные функции развиваются из взаимодействия первичных инстинктивных импульсов, для понимания как фантазий, так и проверки реальности и интеллекта, мы должны рассматривать психическую жизнь в целом и видеть взаимосвязи между этими различными функциями в целостном процессе развития. Если мы разделим их и скажем: «Это восприятие и знание, а это — нечто совершенно другое и отдельное, это «просто» фантазии», — мы упустим роль этих функций в развитии (Прим. 10).

Определенные аспекты сплетения между мыслями и фантазиями были обсуждены в моей работе «Интеллектуальный рост маленьких детей». Прямые записи спонтанных игр в группе детей от двух до семи лет позволили продемонстрировать, как такие игры, берущие начало из бессознательных фантазий, желаний и тревог, создают практические ситуации, которые требуют знания внешнего мира. Эти ситуации часто создаются ради них самих, как проблемы познания и понимания, приводя таким образом к открытию фактов реальности или к вербальным суждениям и выводам. Это случается не всегда — игра в течение некоторого времени может просто повторять саму себя, но в любой момент может возникнуть новая линия вопросов или аргументов, и может быть предпринят новый шаг одним или всеми детьми, участвующими в игре.

В частности, наблюдения позволили установить, что спонтанные игры создают и усиливают первые формы мышления «как будто» (*as if*). В таких играх ребенок избирательно воссоздает те элементы из прошлых ситуаций, которые могут вобрать его эмоциональные или интеллектуальные потребности настоящего момента, адаптируя детали, одну за другой, к текущей игровой ситуации. Способность восстанавливать прошлое в игре кажется тесно связанной с развитием способности воссоздавать будущее в конструктивных гипотезах и развивать следствия «если». Игра воображения ребенка имеет значение не только для адаптивных и творческих интенций, которые, развитые в полной мере, отличают художника, романиста или поэта, но также и для чувства реальности, научного отношения и развития логического мышления.

Заключение

Теперь мы можем обобщить основные положения этой статьи.

1. Понятие фантазии в психоаналитической мысли постепенно расширяется. Сейчас оно нуждается в прояснении и расширении для интеграции всех имеющихся фактов.

2. О взглядах, высказанных здесь:

а) фантазии являются первичным содержанием бессознательного психического процесса;

б) бессознательные фантазии прежде всего касаются тела и представляют инстинктивные цели по отношению к объектам;

в) фантазии в первом приближении являются психическими представителями либидинозных и деструктивных инстинктов; в процессе раннего развития они разворачиваются также в защиты, равно как в исполнение желаний и содержания тревоги;

- г) постулированные Фрейдом галлюцинаторное «исполнение желаний», «интроекция и проекция» являются основой фантазийной жизни;
- д) через внешние переживания фантазии развиваются и приобретают способность быть выраженными, но их существование не зависит от этих переживаний;
- е) фантазии не зависят от слов, хотя при определенных обстоятельствах они приобретают способность выражаться в словах;
- ж) самые ранние фантазии переживаются в ощущении, позже они принимают форму образов и драматических картин;
- з) фантазии имеют психические и телесные эффекты, например, в конверсионных симптомах, телесных качествах, характере и личности, вытеснении и сублимации;
- и) бессознательные фантазии образуют действующую связь между инстинктами и психическими механизмами. Каждый Эго-механизм, исследуемый в деталях, может быть рассмотрен как произрастающий из особого вида фантазии, которые, в конечном счете берут начало из инстинктивных импульсов. «Эго является дифференцированной частью Ид». «Механизм» — это абстрактный термин, описывающий определенные психические процессы, которые переживаются субъектом как бессознательные фантазии;
- к) приспособление к реальности и реальное мышление требуют поддержки со стороны сосуществующих бессознательных фантазий. Наблюдение за путями, которыми приобретает знание о внешнем мире, показывает вклад фантазий в обучение ребенка;
- л) бессознательные фантазии реализуют свое влияние в течение всей жизни, как у нормальных людей, так и у невротиков. Различия заключаются в специфическом характере доминирующих фантазий, связанных с ними желаний или тревоги, их взаимодействии друг с другом и с внешней реальностью.

Примечания к главе 3

Прим. 1: Как часто отмечалось, точные определения, сколь бы они ни были необходимы, возможны лишь на поздних этапах развития науки. Их нельзя дать на начальных стадиях. «Нам часто приходилось слышать требование, чтобы наука строилась на основании ясных и точно определенных исходных положений. В действительности никакая, даже самая точная наука не начинает с таких определений. Настоящее начало научной деятельности состоит в описании явлений, которые впоследствии группируются, приводятся в порядок и во взаимную связь. Но уже при описании нельзя избежать того, чтобы не прибегнуть при обработке материала к помощи некоторых отвлеченных идей, которые берутся из каких-либо источников, лежащих, несомненно, вне нового опыта. Еще необходимее такие идеи, из которых впоследствии развиваются основные понятия науки при дальнейшей обработке материала. Сначала они по воле автора должны оставаться в известной мере неопределенными; о ясном и точном ограничении их содержания не может быть и речи. Пока они находятся в таком состоянии, смысл их определяется постоянной ссылкой на материал опыта, на основании которого они как будто бы создаются, между тем как на самом деле материал этот им подчиняется. Строго говоря, они имеют характер условности, при этом, однако, суть заключается в том, что они не выбираются произвольно, а решающее значение при выборе их имеет отношение к эмпирическому

материалу, которое предполагается еще раньше, чем его можно точно узнать и доказать. Лишь после того, как основательно обследована вся область изучаемых явлений, является возможность точно определить ее научные основные понятия... Но прогресс познания не терпит и закоренелости формальных определений. Как показывает блестящий пример физики, и формулированные в точных определениях «основные понятия» подвержены постоянному изменению своего содержания» (З. Фрейд. Влечения и их судьба, с. 103—104).

Прим. 2: В этом примечании собраны все мои ссылки на литературу по раннему психическому развитию, а также наблюдения за поведением младенцев и т. д., с комментариями по некоторым из источников, а также обсуждение примеров детского поведения, известного мне.

A . Gessel . (1) Младенчество и взросление человека. Macmillan , 1928; (2) Биографии детского развития. Hamish Hamilton , 1939; (3) Первые пять лет жизни. Methuen , 1940.

M. Shirley . Первые два года жизни. V . I , II , III , University of Minnesota Press , 1933 (исследование развития 25 нормальных детей).

N. Bayley . Калифорнийская шкала моторного развития младенцев. University of California Press, 1936.

D.W. Winnicott. Наблюдение младенцев в стандартной ситуации// I . J . Ps .- A ., XXII , 1941, p . 229—49.

Merrel M. Middlemore. Мать и дитя . Hamish Hamilton, 1941.

Florence Goodenough. Гнев маленьких детей . University of Minnesota Press , 1931. Автор обучила своих исследователей не только отмечать частоту и длительность проявлений темперамента, но и регистрировать контекст эмоциональной и социальной ситуации, а также физиологическое состояние, в которых они развиваются. Таким образом, она оказалась в состоянии впервые столь полно описать природу ситуаций, которые вызывают проявления раздражения у маленьких детей.

C.W. Valentine. Врожденные основы страха // Journal of Genetic Psychology, Vol. XXXVII . Повторяя работу Watson по врожденным страхам, автор уделяет внимание общей ситуации, в которую попадает ребенок, и конкретным раздражителям, которые действуют на него. Автор приходит к выводу, что сеттинг всегда является важным фактором в определении конкретного ответа ребенка на конкретный раздражитель. На ребенка влияет ситуация в целом, а не конкретный раздражитель. Присутствие или отсутствие матери, например, может вызвать все разнообразие реакций ребенка.

M.M. Lewis . Речь младенцев. Kegan Paul , 1936. Автор дает не только полное описание развития речи у младенцев от момента рождения, но также отмечает социальные и эмоциональные ситуации, в которых возникают отдельные звуки речи и речевые формы, позволяя нам выделить некоторые эмоциональные источники стремления к речевому развитию.

Lois Barclay Murphy сделала весомый вклад в решение проблем социального развития в серии тщательных исследований личностей маленьких детей и их социальных отношений. «Социальное развитие и личность ребенка», Columbia University Press , 1937, p . 191. Она показала, что бессмысленно проводить исследование личности или ее отдельных черт,

например, симпатии, без учета контекста, в котором развивается поведение. Социальное поведение и личностные характеристики варьируют в зависимости от конкретного социального контекста. Например, один мальчик возбуждается и становится агрессивным, когда присутствует другой мальчик, но не бывает таким в его отсутствие. Эта работа дает нам множество примеров чувств и мотивов, которые составляют развитие личностных черт ребенка. Она обобщает свое исследование «симпатического поведения» у детей, играющих в группе: «...Поведение, составляющее эту черту, зависит от функциональной связи с ребенком в каждой ситуации, и когда изменения в статусе дают основу для изменения толкования ситуации, в которой находится ребенок, происходит изменение поведения. Существенная доля в изменчивости поведения ребенка, которую мы обсуждали, связана с безопасностью ребенка, на которую влияют соревновательные отношения с другими детьми, неодобрение взрослых, вина и самообвинения, связанные с нанесением вреда другому ребенку...». Тем самым подчеркивается, что сочувствующее поведение, как одна из личностных черт, не может быть понято вне контекста, в котором оно проявляется.

Примером ценности наблюдения контекста поведения может быть случай, рассказанный автору суперинтендантом Школы призрения (Miss D . E . May). Она много раз наблюдала, как двухлетний мальчик, впервые попав в школу, чувствовал себя одиноко и тревожно из-за разлуки с матерью и в связи с пребыванием в странном мире. Игрушка, которая больше всего ему нравилась, — «почтовый ящик», коробка, в которую он вкладывал через специальные отверстия в крышке маленькие кубики, потом крышка снималась и потерянные объекты обнаруживались внутри. Таким образом, ребенок с помощью игры, в которой он терял и находил вещи по своей воле, преодолевал чувства потери, связанные с матерью — сходно со случаем, описанным Фрейдом.

Другой пример из той же школы. Мальчик в возрасте 2 лет и 4 месяцев на второй день пребывания в школе выглядел испуганным и очень несчастным. Он стоял рядом с наблюдателем и повторял: «Мама идет, мама идет?». Рядом с ним на стуле была сложена башня из кубиков. Вначале он игнорировал кубики, но когда другой ребенок поставил ящик с кубиками рядом, он перенес в него все кубики со стула, кроме двух. Оставшиеся два, маленький кубик и треугольный блок покрупнее, он расположил на стуле так же, как были расположены в комнате он и наблюдатель, который сидел сзади. Затем он вернулся и снова взял наблюдателя за руку. Теперь он перестал плакать и выглядел гораздо спокойнее. Когда другой ребенок убрал кубики, этот мальчик снова восстановил их положение, мягко и сдержанно подталкивая маленький кубик к большему, снова взял наблюдателя за руку и спокойно оглядел всех детей.

И снова мы наблюдаем ребенка, преодолевающего чувства потери и страха символическим действием с двумя материальными объектами. Он показал, что если ему разрешат соединить два объекта (кубика), чтобы они были близко друг к другу, как он сам хочет быть близко к матери, он сможет контролировать свой стресс и чувствовать спокойствие и доверие к другому взрослому, веря в то, что она поможет найти его собственную мать.

Эти примеры иллюстрируют то, что некоторая степень понимания чувств и фантазий ребенка могут быть получены из наблюдений повседневной жизни, если мы будем уделять внимание деталям, социальному и эмоциональному контексту конкретных данных.

Hazlitt в главе «Удержание, непрерывность, распознавание и память» («Психология младенчества», р. 78), пишет: «Любимая игра в «кукушку», которой ребенок наслаждается

в соответствующих формах с трехмесячного возраста, доказывает, что психика очень маленького ребенка обладает способностью к удержанию и соблюдению последовательности событий. Если бы впечатления умирали немедленно и сознательная жизнь ребенка состояла из набора несвязанных друг с другом фактов, эта игра не имела бы для него смысла. Но у нас есть полное доказательство того, что в данный момент он осознает изменение переживаний, и мы видим его наблюдающим за тем, что только что было и исчезло».

Автор считает, что память развивается из ранней способности распознавать, т. е. «любого процесса восприятия, который дает начало чувству знакомства». Она продолжает: «Говоря о сосательной реакции одномесячного ребенка на звук человеческого голоса, не следует предполагать, что ребенок различает голоса, что имеется сознательное переживание, связанное с идеей «снова голос». Такое сознательное переживание может существовать, а может и не существовать. Проходят недели и происходят бесчисленные примеры узнавания, в которых поведение и выражение ребенка формируют картину, сходную с той, которая сопровождает переживание сознательного узнавания на более поздних стадиях. Трудно отделаться от мысли, что ребенок понимает истинное значение слов. Наблюдения свидетельствуют, что дети с двухмесячного возраста пугаются чужих лиц и успокаиваются при виде знакомых».

Автор также полагает, что даже суждения присутствуют в очень раннем возрасте, например, в приспособительных реакциях ребенка на третьем или четвертом месяце жизни. Hazlitt не имеет сомнений относительно того, что реакции ребенка демонстрируют рудиментарные качества, из которых развиваются память, воображение, мышление и т. д. Она пишет: «Другим подтверждением того, что суждение присутствует с самого раннего возраста, является выражение удивления в ответ на раздражители, которые по своей интенсивности не должны вызвать удивления, но которые отличаются от привычных раздражителей того же вида, — довольно обычное явление у шестимесячных детей, возникающее от случая к случаю и в более раннем возрасте».

Другой важной сферой, где действует закон генетической непрерывности, является логическое мышление. Экспериментальные исследования Хэзлитт («Мышление детей» (1930)) и других показали, что ребенок может понимать и действовать согласно определенным логическим связям (таким как тождество, исключение, обобщение и т. д.) задолго до того, как он обретает способность выразить эти отношения словами. Он может понимать их в конкретной форме, прежде чем освоится с более абстрактной. Например, он может действовать в соответствии с формулой: «Все..., кроме...», когда он еще не способен понять слово «за исключением». Т. е. он может действовать на основе понимания слова «за исключением» до того, как он научится использовать это слово самостоятельно.

М.М. Lewis . Начало ссылок на прошлое и будущее в речи ребенка// В . J . Ed . Psy ., VII , 1937. Появление и ранняя функция вопросов в речи ребенка// В . J . Ed . Psy ., VIII , 1938.

Baldwin . Каноны генетической логики, в: Мысли и предмет, или генетическая логика.

Прим. 3: «Система бессознательного содержит предметные активные силы объектов, первые действительные привязанности [катексис] к объекту; система предсознательного образуется благодаря тому, что активность этих предметных представлений возрастает вследствие связи с соответствующими представлениями. Такие именно усиления активной силы, как мы можем предполагать, создают более высокую психическую организацию и делают возможной замену первичного процесса господствующим в предсознательном вторичным процессом» («Бессознательное» (1915), с. 157).

Прим. 4: «Девочка, 2 года и 9 месяцев, лечилась в связи с трудностями в питании. Она ела очень мало — никогда не ела без уговоров родителей, — но в ее играх в процессе анализа и дома ее все время кусали. Среди прочего она назвала кусающуюся собаку, крокодила, льва, ножницы, которые могут резать чашки, дробительную машину и машину для измельчения цемента. История ее кормления примечательна. Она была отлучена от груди в первую же ночь жизни, поскольку не выявила никакого интереса к груди и не была накормлена. Она спала во время сосания и постоянно отказывалась от соска, без капризов, а просто отворачивая голову в сторону. Проблема была в ребенке, поскольку у матери было достаточно молока, более того, она выкормила старшего ребенка и хотела выкормить эту девочку. Поскольку я не наблюдал попыток кормления грудью, мне трудно сказать, была ли такая пассивность обычной, или же она скрывала раздражение, как я склонен полагать. Что было правдой, так это то, что ребенок не хотел сосать, и трудности, которые начались у груди, продолжились со всеми остальными видами кормления — бутылочкой, ложкой и чашкой. До прихода на терапию она никогда не взяла в рот ложки с едой. Проблема в том, что, хотя она никогда не сосала грудь по-настоящему, еще меньше «атаковала» ее, у нее развились очень жестокие фантазии укусов. Каковы же физические основы этой фантазии, если не чувства, возникающие во время голода?». Merrel M . Middlemore . Воспитывающая пара, Hamish Hamilton , 1941.

Прим. 5: Scupin приводит пример (его собственного сына 11 месяцев от роду), который иллюстрирует интерпретацию наблюдаемой реальности на основе фантазий, развивающихся из первичных инстинктов ребенка. «Когда мы (родители) затеяли веселую борьбу, ребенок вдруг разразился громким криком. Мы решили, что его испугал шум, и повторили сцену в тишине. Ребенок с ужасом посмотрел на отца и, протягивая руки к матери, начал жалобно хныкать. Создавалось впечатление, что мальчик уверен, что его матери причиняют зло и его крик — лишь проявление сочувствующего страха» (Цит. по W . Stern : Психология раннего детского возраста, р. 138).

Мой коллега описал ребенка второго года жизни, успокаивающегося, когда его родители не дерутся. Его сын страдал от частых приступов тревоги, причину которой они не понимали, и ни один из родителей не мог его успокоить. Их заботливые и успокаивающие голоса не снимали тревогу. Но они случайно обнаружили, что если они целуют друг друга (не ребенка) в его присутствии, малыш сразу успокаивается. Таким образом, был сделан вывод, что тревога была связана со страхом вражды между родителями и фантазией об их общении как тотально деструктивном. Тревога была устранена, а ребенок успокоен зримой демонстрацией того, что они могут любить друг друга и быть нежными в его присутствии.

Прим. 6: Более полно Фрейд писал: «Когда я назвал один из психических процессов психического аппарата первичным процессом, я сделал это не только принимая во внимание его статус и функцию, но также и временные отношения. Насколько нам известно, психический аппарат, располагающий только первичным процессом, не существует, и в этом смысле первичный процесс является теоретической фикцией. Но следующее утверждение, по крайней мере, истинно: первичный процесс присутствует в психическом аппарате с самого начала, в то время как вторичный процесс принимает свою форму постепенно, в течение всей жизни, подавляя и наслаиваясь на первичный. Благодаря этому запаздывающему прибытию вторичного процесса суть нашего существования, состоящая из бессознательных импульсов-желаний, остается чем-то, что не может быть подавлено и захвачено предсознательным. А его часть раз и навсегда дифференцируется в качестве указателя наиболее приемлемых путей для желаний, рождающихся в бессознательном...» (The Interpretations of Dreams , р . 555) (Ср. крайне неточный перевод в «Толковании сновидений», с. 314. — Прим. науч. ред.).

Прим. 7: Как сказал д-р А. Стэфен, в обсуждении этой статьи на Британском психоаналитическом обществе в 1943 г.: «Возвращаясь к работам Фрейда: в самом начале своих "Трех очерков по теории сексуальности" он описал инстинкты как имеющие цель и объект. Цель обозначает поведение, которое инстинкт заставляет нас предпринять, например, половой акт, а объект обозначает человека, с которым этот акт должен произойти, или поедание может быть целью инстинкта, а пища — его объектом. Фрейд в этом пассаже явно думал о случаях, в которых объектом выступает конкретный объект, но он, несомненно, согласился бы, как и все мы, что объектом может быть воображаемый объект, или, если хотите, фантастический...».

«Конечно, мы все знаем, что фантазии строятся на базе воспоминаний, воспоминаний об удовлетворении и фрустрации и т. д., и, по мере того, как мы взрослеем, как вовлекаются наши инстинкты, а воспоминания становятся все разнообразнее, несомненно, что наши фантазии также изменяются по своему содержанию и сложности. Но трудно предположить, что инстинктивные импульсы, даже у маленького ребенка, не сопровождаются фантазиями об их осуществлении. Думать так — значит предполагать, что ребенок способен желать, ничего не желая; по моему мнению, желание чего-либо предполагает фантазию об осуществлении этого желания...».

«Мы все знаем, что значит испытывать жажду. В этом состоянии мы стараемся найти чего-нибудь попить и у всех у нас, очевидно, имеются сознательные и бессознательные фантазии относительно напитка, который мы предпочитаем, и способа, которым его можно раздобыть. Мы можем описать наш психический процесс двумя способами. Мы можем сказать, что мы хотим напиток или что мы хотим удовлетворить нашу жажду. В одном случае мы описываем фантазию об объекте, в другом — цель снижения инстинктивного напряжения. Несмотря на то, что мы используем различные слова, факты, которые мы описываем, на самом деле идентичны. Мы хотим не просто напиток, и не просто удовлетворения жажды. Мы хотим удовлетворяющего жажду напитка — и в нашей фантазии мы получаем этот напиток, причем, говоря так, мы не отрицаем важности удовольствия».

«Фантазия и влечение к получению удовольствия не являются отдельными психическими сущностями, хотя иногда полезно разделить их концептуально, они являются двумя аспектами одного психического процесса...».

Прим. 8: Фрейд писал: «Мы все в глубине считаем, что у нас есть основания быть в обиде на судьбу и природу за ущерб, и врожденный, и нанесенный нам в детстве; все мы требуем компенсаций за оскорбления, нанесенные в наши юные годы нашему нарциссизму, нашей любви к себе. Почему природа не подарила нам золотых кудрей Бальдера или силы Зигфрида, высокого чела гения или благородного профиля аристократа? Почему нам пришлось родиться в мещанской обстановке, а не в королевском дворце? Мы превосходно сумели бы быть прекрасными и знатными, как и те, которым нам приходится теперь завидовать» (Некоторые типы характеров из психоаналитической практики (1915), с. 160).

Прим. 9: «... Мы не должны понимать различия между Ид и Эго в категорическом смысле, помня, что Эго является частью Ид, модифицированной определенным образом» (The Ego and the Id , p . 51—52). И снова: «В исходном состоянии, естественно, все было Ид. Эго развивается из Ид под непрерывным воздействием внешнего мира. В процессе этого медленного развития определенное содержимое Ид трансформируется в предсознательное и таким образом становится частью Эго» (Outline of Psycho - Analysis , p . 43).

Прим. 10: М . Брайерли также писала: «Существование фантазий «интернализированного объекта» не противоречит гипотезе следов памяти, поскольку память и фантазии имеют общее происхождение. Все образы являются образами памяти, ре-активированным прошлым опытом. Существует предположение, что искусственно упрощенная концепция «интернализированного хорошего объекта» является понятием бессознательной фантазии, удовлетворяющей желание постоянного присутствия матери в форме убеждения, что она на самом деле находится внутри ребенка. Такая бессознательная фантазия помогает ребенку сохранить сознательные воспоминания о матери в периоды ее временного отсутствия, хотя она может не справиться с компенсацией ее длительного отсутствия. Воспоминания двухлетнего ребенка о матери являются не примитивной системой, а результатом двух лет жизни с ней. Сознательная память есть лишь доступная часть гораздо более обширной бессознательной «системы матери», имеющей свои корни в раннем младенчестве» (Заметки по метапсихологии как теории процесса, р. 103—104).

4. Функции интроекции и проекции в раннем младенчестве

Часть 1

Отношение к психической структуре

В представлении Фрейда структура психики включает три основных элемента, различных по своим функциям. Ид, наиболее тесно связанное с телом, является резервуаром инстинктов и, таким образом, источником энергии для всех видов психической деятельности. А значит, выступает в качестве динамической матрицы, порождающей другие системы: Эго и Супер-Эго. Ид представляет собой бессознательное личности, наиболее примитивные, элементарные побуждения, которые носят «диктаторский» характер и не знают ни компромисса, ни примирения. Эго есть переводчик, посредник между различными частями психики и внешним миром. Супер-Эго является интернализированным представителем наиболее важных для личности объектов — родителей, внутренним реликтом самых ранних и самых сильных эмоциональных связей. Это система морали, сознательной и бессознательной.

Данные различия обусловлены тем фактом, что индивид существует в мире, от которого зависит благодаря собственным инстинктам: желанию жить, стремлению к удовольствиям, страху смерти. Вполне очевидно, что организм, будучи зависим в огромной степени от других организмов и внешних сил, должен испытывать их влияние, меняться в процессе контакта. Но каковы те процессы, посредством которых происходят эти изменения (дифференциация первичной субстанции)? В этом разделе мы намерены показать роль, которую играют в упомянутых изменениях механизмы интроекции и проекции.

(а) Эго

Согласно схеме Фрейда, Эго — «поверхностная часть Ид». Позиция Эго определяет его функции посредника между внутренними и внешними событиями. Это означает, что оно должно узнавать, осваивать объекты внешнего мира, т. е. воспринимать их, а также оценивать их способность (или неспособность) удовлетворять потребности Ид. Роль Эго в процессе идентификации и суждения простирается вглубь сферы внутренних потребностей, предписаний и запретов, исходящих от Супер-Эго. Оно призвано также оценивать объекты с точки зрения наличных внешних условий. Эго — не только «связной» во взаимоотношениях между Ид, Супер-Эго и внешним миром, но и «командир» в том, что касается моторной активности.

Эго ликвидирует внутреннее напряжение, получает удовлетворение или снимает тревогу объективными и субъективными средствами, т. е. посредством манипуляций с внешним источником удовольствия или фантазий удовлетворяющего опыта. Временами оно дает зеленый свет требованиям Ид, временами заставляет их трансформироваться в результате сублимации или торможения. Выполняя роль медиатора между психическими системами и внешним миром, Эго вырабатывает различные функции и техники (защитные механизмы). Поскольку органы чувств и рычаги двигательной деятельности находятся в его операциональной сфере, Эго контролирует афферентные и эфферентные процессы.

Все суммарно упомянутые здесь виды активности Эго производны от первичной функции восприятия. «[Эго] явно проистекает из своего ядра, системы восприятия». «В отношении Эго перцепция играет роль, аналогичную первичной роли влечения для Ид».

Поверхностная часть Ид, на которую воздействуют внешние стимулы, учится воспринимать их, т. е. либо принимать, либо отвергать. Восприятие для Эго — не пассивный опыт, оно включает ряд взаимосвязанных форм активности. Проявляя внимание, необходимое в процессе восприятия (его отдельной фразы), Эго привносит во внешние стимулы нечто свое, что можно назвать интересом или любопытством. Эго ищет стимулы вовне, как сказал Фрейд, «встречает их на полпути». Еще более активно оно в процессе сохранения замеченного и воспринятого в структурах памяти, использования его в последующих перцептивных актах. Так Эго познает внешний мир, все больше осваивая его. Перцепция ведет к сознанию, и в рамках дальнейшей практики они взаимодействуют друг с другом. И хотя Эго не полностью сознательно, как это следует из его связи с бессознательным Ид, оно формирует основу сознания, чувства пространства и времени, суждения и логику, а также тенденции к синтезу и когерентности функционирования. Во всех этих аспектах Эго отличается от Ид, и все данные различия обусловлены, в конечном счете, способностью восприятия.

Итак, мы установили связь между перцепцией и принятием внешних стимулов. По-видимому, это совершенно естественно — сами слова показывают, что мы склонны рассматривать данные процессы как тесно взаимосвязанные, у них один и тот же корень (английские « perception » и « reception », ср. также немецкое « wahrnehmen », или слова « comprehend », « apprehend », обозначающие результат перцепции).

Однако перцепция также связана с отторжением стимула, и Эго не только орган восприятия внешних воздействий, но и защитный барьер на их пути. Какое из этих двух качеств реализуется, зависит от оценки стимула со стороны Эго. Фрейд так описывал этот процесс суждения: «Свойство, о котором должно быть вынесено решение, первоначально могло быть хорошим или дурным, полезным или вредным. В переводе на язык древнейших, оральных инстинктивных импульсов суждение гласит: "Вот это я хочу съесть, а это вот — выплюнуть", в перенесении на более общий план — "Вот это я хочу ввести в себя, а это вот — из себя исключить"».

Фрейд отметил тот факт, что, установив источник суждения, последнее можно рассматривать как пример развития интеллектуальных функций из взаимодействия первичных инстинктов.

В качестве поверхностной части Ид Эго направляется инстинктами, потребностями Ид, и сложный процесс перцепции служит цели медиации между Ид и внешним миром. Существенно, что оно пропускает внутрь только полезные стимулы и отторгает те, что несут угрозу. В обоих моментах восприятия действуют интроекция и проекция. Когда Эго принимает в себя внешние стимулы, делает своей частью, оно их интроецирует. Когда Эго эти стимулы отвергает, оно их проецирует, поскольку решение о «вредности» последних принимается после пробной интроекции. Отбор, различение и т. д. основаны на интроекции и проекции. (Только при наличии некоторого опыта, на значительно более поздней стадии развития, Эго может уйти от первоначального метода пробного принятия стимула.)

Эго использует проекцию не только в акте отторжения ошибочно принятого внешнего стимула: снимая внутреннее напряжение, оно проецирует часть себя. Таким образом, проекция связана и с тем, что было сначала частью «я», и с тем, что было частью

внешнего мира. Больше того, хотя проекция «плохого» и «бесполезного» выражена ярче и давно открыта психоаналитиками, недавние исследования показали, что Эго проецирует также то, что хорошо и полезно. Фактически, можно сказать, такое понимание подразумевается утверждением Фрейда, что Эго проецирует, «выбрасывает из себя все, что причиняет страдание», поскольку внутреннее напряжение, ощущаемое как страдание, вызвано, в конечном итоге, сосуществованием противоположных инстинктов жизни и смерти, стремлением к самосохранению и удовольствию, и опасных деструктивных влечений. То, что Эго дает ход либидинозным импульсам и вызывает либидинозный катексис объекта, известный психоаналитический факт. Согласно излагаемой точке зрения, речь здесь идет о проекции «хорошего» и «полезного», поскольку либидинозные импульсы проистекают из сил жизни. «Встречая внешние стимулы на полпути», Эго встречает их агрессией и либидо, хотя их пропорции и меняются в каждом конкретном случае. В рамках этой концепции интроекция также не относится исключительно к внешнему миру, поскольку интроекция может быть вторична по отношению к проекции. Объект может стать хорошим и желанным именно вследствие предыдущей проекции хорошего, и когда при дальнейших контактах с объектом Эго интроецирует его, то оно получает обратно нечто, отчасти свое, «ре-интроецирует». Интроекция и проекция взаимодействуют различными способами.

Утверждение, что Эго дифференцируется от Ид посредством перцепции, не просто означает, что оно вырабатывает способность восприятия и в результате обретает сознание и чувство реальности. Перцепция и ее компоненты (внимание, память, суждение и т. д.) связаны с интроекцией и проекцией, и именно эти процессы приобретения нового (утраты собственного) содержания Эго играют неопределимую роль в модификации первоначального Ид. Вот что хотелось бы подчеркнуть в рамках настоящего обсуждения. Данные механизмы интроекции и проекции представляют не только важный элемент функций Эго: они суть его корни, инструменты его формирования. Оценка роли интроекции и проекции в развитии функций восприятия на ранних стадиях развития показывает, что перцепция неотделима от объектного отношения. Ясно, почему перцепция является ядром Эго и почему данная функция организма приводит к глубокой трансформации человека из движимого инстинктами существа в социальное, наделенное разумом и волей. И здесь можно взглянуть на развитие Эго под иным углом зрения.

На наш взгляд, использование термина «стимул», заимствованного из физиологии, несколько затемняет проблему. Объективно стимулы, затрагивающие Ид и инициирующие перцепцию и Эго-образование, исходят из физической (одушевленной или неодушевленной) природы человеческих индивидов, окружающих ребенка. Но в субъективном опыте, который является прежде всего телесным ощущением, мир и его стимулы означают кормящую мать, поскольку именно в контакте с ней ребенок получает свои наиболее важные ощущения. (Долгое время ребенок воспринимает вещи «лично», он считает родителей всемогущими, ответственными за весь его опыт.) Явления, имеющие естественные причины и воспринимаемые ребенком как удовлетворяющие или противоречащие его инстинктивным потребностям, он атрибутирует своей кормящей матери и интерпретирует в оральных терминах.

Таким образом, восприятие внешнего мира — во всех аспектах этого процесса — имеет своим истоком первые контакты ребенка с другим человеком и, в этих рамках, его опыт у материнской груди. Это самый важный для ребенка источник ощущений, удовлетворенности и неудовлетворенности, удовольствия и страдания. Первые по значимости восприятия связаны, в основном, с областью рта (сосание, глотание, выплевывание).

Далее, поскольку инстинктивное развитие начинается в условиях примата оральности, оральный опыт накладывает отпечаток на все ощущения и факты опыта, так что с самого начала все переживания включают оральные элементы: хватание ртом, глотание, выплевывание (интроецирующие и проецирующие) находят все новые проявления. Не следует, разумеется, отрицать и многообразие инфантильных влечений и потребностей. Речь идет о том, чтобы видеть их в правильной пропорции по отношению к доминирующим оральным инстинктам, что согласуется с установившейся точкой зрения на примат оральности. В этом смысле оправданно рассматривать оральные ощущения от кормления в качестве первого акта перцепции.

Начиная с интроекции груди, ребенок интроецирует все свои объекты. Поскольку они сами по себе являются психологическими сущностями, не удивительно, что интроекция и проекция ведут к взаимопереплетению психологических факторов и динамических результатов: становления Эго и Супер-Эго, формирования характера.

В определенной степени, данные выводы подтверждаются исследованием поведения детей возраста нескольких месяцев. Малыш узнает окружающий мир, «беря все в рот». Он также уделяет усиленное внимание объектам вокруг, знакомится с ними шаг за шагом, кусочек за кусочком, рассматривая, облизывая, хватая их. Рот, руки, глаза и уши буквально «абсорбируют» предметы его любопытства. Если хватает мускульных сил, он имитирует объект, изображая движениями тела нечто «замеченное» в значимом для него человеке, демонстрируя таким образом, что он уже абсорбировал, «интроецировал» его (или ее). Некоторые психологические школы постулируют существование инстинкта имитации. С нашей точки зрения, имитация — не отдельный инстинкт, а часть сложных процессов перцепции и объектного отношения.

Можно поставить вопрос, когда же в точности происходит дифференциация Эго из аморфного Ид? Можно ли выделить первый шаг? Очевидно, что Эго не возникает внезапно, как целиком сложившаяся сущность. Оно развивается постепенно, в повторяющемся опыте, и неоднородно в том, что касается отдельных функций. По аналогии Фрейда, в тот или иной момент кора неодинаково тверда по всей своей поверхности. Сознание, одна из функций Эго, сначала неустойчиво, фрагментарно и только постепенно обретает устойчивость в некоторых отношениях. Если мы не можем определить практически момент зарождения Эго (хотя, обладая обостренным восприятием, смогли бы это сделать), то можем прояснить понятия. В рамках нашей концепции мы можем отождествить возникновение Эго с первой интроекцией другой психологической сущности.

В силу своих потребностей и крайней беспомощности, движимый оральными инстинктами, ребенок обращается к внешнему миру и вступает в контакт с другим человеком. Он сосет материнскую грудь. Этот простой процесс можно определять по-разному: как непосредственное выражение инстинктивной потребности, т. е. активности Ид (т. к., по определению, Ид — вместилище инстинктов); или, т. к., опять-таки по определению, Эго есть поверхностная часть Ид, осуществляющая контакт с внешним миром — как активность Эго. И это не игра слов. Смысл аргументов таков. Рассматривая наиболее ранние процессы, нельзя провести четкой границы между Ид и Эго, поскольку, с нашей точки зрения, Эго формируется из опыта общения с внешним миром. Самые первые контакты (интроекции и проекции) начинают этот процесс. Первый акт сосания у ребенка, следовательно, не является ни Ид-, ни Эго-активностью: он суть и то и другое, активность зарождающегося «я».

Фрейд сравнивал работу психики, сложнейшего органического образования, с функционированием простейшего организма, амебы. Организм поддерживает жизнь, вбирая в себя чужеродное, но полезное, вещество и избавляясь от собственного, но вредного, вещества. Ввод и вывод вещества — наиболее фундаментальные процессы для живого организма. Психика, часть такого организма, не является исключением из правила: адаптация и прогресс достигаются здесь, на протяжении всей жизни, посредством фундаментальных процессов интроекции и проекции. Введение чего-то внутрь «я» и выведение вовне — психические события первой величины. Это первичные процессы не только для поддержания жизни организма (как в случае обмена веществ), но и вообще для всякой дифференциации и модификации в любом конкретном организме. Подобные акты вбирания и выбрасывания включают активное взаимодействие между организмом и внешним миром. На этом базисном принципе строится все взаимодействие между субъектом и объектом, независимо от уровня его кажущейся сложности и многообразия. (Как представляется, в конечном счете, его можно обнаружить в любом сложном взаимодействии.) Законы природы, видимо, немногочисленны, но она неисчерпаема в том, что касается их конкретных вариантов.

Совместное действие интроекции и проекции приводит к преобразованию части Ид в Эго. Сбои в их взаимодействии ведут к нарушениям в развитии. «Слишком хороший ребенок» без разбора интроецирует свои объекты; он остается как бы пустой оболочкой для имперсонализаций и имитаций и не развивается в «характер». Ему не хватает «личности». Можно провести параллель этому явлению из области психотерапии. При использовании гипноза и аналогичных методик, симптомы исчезают благодаря пассивному, безразличному принятию внушения, тогда как личность пациента остается неизменной. Психоанализ воздействует на структуру личности, достигает, таким образом, ядра симптомов, преодолевая сопротивление пациента, т. е. активное критическое соучастие пациента предполагает совместную реализацию базисных функций проекции и интроекции.

Точка зрения, согласно которой интроекция и проекция выступают архитекторами психической структуры, создавая Эго шаг за шагом с момента рождения, не является общепринятой среди психоаналитиков. В основном, именно исследования Мелани Кляйн предоставили данные, позволяющие в должной мере оценить роль интроекции и проекции. Ференци ввел понятие интроекции в психоанализ; Фрейд, хотя и связывал представление о «древнейшем, т. е. оральном языке» с интроекцией, эксплицитно признавал ее роль в формировании характера (Эго) лишь после угасания Эдипова комплекса. Как показано далее, выводы М. Кляйн относительно формирования Эго лежат полностью в русле концепции Фрейда, хотя данный факт и не является сейчас общепризнанным. Что касается образования Супер-Эго, то работы Кляйн, очевидно, привели к отходу от некоторых воззрений Фрейда.

Интроекция и проекция действуют на протяжении всей жизни, но, подобно другим процессам, не остаются неизменными, подвергаясь влиянию прогрессирующих функций Эго. Их главная цель — получение удовольствия и избежание страданий — остается прежней, однако содержание понятий «удовольствие» и «страдание» зависит от общего развития личности. Механизмы интроекции и проекции возникают в условиях доминирования оральных инстинктов, но из примитивных, эгоистических, телесных актов хватания и отбрасывания («съедания» и «выплювывания») развиваются их более зрелые аналоги, сверхличностная прокреативная функция взрослой сексуальности, а также сублимированные формы конкретного и абстрактного творчества.

(б) Супер-Эго

То, что интроекция ведет к формированию Супер-Эго — факт в психоанализе вполне общепринятый, однако не все признают аналогичную роль интроекции в конструировании Эго.

Тому есть несколько причин. Исследования Эго-развития относятся в целом к более позднему периоду, тогда как конфликты между Эго и Супер-Эго с самого начала привлекли внимание аналитиков благодаря своему яркому проявлению (хотя вначале использовались другие термины). Кроме того, пациентами Фрейда были взрослые, страдающие от противоречий развитого Эго. Хотя Фрейду и удалось реконструировать развитие Эго путем исследования элементов регрессии в психических заболеваниях, он не мог наблюдать процессы роста со столь близкого расстояния, как это позволяет сделать анализ ребенка. Когда М. Кляйн предложила адекватный подход к анализу детей — «игровую технику», это придало новый импульс исследованиям развития Эго и проблемы формирующегося Эго оказались в фокусе психоаналитической техники.

Можно задать вопрос, почему, коль скоро структурные эффекты интроекции оказались в поле анализа Супер-Эго, теоретические соображения сами по себе не привели к экстраполяциям на Эго всего того, что уже было известно о Супер-Эго? Дело, по-видимому, в том, что психоанализ всегда был эмпирической наукой и никогда не строился на теоретических умозаключениях.

Ференци, вводя понятие интроекции, стремился показать ее роль как средства расширения интересов ребенка. С этой точки зрения, разделяемой и авторами настоящей книги, психический прогресс ребенка определяется интроекцией новых и новых элементов окружающего мира. Взяв на вооружение концепцию Ференци, Фрейд приходит к новым результатам, рассматривая интроекцию как ключ к пониманию меланхолии (1917) и общей структуры психики (1923). Вводя термин «Супер-Эго» и окончательно определяя суть моральной инстанции в сознании, он писал: «Здесь мы сталкиваемся с сущностью высшего порядка, идеальным Эго или Супер-Эго, представителем нашего отношения к родителям. Будучи маленькими детьми, мы знали об этих высших существах, преклонялись перед ними, боялись их. Позже мы приняли их в себя...» (курсив мой — П.Х.). Это недвусмысленное высказывание, часто повторяемое и разъясняемое в дальнейших работах Фрейда, не оставляет никаких сомнений в его понимании решающего влияния интроекции на формирование Супер-Эго. В последующих психоаналитических исследованиях это нашло свое подтверждение. Однако некоторые важные выводы из фрейдовской концепции развития Супер-Эго так и не были сделаны.

Фрейд связывал происхождение Супер-Эго с распадом Эдипова комплекса. Когда ребенок более или менее успешно перерастает Эдипов комплекс, он помещает своих родителей внутрь себя, создавая таким образом в себе некую «высшую сущность». Идентификация с родителями, принятие их требований приходит на смену Эдиповым влечениям. Но идентификация на основе интроекции не бывает полной, поскольку в некоторых весьма существенных отношениях ребенок не должен быть похожим на родителей.

«Супер-Эго, однако, не является простым продуктом ранних выборов объекта Ид. Оно также представляет реактивную формацию против этих выборов. Его отношение к Эго не исчерпывается предписанием: «Ты должен быть таким-то и таким-то (как твой отец)», оно также включает запрет: «Ты не должен быть таким-то и таким-то (как твой отец), то есть, ты не можешь делать все то, что делает он; многие вещи являются его прерогативой...».

Интроекция родителей — избирательный процесс, поскольку некоторые родительские аспекты подлежат исключению. Эго «производит выбор» объектов внешнего мира, интроецирует некоторые из их аспектов, и проецирует другие, и следует этому основополагающему принципу и в отношении родителей на стадии Эдипова комплекса. Таким образом, к формированию Супер-Эго ведет не только интроекция. Проекция играет в этом свою роль. И в самом деле, процесс формирования Супер-Эго потерпел бы неудачу, если бы не возникало такой проекции. Именно благодаря комбинации этих двух механизмов ребенок достигает идентификации с родителями, которая способна повлиять на Эдиповы влечения и установить «энергетическую реактивную формацию». Конституирование Супер-Эго является структурным результатом объединенного действия проекции и интроекции.

Согласно Фрейд, Супер-Эго выступает «наследником», или преемником, Эдипова комплекса. Последний представляет собой кульминацию сексуального развития ребенка, он отмечает окончание его первой стадии. За его спадом следует латентный период, пока вместе с половой зрелостью не возникнет второй этап сексуального развития, приводящий к установлению взрослой сексуальности. Угасание Эдипова комплекса, начало латентного периода и формирование Супер-Эго являются взаимосвязанными процессами. Фрейд считал, что Супер-Эго, занимая место Эдипова комплекса, способствует его упадку. Данное положение требует разъяснений. Если Супер-Эго является «преемником» Эдипова комплекса и обязано своим происхождением его гибели, кажется непросто понять, как оно может вызывать его упадок. Решение этой проблемы может быть найдено, если мы интерпретируем факты, ведущие к такому утверждению другим образом.

Фрейд выдвинул несколько причин разрушения Эдипова комплекса. Возможно, его конец наступает, поскольку либидо, следуя биологически predetermined курсом, движется дальше и обрекает его на гибель, как обречены на выпадение первые зубы. Возможно, постоянная фрустрация желаний заставляет ребенка расстаться с болезненной позицией. Эти два объяснения являются взаимодополняющими, сочетая биологический и психологический подходы. Последний однако подводит к вопросу о психологическом механизме, посредством которого желанный и разочаровывающий объект отбрасывается. Что позволяет ребенку отбросить Эдиповы желания, отказаться от родителей как объекта его страстных вожделений? Ответ дают фрейдовские исследования явления меланхолии. Фрейд открыл, что в меланхолии, которая является патологической реакцией на опыт потери любимого объекта (вследствие смерти или из-за потери привязанности), Эго, оставляя объект во внешнем мире, восстанавливает его внутри себя, интроецирует потерянный объект любви.

Как упоминает Фрейд, в то время, когда он дал объяснение меланхолии, связав ее механизмом интроекции, не было известно, насколько типичным и часто встречающимся этот механизм является. Он описал интроекцию, имеющую место при меланхолии, как своего рода регрессию к механизму оральной фазы. Другими словами, меланхолия — это просто самый явный пример принципа, который управляет психологическими процессами в ситуации утраты объекта любви.

Нечто подобное ребенок испытывает на спаде Эдипова комплекса, когда ему приходится отбросить образ родителей как сексуальных объектов. Действие механизма интроекции приводит к тому, что интернализированные родители в облике Супер-Эго замещают предшествующие структуры Эдипова комплекса.

Любой психический процесс следует рассматривать, как минимум, в трех аспектах. Он направлен на достижение удовлетворения либидинозных или деструктивных импульсов и,

таким образом, является дериватом инстинктивных побуждений. Его целью является избежание боли и тревоги, и в этом смысле он представляет собой механизм защиты. Он стимулирует и тренирует психические функции, и, следовательно, имеет развивающий характер. В каждом конкретном случае относительная важность этих трех аспектов может изменяться. Интроекция родителей при разрешении Эдипова комплекса служит двойной цели — защите от боли потери объекта и психическому росту.

Но, если интроекция возникает в любой ситуации потери объекта, то для благополучного разрешения Эдипова комплекса многое должно произойти гораздо раньше. В самом деле, психоаналитическое наблюдение за маленькими детьми, дополненное изучением их поведения, не оставляет сомнений на этот счет. Раннее детство наполнено опасностью потери объекта (переживаемой субъективно). Субъективный опыт потери матери буквально преследует ребенка, поскольку «всякий раз, когда ребенок скучает за матерью, он ведет себя так, как будто никогда больше ее не увидит».

Фрейд относит формирование Супер-Эго примерно к пятому году жизни, в то время как формирование Эго происходит в более раннем периоде (Эго уже существует на второй оральной, нарциссической стадии, т. е. в раннем младенчестве). При такой схеме заметен разрыв в структурном развитии психики ребенка. Однако частые ссылки в работах Фрейда на ранние феномены интроекции и проекции говорят о другом. Это впервые было продемонстрировано наблюдениями Мелани Кляйн в анализах детей и подтверждено позднее несколькими аналитиками в работе со взрослыми. Вывод, согласующийся с принципом постепенной эволюции всех человеческих функций, состоит в том, что Супер-Эго, как оно описано Фрейдом, является конечным продуктом длительного процесса, который проходит различные стадии в тесной взаимосвязи с последующими фазами инстинктивного развития и развития Эго.

Здесь, таким образом, скрывается ответ на противоречие в утверждении Фрейда о том, что Супер-Эго возникает из руин Эдипова комплекса и при этом является инструментом его разрушения. С упадком Эдипова комплекса формирование Супер-Эго достигает нового и очень важного уровня, в то время как ранние интроекции и проекции обеспечивают его основу.

Нет сомнений, что Фрейд придавал этим ранним интроекциям определенную роль в формировании Супер-Эго, поскольку он говорил об идентификации ребенка с родителями, что является результатом интроекции, как о «возможно, давно имевшей место». Рассмотрев интроекцию как средство защиты в ситуации потери объекта и указывая, что ребенок испытывает такую потерю на спаде Эдипова комплекса, Фрейд отмечает: «...Для компенсации этой утраты объектов в его Я очень усиливаются, вероятно, давно имевшиеся идентификации с родителями».

Сегодня мы уже не можем сомневаться в факте ранних идентификаций ребенка с родителями и в том что они, как мы утверждаем, конституируют Супер-Эго на ранних стадиях, равно как и угасание Эдипова комплекса.

Интроекция и проекция принадлежат к самым ранним психическим механизмам. Но одни и те же механизмы, используемые на разных стадиях взросления, будут иметь разный эффект. Ранее интроецированные объекты сильно отличаются от позднего Супер-Эго, хотя они имеют некоторые общие с ним черты. Кульминация процесса отличается от предшествующих стадий, но вместе они образуют единое целое. Существует преемственность между страхами преследования (persecutory fears) младенца, первоначально порожденными его каннибалистическими влечениями, тревогами

латентного периода в связи с осуждающим внутренним голосом родителей и чувством вины, угрызениями совести взрослого, которому не удалось действовать в соответствии со своими идеалами.

Примитивные уровни Супер-Эго формируются в тот период, когда примитивные фантазии определяют взаимоотношения младенца с его объектами. И, следовательно, его осознание родителей в большой степени искажено. Интроекция начинается на стадии частичных объектов, с интроекции материнской груди, которую младенец наделяет исключительными силами добра и зла, способностью приносить удовольствие и безопасность, боль и страдание. Постепенно эмоциональная и интеллектуальная орбита жизни младенца расширяется. Эти изменения происходят во взаимосвязи с общим смещением инстинктивных приоритетов и отражают результат действия механизмов интроекции и проекции. Внутренние образы соответствуют до некоторой степени объектам ребенка во внешнем мире, хотя они и далеки от точных портретов реальных людей в его окружении. Младенец переходит от уровня частичных объектов к стадии целостных объектов, т. е. отдельных личностей, и прогресс в восприятии означает также движение к более реалистическим общим представлениям. Этот процесс отражается в мире внутренних объектов ребенка, которые вначале представляют собой чрезвычайно фантастические «части» (соответствующие его примитивным представлениям о родителях). Постепенно достигается все большее и большее сходство с реальными родителями, пока внутренние объекты не превращаются в образы, названные Фрейдом Супер-Эго. Такое Супер-Эго образует пик системы, которая развивается наравне и во взаимодействии с развивающимся Эго. Супер-Эго генитальной стадии представляет собой большое продвижение вперед по отношению к ранним интроекциям. Это более зрелая формация, чем фантастические внутренние объекты примитивных периодов, более цельная и устойчивая, более ориентированная на реалистичную социальную мораль.

Напряжения между Эго и Супер-Эго (интроецированными объектами) разнятся в зависимости от текущей стадии развития. Запреты и требования, исходящие от Супер-Эго, соответствуют импульсам, доминирующим в данное время. Так, например, при полностью развитом, «классическом» Эдиповом комплексе, запреты направлены против страстного влечения к одному из родителей и жестокого соперничества с другим, как впервые показал Фрейд. В анальной фазе анально-садистические, в оральной фазе орально-садистические влечения подвергаются запрету со стороны наличного типа Супер-Эго. В этой связи можно вспомнить, что Абрахам привлек внимание к торможению жадности в раннем младенчестве, и что Ференци выдвигал понятие «морали сфинктера».

Хотя Фрейд показал, что интроекция возникает в раннем младенчестве, то есть задолго до того времени, к которому он отнес Эдипов комплекс, и хотя он распознал структурные результаты этого механизма, он весьма определенно высказывался за причастность Супер-Эго к распаду Эдипова комплекса. Более того, он считал, что поздние интроекции родителей или родители-заместители в основном влияют на характер Эго, но не Супер-Эго. Та точка зрения, что формирование и Эго, и Супер-Эго начинается в раннем младенчестве и продолжается во взаимной связи, отличается от взглядов Фрейда и поднимает новые проблемы. Если, как мы утверждаем, интроецированные в раннем детстве объекты строят как Эго, так и Супер-Эго ребенка, нам нужно найти фактор, который определяет последствия интроекции и проекции. Когда акт интроекции способствует формированию Эго, а когда — Супер-Эго? Я бы предположила, что этот разделяющий фактор лежит в тех чертах интроецируемого родителя, которые наиболее важны для ребенка в настоящий момент. Эмоциональная ситуация, в которой ребенок выполняет акт интроекции, определяет его результат. Необходимо учитывать весь комплекс аффектов, инстинктивных побуждений и доминирующих элементов тревоги.

Другими словами, исход акта интроекции определяет доминирующий мотив ребенка. Если его главный интерес при акте интроекции фокусируется на родительском интеллекте, умении обращаться с вещами — функциях, принадлежащих интеллектуальной и моторной сфере Эго — то интроецируемый объект в основном принимается в Эго ребенка. Если ребенок интроецирует объект в ситуации конфликта любви и ненависти, и особенно озабочен этическими качествами объекта, интроецированный объект способствует формированию Супер-Эго. Ребенок, интроецирующий мать в момент, когда она выполняет какое-то действие (например, моет его), научается действовать самостоятельно, приобретает определенные навыки. Здесь мы имеем пример интроекции, стимулирующий развитие Эго.

Процесс купания, однако, в бессознательной фантазии может иметь некое моральное значение, как, например, исправление вреда, нанесенного объекту загрязнением. Если такое значение становится доминирующим, интроекция матери во время купания ребенка существенно усиливает систему Супер-Эго. Анализируя таким образом конкретные случаи интроекции, можно заметить тесную связь между формированием Эго и Супер-Эго, несовместимую со слишком резким разграничением между ними. В этом пункте мы также согласны с точкой зрения Фрейда, что эти три системы, сохраняя известную независимость и индивидуальность, не являются самодостаточными и могут переходить одна в другую. Внутренне дифференцированная психика образует единое целое. Эго и Супер-Эго суть отделившиеся части Ид.

Более широкое понятие о Супер-Эго, вытекающее из концепции М. Кляйн, также более адекватно объясняет те аспекты системы Супер-Эго, в которых защита и положительные стимулы превалируют над страхом и запретами. Если не ограничиваться пониманием Супер-Эго как сформированного интроекцией родителей периода развитого Эдипова комплекса, а рассматривать его как структуру, формирующуюся на протяжении всего детства, начиная с интроекции кормящей матери (груди), то становятся понятны условия (нормальные и патологические), при которых отношения Эго/Супер-Эго складываются по типу мать/ребенок. Проявляются и ситуации, в которых сфера Эго расширяется, а его функции стимулируются. Супер-Эго («материнские» внутренние объекты) стимулирует развитие Эго и способствует расширению Эго не в меньшей степени, чем угрожающее Супер-Эго (строгий внутренний отец) тормозит его развитие запретами. Во многих случаях ребенок рискует предпринять нечто новое при поддержке родителей, и его уверенность в себе растет, чем больше он им доверяет. Подобный опыт также интернализуется и влияет на формирование Супер-Эго. Более того, если это имеет место впервые, происходящая интроекция уже в наличной ситуации придает ребенку смелость. Когда же «мягкое» Супер-Эго провоцирует экспансию Эго, причиной является то, что во внутреннем мире индивида по-прежнему сохраняются отношения к добрым родителям, т. е. Эго ассимилирует хорошие объекты и растет благодаря такой ассимиляции.

Эти стороны Супер-Эго, его доброжелательные, материнские компоненты, не легко уживаются с Супер-Эго в изображении Фрейда. В его концепции строгость отца выступает главной составляющей Супер-Эго, за исключением (видимо, единственным) эссе «О юморе», в котором Фрейд пространно описывает доброту и уступчивость Супер-Эго, заявляя, что эти черты полностью согласуются с его происхождением из интроекции родителей.

Можно задать вопрос, не правильнее ли будет, с учетом указанных нюансов, закрепить фрейдовский термин «Супер-Эго» за интроекцией родителей на нисходящей стадии Эдипова комплекса? Подобное решение может быть, по всей видимости, принято лишь на основе всестороннего исследования, тем более сложного, что в приведенном выше эссе

формулировки самого Фрейда неоднозначны. К тому же, распространенным явлением в психоанализе выступает расширение содержания понятий по мере накопления знаний — ярким примером здесь может служить эволюция понятия «сексуальность» после ранних работ Фрейда. Лучшим путем к ясности будет сохранение единого термина для внутренне сходных, генетически взаимосвязанных процессов. А именно таково отношение между ранними интроекциями и теми, что имеют место на исходе Эдиповой фазы. В то же время иногда более точно говорить о «внутренних объектах», а не о «Супер-Эго».

Часть 2

Ранние объектные отношения

(а) Понятие о примитивных объектах

Основная цель этого раздела — показать, как интроекция и проекция влияют на отношение ребенка, в первую очередь, к матери и отцу.

К проблеме инфантильных объектных отношений обращались многие психоаналитики, но консенсуса здесь достигнуть не удалось. Фрейдовские утверждения на сей счет неопределенны и открыты различным интерпретациям. В своих ранних работах Фрейд концентрируется почти исключительно на либидинозных составляющих инфантильного опыта и описывает свои наблюдения скорее в терминах движения либидо, чем в терминах чувств и фантазий младенца. Он подчеркивал первостепенное значение либидинозного отношения младенца к своему первому объекту — материнской груди, хотя еще и не входил в анализ его содержания, эмоций и фантазий, включенных в эти ранние переживания. Действительно, масса фрейдовских текстов подтверждает, что Фрейд, несмотря на редкие намеки на противоположное, не думал, что младенец формирует объектные отношения в раннем возрасте. Он описывал идентификацию с объектом как самую раннюю форму связи, но отличал ее от отношения к объекту. С другой стороны, Фрейд часто связывал идентификацию с установлением объекта внутри Эго (интроекцией).

Следующий отрывок из «Энциклопедических статей» (1922) иллюстрирует взгляды Фрейда на либидинозный процесс в раннем младенчестве (р. 119):

«Первоначально оральный частичный инстинкт находит удовлетворение, «анаклитически» привязывая себя к удовлетворению желания насытиться; и его объектом является материнская грудь. Затем он отделяет себя, становится независимым и ауто-эротичным, то есть, находит объект в собственном теле ребенка. Другие частичные инстинкты также становятся аутоэротичными и только позднее переключаются на внешний объект...».

Таким образом, Фрейд в большей степени подчеркивает аутоэротический, чем аллоэротический аспект ранней жизни младенца. С другой стороны, работа Мелани Кляйн широко затрагивала ранние объектные отношения; ее исследования и работы ее соратников показывают аутоэротизм в другом свете.

В соответствии с теорией либидо Фрейда, сексуальная жизнь младенца начинается с аутоэротизма и нарциссизма (в таком порядке); на этих фазах либидо младенца направлено на его собственное тело. Подтекст этой точки зрения предполагает, что младенец не знает другого либидинозного объекта, кроме себя. В то время, когда была

сформулирована теория либидо, деструктивные импульсы рассматривались как частичные инстинкты либидо, а не как представители первичного инстинкта. Таким образом, либидинозная привязанность к объекту и объектное отношение тогда были синонимами, и теория о том, что младенец не имеет объекта для своего либидо, равносильна отрицанию любого вида инфантильных объектных отношений.

Перед тем, как более подробно рассмотреть аутоэротизм и нарциссизм, я кратко опишу те взгляды на младенческие объектные отношения, которых придерживаются авторы этой книги.

Любая способность или функция развивается в течение нескольких ступеней, хотя индивидуальные стадии могут демонстрировать большие различия. Именно в этом смысле, как указала Сюзан Айзекс, принцип генетической непрерывности служит «инструментом познания». Прогресс и изменения в любой отдельной способности обязаны оказывать влияние на всю личность. Эти принципы особенно важны, когда мы рассуждаем о ранних фазах развития.

Способность к объектным отношениям также подлежит процессу развития, и, в соответствии с отношением ребенка к другим людям, значительно варьируется на разных стадиях. Начнем с того, что его отношение к своим объектам полностью определяется его физическими потребностями, его влечениями и фантазиями. Младенец познает свой объект преимущественно посредством ощущений, и чувственный опыт формирует матрицу как для бессознательных фантазий, так и для сознательных ощущений. Поскольку простейшие категории чувственного опыта либо приятны, либо болезненны, эти же ощущения являются первичными характеристиками объектных отношений младенца.

Требуется долгий путь эмоционального и умственного развития, прежде чем человек достигнет зрелых объектных отношений, когда за объектом будет признано право на индивидуальность и он будет принят как существо, чьи свойства не зависят от желаний и потребностей субъекта. Многие люди так и не достигают этой «объективной» оценки другой личности, или не достигают ее в эмоционально значимых отношениях; другие теряют ее в состоянии эмоционального напряжения. Развитие чувства реальности в межличностных отношениях происходит во взаимозависимости с ростом Эго, что, в свою очередь, зависит от зрелости инстинктивных влечений.

У нас нет надежды понять ранние объектные отношения без самой полной оценки того, какую роль фантазии играют в умственной жизни. Кроме того, необходимо учитывать принцип генетической непрерывности, а также тот факт, что в то время, как при исследовании мы анализируем какой-либо отдельный фрагмент, в реальности психическая жизнь представляет собой целостную, сложную структуру, единство и взаимодействие подобных фрагментов, хотя ни в коей мере и не предустановленную гармонию.

Существенное различие между инфантильным и взрослым отношением к объекту заключается в том, что взрослый воспринимает объект как независимо существующий, а для ребенка он всегда связан так или иначе с ним самим. Объект существует исключительно в силу своей функциональной значимости для ребенка, и только в границах его собственного опыта. Если в реальности ребенок совершенно беспомощен и в своем жизнеобеспечении полностью зависим от матери (или «замещающего» ее лица), в фантазиях он занимает по отношению к своим объектам позицию всемогущества: они принадлежат ему, являются частью его, живут через него и для него — продолжается пренатальное единство ребенка с матерью.

Поскольку в начале жизни оральные инстинкты доминируют над другими инстинктивными потребностями (примат оральности), ребенок рассматривает объекты прежде всего как нечто, относящееся к его рту. Иначе говоря, объект для ребенка — это нечто приятное на вкус и при глотании, и следовательно, хорошее, или, наоборот, противное, причина неприятных ощущений во рту и глотке, то, что нельзя проглотить, взять в рот (то, что фрустрирует), и, значит, плохое. Если объект «хороший», его глотают; если плохой — выплевывают. Бессознательная фантазия — динамический процесс. Оральный объект не только держат во рту, но либо глотают, поглощают, либо выплевывают, исторгают, а механизмы интроекции и проекции связаны с ощущениями и фантазиями, пережитыми при контакте с объектом. С учетом этих механизмов, объект ребенка можно далее определить как внутренний или внешний по отношению к его телу. Однако даже находясь вовне, объект является частью его Эго, соотносится с ним, т. к. «вне» есть результат экскреции, «выплевывания». Так границы тела оказываются размытыми. Другими словами, поскольку объект вне тела «выплюнут», все еще сохраняет отношение к телу ребенка, нет резкой грани между его телом и внешним миром.

Два основных принципа вытекают из действия интроекции и проекции в ранних объектных отношениях, и их взаимодействие ведет к неопределенным, неустойчивым ситуациям.

1. Отношение ребенка к объектам существенным образом зависит от их определения как «хороших» или «плохих», «внутренних» или «внешних» (а оно тесно связано с ощущениями ребенка).
2. В контексте единства между Эго и объектом ребенок склонен узурпировать «хорошие», т. е. приносящие удовольствие, качества объекта, считая их принадлежностью Эго, а также дистанцироваться от «плохих», причиняющих страдание, качеств, приписывая их объекту. Иначе говоря, существует тенденция к интроекции носителя удовольствия и к отчуждению, проекции причины страдания. Связь между проекцией и отрицательными качествами особенно важна для понимания детской тревоги.

Инфантильные объектные отношения подвижны, колеблются между крайностями. Налицо тенденция к кумулятивным реакциям. Ощущения либо целиком положительные, либо целиком отрицательные, таков для ребенка и сам объект. Промежуточные оттенки отсутствуют. То, что фактически является лишь отдельным аспектом объекта, воспринимается в тот или иной момент как целое, и этот выделенный момент соответствует доминирующей потребности ребенка. Объект рассматривается одновременно и как внутреннее «я», и как внешнее «не-я», а если даже и внешнее, то значимое для «я» и зависящее от него. Но точно так же, как бессознательная фантазия, вообще говоря, является предвестником логического мышления, так и это произвольное, фантастическое отношение к объектам выступает основой для реалистических, зрелых объектных отношений; это один из типов объектного отношения.

На этом первичном фундаменте, долгое время доминирующем, развивается способность дифференциации, тенденция к смягчению интенсивных эмоциональных реакций, что является важным шагом к более ясному мышлению. Мы склонны видеть одну из причин универсального явления детской амнезии в том факте, что раннее инфантильное ощущение-мышление весьма запутанно, а свет сознания присутствует лишь моментами — части развивающегося Эго проваливаются в бездну Ид.

Анализируя состояния глубокой депрессии (которые, как известно, предполагают регрессию к оральной стадии), можно увидеть, как фантазии по поводу

интроецированного объекта все еще сохраняют частицу «я», и насколько подвижно ощущение того, что есть «я» и что есть объект. Анализ подобных состояний дает, в действительности, весьма впечатляющую картину «осцилляций» между «селф» и объектами, внутренними и внешними. Следует отметить двойственность таких ранних объектных отношений: объект и воспринимается, и игнорируется, признается и отрицается. Этот двойственный процесс протекает либо синхронно, либо при очень быстрой, почти синхронной, последовательной смене моментов. (Мы здесь не касаемся весьма темной проблемы раннего понятия о времени.) Данный организм может быть также описан в терминах ограничений со стороны физиологических и психологических факторов: ребенок частично вообще не узнает объекты, т. к. перцептивная способность развивается постепенно, но отчасти он отрицает воспринятое по психологическим мотивам, посредством всемогущества и магии.

(б) Аутоэротизм, нарциссизм и ранняя форма отношения к объектам

Тот факт, что ребенок получает удовольствие от сосания пальца или другой части тела, конечно же, известен с незапамятных времен. Однако именно Фрейд, отталкиваясь от выводов Линднера, указал на следствия из этого факта и вписал его систематически в сложный процесс сексуального развития. На анализе детского поведения была построена фрейдовская теория либидо, и на какое-то время явления аутоэротизма выдвинулись в психоаналитической теории на первый план. Дальнейшие наблюдения за взрослыми, потерявшими сексуальный интерес к другим, либо полностью (в некоторых формах шизофрении), либо временно (при невротической ипохондрии и органических заболеваниях), привели Фрейда к выводу, что нарциссизм является закономерным элементом сексуального развития. Нарциссизм — это состояние, при котором Эго направляет собственное либидо на самое себя.

Различие между аутоэротизмом и нарциссизмом заключается, по Фрейду, в том, что при первом Эго еще отсутствует (еще только должно сформироваться), аутоэротические импульсы предваряют формирование Эго. Очевидно однако, что поскольку формирование Эго — постепенный процесс, обе фазы неизбежно сливаются.

В теории либидо Фрейда, следовательно, аутоэротизм и нарциссизм представляют наиболее ранние формы либидо и предшествуют объектно-либидинозным фазам. С дальнейшим развитием психоанализа эта точка зрения подверглась пересмотру.

Анализируя аутоэротическое сосание у ребенка, Фрейд заметил, что оно базируется на опыте обращения с объектом — материнской грудью — впервые познакомившим ребенка с удовольствием, которое он впоследствии воспроизводит аутоэротически. Первоначально, по Фрейду, детское либидо привязано к объекту и слито с процессом питания; позднее оно дистанцируется и от объекта, и от функции самосохранения. Фрейд не затрагивает здесь вопроса о том, что происходит в психике ребенка в момент отказа от объекта.

В другой связи Фрейд показал, что следует за оставлением объекта: покинутый объект укореняется внутри «селф», интроецируется. Фрейд полагал, что такая интроекция, возможно, — «единственное условие, на котором ребенок отказывается от объекта», и связывал интроекцию с идентификацией, т. е. процессом, когда одно Эго «становится таким же», как другое. Он также указал на оральную каннибалистическую инкорпорацию как на один из элементов идентификации этого типа.

Фрейд не связывал свои открытия, касающиеся метаморфоз утраченного объекта, с первым примером такого опыта, т. е. с развитием у ребенка аутоэротического удовлетворения. На этой стадии он выделил роль памяти в подобных процессах, утверждая, что в акте аутоэротического сосания ребенок вспоминает материнскую грудь. Работы М. Кляйн расширили наше понимание детских воспоминаний этого рода в связи с фантазиями ребенка и эффектами интроекции и проекции.

Когда взрослый обращается к воспоминаниям, ища утешения от неудовлетворительной реальности, он осознает наличие прошлого опыта внутри себя. Когда ребенок в акте сосания пальца «вспоминает» прошлые удовольствия от кормления у материнской груди, он не отдает себе отчета в процессе воспоминания, т. е. в актуализации элементов памяти в себе, но ощущает себя в действительном контакте с желанной грудью, хотя на самом деле всего лишь сосет собственный палец. Его фантазии об инкорпорации груди, как части своих оральных влечений и опыта, ведут к тому, что он отождествляет палец с инкорпорированной грудью. Ребенок может независимо достигать удовлетворения, т. к. в его фантазиях часть собственного тела репрезентирует недостающий объект. В своей аутоэротической активности он обращен к интернализованной «хорошей» груди, и удовольствие в органе связано с удовлетворением от воображаемого объекта.

Принимая во внимание все эти факторы, нельзя утверждать, что аутоэротическая активность лишена объекта. Внешний источник удовлетворения отсутствует, но одновременно, в фантазиях существует внутренний удовлетворяющий объект, который позволяет обходиться без внешнего или отказаться от него.

Описывая инфантильные типы психических функций, Фрейд полагал, что в условиях верховенства принципа удовольствия «желанное выдвигалось просто в виде галлюцинации». Фрейд сформулировал понятие «галлюцинаторного удовлетворения». Воспоминания и галлюцинации взаимосвязаны: в обоих состояниях используется ранее пережитая ситуация. Согласно Фрейду, галлюцинация — это результат катексиса, полностью перенесенного из системы памяти в систему восприятия. Другими словами, реактивация вспоминаемой ситуации не переживается сама по себе как галлюцинация, но как восприятие некоторого факта памяти. Это и понятно, ведь первоначально восприятие идет рука об руку с инкорпоративными фантазиями, и воспринимаемый объект ощущается как лежащий в границах тела. При галлюцинаторном удовлетворении ребенок использует свои инкорпоративные фантазии. Поскольку он располагает «хорошей» грудью внутри себя, последняя находится в его полном распоряжении, ею можно как угодно манипулировать, игнорируя актуальную ситуацию страдания и фрустрации. Внутренний «хороший» объект обладает столь сильной психической реальностью, что потребность в кормящей груди на время может угаснуть, ее можно преодолеть, успешно игнорировать и проецировать вовне, тогда как часть тела, которую сосет ребенок, отождествляется с интроецированной грудью, желанным объектом. Интроекция и проекция обеспечивают независимость ребенка в его аутоэротизме.

Можно сказать, что, вообще говоря, явление галлюцинации во многом теряет «экзотический» характер, если рассматривать его в связи с интроекцией и проекцией. Галлюцинирующий индивид регрессировал к примитивному типу восприятия, который предполагает интроекцию, и, используя ряд примитивных механизмов (магия, всемогущество, отрицание), он создает образ интернализованного объекта, проецирует объект в окружающий мир. В его сознательном убеждении, следовательно, объект физически реален, и эта убежденность может послужить защитой от фрустрации. Содержанием галлюцинации может быть зрительный или слуховой образ, телесное ощущение, в зависимости от того, какие элементы отношения к внутреннему объекту

доминируют в данное время. Эффективность такой защиты против фрустрации варьирует; галлюцинацией может быть удовлетворяющий призрак потерянного любимого человека или внушающего ужас преследователя. (Даже в последнем случае налицо некоторый выигрыш, поскольку защищаться легче от внешнего врага, нежели от внутреннего.)

Еще раз подчеркнем: с нашей точки зрения, аутоэротизм основан на фантазиях, касающихся внутренней удовлетворяющей, «хорошей» груди (соска, матери), которая проецирована на часть тела ребенка (представлена ею). Этот процесс, так сказать, встречает на полпути эрогенные качества органов ребенка и пластичный характер его либидо. Благодаря такой гибкости, один вид удовольствия (сосание) может замещать другой, недостающий (питание). В этом случае удовольствие в области рта дополнено приятным ощущением в пальце, репрезентирующем кормящую грудь. Интроективные и проективные механизмы служат здесь в качестве защиты от фрустрации и предохраняют от всплеска гнева и агрессии. Ребенок в результате способен воспринять реальную, внешнюю грудь, когда она появится вновь. Фантазии относительно внутреннего объекта, таким образом, открывают путь к внешнему объекту, и наоборот, внешний объект дает чувственный материал для конструирования внутреннего объекта. Так, внутренний объект осуществляет жизненно важную функцию в качестве центрального момента роста и развития объектных отношений. Подобные суждения дают новую формулировку исходной теории аутоэротизма. Учитывая колебания ребенка между внутренним и внешним объектом (материнской грудью), мы уже не можем рассматривать аутоэротизм как определенную «стадию развития», занимающую определенный период времени. Мы считаем аутоэротизм скорее модусом поведения, наряду с аллоэротической активностью, или же переходящим состоянием в рамках периода, насыщенного опытом контактов с объектами. И не только потому, что аутоэротизм связан с фантазиями по поводу внутреннего объекта, но и потому, что актуальное отношение к груди (и другим объектам) носит прогрессивный характер. Кормление у материнской груди, на протяжении этой аутоэротической фазы, — это объект-либидинозный опыт высшего порядка. Фрейд называл его «недостижимым прообразом любого более позднего сексуального удовлетворения». Можно также напомнить, что нормальный прием пищи никогда — в течение всей взрослой жизни — не теряет либидинозного компонента. И окончательная теория Фрейда о первичных инстинктах в полной мере учитывает этот факт, тесно сближая сексуальные импульсы и импульсы самосохранения в качестве носителей основного инстинкта жизни.

Несмотря на то, что ребенок способен к интенсивному аутоэротическому удовлетворению, он, в то же время, сохраняет и даже усиливает эротическое отношение к внешним объектам. Колебания между аутоэротическим и объект-эротическим опытом являются сложным процессом, характерным для ранней эмоциональной жизни.

Как отмечалось выше, мы полагаем, что между аутоэротизмом и нарциссизмом нет четко очерченной границы. С другой стороны, так как нарциссизм считается несколько более поздним явлением, он совпадает с более развитым Эго, так что два вышеупомянутых состояния различаются относительно стадии личностного развития. Следовательно, нарциссическая фаза восприятия является более развитой, а принцип реальности более действенным. Это особенно важно, когда речь идет о внутренней реальности, например, фрустрации, исходящей от внутренних источников. Неблагоприятные внутренние стимулы не могут быть столь же легко отвергнуты и проецированы вовне, как на более ранней стадии. Способность к галлюцинаторному удовлетворению снижается и фрустрация ощутима острее, чем ранее, когда механизмы галлюцинации включались легче. Это, как я думаю, подкрепляет мнение о различии между аутоэротизмом и

нарциссизмом, а также позволяет объяснить наблюдающуюся более высокую агрессивность нарциссических состояний по сравнению с аутоэротическими.

Тот факт, что по мере формирования Эго чувственное восприятие совершенствуется, а галлюцинаторное удовлетворение достигается труднее, не может повлиять на отношение ребенка к опыту фрустрации и на распределение либидинозных и агрессивных тенденций. Поскольку ребенок более подвержен фрустрации (из-за ослабления защитных галлюцинаций), возникает враждебность к объекту, воспринимаемому как причина болезненного состояния; и когда ребенок обращается к внутреннему объекту, он делает это под давлением неприятия внешнего объекта. Можно сказать, что в этом отношении различие между простым аутоэротическим удовлетворением и нарциссическим поведением состоит в том, что в первом случае обращение к «хорошему» внутреннему объекту и есть определяющая эмоция, а во втором — это уход от «плохого» внешнего объекта. Это подтверждается рядом наблюдений; в первом случае возврат к внешнему объекту происходит легче, нежели во втором. Данный подход может также объяснить трудности анализа нарциссических пациентов. Фрейд говорил о пределах аналитического воздействия, обусловленных, по-видимому, нарциссическим поведением.

Понимание взаимосвязи между внутренними и внешними объектами, сложного эмоционального отношения ненависти и беспокойства к внешнему объекту и неустойчивого отношения к внутреннему, когда оно проистекает по преимуществу из ненависти к внешнему, открывает подходы к анализу нарциссических состояний.

Важно, что при нарциссизме отношение к внутреннему объекту вторично. Как отмечалось выше, при нарциссизме движение к внутреннему объекту (кормящей груди) — это, в принципе, движение от внешнего объекта. Поскольку, однако, механизмы отрицания и расщепления менее эффективны на этой стадии более развитого Эго и чувства реальности, ненависть и страх, порожденные фрустрацией от внешнего объекта, частично переносятся на отношение к внутреннему, и инициируют компенсационные процессы относительно внешнего — реактивное усиление либидинозного катексиса.

Для иллюстрации этой точки зрения рассмотрим дискуссию о нарциссизме у взрослых, исходя из данных анализа. В ипохондрических состояниях все интересы пациента направлены на заботу о той или иной части тела. В наиболее тяжелых случаях пациент не в состоянии выполнять ролевые функции в семье и вести нормальную повседневную жизнь. Его интерес к окружающему миру подчинен телесным процессам, и события имеют значение лишь постольку, поскольку касаются органа (органов), пораженных воображаемой болезнью. Отношение к этой части тела весьма сложное. Интенсивное внимание к органическим ощущениям говорит аналитику о сильном либидинозном элементе и удовольствии от своего состояния, полностью бессознательном, тогда как сознание фиксирует боль, беспокойство, озабоченность. Так же двойственно отношение и к врачам (а их всегда несколько): пациент одновременно и не доверяет им, жалуется, что они не могут помочь, и все же постоянно обращается к их авторитету. Итак, отношение к людям во внешнем мире и вера в их добродетель не отброшены окончательно; с другой стороны, пациент отвергает обычные интересы и занятия из-за интереса к своему телу и его проявлениям. Он упорно цепляется за свои симптомы. Поведение взрослого ипохондрика представляет собой тип нарциссизма, при котором внутренний объект, представленный той частью тела, которой озабочен пациент, главенствует над внешними, и выступает, таким образом, предметом любви. Но поскольку этот внутренний объект ощущается как ущербный, а значит, не приносит удовлетворения, он также притягивает к себе ненависть и страх, требуя по этой причине внимания к себе, заботливого наблюдения, несвободного, впрочем, от постоянной подозрительности.

Осознание пациентом того, что из-за своей болезни он не может работать, общаться с людьми, оказывается, при аналитическом исследовании, весьма сложной психологической структурой. Здесь присутствует враждебность по отношению к близким (родителям или тем, кто их заменяет), что является серьезной причиной для завышенных требований и неудовлетворенности любой работой. Эта враждебность подавляется и трансформируется в особые органические ощущения, поглощающие внимание пациента. Такие ощущения, кроме того, красноречиво рассказывают о специфических фантазиях пациента, об отвергаемых им объектах, и, исходя из этого, за фасадом телесных ощущений открываются отношения с людьми, играющими важную роль в его жизни. Отсутствие осознанной вины за уклонение от работы, за обременительное для семьи существование объясняется тем, что вина также трансформируется, выливаясь в осознанное страдание, озабоченность и депрессию, вызванные «болезнью» органа. С другой стороны, вина за бессознательные импульсы ненависти по отношению к ближайшим объектам, обычно членам семьи, смягчается страданием от ощущений в «большом» органе. Известно, что бессознательное чувство вины может проявляться потребностью в наказании, и эта потребность действительно удовлетворяется благодаря переживаниям в связи ипохондрическими страхами. Таким образом, сознательная концентрация на собственном организме и демонстративное отсутствие обычных интересов и привязанностей скрывает бессознательное отношение к внешним объектам, содержательно богатое, которые трансформируются во внутренние, и проявляются в телесных реакциях пациента. Дальнейший анализ показывает, что бессознательная агрессия пациента связана с фрустрациями, их источником он считает внешние объекты, а весь ипохондрический синдром, по-видимому, вытекает из таких фрустраций, к которым больной не смог адаптироваться.

Данное обобщенное описание основано на аналитических наблюдениях над взрослыми пациентами. Вопрос в том, можно ли эти явления считать точными аналогами инфантильного нарциссизма, являются ли они модификациями первоначального состояния. Если последнее верно, то какие черты относятся к первичным, а какие — к более поздним стадиям?

Когда мы анализируем другие психические заболевания, например, паранойю и навязчивое поведение, вроде навязчивой ревности, то снова находим подобное взаимопереплетение отношений к реальным окружающим людям и к внутренним, иллюзорным объектам, хотя в других аспектах психический материал совершенно различен. Представляется оправданным рассматривать общие элементы различных психических заболеваний как производные первичных инфантильных стадий психической жизни, которых достигает регрессия, а различия определяются неодинаковой степенью развития Эго.

Данное утверждение верно для всех душевных болезней, всегда, как заметил Фрейд, сопровождающихся регрессией. Однако вклад в заболевание дисфункции развитого Эго до сих пор недостаточно исследован. Однако в любом случае можно предположить, что главные черты «взрослых» состояний — те же самые, что и у «детских», а все «дополнения», созданные последующей эволюцией Эго, касаются скорее второстепенных аспектов, вариантов одной и той же матрицы, возникающих вследствие влияния наличных условий. Последовательность такова: фрустрация из-за внешнего объекта (материнской груди), реального или воображаемого, а чаще всего, того и другого вместе; ненависть, страх перед предметом фрустрации и, следовательно, угрожающий объект; уход от него и поиск источников наслаждения внутри организма — в этом, на наш взгляд, заключается корень ипохондрических состояний. Можно сделать вывод, что в инфантильных состояниях существует некий эквивалент болезненных ощущений органа, типичных для

взрослой ипохондрии, т. е. имеются «ограничители» получаемого удовольствия. Это, как мы полагаем, ведет к компенсаторному гиперкатексису либидо на органе (внутреннем объекте) и преувеличенному отторжению внешнего объекта.

«Хорошие» качества внутреннего объекта (рассматриваемого как «мое» и представленного определенной частью тела субъекта) подпитываются, так сказать, «плохими» характеристиками внешнего объекта. Другими словами, чтобы считать «я» хорошим, а интернализированный объект, сливающийся с «я», «дружественным» и надежным, субъект в нарциссическом состоянии ненавидит и отвергает объект внешнего мира. Таким образом, ненависть и отторжение образуют важный фактор защиты от фрустрации, основанный на технике расщепления чувств любви и ненависти, и раздвоении объекта на «внутреннее/хорошее» и «внешнее/плохое». Упорство, с которым пациент-ипохондрик цепляется за свои симптомы, продолжая консультироваться у врачей и отвергая их, демонстрирует эту технику расщепления и разделения, которая в сложных ситуациях взрослой жизни может приобретать весьма запутанные формы.

В этой связи хотелось бы кратко рассмотреть другую взрослую патологию, при которой пациент использует механизм раздвоения для собственной уверенности в том, что сам он — хороший, тогда как другой человек — плохой. Навязчивые состояния параноидального типа ясно показывают, какую роль играет отклонение. Хорошо известно, что навязчивая ревность и страх преследования основаны на явлениях отклонения и проекции. Оказывается, что в таких состояниях именно чувство вины является для пациента невыносимым и именно против него пускаются в ход защитные механизмы отклонения, расщепления и проекции. Не затрагивая здесь очень сложной проблемы вины, хотелось бы подчеркнуть, что нетерпимость личности к чувству вины — это, в сущности, невозможность признать, нечто «плохое» в себе самом, т. е. представление о том, что во мне есть нечто «плохое», от чего нельзя освободиться, инородное тело внутри собственного организма. Результатом техники навязчивой проекции становится страх преследования со стороны лица, избранного для такой проекции и убеждение в «хорошем я». Можно сказать, что индивид платит ценой страха преследования за снисходительность к самому себе.

Гипотеза, следовательно, состоит в том, что в нарциссическом состоянии внешний объект ненавидим и отвергаем, так что некто любит внутренний объект, слитый со своим «я» и получает от него удовлетворение (см. Примечание в конце главы). Внешний объект и его внутренний «заместитель», созданный с помощью интроекции, таким образом, разделены. Однако техника расщепления объекта исходит из фундаментальной предпосылки, что где-то в перспективе эти части составляют одно целое. Подобная техника эффективна лишь отчасти, и удовольствие при нарциссизме значительно менее полно, нежели в случае простого замещающего аутоэротизма. (То, что в какой-то момент времени ребенок все же замечает неудовлетворенность воображаемой внутренней грудью, имеет жизненно важное значение, поскольку это заставляет ребенка опять обратиться к реальной груди внешнего мира.)

Аутоэротизм и нарциссизм — способы борьбы детского Эго с фрустрацией (снова достигаемые регрессивно при некоторых психопатологических состояниях в более позднем возрасте). В их основе лежат механизмы интроекции и проекции, благодаря которым детское Эго приобретает «хороший» объект в границах собственного тела, в виде какой-либо его части. Оба механизма связаны с фантазиями, первоначально пережитыми в контакте с объектом.

Воображаемый объект, избранный ребенком, меняет свой характер в зависимости от стадии развития Эго. На ранней стадии, отмеченной первичной удовлетворяющей аутоэротической активностью, объект принимает форму частичного объекта, тогда как на последующих стадиях, с увеличением роли нарциссических состояний, объекты уже осознаются как индивиды (стадия целостного объекта). В этой связи надо рассмотреть экономический фактор. По-видимому, будет правильно утверждать, что галлюцинаторное удовлетворение достигается легче, если объект является частью, к примеру, соском, чем когда он является индивидом; поскольку память, дающая почву для галлюцинации, если дело касается соска, связана с полноценными ощущениями контакта сосок/рот: сосок действительно побывал «внутри» ребенка, в окружении его губ, десен, языка. Возможно, на ранней стадии частичного объектного отношения на объекте сконцентрировано большее количество либидо, чем на позднейших стадиях, в то время как ощущения и эмоции менее ярко выражены, если объект ощущается как индивид.

(в) Внутренний мир и внешний мир

Интроекция инициирует процессы, захватывающие все сферы психической жизни, а часто существенно влияющие и на жизнь физическую. Пожалуй, менее чем какой-либо другой механизм развития, интроекция выступает завершенным событием, ограниченным строгими временными рамками. В дело вступает внутренний мир. Ребенок чувствует, что существуют объекты, люди, части их тел, находящиеся внутри него самого, они живут и действуют, влияют на него и, в свою очередь, испытывают обратное влияние. Этот внутренний мир жизни и событий — продукт бессознательной фантазии ребенка, его личная копия объектов окружающего мира. Таким образом, этот мир участвует в формировании отношения ребенка к окружающей среде, и сам ребенок подвержен влиянию чувств, поступков, настроений, придуманных им самим, ничуть не меньше, чем со стороны реальных людей во внешнем для себя мире. Чувства, ощущения, способы поведения в огромной степени определяются такими фантазиями о людях и событиях — элементах внутреннего мира. Последние отражают внешний мир в искусственном и искаженном свете, и все же могут заставить внешний мир выглядеть так, будто он является их отражением. Все чувства, на которые способен ребенок, он переживает и по отношению к своим внутренним объектам, и все его психические функции, эмоциональные и интеллектуальные, его отношения к людям и вещам, решающим образом зависят от этого комплекса фантазий. Он может чувствовать себя защищенным или преследуемым, испытывать подъем или депрессию благодаря своим внутренним объектам, или же ощущать себя их покровителем или палачом.

Следует иметь в виду, что любое описание наиболее примитивных психических процессов, этих бессознательных фантазий — это не более, чем приближенное описание. В каком-то смысле все наши описания искусственны, поскольку мы вынуждены использовать слова для выражения опыта, находящегося на более примитивном уровне, предшествующем вербализации (которая, вероятно, предполагает прогрессирующую модификацию). Наиболее примитивные психические процессы связаны с ощущениями. Первичный опыт, содержание которого мы можем передать лишь словами, безусловно, находится в форме ощущения, и для начала следует заметить, что у ребенка есть в распоряжении лишь собственное тело, посредством которого он выражает свои психические процессы. Аналитическая процедура раскрывает эти бессознательные содержания как базисные психические образования, и в рамках ситуации анализа слова, по-видимому, представляют достаточное средство для понимания. Однако, когда эти фантазии выражаются спонтанно, скажем, сумасшедшим или поэтом, то ясно, что со

словами в данном случае обращаются как с материалом — носителем чувственных качеств. В первом случае наблюдается процесс глубокой депрессии и деградации, во втором — специфическая творческая активность, и в то же время их объединяет чувственная, материальная сторона языка.

Фантазии по поводу внутреннего мира неотделимы от отношения ребенка к внешнему миру, реальным людям. Только из-за ограниченности наших описательных средств возникает видимость двух совершенно разных сущностей, влияющих одна на другую, вместо единого, целостного, многостороннего опыта.

Аналогичным образом разделение инстинктивных импульсов и бессознательных фантазий также является описательным артефактом. Необходимо учитывать, что мы исследуем лишь иной аспект единого опыта, когда речь заходит об инстинктивных импульсах.

Как полагал Фрейд, либидо ребенка носит «полиморфно-извращенный» характер до момента конституирования генитальной фазы, объединяющей разнонаправленные тенденции и подчиняющей их генитальной ориентации. Полученные в дальнейшем знания о первоисточнике деструктивных влечений приводят к расширению теории либидо и оказывают влияние на наше понимание превратностей фантазии. Детское фантазирование отражает незрелую, полиморфную, либидинозную и деструктивную природу инфантильных инстинктивных влечений. Фантазии об интернализированных объектах некоординированы, полны противоречий и легко переходят от одной эмоциональной крайности к другой, крайне нестабильны. Опыт общения с внешним миром, реальными людьми возникает и развивается, отчасти с большими искажениями, под действием инстинктивных потребностей. В согласии с модификацией инстинктивных целей, реализующей инстинктивное развитие и взаимодействующей с прогрессивной организацией Эго, детские фантазии о своих внутренних объектах также претерпевают изменения. Данный процесс можно описать в терминах унификации, совместимости, стабильности; постепенно «внутренние объекты» обретают абстрактный характер. Фантазии о живых существах в границах «я» трансформируются в мысли и психическую работу с понятиями — процесс, начинающийся у совсем маленьких детей. На пике зрелости эта система фантазий приводит к формированию целостного Эго и универсального Супер-Эго. То, что достигнуто, однако, имеет различную степень и может разрушаться под действием перенапряжения. Такое возвращение к примитивным фантазиям является для аналитика рутинным фактом.

В аутоэротизме именно внутреннюю, «хорошую» материнскую грудь малыш использует как убежище, если реальная «внешняя» грудь является причиной фрустрации. Но эта победа духа над телом, фантазии наслаждения над ранящей реальностью кратковременна: реальность вновь утверждает себя. Вероятно, когда это происходит, когда удовлетворяющая фантазия (галлюцинация) иссякает и Эго сталкивается с причиняющей страдание внутренней потребностью, возникают угрожающие фантазии (галлюцинации). Иначе говоря, в детском переживании «внутренняя» кормящая грудь из «хорошей» становится «плохой», из любящей — враждебной, из несущей удовольствие — опасной; и ребенок в разочаровании обращается к внешнему миру, ища и востребуя «хорошую» грудь там. «Хорошая» и «плохая» грудь, грудь, богатая наслаждениями (объективно или субъективно) и причина фрустрации — такова на этой самой примитивной стадии единственная забота ребенка, и на этой основе строятся его объектные отношения.

Быстрые переходы от положительных чувств и объектов к отрицательным чувствам и объектам, при абсолютном значении тех и других, по-видимому, специфичны для раннего возраста, однако переход от «плохого» внутреннего к «хорошему» внешнему не может

быть быстрым. Наше знание об этих ранних процессах еще неполно, но, вероятно, способность принять удовлетворяющий объект после фрустрации частично зависит от благоприятной комбинации проекции и интроекции: Эго изгоняет «плохой» внутренний объект и инкорпорирует «хороший» объект извне. Эффективное развертывание механизмов проекции и интроекции у ребенка, предполагающее любовь и поддержку окружающих, возможно, лежит в основе уверенности человека, что все «плохое» уступает место «хорошему».

Этот благоприятный фактор, при котором чувство враждебной «внутренней» груди стимулирует желание изгнать ее и взять «хорошую» грудь, способствует контакту ребенка с внешним миром. Однако такого рода ситуация превалирует не всегда. Существуют состояния, в которых ребенок ощущает свое тело переполненным «плохими» внутренними объектами, слишком могущественными, чтобы с ними справиться, и это может задержать механизм проекции и, следовательно, помешать интроекции. (Поскольку задержка проекции представляет неспособность направить агрессию вовне для самозащиты, то можно предположить конечное поражение инстинкта жизни в его внутренней борьбе с инстинктом смерти.)

Опять-таки, страх, что все внутри «плохо», несет угрозу, может вести к отчаянию найти «хорошее» где-либо вообще, а если оно где-то и существует, то его нельзя принять, т. к. оно превратилось бы в «плохое» при контакте с мощными «плохими» объектами, внутренними силами. Подобные фантазии создают порочный круг; внутренняя ситуация ухудшается, т. к. ее нельзя облегчить за счет интроекции «хорошего» объекта, но чем хуже она становится, тем глубже тормозится интроекция. Нарастает ситуация внутреннего беспокойства и отчаяния.

Другой тип нарушения интроекции и проекции вызван неспособностью к проекции «хороших качеств», подготавливающей интроекцию «хорошего» из объекта; такая проекция могла бы укрепить доверие к данному объекту.

Процессы такого рода, сбои в использовании механизмов интроекции и проекции создают почву для ранних невротических симптомов: фобий, трудностей кормления (слабое, автоматическое сосание, неспособность держать сосок, отторжение груди, преувеличенная реакция на небольшие препятствия), нарушение сна, трудности экскреции и т. д.

Может случиться, что подобные нарушения протекают почти непрерывно и без изменений, затрагивая всю психическую жизнь ребенка. Экстремальный случай этого типа описан Мелани Кляйн. У этого ребенка наблюдалась серьезная задержка эмоционального и умственного развития, вызванная сильными нарушениями в функционировании интроекции и проекции. Впервые они проявились в весьма необычном отношении ребенка к материнской груди (и пище), а позднее сохранились в контакте с людьми вплоть до обращения к аналитику, когда ребенку было 4 года.

Как уже говорилось выше, объекты, по меньшей мере, не существуют независимо от ребенка, но всегда так или иначе соотнесены с его «я». И наоборот, он переносит на объекты собственный опыт, так что внутренние процессы ощущаются во взаимосвязи с объектами. Пока фантазии ребенка концентрируются на единственном объекте, груди матери, он приписывает любое страдание враждебным проявлениям этой груди, т. е. грудь его кусает, отравляет, морит голодом; когда же он испытывает удовольствие и комфорт, она его кормит и о нем заботится. Такое отношение являет собой ранний пример анимистического мышления, которое Фрейд считал типичным для первобытного человека

и ребенка. Есть важная связь между анимизмом, с одной стороны, и идеализацией и преследованием, с другой. Мы ежедневно встречаем реликты этих явлений в суевериях и маниакальных ритуалах.

Можно предположить, что источниками других примитивных верований также являются инфантильные объектные отношения, например, убежденность во всемогуществе эмоций, мыслей, желаний, а также в принципе внутренней реальности.

Фантазии об укоренившихся внутри объектах ведут к отождествлению внутренних, психических процессов и деятельности во внешнем мире. Объекты, «поселенные» внутри, воспринимаются как столь же отзывчивые на чувства субъекта, его желания и мысли, что и люди в мире внешнем — на слова и поступки. Следовательно, в рамках субъективного опыта чувства поистине всемогущи. Например, враждебные импульсы представляются «нападением» на внутренний объект, которое должно быть «наказано». Возмездие внутреннего объекта вытекает также из характера детского объектного отношения, слитности «я» и внутреннего объекта. Так как ребенок проецирует свои влечения на объекты (неважно внутренние или внешние), он ожидает, что и объекты воздействуют на него способом, адекватным его действиям (реальным или воображаемым). Внутренний объект, будучи «атакованным» и «поврежденным» агрессивным желанием, немедленно отражает атаку. Далее, страх возмездия от внутреннего объекта возвращается (проецируется) на внешний объект, на реальных людей во внешнем мире. Мы часто наблюдаем в анализе, что пациент не может избавиться от враждебного отношения, скажем, стремления доминировать над другими, поскольку убежден, что, как только он перестанет править членами семьи, то сразу станет их рабом. Это убеждение — «или я, или другие должны стоять у власти» — игнорирует индивидуальность объекта и выдает инфантильное восприятие другого в образе своего «я» (проекция). Такая личность не может допустить, что другая личность обладает самостоятельным, независимым от нее бытием.

(г) Интроекция и проекция в отношении к целостным объектам

С прогрессом психических функций Эго (перцепции, памяти, синтеза и т. д.), ведущим к отношению типа «целостного объекта», эмоциональная жизнь ребенка значительно усложняется. На предыдущей стадии, из-за невысоких интеллектуальных возможностей и использования примитивных приемов вроде магии, отвержения, всемогущества и расщепления, ребенок воспринимает свои объекты (или частичные объекты) просто и однозначно: когда он удовлетворен, его объект любим и «хорош», когда фрустрирован, тот же объект «плох» и ненавидим; ребенок не осознавая, что обращался с различными сторонами одного и того же объекта как будто они суть два разных, независимых объекта. Когда же, в результате развития, эта техника диссоциации или расщепления становится недоступной, ребенок оказывается перед лицом амбивалентности, одновременности чувств любви и ненависти, привязанности и отвращения по отношению к одному и тому же объекту, и этот конфликт ведет к ситуациям обеспокоенности.

Хотя ребенок любит «хороший» частичный объект, его любовь к матери как личности — опыт более ценный, глубокий и богатый. Перипетии его любовных чувств теперь для него более значимы, чем на стадии примитивной любви к материнской груди. В то же время прежние страхи повреждения «хорошей» груди и преследования со стороны «плохой» развиваются в гораздо более сложное чувство вины (обеспокоенность в связи с

уничтожением и потерей любимой матери, вызывающее критическое состояние, открытое Мелани Кляйн и названное «детским депрессивным состоянием»).

В этой ситуации интроекция и проекция, бывшие ранее, на аутоэротической и нарциссической стадиях, главной защитой против фрустрации и утраты объекта, приводят к сильнейшей неуверенности. Поскольку инстинктивная жизнь ребенка все еще находится под влиянием примата оральности, инкорпоративные и экспульсивные фантазии очень сильны. Рот, главный инструмент ранней любви, имеющий целью поглотить ее объект, также выступает основным органом выражения агрессивных, враждебных импульсов и отторжения объекта. С угасанием механизмов расщепления угрожающие качества оральной активности ощущаются наряду с влечениями любви. Так возникает страх нанесения вреда любимой матери в самом процессе выражения любви к ней, страх потерять ее в результате действий, нацеленных на устойчивое обладание ею. Эти страхи усугубляются реальностью объекта любви, что является результатом возросшей монолитности, целостности Эго, т. к. теперь любимая и несущая удовольствие мать превращается также в опасную, фрустрирующую личность. Уступить желанию и инкорпорировать «хороший» объект теперь чревато опасностью принять и все «плохое» в нем, и наоборот, изгнание «плохого» внутреннего объекта грозит утратой «хорошего». Турик, в который заводят подобные чувства и фантазии, проявляется в припадках агрессии у ребенка старшего возраста, при которых, из-за одновременной жажды любви и невозможности принять ее, не имеют успеха попытки как-то его успокоить. В аналитической практике трансферные кризисы повторяют это психическое состояние. Как реакция на страхи такого рода у ребенка может возникнуть «торможение» в разрывании механизмов проекции и интроекции и отставании в развитии (о чем речь шла выше в этой главе). Или же возможно резкое чередование интроекции и проекции, паническое принятие и отторжение объектов, ведущее к неустойчивости, капризности и неспособности привязаться к предмету.

С другой стороны, подобные страхи могут спровоцировать потерю достигнутого — ибо нарастающее страдание невыносимо — и регрессию к ранней, более примитивной стадии (параноидно-шизоидное состояние). Здесь мы сталкиваемся с проблемой негативных сторон прогресса, обсуждаемых далее в следующей главе. Можно заметить, что такой дуализм не ограничивается механизмами проекции и интроекции.

Вообще говоря, вероятно, что психический процесс, снимающий те или иные конфликты и страхи, порождает другие, так что достигается лишь относительная свобода от беспокойства, относительный покой души. Такова психическая жизнь; затишье не может длиться долго, особенно в период роста и развития. Спокойствие, привилегия старых и мудрых, часто идет рука об руку с остановкой прогресса. Даже удовлетворение влечения, часто считающееся лучшей защитой от напряженности, приносит лишь временный успех; то и дело оно вообще ведет к провалу и само по себе выступает источником сильнейшего конфликта.

(д) Происхождение Эдипова комплекса

Прогресс личностных функций, результатом которого является способность к узнаванию отдельных личностей, коренным образом расширяет мир ребенка. Когда ребенок открывает соединение многочисленных впечатлений, ранее во многом изолированных и рыхлых, в понятии личности, он фактически встречает двух человек, мать и отца, и данная ситуация включает их взаимоотношения. Поле его эмоционального опыта не только

расширяется количественно, но также изменяется качественно, поскольку он вступает в треугольник объектных отношений, как известно, имеющий особо важное значение.

В этом первичном треугольнике лежит источник Эдипова комплекса. Он отличен от развитого (теперь часто именуемого «классическим») Эдипова комплекса во всех аспектах, обусловленных примитивным характером психического состояния ребенка на этой стадии.

В то время, как узнавание людей открывает больше каналов для удовлетворения, а отец играет все большую роль в его жизни и представляет объект любви, интереса и удовольствия, ребенок должен теперь справляться со всеми стимулами, соблазнами и конфликтами, внутренне присущими отношениям в «треугольнике» личностей.

Новый и самый важный фактор, представляющий для ребенка проблему номер один, — это взаимоотношения родителей. Ребенок догадывается о физической близости между ними, и так познает реальность; но он осознает эту близость в терминах собственных влечений, другими словами, его представления определяются проекцией и, таким образом, значительно искажают эту реальность. Родители делают друг с другом то, что он хотел бы делать сам.

На этой примитивной стадии, у истоков Эдипова комплекса, инстинктивные влечения ребенка «полиморфно извращены». Оральные, уретральные, анальные и генитальные импульсы сосуществуют и составляют в целом хаотический, взаимно пересекающийся, беспорядочный «узор» — условие конфликтующих требований, по своей сути фрустрирующих и испытывающих фрустрацию от внешнего мира.

Либинозные цели смешиваются с деструктивными и тенденция враждебности набирает силу благодаря фрустрации и ревности. Беспомощность и всемогущество, преобладание фантазии над реальностью ведут к перемешиванию влечений и объектов. То, чего ребенок желает или боится, принимается им как реально происходящее, а страх и фрустрация ощущаются как преследование со стороны объектов.

В инфантильном мышлении-ощущении инстинктивные влечения реализуются в целом ряде специфических проявлений. Так, оральные влечения сопровождаются фантазиями сосания, сжимания, кусания, разрывания, резания, опустошения и исчерпания, глотания, съедания, поглощения объекта; уретрально-анальные цели связаны со сжиганием, затоплением, погружением в воду, исторжением и взрывом, а также сидением и овладением объектом.

Благодаря бессознательному отождествлению различных органов и объектов, различие между ними может стираться; каждый орган может ощущаться как средство получения желаемого объекта или агрессивного нападения. Цели сжимания и особенно вырезания локализованы в оральной, а также в урето-анальной области, объект может быть уничтожен и посредством съедания, и путем экскреции. Стремление к отравлению или пачканию объекта занимает как бы промежуточное положение между оральными и урето-анальными ориентациями.

На эти прегенитальные цели накладываются генитальные побуждения, так что вначале подлинно генитальные стремления проникновения или абсорбции, связанные с желанием произвести на свет и иметь детей, должны бороться с влиянием до-генитальных фантазий, в которых нет устойчивой границы между либинозным и деструктивным и которые порождают интенсивные страхи.

Это сложное состояние собственных инстинктивных влечений ребенка и его фантазий представляет собой материал, резервуар, который он использует, обращаясь к отношениям между родителями. В результате у ребенка формируются представления о чем-то крайне опасном и угрожающем; эта «первичная сцена» (Фрейд) укоренена в детских фантазиях, действующих у истоков Эдипова комплекса.

Другой аспект комплексного состояния раннего инфантильного Эдипова комплекса связан с инкорпоративными фантазиями. Хотя инстинктивные побуждения из всех телесных источников конкурируют друг с другом, как показано выше, оральные импульсы и механизмы доминируют на правах *primus inter pares* (примат оральности). Это значит, что инкорпоративные фантазии превалируют не только в отношении отдельных индивидов, но и связывают их в образе «комбинированной родительской фигуры», чья угрожающая активность развертывается внутри детского Эго и тела ребенка. Все страхи внутреннего преследования, относимые на предыдущей стадии к «частичным» объектам, теперь активируются и усиливаются, будучи обращены к «комбинированным» отцу и матери.

Инкорпорация проникает в фантазии ребенка об интимных отношениях родителей, так что, считает он, они инкорпорируют друг друга и друг от друга. По-видимому, именно эти представления ответственны за нетерпимость ребенка к родительскому союзу, при которой каннибалистический вариант «первичной сцены» порождает боязнь смерти родителей, которая означала бы его собственную смерть. За этим главным страхом следуют другие либидинозные и враждебные фантазии, из которых здесь упомянем лишь одну. Она проистекает из желаний ребенка относительно гениталий отца.

Как ребенок приобретает представление об отцовском пенисе, может все еще считаться открытым вопросом. Необходимо учитывать как онто-, так и филогенетические факторы, а среди первых — собственные генитальные побуждения ребенка. Здесь достаточно заметить, что желания и фантазии в связи с пенисом отца встречаются у детей обоего пола, и пенис, по крайней мере, во многом тождествен материнской груди; в конце концов, доминирующие влечения носят в этом случае оральный характер (сосание, съедание, инкорпорация).

Перенося свои собственные импульсы на родителей (проекция), ребенок воображает, что в их сексуальном союзе мать инкорпорирует пенис отца и носит его скрытым в своем теле (и что отец делает то же самое с материнской грудью). Эта мать с внутренним пенисом играет огромную роль в детских фантазиях. Она, кажется, обладает всем, чего желает ребенок, она отдает слишком мало и является его соперником по отношению к отцу. Обида усиливается по мере перехода от материнского молока к другому типу питания. Фрустрация, зависть и гнев стимулируют насильственные импульсы вроде вторжения в тело матери и лишения ее того, что она скрывает.

В этом плане мать со скрытым внутренним пенисом можно считать предшественницей «фаллической женщины», женского персонажа с мужскими гениталиями. Согласно Фрейду, этот образ возникает на «фаллической стадии» развития ребенка и, в сущности, представляет собой защиту против страха кастрации. Работа Мелани Кляйн открыла источник «фаллической женщины» в матери периода зарождения Эдипова комплекса, когда, в соответствии с приматом оральных инстинктов, инкорпоративные фантазии преобладают и ведут к представлению о внутреннем пенисе, который мать удерживает внутри тела.

В то время как мальчик в своем генитальном опыте переживает мужские пенетративные импульсы по отношению к матери (непосредственный Эдипов комплекс), он также ощущает ее как соперницу в контексте собственных женственных рецептивных побуждений, направленных и на отца, и на мать с отцовским пенисом. Таким образом, «женственная позиция» ребенка, возникающая из оральных инкорпоративных влечений, вступает в конфликт с его развивающейся мужественностью; обращенный Эдипов комплекс играет важную роль в хаотическом полиморфном состоянии у истоков этого элементарного конфликта. Идентификация с первым объектом любви, матерью, проистекающая из интроекции, усиливает гетеросексуальность девочки и гомосексуальные компоненты врожденной бисексуальности мальчика.

Многие из желаний ребенка изначально неосуществимы. К индивидуальным факторам внешней среды, причиняющим фрустрацию, добавляются общие причины фрустрации, вытекающие из неутомимого стремления ребенка к либидинозному удовлетворению и деструктивных компонентов инстинктивных влечений. Таким образом, есть множество причин для ненависти ребенка к родителям, и эта ненависть фокусируется, в особенности, на их союзе. Ненависть предопределяет характер восприятия объекта. Ранние представления о физической близости родителей изобилуют враждебными и деструктивными элементами, некоторые из них достигают поздней сферы сознательного. Понятие о половом акте как изнасиловании, при котором женщина является жертвой мужского насилия, или обоюдно отвратительном и деструктивном действии, представление о женщине-вампире, высасывающей жизнь из партнера; чудовища фольклорные и мифологические, соединяющие мужское и женское начало или полулюди, полу-звери — вот несколько примеров, свидетельствующих о страхе — продукте наиболее глубоких и ранних фантазий о родительском союзе.

Постепенно способность ребенка к реалистическому восприятию развивается, и параллельно он прогрессирует к конституированию генитальной зоны. Данный процесс предполагает преодоление догенитальных влечений, дифференциацию многих понятий, например, осознание отличий между разными частями тела и функциями, укрощение деструктивных импульсов. Из хаотической картины инстинктивных потребностей раннего детского Эдипова комплекса кристаллизуется гетеросексуальный выбор объектов и стремление к любовным генитальным контактам, включая желание «давать» и «принимать» ребенка (больше не отождествляемого с пищей или фекалиями) вместе с родителями противоположного пола, тогда как ненависть-соперничество с родителями своего пола ограничены генитальной сферой.

В этом процессе роста, унификации и кристаллизации, охватывающем первые детские годы, интроекция и проекция вносят важный вклад в изменение внутреннего и внешнего мира, в смягчение агрессии и ее двойника, идеализации. Ребенок все больше теряет свою беспомощность и всемогущество, а родители — образ богов или монстров. Это происходит наряду с изменениями в фантазиях ребенка о своих внутренних объектах. Он все меньше ощущает их как физические объекты в границах своего тела и все более — как идеи и принципы, призванные направлять и предостерегать его во взаимоотношениях с миром. Так из примитивных представлений об инкорпорированных частях и индивидах шаг за шагом строится система Супер-Эго.

Примечание

Термин «нарциссизм» восходит к древнегреческому миру о Нарциссе, влюбившемся в свое отражение в фонтане. Это событие следует однако рассматривать в полном контексте данной истории. Миф (который передают в нескольких вариантах) гласит, в основном, следующее. Одна нимфа (позднее увековеченная именем Эхо — тонкость состоит в том, что оно совмещает награду с наказанием, ведь она была чересчур болтлива) влюбилась в Нарцисса, но он отверг ее. Она умоляла Афродиту отомстить за нее, и Афродита ответила на ее мольбы тем, что заставила Нарцисса принять свое отражение в воде за морскую нимфу. Он отчаянно влюбился в прекрасное создание, увиденное в воде, и попытался обнять его. Разочарование (фрустрация) от неудачных попыток приблизиться к любимой, пережитое Нарциссом, отразилось на увиденном им лице. Нарцисс подумал по ошибке, что его возлюбленная в отчаянии, и это пробудило в нем желание спасти ее, помочь ей, он страдал не только от неудовлетворенных эротических желаний, но и от невозможности избавиться от страданий объект любви. В конце концов, он зачах от тоски и умер. Нарцисс был превращен в цветок, который носит его имя.

Согласно этому мифу, древние греки не верили в любовь к себе как первичное условие, а видели причину в сложном характере объектной любви. Действительно, именно тот факт, что Нарцисс пережил все эмоции, присущие объектной любви (от эротического желания до заботы о страдающем объекте и стремления помочь, вернуть последнему счастье), и составляет его наказание за причиненную Эхо боль неразделенной любви. В то время как объективно он любил самого себя (свое отражение), субъективно он любил другого человека. Как следствие вины за отвергнутую Эхо, он был обречен скорбеть о недостижимом (потерянном) объекте и впасть в суицидальную депрессию.

Не пытаясь полностью проанализировать этот миф, добавим еще одно замечание касательно деталей описанной картины: Нарцисс, смотрит в воду и созерцает свое отражение, которое он воспринимает как объект. Более глубокий смысл открывается здесь, если применить известное правило интерпретации, выводя противоположное из сказанного. Нарцисс смотрит в окружающий мир, в воду, но бессознательный смысл противоположен: он смотрит внутрь себя. Здесь, следовательно, описывается бессознательная фантазия об объекте (любви) внутри субъекта, и это является основой для идентификации субъекта с объектом, представленной в «явном» содержании мифа образом зеркального отражения субъекта, принятого по ошибке за объект. То, что Нарцисс был сыном Нимфы, придает его переживаниям дополнительную остроту.

Следует заметить, что древнегреческое понимание нарциссизма близко к выводам Мелани Кляйн, к которым она пришла эмпирически, исследуя детские фантазии в процессе анализа.

5. Регрессия

Часть 1

Введение

Термин регрессия использовался Фрейдом и другими авторами в различных смыслах.

В том смысле, в каком оно будет обсуждаться в настоящей статье, понятие «регрессия» относится Фрейдом к обратному движению либидо, возвращающемуся к определенной точке на пути эволюции — процесс, наблюдающийся в характерных формах при психических заболеваниях особого типа. Такое представление о регрессии либидо тесно связано с выводами Фрейда о поступательном развитии либидо и его «точках фиксации», выводами, дополняющими понятие регрессии и сформулированными в тесной связи с ним.

Как известно, Фрейд обнаружил, что сексуальный инстинкт у взрослого представляет собой некий комплекс влечений и чувств, затрагивающий различные оболочки и органы тела и выступающий продуктом сложного развития, начиная с самого раннего возраста. Психоаналитическое исследование показало, что эти влечения и чувства связаны со специфическими ощущениями и фантазиями, и это понятие о «психосексуальности» оказалось незаменимым для понимания сексуальной жизни человека. Сексуальность проходит различные стадии (оральную, анальную и генитальную), в каждой из которых доминирует одна из основных эрогенных зон. Ранние стадии не исчезают полностью, а становятся более или менее подчиненными последующим ориентациям. У нормальной личности либидинозная жизнь как целое в конце концов интегрируется при главенствующей роли генитального органа и соответствующих влечений.

Порядок и существенные особенности этой эволюции либидо биологически детерминированы и имеют органические истоки. Внутренняя зависимость от окружающей среды и опыта отсутствует. И все же данный процесс на каждом этапе весьма чувствителен к психическим событиям, реагирует на внешние и внутренние воздействия, количественные и качественные.

Внутренние или внешние факторы могут приостановить прогресс части либидо в какой-то точке, к которой эта часть остается привязанной в большей или меньшей степени. При определенных условиях либидо способно возвращаться к ранним стадиям развития и к таким «точкам фиксации», сдерживающим его движение вперед.

Фрейд определяет «фиксацию» как «особенно сильную привязанность влечения к объекту». (В качестве объекта может выступать какой-то внешний объект или часть тела субъекта.) Он говорит, что часто фиксация «создается в очень раннем периоде развития влечения и тем кладется конец его подвижности, так как такая фиксация очень сильно сопротивляется отделению влечения от объекта».

Фиксации не только мешают сексуальному развитию как таковому, тормозя нормальное продвижение либидо от одной эрогенной зоны к другой, от ранних объектов к поздним. Они могут также ограничивать способность субъекта к сублимации, поскольку сублимация основана на отказе от первичных объектов и способов удовлетворения инстинктов в пользу (в определенной степени) замещающих объектов и вторичных (символических) форм активности. Фиксация может привести к задержке развития Эго, т.

к. последнее отказывается от тех функций, которые слишком тесно связаны с ранними фиксациями.

Каждое психическое заболевание предполагает ту или иную степень, форму регрессии либидо к ранним точкам фиксации. Регрессия — явление чрезвычайно важное в этиологии невроза, психоза и нарушений характера. При истерии либидо регрессирует относительно объектов в поисках ранней инцестуозной любви, в то время как влечения остаются (в основном) генитальными. В навязчивом неврозе (и некоторых формах нарушений характера) «регрессия либидо на предварительную ступень садистско-анальной организации является самым замечательным и решающим фактом симптоматического выражения».

В «Inhibitions, symptoms and anxiety» Фрейд отмечает также эффект регрессии либидо в отношении Супер-Эго при навязчивом неврозе: «С целью завершения деструкции Эдипова комплекса происходит также регрессивная деградация либидо; Супер-Эго становится крайне жестоким, недобрым, а Эго, подчиняясь Супер-Эго, продуцирует сильные реактивные образования в виде совестливости, жалости и целомудренности...» (с. 64).

Эти регрессивные изменения затрагивают, таким образом, не только саму сексуальную жизнь; они влияют на сублимации, эмоции и на всю личность субъекта. Все целое сложных взаимодействий и баланса различных механизмов психической жизни претерпевает изменение, когда происходит регрессия. Это ясно видно в навязчивых неврозах и психозах, но также верно и для истерии, хотя в этом случае и не так наглядно.

Эти наблюдения Фрейда относительно психической жизни взрослых были подтверждены аналитиками, непосредственно работавшими с маленькими детьми. Каждый аналитик вновь открывает эти истины в конкретном пациенте, и многие авторы расширили поле нашего знания. Вклад Абрахама в данную область имел выдающееся значение и будет обсуждаться далее. Пионерские исследования Эрнеста Джонса о влиянии анальной фиксации на характер воздействовали на всю последующую теорию. Недостаток места не позволяет упомянуть здесь ценные результаты, достигнутые многими нашими аналитиками.

Классический взгляд на причины регрессии делает основной акцент на переполнении («запруженности») либидо. Это переполнение может возникнуть, согласно данной позиции, под действием либо внешних (фрустрация), либо внутренних факторов (фиксация, задержка развития, биологические детерминированные «приливы» либидо в период пубертации и в менопаузе). Обе группы факторов приводят к нарастанию количества либидо, которое нельзя удовлетворить или отвести и которое, как следствие, нарушает психическое равновесие, провоцируя непереносимый стресс. Считается, что количественный фактор имеет важное значение.

Эти ранние формулировки причин регрессии сегодня нуждаются в пересмотре, в свете дальнейших работ самого Фрейда по проблеме инстинкта смерти, а также новых знаний о раннем психическом развитии, полученных при анализе маленьких детей. Теории Фрейда строились на материале, полученном, в основном, из анализа взрослых, дополненного кратким исследованием пятилетнего ребенка и некоторыми наблюдениями за малолетними детьми. Работа Мелани Кляйн, с ее гораздо более обширными наблюдениями за самыми маленькими детьми, вышла за пределы известных фактов регрессии и пролила новый свет на их взаимосвязи. Результаты этих более полных

наблюдений совпадают с изменением в наших взглядах на причины регрессии, обусловленными позднейшими работами самого Фрейда.

Часть 2

Фактические данные о детях младшего возраста

Непосредственная работа с детьми в процессе анализа или аналитического наблюдения дает возможность исследовать опыт ребенка на самых ранних стадиях либидинозного развития, в тот самый период, когда возникают фиксации, и таким образом проследить отношение либидинозных желаний к агрессивным импульсам; а также страхи, спровоцированные различными импульсами в разных обстоятельствах, и наиболее ранние механизмы защиты от страхов и способы контроля влечений. Можно непосредственно наблюдать отношение ребенка к объектам в ситуации различных эмоций и импульсов, варьирующие выражения его фантазий по поводу объектов, наряду с ранними процессами символизации и замещения, первые сублимации и фиксации. Кроме того, можно выявить течение этих процессов в эмоциональном контексте в те моменты, когда в меняющихся ситуациях возникают различные чувства ребенка — любовь, ненависть, страх, агрессия и вина, радость и грусть. Современные исследования такого рода сдвигов в сфере эмоций, влечений, фантазий дают ценные подтверждения теорий фиксации, выработанных при анализе воспоминаний взрослых и детей старшего возраста. Эти исследования создают предпосылки для правильной оценки роли различных элементов ситуации и понимания сложного взаимодействия разнородных факторов.

В качестве небольшой иллюстрации рассмотрим пример детской игры. Шестнадцатимесячная девочка часто играет с родителями в свою любимую игру. Она подбирает маленькие воображаемые кусочки с покоробившегося коричневого экрана в столовой, несет эти «кусочки» через комнату, зажав их большим и средним пальцами, и кладет поочередно в рот матери и отцу. Она выбирает коричневый экран из предметов разных цветов и форм, находящихся в комнате, для изображения «пищи», которую хочет дать родителям. По известным правилам анализа, мы можем заключить, что эти маленькие коричневые бугорки представляют фекалии и, таким образом, можем связать игровое кормление родителей символическими фекалиями с предшествующим опытом ребенка. Ранее девочка несколько раз (между 12 и 16 месяцами) испачкалась, лежа в кроватке, и всякий раз клала фекалии в рот. За это ее строго наказывали родители. Теперь же девочка создает из этой ситуации страха и вины приятную игру. Опыт съедания и пачкания фекалиями все еще действует в ее психике: ее либидо фиксировано. Упреки родителей все еще вызывают стресс. Когда ребенок вместе с родителями, он боится, что они станут ругать его — это видно из беспокойства, если родители отказываются играть. Не только память об их действительных упреках беспокоит девочку, но также и страхи, возникающие из агрессивных импульсов, выразившихся в первоначальном пачкании, которое (она думает) могло причинить им вред и превратить во врагов.

Теперь в своей игре, которая, как видно из поведения девочки, доставляет ей большое удовольствие и либидинозное удовлетворение различных видов — манипулирование фекалиями в символической форме, завоевание улыбок родителей, игра роли кормящей матери, — она преодолевает страх и вину, что привязывает ее либидо к первоначальному пачканию и съеданию. Она делает попытку сублимации своих орально-садистических и анально-садистических влечений. Она демонстрирует «репарационные» стремления в

попытке «накормить» родителей, но кормление их «фекалиями» имеет целью также разделить с ними вину и попытаться доказать, что съедание фекалий не приносит вреда.

Рассматривая случаи, когда, наряду с частой и приятной игрой, девочка действительно ела и пачкалась, можно сказать, что данная игра сама по себе может считаться зародышем сублимации, и, в то же время, она выражает сильную фиксацию. И мы можем видеть, как либидинозное удовольствие в фиксации используются для преодоления чувств страха и вины. (Насколько интенсивной и определенной оказывается данная конкретная фиксация, на которую, несомненно, повлияет дальнейший опыт, — об этом нельзя ничего сказать без знания более поздней истории ребенка.)

Первоначальное пачкание и поедание ребенком фекалий было, вероятно, примером преодоления агрессивных импульсов и тревоги посредством либидинозного удовольствия. Это происходило, когда ребенок находился один в кроватке ранним утром, как это почти всегда случается. Эти действия помогали ребенку воздерживаться от крика и не причинять беспокойства родителям, как мальчик 18 месяцев, описанный Фрейдом, позволял матери спокойно оставлять его одного, все время играя с катушкой для ниток. По-видимому, таким образом девочка сдерживала страхи голода и потери родителей, тогда как ее крики атаковали их, со всеми вытекающими отсюда тревогами.

Теперь мы можем кратко сформулировать общие выводы о причинах фиксации и регрессии, к которым привело более детальное исследование детей самого младшего возраста, выводы, заполняющие пробелы в предшествующих воззрениях и корректирующие их перспективы.

Причинные факторы фиксации и регрессии

История либидо давно считается центральным аспектом развития. Как мы увидели, на каждой стадии ее следует соотносить с другими психическими явлениями.

Последовательные этапы развития затрагивают не только характерные механизмы того или иного периода, но также и прочие источники инстинктивной энергии, все сферы эмоциональной и умственной деятельности. Они действительно формируют всю психическую жизнь в данном временном интервале.

(а) Качество и интенсивность чувств испытывают глубокое влияние фазы либидинозного развития, и, в свою очередь, эмоции помогают определить фиксации и дальнейшую историю либидо. Подчеркнем, что чувства и их трансформации всегда представляют важный фактический материал для понимания и отдельной фазы развития либидо, и его истоки в целом. В частности, мы узнали, что развитие либидо нельзя понять вне связи с чувством страха (anxiety), ситуациями и импульсами, которые это чувство вызывают.

(б) Влияние тревоги (anxiety) на либидинозное развитие чрезвычайно многогранно, оно варьирует в зависимости от комбинации факторов психической конституции и внешней среды в критические моменты жизни ребенка; но, так или иначе, играет большую роль.

Интенсивно стимулированное какой-либо ситуацией беспокойство способствует фиксации либидо в этой точке и может сдерживать дальнейшее развитие. Фиксация, таким образом, отчасти представляет собой защиту от тревоги. Хорошо известно, что либидинозное удовольствие — оральное, анальное или генитальное — может использоваться в качестве

защиты; например, часто отмечается, что дети могут мастурбировать в школе под давлением чувства страха или беспокойства.

С другой стороны, если беспокойство возникает в более благоприятных обстоятельствах и не несет подавляющего воздействия, оно усиливает желание и служит стимулом либидинозного развития. В ряде изученных случаев Мелани Кляйн нашла наглядное подтверждение данных выводов и проанализировала роль беспокойства в сексуальном развитии мужчин и женщин. Она показала, что специфические страхи не только способствуют фиксациям и регрессиям у лиц обоего пола, но и существенно стимулируют движение либидо из прегенитальной к генитальной позиции. По нашему мнению, ни фиксацию, ни нормальное либидинозное развитие нельзя объяснить без учета этих фактов.

(в) Тревога, таким образом, влияет на либидинозное развитие, однако, сама по себе, она возникает из агрессии. Страх связан с агрессивными компонентами догенитальных стадий развития. Именно деструктивные импульсы у ребенка в оральной и анальной фазах (открытые Фрейдом, более полно описанные Абрахамом и позднее Мелани Кляйн) являются, посредством вызванной ими тревоги, главными причинами фиксации либидо. Эти деструктивные элементы прегенитальных влечений должны быть преодолены и нейтрализованы либидо, которое, будучи таким образом связанным, не может свободно прогрессировать к новым ориентациям и примату генитальности. Количество либидо, задержавшегося на оральном и анальном уровнях, с тем, чтобы противодействовать данным агрессивным элементам (сообразно интенсивности последних, определяемой либо внутренней силой, либо неблагоприятными обстоятельствами), уменьшает его объем, доступный для генитальных целей. Это делает генитальную ориентацию еще более неустойчивой, а регрессию еще более вероятной, если новые страхи спровоцированы фрустрацией на генитальном уровне с последующим нарастанием агрессии и ненависти.

Как показал Фрейд, именно фрустрация инициирует регрессию. Но, с нашей точки зрения, не только посредством простого «переполнения» либидо, но также вызывая ненависть и агрессию, а, следовательно, тревогу. Пробужденные ненависть и агрессия реактивируют преодоленный с таким трудом прегенитальный садизм, и это, в свою очередь, «оттягивает» либидо к его ранним формам, для нейтрализации деструктивных сил, снова действующих в сознании. Фрейд классифицировал регрессию как защиту. Теперь мы лучше понимаем, от чего. (Эта тема также будет рассмотрена ниже).

(г) Способ, посредством которого чувства и влечения индуцируют фиксацию и регрессию, не может быть понят вне оценки роли фантазий. Как либидинозные и агрессивные инстинкты действуют в сфере психического? Через бессознательные фантазии, своего психического «представителя», как это утверждалось в главе 3. Фрейд полагал, что истерические симптомы проистекают из воспоминаний, и в течение какого-то времени был уверен, что такие воспоминания связаны с травмирующим детским сексуальным опытом. В его первых концепциях этимологии психоневрозов пассивный опыт сексуального соращения ребенка взрослым представлялся специфичным для истерии, тогда как активная роль ребенка в сексуальном опыте считалась патологическим фактором обсессивного невроза. Как хорошо известно из его собственных ярких описаний, Фрейд отказался от этих взглядов после того, как дальнейшие исследования убедили его в том, что воспоминания истерического больного, воспроизводящие сцены сексуального обольщения в детстве, основаны не на действительном опыте, а на фантазиях. Фактически именно это представление, концентрированно выражающее фрейдовскую концепцию психической реальности как отличной от внешней,

материальной реальности, является коренным поворотным пунктом в психоаналитической теории.

Именно фантазии утраты и разрушения, проистекающие из садизма прегенитальных уровней, возбуждают тревогу — фантазии деструкции объекта желания путем его съедания, исторжения, отравления, сжигания и т. д., с последующим страхом полной потери источника жизни и любви, «хорошего» объекта, а также страх возмездия, преследования, угрозы телу субъекта со стороны разрушенного и угрожающего «плохого» объекта.

Хорошо известно, что фобии, ночные кошмары и бессонницы имеют место в самом раннем возрасте и что даже некоторые грудные младенцы демонстрируют невротическое поведение, особенно часто встречающееся в период отлучения от груди. Очевидно, что этиологические теории таких симптомов в позднем детстве и у взрослых нельзя считать полными, адекватными, если они не охватывают эти же проявления на самой ранней стадии. По нашему мнению, такие ранние фобии являются попыткой справиться, посредством проекции внутренней опасности на внешний мир, со страхами, вызванными, прежде всего, каннибалистическими фантазиями, характерными для орально-садистской стадии, фантазиями, которые открыл сам Фрейд, не связывавший их, однако, с ранними фобиями.

Значение анималистических («животных») фобий рассматривается М. Кляйн в «Психоанализе детей». С ее точки зрения, они представляют способ защиты, включающий проекцию, от тревог, вызванных каннибалистическими фантазиями, и обеспечивают средство модификации детской боязни угрожающего Супер-Эго, а также опасного Ид. «Первый шаг заключается в том, чтобы «выбросить» эти две инстанции во внешний мир и идентифицировать Супер-Эго с реальным объектом. Второй шаг известен как перенесение на животное страха перед реальным отцом... В этом плане анималистическая фобия — нечто большее, чем трансформация идеи кастрирования отцом в боязнь быть укушенным лошадью или съеденным волком. В ее основе лежит не только страх кастрации, но более ранняя боязнь быть «проглоченным» Супер-Эго, так что эта фобия могла бы в действительности оказаться модификацией тревоги предшествующих периодов».

Далее М. Кляйн анализирует два приведенных Фрейдом случая — Маленького Ганса и Человека-Волка. Маленький Ганс весьма успешно преодолел свои страхи. Объект его фобии — лошадь — не была таким устрашающим образом отца, как волк в случае Человека-Волка. Тот факт, что замещающим образом отца была лошадь, означает, что страх не был слишком сильным, кроме того, мальчик мог действительно играть в лошадей с отцом, а значит, выраженная в фобии тревога не была подавляющей. В случае Человека-Волка примитивные тревоги были гораздо более сильными и проявлялись в первоначальном виде. М. Кляйн принимает точку зрения, согласно которой пассивная женская позиция, по словам Фрейда, «сильно выраженная» мягкая пассивная установка, прикрывала панический ужас перед отцом. Она отмечает, что, по данным Фрейда, развитие пациента в целом было аномальным, складывалось под влиянием страха по отношению к отцу. Ранний, быстро прогрессирующий обсессивный невроз пациента свидетельствовал об очень серьезной патологии. И дальнейшая история этого больного, описанная Р. Мак-Брунстик, подтвердила вывод М. Кляйн относительно природы и степени ранних каннибалистических тревог, стоявших за этой «волчьей» фобией.

Описанные первичные тревоги выступают в одно и то же время источником и параноидных симптомов, и гомосексуальных акцентов паранойи. «Они [эти мальчики] не могут бороться против такого грозного, всепоглощающего отца, как это естественно

следовало бы из «прямого» Эдипова комплекса, и вынуждены оставить свою гетеросексуальную позицию». Прimitивные оральные и анальные тревоги являются главными факторами гомосексуальной фиксации, и, следовательно, основными источниками регрессии к параноидным механизмам.

Именно страх, вызванный каннибалистическими фантазиями, выступает мощным фактором оральных фиксаций. И у взрослых мы также обнаруживаем, что эти фантазии стоят за различными формами оральных и анальных фиксаций: перверсии, наркотическая зависимость и т. д. Боязнь разрушенного внутреннего объекта (поглощенного и, следовательно, внутреннего) может быть снята лишь продолжительным оральным удовольствием, постоянным «впитыванием хорошего» с целью противодействия плохому внутри и доказательством, таким образом, того, что внешние источники «хорошего» не разрушены и не утрачены навсегда. Именно эта ненасытная потребность приковывает либидо к оральным и анальным формам.

Известно, что такие фиксации оральной фазы, со всеми ее фантазиями и тревогами, ведут к глубоким нарушениям генитальной функции. И это еще далеко не все. Ранние фантазии, безусловно, играют в целом затормаживающую и фиксирующую роль в либидинальном развитии. Как уже отмечалось выше, не слишком сильная тревога стимулирует либидинозное развитие. (Это зависит, однако, не только от степени тревоги, но также и от специфической природы предполагаемых фантазий, которая, в свою очередь, испытывает влияние и актуального опыта, и первичных влечений.)

Сейчас широко признано, что ранние стадии вносят определенный позитивный вклад в формирование генитальной фазы. Например, в некоторых отношениях, успешная реализация генитальности у мужчин и женщин зависит от специфических влечений, эмоций и фантазий, принадлежащих к оральной фазе. В случае удовлетворительной генитальной жизни у мужчин определенные генитальные фантазии включают оральный элемент, например, фантазия пениса как «дающего», «питающего» органа, идентифицированного с грудью, в то же время женские гениталии ощущаются как безопасные и привлекательные, поскольку с ними соотнесены мягкие импульсы сосания. Таким образом, влияние оральной стадии усиливает генитальные импульсы и не мешает подвижности либидо. Аналогично и женские генитальные импульсы и фантазии вбирают в себя счастливые переживания близости к материнской груди. Удовольствие женщины от активного «обволакивания» пениса, свобода от страха разрушить его и кастрировать партнера основаны, отчасти, на бессознательной памяти о том, как она любила, лелеяла и спокойно наслаждалась соском матери в активном процессе сосания. Эти воспоминания дают возможность женщине ощущать пенис как «хороший», а не угрожающий объект.

Речь идет, конечно, только о некоторых аспектах очень сложных взаимоотношений между прегенитальной и генитальной сексуальностью, однако они могут служить иллюстрацией для главного вывода, а именно — касательно позитивного вклада оральной фазы в развитие генитальной функции недостаточно сказать, что здесь имеет место перенесение некоторых элементов оральной фазы в генитальную. Это правильное, но неполное утверждение. Оральные фантазии и цели сохраняют непрерывную активность в сфере бессознательного, оказывая позитивное влияние и стимулируя генитальность. Оральное либидо остается достаточно лабильным для перемещения в генитальную область, где оно и удовлетворяется.

Этот переход происходит (и в этом основной пункт теории либидинозного развития и регрессии) отчасти потому, что «зачатки» генитальных импульсов возникают в тот момент, когда оральная стадия еще действует. В действительности, различные стадии

либидинального развития перекрываются в гораздо большей степени, чем это считалось ранее. Генитальная фаза, как таковая, в наиболее ранний период отсутствует, но генитальные тенденции, определенно, заявляют о себе, когда ребенок еще находится в основном в оральной стадии. Например, можно наблюдать, как эрекция возникает время от времени в «грудной» период, и мы не считаем «рефлекторное» объяснение адекватным и убедительным.

Полностью сложившаяся генитальная фаза, примат генитальности, связан с развитым Эдиповым комплексом, но и тот, и другой берут начало в оральной фазе. Различия между ранним и поздним генитальным эротизмом соответствуют различиям между ранней и поздней стадиями во всех областях психического развития. Фундаментальное различие состоит в том, что в самой ранней фазе оральное либидо превалирует, а генитальный эротизм носит спорадический, подчиненный характер, тогда как позднее, в развитой генитальной стадии, импульсы и удовольствия других эротогенных зон подчинены первенству генитальности и консолидированы в «служении» ей. Приоритет генитальности несет крупные изменения в соотношении между либидинальными и агрессивными инстинктами, а также в качественных различиях их специфических ориентаций. Кроме того, имеют место и глубокие изменения в объектных отношениях, с которыми эти ориентации связаны.

Налицо не только «пересечение» различных стадий либидинозного развития; существуют также и движения вперед и назад в рамках конкретных периодов, когда одна или другая стадия считается доминирующей.

(д) Вклад оральной фазы в успешное развитие генитальности не может однако быть до конца понят без упоминания инкорпоративных фантазий и механизма интроекции. Как было показано в главе 4 «Интроекция и проекция», раннее оральное удовлетворение ведет к инкорпорации «хорошей» груди, а также к хорошим отношениям с внешней матерью. Этот «хороший» внутренний объект (сосок, грудь, мать) помогает ребенку снова найти хороший внешний объект на генитальной стадии и чувствовать, что его импульсы несут добро, питают, дают жизнь объекту.

С этими фантазиями связаны кроме того репаративные желания (желания возмещения). Условием поддержания генитальности является свободное функционирование репаративных желаний. Генитальность «дает сбой» и наступает регрессия, если репаративные тенденции нарушены (часто по причине фрустрации и последующих ненависти и агрессии), поскольку генитальность воспринимается как доказавшая свою деструктивность и опасность.

В результате вступает в действие не только страх нанести ущерб внешнему объекту любви, но и ужас перед «плохим» внутренним объектом, или Супер-Эго. В «*Inhibitions, Symptoms and Anxiety*» (цитированной ранее) Фрейд говорит о жестоком, неумолимом Супер-Эго обсессивного невротика. Он выражает свое собственное ощущение тонкой взаимосвязи между достигнутым уровнем регрессии и типом Супер-Эго: «...Супер-Эго, берущее начало в Ид, не может дистанцироваться от произошедшей регрессии и расщепления инстинкта» (с. 66). Для полноты картины следует добавить, что ненависть и агрессия, вызванные фрустрацией, которая и дает толчок регрессии, немедленно продуцируют страх перед Супер-Эго, угрожающим и мстительным внутренним объектом. А это, в свою очередь, стимулирует потребность ненавидеть и снова бороться всеми средствами прегенитального садизма. С нашей точки зрения, роль внутренних объектов и Супер-Эго является существенным фактором регрессивного процесса.

Другим важным достижением в исследовании регрессии, вытекающим из работы М. Кляйн с маленькими детьми (вместе с более тщательным изучением психотических состояний, во многом стимулированным подобной работой), является то, что фиксацию и другие патологические состояния можно успешно анализировать с точки зрения прогрессии, равно как и регрессии.

В своем исследовании паранойи Фрейд предположил, что параноидные симптомы не следует рассматривать только как регрессивные, но также и как имеющие положительные стороны. «Иллюзорная формация, которую мы принимаем за продукт патологии, является, на самом деле, попыткой к выздоровлению, восстановительным процессом» (с. 457). Фрейд описывает, как Шребер, герой его исследования, снял либидинозный катексис с окружающих лиц и внешнего мира вообще, так что все вокруг стало ему безразлично. Эта ситуация рационализируется как мировая катастрофа: «Конец мира — это проекция внутренней катастрофы, ибо его субъективный мир перестал существовать, как только он лишился своей любви» (с. 456—457). Он строит мир заново, «чтобы снова жить в нем», посредством иллюзий. «Этот человек восстановил отношение, и подчас очень глубокое, к людям и вещам в этом мире, хотя теперь это отношение могло оказаться враждебным там, где ранее оно было доброжелательным и сочувственным». Симптомы болезни выступают лишь индикатором процесса выздоровления, который «столь резко привлекает к себе наше внимание».

Далее в этом же очерке Фрейд говорит о «бурных галлюцинациях в случае dementia praecox как борьбе между регрессией и попыткой выздоровления» (с. 463).

Ряд сотрудников углубили эти предположения Фрейда о прогрессивных и восстановительных элементах в патологических состояниях и симптомах. В частности, М. Кляйн показала, как на последовательных стадиях развития ребенок по-разному справляется с наиболее ранними ситуациями тревог. Она говорит: «Давайте кратко подытожим сказанное об эволюции фобий. В период молочного кормления обеспокоенность находит выражение в определенных фобиях. На ранней анальной стадии, с ее анималистическими фобиями, все еще действуют объекты угрожающей природы. На поздней анальной стадии, и еще более на стадии генитальной, эти объекты беспокойства сильно модифицированы.

Процесс модификации фобии, я полагаю, связан с теми механизмами, на которых базируются обсессивные неврозы и которые активируются в поздней анальной стадии. Мне кажется, обсессивный невроз является попыткой излечить психотические условия, стоящие за ним, и в детских неврозах обсессивные механизмы уже действуют наряду с механизмами предшествующей стадии» («The Psycho - Analysis of Children», p. 226).

И снова, в главе XII той же книги, М. Кляйн обсуждает прочие методы лечения, используемые Эго в попытке преодолеть инфантильные ранние тревоги с психотическим содержанием, и показывает, как каждая фиксация или патологический симптом, возникающие на последовательных стадиях, приобретают и ретроспективную, и перспективную функцию, связывая тревоги и делая возможным дальнейшее развитие. С терапевтической точки зрения, навязчивые симптомы часто оставляют пациента, если лежащие в их основе тревоги нашли разрешение, что делает обсессивную технику менее необходимой для психического равновесия.

Исходя из исследования детей младшего возраста, следует отметить, что эти противоположные тенденции — прогрессия и регрессия — постоянно действуют в психической жизни. Во взаимоотношениях между ними во все периоды развития, в любые

моменты психического напряжения постоянно происходят «приливы» и «отливы». Каждая точка относительной стабильности — это, в действительности, компромисс между двумя тенденциями, в зависимости от специфики работающих фантазий. Аналогичным образом, психика непрерывно «колеблется» между различными механизмами преодоления тревоги, овладения инстинктами (расщеплением, интроекцией, проекцией, замещением, смещением, вытеснением, изоляцией, бездействием и другими). В конце концов, между этими механизмами достигается определенный компромисс, приемлемый для Эго и обеспечивающий (в той или иной мере) контроль над тревогой, а также компромисс между прогрессом и обратным движением либидо (вместе с деструктивными элементами, всегда ему более или менее присущими), оптимальный для каждой конкретной личности.

Теперь рассмотрим некоторые из данных позиций более детально, особенно в связи с последующими работами Фрейда.

Часть 3

Рассуждение о выводах Фрейда относительно инстинктов жизни и смерти

Регрессия, фиксация и деструктивные инстинкты Явления прогрессии и регрессии дают еще одно свидетельство двойственности, которая лежит в основе человеческой жизни. Они в конечном итоге связаны с инстинктами жизни и смерти. Как отмечалось в главе 4, психоаналитические исследователи первоначально интересовались почти исключительно проявлениями инстинкта жизни и либидо. Изучение регрессии в течение многих лет ограничивалось ее либидинозным аспектом. Только Абрахам провел систематическое исследование роли деструктивных инстинктов. Он показал, что они также претерпевают развитие, проявляющееся в последовательной смене их целей. Исходя из теории Фрейда о трех основных либидинозных фазах, Абрахам проследил развитие явлений агрессии при некоторых психических заболеваниях и пришел к выводу, что деструктивное начало, не менее чем либидинозные импульсы, претерпевает изменение целей в отношении к объектам.

Фрейд отмечал первую деструктивную цель в оральный период, а именно, каннибализм. Абрахам подразделил оральную фазу на две стадии: орально-сосательную и орально-кусательную. Он указал на силу деструктивных импульсов в тот момент, когда начинают прорезываться зубы, однако считал первую оральную стадию свободной от агрессивных влечений. (В этом пункте мы придерживаемся иной точки зрения, исходя из того, что имеются доказательства наличия агрессивных целей уже на «сосательной» стадии. Сам Абрахам, в дискуссии об оральном характере, приписывает сосательной стадии некий элемент жестокости, который делает людей, к этой стадии регрессировавших, «чем-то вроде вампиров для других людей»). Он описывал поедание через кусание как первую деструктивную ориентацию. За ней на первой анальной стадии следует стремление к уничтожению через отторжение (экскрецию). Во время второй анальной стадии происходит важная модификация деструктивных инстинктов: их целью становится контроль путем удержания. Хотя все еще присутствует анальный агрессивный катексис объекта, заметно смягчение деструктивных импульсов в желании сохранить объект. Последний «счастливо избегает» полной деструкции предыдущих фаз на условиях превращения в предмет контроля. На последней стадии инстинктивного развития — генитальной — либидо безраздельно доминирует и, согласно Абрахаму, имеет место полная любовь-к-объекту, лишённая амбивалентности (пост-амбивалентность).

Фрейдская теория первичного инстинкта разрушения была опубликована в 1920 («По ту сторону принципа удовольствия») и, следовательно, была доступна Абрахаму. Вероятно, она была ему известна, когда он писал свое «Развитие либидо» в 1924 году. Абрахам не связывал собственные «находки» с теорией инстинкта смерти, хотя со стороны складывается впечатление преемственности.

Сводя воедино результаты Фрейда, Абрахама и работу М. Кляйн с маленькими детьми в отношении инстинктивных целей прегенитальных стадий, можно в деталях проследить способы выражения либидинозных и деструктивных целей в телесных импульсах. Либидинозный импульс сосания сопровождается деструктивным стремлением высосать содержимое объекта, исчерпать, опустошить, истощить объект. Либидинозное удовольствие при кусании идет рука об руку с деструктивным инстинктом проглатывания. Удовольствие от экскреции соотносится с деструктивной целью уничтожения, тогда как удовольствие воздержания — с импульсами доминирования и контроля. Эти соображения имеют важное значение в дискуссии о роли, которую играют производные инстинкта смерти при регрессии. В то время как некоторые аналитики рассуждают о регрессии преимущественно в терминах либидо, следует отметить также совпадающие изменения в деструктивных влечениях, т. е. их возврат к более ранним, архаическим формам. Мы полагаем, что возвращение примитивных деструктивных целей является главным причинным фактором психических заболеваний.

Предпосылкой регрессии выступает образование точек фиксации. Исходя из упомянутых выше результатов Абрахама, а также обширных исследований М. Кляйн, мы считаем, что точки фиксации имеют не только либидинозный, но и деструктивный «заряд». Оба данных аспекта вступают в действие, когда в результате регрессии инстинктивная и эмоциональная жизнь предыдущей стадии снова становится доминирующей.

В этой ситуации переживаются чрезвычайно сильные тревоги, проистекающие из нескольких источников (а) Наличная фрустрация, вызывающая регрессию. Принято считать, что фрустрация провоцирует ненависть и тревогу. (б) Специфические тревоги (параноидного и депрессивного типа, исходящие от Супер-Эго), активированные возвратом к примитивным инстинктивным влечениям (точкам фиксации). Фрейд говорит: «...Каждый возраст обладает определенным условием [возникновения] страха, т. е. ситуацией опасности, адекватной ему... В процессе развития старые условия страха должны отпадать, так как соответствующие им ситуации опасности обесцениваются благодаря укреплению Я. Но это происходит очень несовершенным образом». Мы уже упоминали замечания Фрейда насчет крайней суровости Супер-Эго в регрессивных состояниях, (в) Страхи, отражающие реакцию Эго перед лицом импульсов и фантазий пройденной стадии. Описывая регрессию в период пубертации при обсессивном неврозе, Фрейд писал: «Эго внезапно качнется от услужливости к жестокости и насилию, вступающим в сознание из Ид...».

Таким образом, с нашей точки зрения, только что приведенные факты (включая крах сублимаций и модификаций, которым деструктивные импульсы подвергаются в процессе развития) необходимо рассматривать во взаимодействии с трансформациями либидо.

Еще в одном пункте наши выводы расходятся с фрейдской трактовкой регрессии в той мере, в какой она базируется на ранних вариантах его теории. Фрейд выделял «переполнение» либидо в качестве причины регрессии и неврозов. Из-за фрустрации, которая делает разрядку или удовлетворение либидо невозможным, либидо «накапливается», и это вызывает регрессию. «Неудовлетворенное, «бьющее через край» либидо может теперь открыть путь к регрессии...».

Но если принять фрейдовскую теорию об инстинктах жизни и смерти, сформулированную в работе «По ту сторону принципа удовольствия», то нет оснований для «привилегированного» положения либидо при анализе регрессии и психопатологических состояний. Теперь возникает вопрос, действительно ли регрессия является результатом неспособности либидо овладеть деструктивными влечениями и тревогами, вызванными фрустрацией. По нашему мнению, дело обстоит именно так: патологическое состояние «переполнения» либидо возникает только в том случае, если либидо — несмотря на количественное увеличение (возможно, кажущееся) — неспособно противостоять деструктивным импульсам, вызванным теми же факторами, что и переполнение либидо, а именно фрустрацией.

В качестве примера рассмотрим проблему климакса.

Известно, что многие женщины не могут справиться с проблемами этого периода и впадают в заболевания, варьирующие по длительности и степени серьезности. Данная тенденция к психическим расстройствам при климаксе ставит ряд теоретических проблем. Мы знаем, что происходят важные физиологические изменения, например, в гормональном балансе, но необходимо еще проанализировать и психологические процессы в связи с физическим фактором.

Здесь, как и всегда, пытаюсь понять невротический конфликт или, если надо, нормальное психическое развитие или нормальную личность, мы сталкиваемся с единством психики и тела. Первичными источниками энергии всей психической жизни являются инстинкты, пограничные динамические процессы, относящиеся одновременно к душевной и телесной сферам. Вполне возможно, что внутренние секреты наших желез весьма близки к роли материальных носителей инстинктов. Они, безусловно, представляют жизненно важный элемент телесных процессов, лежащих в основе инстинктивных явлений. Известно, что изменения в обмене веществ влияют на настроения, влечения, фантазии. Мы также знаем и другое, что эмоциональный конфликт может нарушать эндокринный баланс, и что сугубо психологическое лечение, разрешение эмоционального конфликта путем психоанализа, может положительно влиять на гормональное равновесие.

Интересующая нас проблема заключается, таким образом, в понимании способов, посредством которых женщина справляется с изменением стимуляции, вытекающим из гормонального дисбаланса. Как она справляется со сменой внутренних стимулов и с реакцией мужа и окружающих на изменение в ее внешнем облике, личности, которые могут происходить в этот период? Каковы те психологические факторы, которые помогают одной женщине преодолеть эти трудности (в какой-то мере, неизбежные), и те, которые делают другую женщину жертвой этих трудностей? Несомненно, степень и характер проблем, с которыми женщина сталкивается в период климакса, зависят частично от ее предыдущей психологической истории: например, от того, насколько она преодолела свой Эдипов комплекс и фантазии кастрации, от способов, с помощью которых она справлялась с наиболее ранними страхами, а также от широты и устойчивости ее сублимаций.

Многие женщины регрессируют в момент климактерического конфликта, так как угасание сексуальной продуктивности лишает их не только прямого инстинктивного удовлетворения, но и важнейшего фактора уверенности в себе. Не только у верующих католиков мы встречаем ощущение греховности полового акта, единственным искуплением вины за который может быть зачатие. Такое отношение к сексуальности, вытекающее из Эдипова комплекса и ранних страхов, заложено, как хорошо известно, в бессознательном многих женщин, которые считают себя свободными от религиозных или

этических предрассудков по поводу секса. С исчезновением искупающего фактора, обостренное чувство вины буквально наводняет женскую психику. Сознание, что она не может больше иметь детей, открывает дорогу для глубоких страхов, в особенности концентрирующихся вокруг образа внутренней разрухи, опустошения, вина за которые возлагается на враждебную мать. Невозможность произвести на свет живого ребенка ощущается как наличие мертвых тел внутри (фантазия, производная, в конечном счете, от каннибалистических и деструктивных импульсов раннего периода). Эти чувства порождают страх собственной смерти. Вслед за такого рода страхами усиливается зависть к пенису, владение которым становится все более необходимым и желанным, коль скоро утрачена женская привилегия рождения детей. Вина по отношению к мужу, отчасти за свое побуждение кастрировать его, отчасти потому, что теперь она лишает его возможности отцовства, также выступает частью этой сложной картины. Кроме того, муж, от которого она больше не может забеременеть, принимает на себя роль отца, не удовлетворившего ее желание иметь ребенка, и таким образом возрождаются инцестные фантазии, несущие представление о сексе как о страшном преступлении. В сознании эти конфликты и страхи могут проявляться под маской навязчивого страха стать старой и непривлекательной. У женщин в период климакса часто возникает повышенная потребность в сексуальных контактах, сексуальном удовлетворении и успехе, нежности и любви. Они вступают в «опасный возраст». Аналитическое исследование подобных случаев наглядно показывает, что тревога и вина значительно усиливают либидинозные желания.

Более нормальные женщины преодолевают тревогу внутреннего опустошения, бесплодия разными путями: например, посредством сублимации и стимулов, предоставленных хорошими социальными и сексуальными отношениями.

С проблемой климакса связано множество и других факторов, однако упомянутых выше достаточно, чтобы очертить наш подход к проблеме «переполнения» либидо, не ставя целью проследить психологию климакса как таковую.

Современные аналитические исследования климактерических расстройств подчас напоминают учебник психопатологии, предельно ясно демонстрируя, как регрессия активирует неразрешенные конфликты всех стадий развития, в том числе самых ранних. Возникает впечатление, что климакс представляет собой «час расплаты» за все накопленные психологические долги — долги, о которых можно забыть, пока длится период биологического процветания.

В ситуации, когда перед Эго стоит задача овладения «запруженным» либидо, к ней добавляется еще одна — овладение деструктивными импульсами и тревогами. Эти выводы вытекают из клинических наблюдений. По нашему мнению, их теоретическую основу следует искать в теории Фрейда о слиянии двух противоположных инстинктов, и конкретно, в том «факте, что мы едва ли когда-либо имеем дело с чистыми инстинктивными импульсами, но с сочетаниями, в разных пропорциях, двух групп инстинктов».

Суммируем наши выводы по данному вопросу. Точки фиксации характеризуются не только связыванием либидо, но и потенциальной активностью деструктивных импульсов и тревог, специфических для разных периодов развития. Они создают фон для неразрешенных конфликтов и способны помешать утверждению генитальной фазы. Сохранение прегенитальных типов инстинктивного поведения и фантазий само по себе не является патологическим фактором. Выше отмечалось их значение как «ступеней» овладения тревогой. Прегенитальные агрессивные и либидинозные цели могут внести

свой вклад в формирование генитальных, обогатить генитальную активность, придать ей новые оттенки при том условии, что они способны подчиниться верховенству последней. Это однако зависит от баланса либидо и деструктивных импульсов, который предопределяет тип фантазий, сопровождающих генитальную активность.

Нарушения генитальной фазы затрагивают одинаково либидо, деструктивные инстинкты и наличный уровень Эго. Как известно, инволюция характера и дефект сублимаций являются частью процесса регрессии.

Другим элементом регрессии являются возможные препятствия в осуществлении репарационных целей. Как уже отмечалось, мы отводим особую роль репарации и сублимации в поддержании психического здоровья. Инстинктивные процессы прегенитальной фазы порождают специфические страхи. Эго, построенное на интроекции и проекции, находится под угрозой тревоги потери или разрушения своих объектов. Восстановление последних — самая насущная цель, дающая толчок сублимации. Эти плоды Эго-развития, следовательно, помимо доставляемого ими удовлетворения, выступают ведущими факторами в борьбе против вины и тревоги. Определенная степень, качество вины и тревоги стимулирует репарационные механизмы и способствует сублимации. Избыток этих эмоций однако оказывает на сублимацию парализующее действие. Пока индивид чувствует, что его деструктивные импульсы находятся под контролем или что причиненный ими вред возмещается, он может поддерживать генитальный уровень, т. к. может вынести действительную фрустрацию, а его либидо может быть переориентировано на другие объекты. И до тех пор, пока достижима сублимация и продолжается поиск удовлетворения от других объектов, это, в свою очередь, помогает индивиду бороться с фрустрацией. Здесь налицо «круг» благоприятных факторов. Но если репарация и сублимация терпят крах, защитные механизмы Эго побеждены, деструктивные импульсы усиливаются и возрождаются прегенитальные ситуации тревоги. Страх наказания и отчаяние делают действительную фрустрацию невыносимой, отчасти потому, что она усилена этими самыми процессами. Теперь налицо порочный круг, включающий и реанимацию архаических импульсов с присущими им тревогами, и «провал» сублимации и репарации — круг, отражающий взаимное влияние фиксации и регрессии.

Регрессия и запрет

Регрессия может привести либо к симптомообразованию, либо к торможению, либо к тому и другому вместе. Фрейд полагал, что Эго-функция какого-либо органа тормозится, если сексуальная значимость этой функции, эрогенность данного органа, становится слишком большой. Фрейд говорит: «Как только письмо, предполагающее истечение жидкости на листок бумаги, приобретает значение соития, или как только хождение пешком становится символическим представителем ступания (топтания) по телу матери-земли, и то, и другое прекращается, поскольку репрезентирует запрещенный сексуальный акт. Эго отрицает эти функции, находящиеся в его сфере, с тем чтобы не предпринимать новых репрессивных мер — избежать конфликта с Ид».

В свете теории слияния либидо и деструктивных импульсов процессы торможения снова становятся предметом дискуссии. Мы не предполагаем здесь исчерпывающий анализ проблемы, но лишь хотим наметить в общих чертах наш подход к ней. Два примера из вышеприведенной цитаты (письмо, обретающее значение копуляции, и хождение — в значении топтания тела матери) — не одинакового уровня. Последний явно несет оттенок

жестокости, и можно предположить, что именно это — фантазия насилия, производная деструктивного компонента — является причиной страха и вины и налагает — посредством вмешательства Супер-Эго — «запрет» на данные действия. В своих фантазиях субъект чувствует, что может топтать тело матери, он начинает бояться убить ее, и именно его депрессивные и навязчивые тревоги вызывают расстройство функции хождения. Аналогичным образом, способность писать будет нарушена, если ее анально и уретро-садистские значения доминируют над репаративными и генитальными фантазиями и по этой причине вызывают реакцию защитных механизмов Эго.

Регрессия и разъединение

Обращаясь теперь к метапсихологическому аспекту регрессии, мы сталкиваемся с множеством не решенных до конца проблем, хотя Фрейд и выдвинул некоторые существенные предположения. Он поставил явления слияния и разъединения в центр проблемы и связал регрессию с разъединением. Регрессию и разъединение следует рассматривать как различные аспекты одного и того же сложного явления. «Коротко обобщая, можно предположить, что сущность регрессии либидо, например, от генитального к садистско-анальному уровню, лежит в расщеплении инстинкта, точно так же, как продвижение с ранней стадии на завершено-генитальную обусловлено вхождением эротических компонентов». И снова: «Что касается метапсихологического объяснения регрессии, я склонен видеть его в «расщеплении инстинкта», в отделении эротических компонентов, которые в начале генитальной стадии присоединились к деструктивному катексису, принадлежащему к садистической фазе».

Эти утверждения, по всей видимости, подразумевают, что смешение инстинктов разрушается, когда наступает регрессия, а также, что это смешение отсутствует на прегенитальных стадиях, реактивируемых при регрессии. Фрейд неоднократно подчеркивал, что оба противоположных инстинкта всегда встречаются в «перемешанном» состоянии, и прямые аналитические наблюдения полностью подтверждают это. Приведем две цитаты из Фрейда. «Исходя из теоретических соображений, подтвержденных биологией, мы предполагаем существование инстинкта смерти... Эта гипотеза ничего не говорит о том, каким образом сочетаются оба типа инстинктов, как они смешиваются, сливаются друг с другом, но то, что это происходит регулярно, в широких масштабах — предположение, необходимое для нашей концепции».

И еще: «... то, что нас интересует — едва ли чистые инстинктивные импульсы, а сочетания, в разных пропорциях, двух групп инстинктов...».

Данные высказывания категорически исключают идею об отсутствии «слияния» на прегенитальных стадиях. Как представляется, Фрейд говорил не о полном, а о частичном отделении эротических компонентов. Его было бы достаточно, чтобы вызвать регрессию и усилить деструктивные импульсы, несмотря на сохранение слияния инстинктов на уровне, не достигнутом регрессией. Такая точка зрения согласовалась бы с утверждением Фрейда об изменчивых пропорциях неизменного наличного синтеза двух инстинктов, а также с его вычленением прегенитальной и генитальной фаз применительно к пропорции инстинктов. Ключевым моментом в процессе, описываемом как «разъединение», является, на наш взгляд, эффективное усиление деструктивного компонента, независимо по количественным или структурным причинам.

Вероятно, целесообразно снова кратко зафиксировать нашу позицию по поводу взаимодействия регрессии и фиксации. Известна точка зрения Фрейда, что регрессия становится возможной благодаря формированию точек фиксации. На пути к генитальной сексуальности мы проходим разные точки, своеобразные «станции» в развитии; и поскольку какая-то часть либидо — вместе, как мы считаем, с частью агрессивных импульсов — остается на этих «станциях», к ним можно вернуться, регрессировать. Следует напомнить, что такое «путешествие» — внутренний процесс, и что «станции» находятся внутри нас. «Оставленные позади» влечения, в действительности, также находятся внутри, подобно нашим воспоминаниям, а те, как известно, остаются в душе, однажды их пережившей, даже если кажутся утраченными. Таким образом, пока наше либидо удерживается на генитальном уровне, предшествующие точки непрерывно активны в бессознательном. Характер и степень влияния прегенитальных импульсов и фантазий на нашу жизнь зависят, частично, от силы либидо. В случае климактерических конфликтов, ситуация заключается не просто в регрессии к анально-садистской стадии. Под давлением множества конфликтов, связанных с потерей репродуктивной способности, могут активироваться предшествующие импульсы и фантазии. Это ставит перед каждой женщиной трудную задачу психологической адаптации, и все же эту задачу можно решить, не прибегая к регрессии в собственном смысле. Данный процесс противодействия «возрожденной» активности прегенитальных элементов носит временный, текучий характер и сам по себе регрессией не является. Наличие конфликта и необходимости ре-адаптации доказывает динамические возможности точек фиксации.

Все это помогает нам справиться с одной трудностью, но остаются еще и другие. В частности, необходимо рассмотреть проблему количества либидо и деструктивных импульсов. Остается ли абсолютное количество инстинктивной энергии постоянным в течение жизни? Можно ли сказать, что энергия одного из инстинктов, скажем, либидо, увеличивается, а другого — уменьшается? Являются ли такие количественные изменения причиной определенной последовательности инстинктуальных фаз? Является ли общая «сумма» обоих инстинктов неизменной и следует ли объяснять смену «ведущих» зон последовательным катексисом каждой из них?

Некоторые наблюдения говорят в пользу количественных изменений на протяжении жизни. По-видимому, и Фрейд склонялся к этому выводу. Он говорит: «При достижении определенного периода жизни и в соответствии с ритмом биологических процессов, количество либидо в «психическом хозяйстве» возрастает до такого уровня, который сам по себе достаточен, чтобы нарушить здоровое равновесие, создать условия для невроза. Как известно, эти достаточно резкие всплески либидо обычно связаны с пубертацией и климаксом, наступающим у женщин определенного возраста; у некоторых людей они могут проявляться с периодичностью, которую еще предстоит установить».

С другой стороны, можно привести соображения в пользу иной точки зрения, также высказанной Фрейдом, что либидинозное удовлетворение максимально в период грудного кормления и никогда впоследствии не достигает этого уровня; что самые первые, самые примитивные импульсы ребенка «обладают такой собственной интенсивностью, которая превосходит все, что последует в будущем». Эти оценки не предполагают первоначально слабой инстинктивной жизни, которая крепнет лишь в процессе развития. Все же возможно, что происходят периодические всплески, как, например, при наступлении способности к деторождению. Эту точку зрения, вероятно, следует привести в соответствие с рядом других соображений: простота против сложности, с одной стороны, а с другой — вклад предыдущего опыта в дальнейший опыт, как уже отмечалось выше. Особая интенсивность элементарного, первобытного импульса

имплицитно присутствует в высшей точке взрослого, зрелого либидинозного опыта — в генитальном оргазме.

Таковы приведем размышления, к которым подталкивает «неопределенность» инстинктов. В конечном счете, Фрейд называет инстинкты «мифическими существами, грандиозными в своей неопределенности» («Продолжение лекций по введению в психоанализ», с. 358). Можно вспомнить, что инстинкты принадлежат к пограничной области между сомой и психикой, и что наша сфера — именно психика, тогда как к физиологу мы обращаемся за дополнительной информацией. Мы можем рассуждать об инстинктах, но наши убеждения вытекают из психологических наблюдений, из исследований поведения, чувств, эмоций, фантазий. Возможно, не абсолютные количества инстинктивной энергии, а специфические черты, присущие «ведущему» органу, определяют взаимоотношения инстинктов в рамках их «слитного» единства, и функции этого органа накладывают свой отпечаток на достигнутую инстинктивную стадию. Благодаря сверхличной прокреативной функции, генитальная стадия, вероятно, лучше всего приспособлена к целям инстинкта жизни, так что ее реализация создает условия, эквивалентные «приливу эротических компонентов». Но не следует рассматривать лишь биологическую функцию «ведущего» органа. Фантазии, связанные с различными органами и их функциями, решают дело с психологической точки зрения. Первые зоны инстинктивных переживаний обременены фантазиями крайне агрессивного порядка. С переходом к примату генитальности примитивные разрушительные импульсы модифицируются, «шлифуются», агрессивные фантазии смягчаются. Фантазии, ассоциируемые с прокреативной функцией, естественно и неизбежно принадлежат к творческому, репарационному типу.

Фрейд склонялся к тому выводу, что количественные факторы определяют прогресс и регресс, но он также был убежден в важности того, «каким образом два класса инстинктов сливаются, смешиваются друг с другом». Мы попытались показать, как оральные элементы могут обогащать генитальный опыт, придавая (в фантазиях) пенису, вдобавок к его собственно генитальной функции, также функции питания и утешения. Некоторые прегенитальные элементы однако не могут войти в генитальную фазу.

Вероятно, одна из функций либидо состоит в том, чтобы связать деструктивные инстинкты, исчерпать источники деструктивных импульсов и, таким образом, овладеть ими. Либидо на генитальной фазе может больше всего преуспеть в использовании деструктивных импульсов для собственных целей, достигая тем самым доминирующего положения в рамках их единства. То, что такое единство, «слитность» инстинктов, существует даже на генитальной стадии, наглядно демонстрирует анализ импотенции и фригидности, при которых боязнь агрессии ведет к торможению половой функции. Как хорошо известно, определенная степень, характер агрессивных элементов, или, точнее, определенный вклад со стороны производных деструктивного инстинкта, необходимы для успешного функционирования генитальности. Но это может позволить деструктивным импульсам вступить в генитальный акт лишь в том случае, если обеспечено первенство либидо, т. е. если достигнута глубокая модификация их целей под влиянием либидо.

Подведем итоги. Без сомнения, на каждой стадии развития имеет место синтез, «слияние» противоположных инстинктов. Характер этого единства, однако, варьирует от стадии к стадии, но мы еще не в состоянии точно сказать, в чем этот характер состоит. Самая «безопасная», простая, гипотеза заключается, по-видимому, в том, что он определяется не только количественными факторами. Как отмечалось в главе 10, доминирующую роль инстинкта жизни невозможно описать только в количественных терминах.

Взаимодействие между инстинктами, характер их «слияния», «смешивания», по меньшей мере столь же важны, и, возможно, определяют самую суть дела.

Разъединение, дезинтеграция означают, следовательно, распад этого специфического единства, конец доминирования либидо в этой форме, а не просто «отделение» либидинозных компонентов или уменьшение их количества.

Если такое разъединение все же происходит, то необходимо проследить дальнейшую судьбу отделившейся части либидо. Известно, что, как считал Фрейд, отделившееся от объектов либидо трансформируется в Эго-либидо, умножая первичный нарциссизм. Если применить этот вывод к расщеплению при регрессии, то нарциссизм и регрессия, таким образом, вступают во взаимное отношение. Как подчеркивалось в главе 4 «О "проекции" и "интроекции"», нарциссизм, в нашем представлении, связан с отношением субъекта к своим внутренним объектам. Регрессия, следовательно, может затрагивать систему фантазий и чувств относительно внутренних объектов. Мы, однако, не можем рассмотреть эту важную проблему в рамках данной главы. (Мы уже специально отмечали выше роль Супер-Эго в регрессии.)

Таким образом, явления, охватываемые понятием регрессии, с нашей точки зрения, весьма сложны и динамичны, связаны с неустойчивым равновесием (утратой равновесия) во всех компонентах психической жизни. Как мы предположили, возвратное движение либидо и деструктивных инстинктов необходимо рассматривать в контексте эмоционального опыта и жизни фантазий

6. Некоторые теоретические выводы, касающиеся эмоциональной жизни младенца

Изучение психики детей все больше и больше приводит меня к осознанию ошеломляющей сложности и комплексности процессов, которые действуют, зачастую одновременно, на ранних стадиях развития. В написании этого раздела я пыталась осветить некоторые аспекты эмоциональной жизни ребенка в течение первого года, отбирая их с особым акцентом на тревоге, защитах и объектных отношениях.

Первые три или четыре месяца жизни (параноидно-шизоидная позиция)

I

С самого начала постнатального периода жизни младенец переживает тревогу, исходящую от внутренних и внешних источников. Я в течение многих лет придерживалась мнения, что работа инстинкта смерти дает начало страху уничтожения, и это является первопричиной тревоги преследования. Первый внешний источник тревоги может быть обнаружен в переживании рождения. Этот опыт, который, согласно Фрейдю, формирует паттерны для всех позднейших ситуаций тревоги, непременно должен повлиять на первые отношения младенца с внешним миром.

Таким образом, вероятно, боль и дискомфорт, переживаемые младенцем, так же, как и утрата внутриутробного состояния, воспринимаются им как нападение враждебной силы, иначе говоря, как преследование. Тревога преследования, следовательно, с самого начала включается в отношение ребенка к объектам в той мере, в какой он подвергается лишениям.

Предположение, говорящее о том, что первые переживания ребенка, связанные с кормлением и присутствием его матери, инициируют объектное отношение к ней, является одной из базовых концепций, выдвигаемых в этой книге.

Первоначально это отношение является отношением к частичному объекту как для орально-либидинозных, так и для орально-деструктивных импульсов, которые с самого начала жизни направлены, в частности, на материнскую грудь. Мы предполагаем, что всегда существует взаимодействие, хотя и в различных пропорциях, между либидинозными и агрессивными импульсами, аналогичное слиянию инстинкта жизни и инстинкта смерти. Можно считать, что периоды свободы от голода и напряжения являются оптимальным соотношением, равновесием между либидинозными и агрессивными импульсами.

Это равновесие нарушается всякий раз, когда вследствие лишения (внутреннего или внешнего происхождения) усиливаются агрессивные импульсы. Я считаю, что подобные изменения в равновесии между либидо и агрессией дают начало эмоции, называемой жадностью, которая является первичной и самой главной в оральной природе. Любое увеличение интенсивности жадности укрепляет ощущение фрустрации и, в свою очередь, агрессивные импульсы. У детей, у которых силен врожденный агрессивный компонент, тревога преследования, фрустрация и жадность легко пробуждаются и это вносит свой вклад в трудности, возникающие у ребенка с перенесением лишений и борьбой с тревожностью.

Таким образом, сила деструктивных импульсов в их взаимодействии с либидинозными импульсами обеспечивает конституциональный базис для интенсивности жадности.

Однако, в то время как в одних случаях тревога преследования может усиливать жадность, в других (как я подчеркивала в «Психоанализе детей») она может стать причиной наиболее ранних задержек в кормлении.

Периодически повторяющиеся переживания удовлетворения и фрустрации являются мощным стимулом для либидинозных и деструктивных импульсов, для любви и ненависти.

В результате получается, что грудь, в виде психического представления, ввиду того, что она удовлетворяет, оказывается любимой и ощущается как «хорошая»; поскольку же грудь является источником фрустрации, она ненавидится и ощущается как «плохая».

Этот сильный контраст между «хорошей» и «плохой» грудью существует во многом благодаря недостаточной интегрированности Эго и благодаря процессам расщепления внутри Эго и в отношении к объекту.

Существуют однако основания предполагать, что даже в течение 3 — 4 первых месяцев жизни ребенка «хорошие» и «плохие» объекты не полностью отделены друг от друга в его психике.

Материнская грудь, как в своем хорошем, так и в плохом аспекте сливается для ребенка с ее телесным присутствием; и отношение к матери, как к личности, устанавливается постепенно, начиная от наиболее ранних стадий.

Вдобавок к переживаниям удовлетворения и фрустрации, обусловленным внешними факторами, двойственному отношению к первому объекту способствует множество эндопсихических процессов и, главным образом процессы проекции и интроекции.

Младенец проецирует свои любовные импульсы и приписывает их удовлетворяющей его (хорошей) груди, точно так же, как он приписывает фрустрирующей (плохой) груди проецируемые на нее деструктивные импульсы.

Одновременно с этим, посредством интроекции, «хорошая» грудь и «плохая» грудь формируются внутри психики младенца.

Таким образом, картина объекта, внешнего и переведенного во внутренний план, в психике ребенка искажена фантазиями, тесно связанными с проецированием его импульсов на объект. «Хорошая» грудь — внешняя и внутренняя — становится прототипом всех полезных и удовлетворяющих объектов, «плохая» же грудь — прототипом всех внешних и внутренних преследующих объектов. Множество факторов, входящих в состав младенческого чувства удовлетворенности, таких, как смягчение чувства голода, удовольствие от сосания, свобода от дискомфорта и напряжения, а также чувство ребенка, что он любим, — все это становится атрибутом «хорошей» груди. Наоборот, любая фрустрация и дискомфорт приписываются «плохой» (преследующей) груди.

Сначала я опишу различные стороны отношения ребенка к «плохой» груди. Если мы рассмотрим картину, существующую в психике младенца — в том виде, в котором мы можем что-либо узнать о ней ретроспективно в анализе детей и взрослых — мы обнаружим, что ненавидимая грудь приобрела орально-деструктивные качества импульсов самого младенца, возникающих в состояниях фрустрации и ненависти. В своих деструктивных фантазиях он кусает и разрывает грудь, уничтожает ее, пожирает.

При этом у младенца возникает чувство, что грудь будет атаковать его точно так же. По мере того, как уретрально- и анально-садистические импульсы набирают силу, ребенок в своих представлениях начинает атаковать грудь с помощью ядовитой мочи и взрывчатых фекалий и ожидает, что грудь ответит ему той же ядовитостью и взрывчатостью. Детали его садистических фантазий определяют содержание его страхов, боязни внутренних и внешних преследователей, связанное, в первую очередь, с «плохой» грудью.

Так как воображаемые нападения на объект коренным образом подвержены влиянию жадности и страха жадности объекта, приписанной объекту благодаря проекции, то это является существенным элементом тревоги преследования: плохая «грудь» станет пожирать младенца столь же жадно, сколь жадно он желает пожирать ее.

Однако даже в течение наиболее ранних стадий тревога преследования в некоторой степени гасится отношением ребенка к «хорошей» груди. Я уже указывала выше, что, несмотря на то, что чувства ребенка сконцентрированы на отношениях с матерью, которая кормит его и которая представлена своей грудью, очень рано существуют и другие аспекты отношения к ней; даже очень маленькие дети реагируют на улыбку матери, на ее руки, голос, на то, как она держит ребенка и как заботится о его потребностях. Удовлетворение и любовь, которые младенец испытывает в этих ситуациях, в общем помогают нейтрализации тревоги преследования и даже ослаблению чувств утраты и преследования, берущих начало от переживания рождения. Его физическая близость к матери во время кормления — по существу, его отношение к «хорошей» груди — раз за разом помогает ему преодолевать тоску по потерянному прежнему состоянию и укрепляет его доверие к хорошим объектам (см. Примечание 1).

II

Характерным для младенческих эмоций является то, что по природе своей они экстремальны и обладают большой силой. Ребенок чувствует, что фрустрирующий (плохой) объект является ужасным преследователем, хорошую же грудь он склонен превращать в «идеальную» грудь, способную к осуществлению его жадных желаний и неограниченного, немедленного и вечно длящегося удовлетворения. Таким образом, возникают чувства, связанные с идеальной и неистощимой грудью, всегда доступной и готовой удовлетворить. Другой фактор, содействующий идеализации хорошей груди — это сила страха преследования, вызывающего у младенца потребность защититься от преследователя и, следовательно, приводящего к увеличению мощи все удовлетворяющего объекта. Идеализированная грудь образуется как естественное следствие преследующей груди, и поскольку идеализация преследующей груди обусловлена потребностью в защищенности от преследующих объектов, она является средством защиты против тревоги.

Пример галлюцинаторного удовлетворения может помочь нам понять те направления, в которых действует процесс идеализации. В этом состоянии фрустрация и тревога, происходящие от различных источников, устраняются, возвращается утраченная внешняя грудь вместе с чувством обладания идеальной грудью внутри себя. Мы можем также предположить, что младенец галлюцинирует страстно желаемое им пренатальное состояние. Так как галлюцинаторная грудь неистощима, жадность ребенка на какой-то момент удовлетворяется (но рано или поздно чувство голода возвращает его к внешнему миру, и фрустрация, со всеми вытекающими из нее эмоциями, переживается вновь). В исполняющих желания галлюцинациях в игру вступают многие фундаментальные

механизмы и защиты. Одним из них является всемогущий контроль над внутренними и внешними объектами, благодаря которому Эго считает возможным для себя полное обладание как внешней, так и внутренней грудью. Кроме того, в галлюцинации образ преследующей груди четко обособляется от груди идеализируемой, а переживания фрустрации — от переживаний удовлетворения. Мне кажется, что подобное обособление, равнозначное расщеплению объекта и чувств по отношению к нему, связано с процессом отрицания. Отрицание в своей наиболее крайней форме — в том виде, в котором мы находим его в галлюцинаторном удовлетворении — эквивалентно уничтожению любых фрустрирующих объектов или ситуаций, и таким образом тесно связано с сильным чувством всемогущества, которое существует на ранних этапах жизни. Ситуация фрустрации, объект, служащий ее причиной, плохие чувства, начало которым дает фрустрация (так же, как и отделение частей Эго), переживаются как превосходящие возможности существования, как те, которые следует подвергнуть уничтожению и посредством этого достигнуть удовлетворения и ослабления тревоги преследования. Уничтожение преследующего объекта и ситуации преследования тесно связано с всемогущим контролем над объектом в его крайней форме. Я также допускаю, что в какой-то мере эти процессы действуют и в механизме идеализации.

Представляется также, что раннее Эго, кроме того, использует механизм уничтожения отщепленного аспекта объекта, расщепляя объект или ситуацию и находясь при этом в состояниях, отличных от удовлетворяющих желание галлюцинаций. Например, в галлюцинации преследования пугающая сторона объекта и ситуации по-видимому доминирует в такой степени, что хорошие качества должны быть полностью уничтожены (к сожалению, я не имею возможности обсудить это в данной статье). Кажется, что степень, в которой Эго обособливает различные стороны объекта, значительно изменяется в различных состояниях, и от этого может зависеть, будет ли отрицаемое качество ощущаться как полностью вышедшее за рамки существования.

Тревога преследования существенно влияет на эти процессы. Мы можем предположить, что когда тревога преследования менее сильна, расщепление является менее обширным, а Эго, следовательно, в большей мере способно интегрировать себя и в некоторой степени синтезировать чувства к объекту. Вполне может быть, что какие-либо шаги в интеграции возможны лишь в том случае, если в этот момент любовь, направленная на объект, преобладает над деструктивными импульсами (в конечном счете, инстинкт жизни над инстинктом смерти). Тенденция Эго интегрировать себя, как я думаю, может рассматриваться в качестве выражения инстинкта жизни.

Соединение чувства любви и деструктивных импульсов по отношению к одному и тому же объекту — груди — служит предпосылкой роста депрессивной тревоги, вины и стремления к репарации поврежденного объекта любви — «хорошей» груди. Это подразумевает, что по отношению к частичному объекту — материнской груди, временами переживается амбивалентность. В течение первых нескольких месяцев жизни такие состояния интеграции кратковременны. На этой стадии способность Эго к достижению интеграции, естественно, все еще очень ограничена, чему содействует сила тревоги, преследования и процессов расщепления. Кажется, что по мере развития, переживания опыта синтеза и, как следствие этого, депрессивной тревоги, сама депрессивная тревога проявляется чаще и продолжительней; все это составляет часть роста и интеграции. С прогрессом в интеграции и в синтезе противоположных эмоций по отношению к одному объекту становится возможным смягчение деструктивных импульсов посредством либидо. Это приводит и к фактическому ослаблению тревоги, что является фундаментальным условием для нормального развития.

Ранние методы расщепления существенно влияют на способы, которыми на несколько более поздних стадиях осуществляется вытеснение, а это, в свою очередь, определяет степень взаимодействия между сознанием и бессознательным. Иначе говоря, степень, в которой различные части психики остаются проницаемыми в отношении друг друга, во многом определяется силой или слабостью ранних шизоидных механизмов. Внешние факторы играют первостепенную роль с самого начала жизни; вследствие этого мы имеем основания для предположения, что каждый возбудитель страха преследования подкрепляет шизоидный механизм, то есть тенденцию Эго расщеплять себя и объект, тогда как каждое хорошее переживание укрепляет доверие к хорошим объектам и способствует интеграции Эго и синтезу объекта.

III

Некоторые умозаключения Фрейда косвенно указывают на то, что Эго развивается путем интроекции объектов. Что касается наиболее ранней ситуации, то «хорошая» грудь, интроецированная в ситуации счастья и удовлетворения, становится, на мой взгляд, жизненно важной частью Эго и укрепляет его способность к интеграции. Эта внутренняя «хорошая» грудь образует также полезный и доброкачественный аспект раннего Супер-Эго, укрепляет способность младенца любить и доверять хорошим объектам, усиливает побуждения к интроекции хороших объектов и ситуаций и является, следовательно, неотъемлемой составляющей процесса обретения уверенности в борьбе с тревогой; она становится полномочным представителем инстинкта жизни внутри психики ребенка. Хороший объект способен однако выполнять эти свои функции только в том случае, если он ощущается младенцем как «неповрежденный», т. е. подразумевается, что объект был переведен во внутренний план преимущественно в обстановке любви и удовлетворения. Такие чувства предполагают, что удовлетворение от сосания было относительно не нарушено влияниями внешних или внутренних факторов. Основным источником душевных расстройств заключен в чрезмерности агрессивных импульсов, которые увеличивают жадность и понижают способность к перенесению фрустрации. Другими словами, когда в слиянии двух инстинктов инстинкт жизни берет верх над инстинктом смерти и, соответственно, либидо преобладает над агрессией, «хорошая» грудь может более прочно сформироваться в психике младенца.

Однако орально-садистические желания, которые активны с самого начала жизни и легко приводятся в действие посредством фрустрации внутреннего или внешнего происхождения, неизбежно снова и снова рожают чувство того, что грудь разрушена в какой-то степени и внутри его, что является результатом его собственных жадных и пожирающих нападений на нее. Эти два аспекта интроекции существуют бок о бок.

Преобладание фрустрации или удовлетворения в отношении младенца к груди, без сомнения, во многом определяется внешними условиями, но у меня существует небольшое сомнение в том, что конституциональные факторы, влияющие с самого начала процесса укрепления Эго, следует принимать в расчет. Я прежде выдвигала предположение, что способность Эго к перенесению напряжения является конституциональным фактором. Способность переносить тревогу — по сути своей сильная врожденная способность — в конечном итоге, как оказывается, зависит от преобладания либидинозных импульсов над агрессивными импульсами, т. е. от той роли, которую инстинкт жизни играет сначала в слиянии двух инстинктов.

Мое предположение о том, что оральное либидо, выраженное в сосательной функции, дает младенцу возможность интроецировать грудь (и сосок) в качестве относительно неуничтожимого объекта, не противоречит допущению, что деструктивные импульсы наиболее сильны на самых ранних этапах жизни. Факторы, оказывающие влияние на слияние и разделение двух инстинктов, все еще не ясны, но основания для сомнений в том, что в отношении к первому объекту — груди — Эго временами оказывается способно, используя расщепление, обособливать либидо и агрессию, достаточно невелики.

Сейчас я хотела бы обратиться к той роли, которую играет проекция в превращениях тревоги преследования. В других работах я описывала, как орально-садистические импульсы пожирать и вычерпывать материнскую грудь начинают развиваться в фантазиях пожирания и опустошения материнского тела. Атаки, обусловленные другими источниками садизма, вскоре становятся сцеплены с этими оральными атаками и происходит развитие двух основных направлений садистических фантазий. Первая форма — преимущественно орально-садистическая и тесно связанная с жадностью — заключается в опустошении материнского тела, выкачивании из него всего хорошего и желаемого. Другая форма фантазматических нападений — преимущественно анальных — заключается в наполнении тела матери плохими субстанциями и частями самости младенца, проецируемыми на нее в результате расщепления. Представлено это главным образом экскрементами, которые становятся средством повреждения, уничтожения или контролирования атакуемого объекта. Даже целая самость, ощущаемая как «плохая», входит в материнское тело и начинает его контролировать. В этих различных фантазиях Эго овладевает внешними объектами, в первую очередь матерью, посредством проекции и делает их продолжением своей самости. Объекты в некоторой мере становятся представителями Эго, и эти процессы, с моей точки зрения, являются базисом для идентификации через проекцию или «проективной идентификации» (ср. раздел IX). Идентификация посредством интроекции и идентификация посредством проекции кажутся взаимно дополняющими друг друга процессами. Процессы, лежащие в основании самой проективной идентификацией вероятно действуют уже в наиболее раннем отношении к груди. «Вампирическое» сосание, опустошение груди развиваются в фантазиях младенца в прокладывание пути в грудь, а в дальнейшем — в тело матери. Соответственно, проективная идентификация могла бы начаться одновременно с жадной орально-садистической интроекцией груди. Это предположение согласуется с точкой зрения, часто выражаемой другими авторами, относительно того, что интроекция и проекция взаимодействуют с самого начала жизни. Интроекция преследующего объекта, как мы уже видели, в некоторой степени определена проекцией деструктивных импульсов на этот объект. Стремление проецировать («отбрасывать»), изгнание «плохого» возрастает вместе со страхом внутренних преследователей. Когда в проекции отражено доминирующее влияние страха преследования, объект, на который была спроецирована «плохая» самость, превращается в преследователя *par excellence*, который особенно страшен именно из-за того, что был наделен всеми худшими качествами субъекта. Реинтроекция этого объекта подкрепляет остроту страха, боязни внешних или внутренних преследователей. (Влечение к смерти, или, скорее, опасности, с этим связанные, снова будет направлено вовнутрь). Таким образом, существует устойчивое взаимодействие между страхом преследования, связанным с внешним и внутренним миром, взаимодействие, в котором процессы, включенные в проективную идентификацию, играют жизненно важную роль.

Проекция любовных чувств, входящая в состав процесса «прикрепления» либидо к объекту, является, я считаю, предпосылкой для нахождения хорошего объекта. Интроекция хорошего объекта стимулирует проекцию хороших чувств наружу, а это, в

свою очередь, стимулирует повторную интроекцию и через нее укрепляет ощущения обладания хорошим внутренним объектом. Проекция хороших частей самости, или даже целой хорошей самости, соответствует проекции плохой самости на объект и окружающий мир. Ре-интроекция хорошего объекта и хорошей самости ослабляет тревогу преследования. Таким образом одновременно улучшается отношение как к внутреннему, так и к внешнему миру, а Эго улучшает свою интегрированность и набирает силу.

Прогресс в интеграции, который, как я подчеркивала в более ранних разделах, зависит от временного преобладания любовных импульсов над деструктивными, приводит к скоропреходящим состояниям, в которых Эго синтезирует чувства любви и агрессивные импульсы по отношению к одному тому же объекту (прежде всего, к материнской груди). Этот синтезирующий процесс инициирует следующий важный шаг развития (который с тем же успехом может протекать и одновременно): болезненные эмоции депрессивной тревоги и вины нарастают, агрессия смягчается под действием либидо, вследствие чего ослабевает тревога преследования; тревога, связанная с судьбой подвергающихся опасности внутренних и внешних объектов, приводит к усилению идентификации с ними; Эго, таким образом, пытается произвести репарацию и, кроме того, затормозить и подавить агрессивные импульсы, которые, как чувствуется, могут нанести вред любимому объекту.

С ростом интегрированности Эго переживания депрессивной тревоги возрастают по частоте и продолжительности. Одновременно, по мере разрастания сферы восприятия, в психике ребенка складывается концепция матери как единого целого и уникальной личности, концепция, которая преодолевает пределы отношения к частям ее тела и к различным аспектам ее личностных свойств (таких, как запах, прикосновение, голос, улыбка, звук ее шагов и т. д.) Депрессивная тревога и вина постепенно фокусируются на матери как на личности и возрастают в интенсивности; депрессивная позиция выходит на передний план.

IV

До сих пор я описывала некоторые аспекты душевной жизни ребенка в течение первых трех-четырех месяцев. (Следует, однако, помнить, что длительности стадий развития может быть дана только грубая оценка в силу существования больших индивидуальных вариаций). В изображении этой стадии, в том виде, в каком я ее представила, основные особенности выделяются как характеристики. Параноидно-шизоидная позиция доминирует. Взаимодействие процессов интроекции и проекции, а также ре-интроекции и ре-проекции определяет Эго-развитие. Отношение к любимой и ненавистной, хорошей и плохой груди является первым объектным отношением ребенка. Деструктивные импульсы и тревога преследования достигают крайнего предела. Желание неограниченного, беспредельного удовлетворения, наряду с тревогой преследования, вносят свой вклад в то, что младенец ощущает существование как «идеальной», так и опасной, пожирающей груди, каждая из которых обособлена в психике ребенка. Эти два аспекта материнской груди интроецируются и формируют ядро Супер-Эго. Расщепление, всемогущество, идеализация, отрицание и контроль над внешними и внутренними объектами на этой стадии доминируют. Эти первые методы защиты экстремальны по своей природе, но хорошо гармонируют с интенсивностью ранних эмоций и ограниченной способностью Эго переносить острую тревогу. Несмотря на то, что в некоторых отношениях эти защиты препятствуют процессу интеграции, они крайне важны для целостного развития Эго, т. к. они раз за разом облегчают тревогу младенца. Эта

относительная и временная безопасность достигается преимущественно посредством обособления хорошего объекта от преследующего. Присутствие в психике хорошего (идеального) объекта дает возможность Эго временами поддерживать сильное чувство любви и удовлетворения. Хороший объект также служит защитой от преследующего объекта, т. к. ощущается как способный заменить его (как в примере с удовлетворяющими желание галлюцинациями). Эти процессы подчеркивают, как мне кажется, достойный внимания факт — быстроту, с которой ребенок переживает чередующиеся состояния полного удовлетворения и огромного дистресса. На этой ранней стадии способность Эго справляться с тревогой, предоставляя возможность сосуществования противоположным эмоциям по отношению к матери и, соответственно, двум ее аспектам — «хорошему» и «плохому», все еще очень ограничена. Это означает, что смягчение страха перед «плохим» объектом благодаря доверию к «хорошему» и рост депрессивной тревоги имеет место только в быстротечных переживаниях. Вследствие сменяющихся друг друга процессов дезинтеграции и интеграции постепенно развивается более интегрированное Эго, с возросшей способностью справляться с тревогой преследования. Отношение ребенка к частям тела его матери, сфокусированное на ее груди, постепенно сменяется отношением к ней как к личности.

Эти процессы, представленные в раннем детстве, могут быть рассмотрены в нескольких основных направлениях.

а) Эго, имеющее некоторые зачатки интеграции и связности и прогрессирующее в этом направлении. Эго также выполняет с самого начала жизни (ее постнатального периода) некоторые фундаментальные функции; поэтому Эго использует процессы расщепления и подавления инстинктивных желаний как некие защиты против тревоги преследования, которая переживается Эго с самого рождения.

б) Объектные отношения, которые формируются под влиянием либидо и агрессии, любви и ненависти, пропитанные, с одной стороны, тревогой преследования, а с другой, ее естественным следствием — вновь обретенной уверенностью во всемогуществе, происходящей от идеализации объекта.

в) Интроекция и проекция, тесно связанные с фантазматической жизнью ребенка и со всеми его эмоциями, и, следовательно, интернализированные хорошие и плохие объекты, которые инициируют развитие Супер-Эго.

Вместе с возрастанием способности Эго справляться с тревогой происходит соответственное изменение методов защиты. Этому способствует рост чувства реальности и расширение диапазона удовлетворений, интересов и объектных отношений. Деструктивные импульсы и тревога преследования ослабевают; депрессивная тревога набирает силу и начинается кульминационный период в ее развитии, который будет описан в следующем разделе.

Младенческая депрессивная позиция

В течение второй четверти первого года жизни становятся заметны определенные изменения в интеллектуальном и эмоциональном развитии ребенка. Становится более дифференцированным его отношение к окружающему миру, как к предметам, так и к людям. Расширяется сфера удовлетворений и интересов, возрастает способность младенца выражать свои эмоции и коммуницировать с людьми. Эти заметные перемены являются

свидетельством постепенного развития Эго. Неуклонно развиваются сознательность, интеграция, интеллектуальные способности, отношения к окружающему миру и другие функции Эго. В то же время прогрессирует сексуальная организация ребенка; усиливаются уретральные, анальные и генитальные тенденции, хотя оральные импульсы и желания все еще остаются доминирующими. Имеется таким образом слияние различных источников либидо и агрессии, окрашивающее эмоциональную жизнь ребенка и приводящее в действие различные новые ситуации тревоги; сфера фантазий расширяется, они становятся более сложными и дифференцированными, соответственно наблюдаются и важные изменения в природе защит.

Все эти события находят свое отражение в отношении ребенка к его матери и, в некоторой степени, к отцу и другим людям. Все более укрепляется отношение к матери как к личности, которое постепенно развивалось в то время, когда грудь все еще оставалась главным объектом. Когда ребенок становится способен воспринять и интроецировать мать как личность (или, иначе говоря, как «целостный объект»), происходит усиление идентификации с ней.

Тогда как для способности Эго интроецировать мать и отца в качестве «целостных объектов» необходима некоторая мера интеграции, дальнейшее и основное развитие по линии интеграции и синтеза начинается с выступлением на передний план депрессивной позиции. Происходит сближение различных аспектов объектов: любимых и ненавидимых, хороших и плохих — и теперь эти объекты становятся целостными персонажами. Процессы синтеза действуют во всей сфере внешних и внутренних объектных отношений, они охватывают контрастирующие аспекты интернализированных объектов (раннее Супер-Эго), с одной стороны, и внешние объекты, с другой. Эго также стремится ослабить противоречия между внутренним и внешним миром, или, скорее, противоречия между внутренними и внешними образами. Вместе с этими синтетическими процессами происходит дальнейшая интеграция Эго, что приводит к увеличению сцепленности, согласованности между расщепленными частями Эго. Все эти процессы интеграции и синтеза становятся причиной того, что конфликт между любовью и ненавистью дает о себе знать в полную силу. Проистекающая из этого депрессивная тревога и чувство вины отличаются не только количественно; но и качественно, теперь амбивалентность переживается преимущественно по отношению к целым объектам. Любовь и ненависть сближаются еще больше, и теперь «хорошая» и «плохая» грудь, «хорошая» и «плохая» мать уже не могут быть обособлены в той мере, в какой это было на более ранних стадиях. Несмотря на то, что сила деструктивных импульсов ослабевает, у младенца все еще остается ощущение, что они представляют большую опасность для любимого им объекта, теперь воспринимаемого как личность. Жадность и защиты против нее играют значительную роль на этой стадии вследствие того, что тревога, связанная с невозможной утратой любимого и необходимого объекта, склонна увеличивать жадность. Жадность однако ощущается как неконтролируемая, деструктивная и угрожающая внутренним и внешним объектам, к которым ребенок испытывает любовь. Эго, следовательно, все больше подавляет инстинктивные желания, что может привести к определенным сложностям в получении ребенком удовольствия от приема пищи, а позже и к серьезным задержкам в образовании как отношений привязанности, так и эротических отношений.

Описанные выше этапы интеграции и синтеза приводят к возрастанию способности Эго осознавать усиливающуюся конфликтность психической реальности. Тревога, связанная с переведенной во внутренний план матерью, которая в восприятии ребенка является ранимой, повреждаемой, подверженной опасности уничтожения или уже уничтоженной и утраченной навсегда, приводит к усилению идентификации с поврежденным объектом.

Идентификация укрепляет как стремление к репарации, так и попытки Эго подавить агрессивные импульсы младенца. Кроме того, Эго снова и снова прибегает к использованию маниакальной защиты. Как мы уже могли видеть ранее, отрицание, идеализация, расщепление и контроль над внешними и внутренними объектами используется Эго для противодействия тревоге преследования. С наступлением депрессивной позиции эти всемогущие методы в некоторой мере сохраняются, но теперь они используются преимущественно для борьбы с депрессивной тревогой. Кроме того, они претерпевают определенные изменения в связи с развитием процессов интеграции и синтеза, т. е. становятся менее экстремальными и более соответствуют возросшей способности Эго встречаться лицом к лицу с психической реальностью. В результате описанных изменений целей и форм ранних защит они теперь образуют маниакальную защиту.

Столкнувшись со множеством ситуаций тревоги, Эго стремится отрицать их, а когда тревога достигает наивысшего предела, Эго даже отрицает факт того, что оно вообще испытывает любовь к объекту. Результатом этого может стать длительное подавление любви и отворачивание от первичных объектов, в итоге приводящие к росту тревоги преследования, т. е. к регрессии к параноидно-шизоидной позиции.

Попытки Эго контролировать внешние и внутренние объекты — метод, применявшийся в течение параноидно-шизоидной стадии, главным образом для борьбы с тревогой преследования, тоже претерпевает изменения. С началом доминирования депрессивной тревоги контроль над объектами и импульсами используется Эго в основном для того, чтобы предотвратить фрустрацию, предупредить агрессию и вытекающую из нее опасность для любимого объекта, т. е., вообще говоря, для недопущения депрессивной тревоги.

Существуют также отличия в использовании расщепления объекта и самости. Несмотря на то, что более ранние методы расщепления продолжают действовать, Эго теперь разделяет целостные объекты на неповрежденные живые и поврежденные, подвергающиеся опасности (возможно, даже умирающие или мертвые) объекты; расщепление, таким образом, в значительной мере становится защитой от депрессивной тревоги.

В то же время наступает важный этап в развитии Эго, позволяющий Эго не только разворачивать более адекватные защиты против тревоги, но и приводящий кроме того к фактическому уменьшению тревоги. Продолжающееся соприкосновение с психической реальностью, являющееся частью преодоления депрессивной позиции, увеличивает понимание ребенком окружающего мира. Соответственно, образ его родителей, прежде искаженный — от идеализированных до вселяющих ужас фигур — постепенно становится ближе к реальности.

Как мы уже обсуждали в начале раздела, когда младенец интроецирует успокаивающую его внешнюю реальность, его внутренний мир совершенствуется, а это, в свою очередь, посредством проекции совершенствует его картину окружающего мира. Таким образом, по мере того, как ребенок снова и снова ре-интроецирует все более реалистичную и успокаивающую картину внешнего мира, а также формирует внутри себя целостные и неповрежденные объекты, происходит постепенное и весьма важное развитие его Супер-Эго. Однако, вместе со сближением хороших и плохих сторон внутренних объектов и смягчением плохих сторон хорошими, изменяются отношения между Эго и Супер-Эго, т. е., иначе говоря, имеет место постепенная ассимиляция Супер-Эго со стороны Эго (см. Примечание 2).

На этой стадии в полную силу вступает в игру стремление к репарации поврежденных объектов. Это стремление, как мы уже могли видеть ранее, сложным образом сцеплено с чувством вины. Когда ребенок ощущает, что его деструктивные импульсы и фантазии направлены против целостного объекта, любимого им и воспринимаемого как личность, происходит интенсивный рост чувства вины, а вместе с ним нарастает стремление восстанавливать, оберегать и воскрешать поврежденный любимый объект. Эти эмоции, на мой взгляд, равносильны состоянию скорби и защитам, которые от лица Эго пытаются преодолеть состояние скорби.

Поскольку стремление к репарации в конечном счете определено инстинктом жизни, оно заимствует либидинозные желания и фантазии. Эта тенденция становится составной частью всех сублимаций и с этих пор остается важнейшим способом ослабления и недопущения депрессии.

Кажется, не существует сторон душевной жизни младенца, которые на ранних этапах не были бы вовлечены Эго в защиту от тревоги. Не являются исключением и репарационные тенденции, которые ранее использовались «всемогущим» способом, а теперь становятся важной защитой. Чувства (фантазии) младенца можно описать следующим образом: «Моя мать исчезает, она может никогда не вернуться, она страдает, она мертва. Нет, этого не может быть, потому что я оживлю ее».

Всемогущество убывает по мере того, как ребенок обретает большее доверие как к объектам, так и к их способности восстанавливаться.

Он чувствует, что все шаги в развитии, все его новые достижения доставляют удовольствие окружающим его людям, и что таким образом он выражает свою любовь, уравнивая или устраняя последствия вреда, причиненного его агрессивными импульсами, и восстанавливает любимый им поврежденный объект.

Таким образом закладывается фундамент для нормального развития: развиваются отношения с людьми, ослабевает тревога преследования, связанная с внутренними и внешними объектами, «хорошие» внутренние объекты формируются более надежно, результатом чего становится ощущение большей безопасности, и все это в общем укрепляет и обогащает Эго. Ставшее более сильным и целостным Эго, несмотря на то, что теперь больше стали использоваться маниакальные защиты, снова и снова сводит вместе и синтезирует расщепленные стороны объекта и самости. Постепенно процессы расщепления и синтеза начинают применяться к аспектам, которые значительно менее обособлены друг от друга; возрастает восприятие реальности и объекты предстают в более реалистичном свете. Все это приводит к росту уровня адаптации к внешней и внутренней реальности.

Соответственно имеют место и перемены в отношении ребенка к фрустрации. Как мы уже видели, на самых ранних стадиях развития «плохой», преследующий аспект матери (ее груди) представляет для ребенка все злое и фрустрирующее, как внутри, так и вне его. Когда чувство реальности ребенка в его отношении к объектам и доверие к ним возрастают, он становится в большей мере способен различать фрустрацию, которая навязана извне и фантастические внутренние опасности. Соответственно его ненависть и агрессия становятся более тесно связаны с актуальной фрустрацией или ущербом, причиняемыми внешними факторами. Это шаг по направлению к более реалистичным и объективным методам в борьбе с собственной агрессией, пробуждающий меньше вины и позволяющий ребенку в конечном счете пережить, а также сублимировать свою агрессию более Эго-синтонно.

Вдобавок, более реалистичное отношение к фрустрации, подразумевающее ослабление страха преследования, связанного с внутренними и внешними объектами, приводит к увеличению способности ребенка повторно формировать хорошее отношение к матери и другим людям, когда фрустрирующее переживание уже не оказывает своего влияния. Иначе говоря, рост адаптации к реальности, тесно связанный с переменами в работе проекции и интроекции, приводит к более спокойному отношению к внешнему и внутреннему миру. А это ведет к уменьшению уровня агрессии и амбивалентности и в результате позволяет стремлению к репарации сыграть свою роль более полноценно. Такими способами скорбь, являющаяся следствием депрессивной позиции, постепенно прорабатываются.

Когда ребенок достигает критической стадии 3—6 месяцев и сталкивается с виной, печалью и конфликтами, свойственными депрессивной позиции, его способность переносить тревогу будет в какой-то степени детерминирована его более ранними развитием, т. е. мерой, в которой он в течение первых трех-четырех месяцев был способен принимать и формировать «хорошие» объекты, образующие впоследствии сердцевину ядра Эго. Если этот процесс был успешен, включая отсутствие избыточной тревоги преследования и процессов расщепления, в согласии с достижением определенной меры интеграции, то тревога преследования и шизоидные механизмы постепенно ослабевают, а Эго становится способно интроецировать целостные объекты и формировать их во внутреннем плане, тем самым преодолевая депрессивную позицию. Однако, если Эго не способно справляться со множеством тяжелых ситуаций тревоги, неизбежно возникающих на этой стадии и являющихся недостатком, на который коренным образом повлияли внешние и внутренние факторы, то может иметь место сильная регрессия от депрессивной к параноидно-шизоидной позиции. Это также может воспрепятствовать интроекции целостных объектов и сильно повлиять на развитие как в течение первого года, так и в продолжение всего детства.

II

Моя гипотеза о младенческой депрессивной позиции основана на фундаментальных психоаналитических концепциях, касающихся ранних стадий жизни, т. е. на теориях первичной интроекции и преобладания оральное либидо и каннибалистических импульсов у маленького ребенка. Эти открытия Фрейда и Абрахама коренным образом содействовали достижению понимания этиологии душевных расстройств. Развивая эти концепции и применяя их для понимания психики, необходимость чего возникает в детском анализе, я пришла к пониманию сложности ранних процессов и переживаний и их влияния на эмоциональную жизнь младенца; это, в свою очередь, позволило пролить свет на этиологию душевных расстройств. В частности, я пришла к выводу о существовании чрезвычайно тесной связи между инфантильной депрессивной позицией и феноменом скорби и меланхолии.

Продолжая работу Фрейда по исследованию меланхолии, Абрахам обнаружил одно из коренных различий между нормальной скорбью, с одной стороны, и ненормальной скорбью, с другой (Примечание 3). В случае нормальной скорби человек достигает успеха в формировании потерянной любимой личности внутри своего Эго, в то время как при меланхолии и патологической скорби этот процесс не заканчивается так успешно. Абрахам также описал некоторые из фундаментальных факторов, от которых зависит удача или провал данного процесса. В случае, если каннибалистические импульсы слишком сильны, интроекция потерянного любимого объекта терпит неудачу, что

приводит в результате к болезни. В состоянии нормальной скорби субъект также стремится восстановить утраченную любимую личность внутри своего Эго, и это ему удается. Происходит не только, как подметил Фрейд, пересмотр и ре-инвестиция катексисов, связанных с потерянным любимым объектом, но и, в ходе этого процесса, формирование утраченного объекта внутри психики субъекта.

В своей работе «Скорбь и ее взаимосвязь с маниакально-депрессивными состояниями» я выразила следующее мнение: «Мой опыт приводит меня к выводу, что хотя и правда то, что создание личностью потерянного объекта любви внутри себя является характерной чертой нормальной скорби, однако это не происходит сразу; но, благодаря работе скорби, имеет место восстановление данного объекта, как и всех других любимых внутренних объектов, которые ощущаются младенцем как утраченные». Всякий раз, когда возникает печаль, нарушается ощущение надежного обладания любимыми внутренними объектами, т. к. это воскрешает ранние тревоги, связанные с поврежденными и уничтоженными объектами, с разбитым вдребезги внутренним миром. Чувство вины и тревоги преследования — младенческая депрессивная позиция — реактивируются в полную силу. Успешное восстановление внешнего любимого объекта, о котором скорбел ребенок, и интроекция которого усиливалась благодаря скорби, означает, что любимые внутренние объекты реконструированы и вновь обретены. Следовательно, тестирование реальности, характерное для процесса скорби, является не только средством возобновления связей с внешним миром, но и средством воссоздания разрушенного мира. Скорбь, таким образом, включает в себя повторение эмоциональных ситуаций, пережитых ребенком в депрессивной позиции. Находясь под давлением страха потери любимой им матери, ребенок пытается решить задачу формирования и интегрирования своего внутреннего мира, постепенного создания хороших объектов внутри себя.

Один из основных факторов, определяющих исход утраты любимого объекта, а также — будет ли потеря (из-за смерти или по другим причинам) объекта любви приводить к маниакально-депрессивным расстройствам или она будет нормально преодолена, является, на мой взгляд, мера успешности преодоления депрессивной позиции на первом году жизни и успешность образования внутри психики младенца интроецированных любимых объектов.

Депрессивная позиция тесно связана с коренными изменениями в либидинозной организации ребенка, так как в течение этого периода — около середины первого года — ребенок достигает ранних стадий прямого и инвертированного Эдипова комплекса.

В данной работе я ограничиваюсь только отчетом о ранних стадиях Эдипова комплекса. Эти стадии характеризуются важностью той роли, которую играют в психике ребенка частичные объекты, в то время как уже наличествуют отношения к целым объектам. Кроме того, все еще преобладает оральное либидо, хотя генитальные желания, возрастающие под воздействием фрустрирующих переживаний в отношении к матери, переносятся с материнской груди на отцовский пенис.

Генитальные желания младенцев обоих полов объединяются с оральными желаниями, результатом чего становится в равной мере и оральное, и генитальное отношение к пенису отца. Генитальные желания также направлены и на мать. Желание младенцем отцовского пениса тесно связано с ревностью по отношению к матери, поскольку ребенок чувствует, что она получает желаемый им объект. Эти разнородные эмоции и желания у обоих полов являются основой как прямого, так и инвертированного Эдипова комплекса.

Другим аспектом ранних Эдиповых стадий является существенная роль, которую играет «внутренняя сторона» матери и собственная «внутренняя сторона» в психике ребенка. В течение предшествующего периода, когда преобладали деструктивные импульсы (параноидно-шизоидная позиция), младенец страстно желал проникнуть в материнское тело и вступить во владение его содержимым, что по сути своей является желанием преимущественно оральным и анальным. Это стремление все еще действует на следующем этапе (депрессивная позиция), но с ростом генитальных желаний оно все больше направлено на отцовский пенис (приравниваемый к ребенку и фекалиям), который, как чувствует ребенок, материнское тело содержит в себе. Одновременно с этим, оральные желания по отношению к отцовскому пенису приводят к его интернализации, и этот переведенный во внутренний план пенис, в качестве как «хорошего», так и «плохого» объекта, начинает играть важную роль во внутреннем объектном мире ребенка.

Ранние этапы развития Эдипова комплекса чрезвычайно сложны: здесь сводятся в одну точку желания, происходящие из различных источников; желания эти направлены как на частичные, так и на целые объекты; желаемый и ненавидимый ребенком отцовский пенис существует для него не только как часть тела отца, но и одновременно ощущается им как существующий внутри материнского тела.

Дает о себе знать зависть, которая свойственна оральной жадности. Моя аналитическая работа дает мне доказательства того, что зависть (перемежающаяся с чувствами любви и удовлетворения) первоначально направлена на кормящую грудь. С началом развития Эдиповой ситуации к этой первичной зависти добавляется ревность. Чувства ребенка в отношении обоих родителей, кажется, протекают следующим образом: когда ребенок фрустрирован, отец или мать обладают желаемым объектом, которого он, ребенок, лишен: грудью матери, пенисом отца — и обладают им постоянно. В силу интенсивности эмоций и жадности маленьких детей им свойственно приписывать родителям состояние постоянного обоюдного удовлетворения оральной, анальной и генитальной природы.

Эти сексуальные теории являются основанием для комбинирования младенцем родительских фигур следующим образом: мать, содержащая в себе пенис отца или всего отца; отец, содержащий в себе грудь матери, или всю мать; родители, нераздельно слитые в половом сношении.

Кроме того, такие фантазии способствуют изобретению ребенком «женщины с пенисом». В дальнейшем, вследствие перевода во внутренний план, ребенок образует подобные комбинированные родительские фигуры внутри себя, и это служит основанием фундаментальной для многих ситуаций тревоги психотической природы.

По мере развития более реалистичного отношения к родителям младенец начинает воспринимать их как обособленных персонажей, т. е. примитивно комбинированные родительские фигуры теряют свою силу.

Эти достижения тесно связаны с депрессивной позицией. У обоих полов страх утраты матери, первичного любимого объекта, иначе говоря, депрессивная тревога, содействует возникновению потребности в заместителях. С этой потребностью ребенок прежде всего обращается к отцу, интроецированному уже на этой стадии как «целостный» объект, в надежде получить удовлетворение.

Таким образом, либидо и депрессивная тревога в некоторой степени отклоняются от матери и этот процесс распределения стимулирует объектные отношения, а также ослабляет интенсивность депрессивных чувств. Ранние стадии «прямого» и

«инвертированного» Эдипова комплекса, следовательно, влекут за собой облегчение тревоги младенца и помогают ему преодолеть депрессивную позицию. В то же время однако возникают новые конфликты и тревога, поскольку эдипальные желания по отношению к родителям, включающие зависть, соперничество и ревность, чувства, которые на этой стадии все еще мощно подкреплены орально-садистическими импульсами, теперь переживаются по отношению к двум людям, любимым и ненавидимым одновременно. Преодоление этих конфликтов, впервые возникающих на ранних стадиях Эдипова комплекса, является частью процесса модификации тревоги, который растянут и охватывает младенчество и первые годы детства.

Подведем итог. Депрессивная тревога играет жизненно важную роль в раннем развитии ребенка и нормой является завершение инфантильных неврозов где-то к сроку около пяти лет, что сопровождается модификацией депрессивной тревоги и тревоги преследования. Однако фундаментальные шаги в преодолении депрессивной позиции совершаются, когда ребенок формирует «целостные» объекты — т. е. в течение второй половины первого года — и вполне обоснованным будет утверждение, что если эти процессы были удачны, то заложена одна из важнейших предпосылок нормального развития. В этот период снова и снова активизируются тревога преследования и депрессивная тревога, как, например, в переживании прорезания зубов и отлучения от груди. Это взаимодействие между тревогой и физическими факторами является одним из аспектов комплексного процесса развития (включающего также все эмоции и фантазии ребенка) в течение первого года; в некоторой мере это затрагивает и всю жизнь человека.

На всем протяжении этого раздела я подчеркивала, что препоны в объектных отношениях и эмоциональном развитии имеют ступенчатую природу. Факт постепенного развития депрессивной позиции объясняет, почему эффект, который она оказывает на младенца, не проявляется внезапно.

Мы также не должны забывать о том, что одновременно с переживанием депрессивных чувств происходит развитие методов противодействия им. Это, на мой взгляд, является одним из коренных различий между ребенком, переживающим тревогу психотической природы, и взрослым-психотиком. В то время, когда ребенок переживает эту тревогу, уже работают процессы, которые должны привести к ее модификации (Примечание 4).

Дальнейшее развитие и модификация тревоги

I

Инфантильный невроз может быть определен как комбинация процессов, приводящих к ограничению, преодолению и модификации тревог психотической природы. Фундаментальные шаги в модификации тревоги преследования и депрессивной тревоги являются частью развития, происходящего в течение первого года.

Все аспекты развития, содействующие процессу модификации тревоги и, следовательно, ее перемене, могут быть поняты только в их взаимодействии со всеми факторами развития. Например, обретение физических навыков, игровая деятельность, общее интеллектуальное развитие и развитие речи, приучение к чистоте, рост сублимаций, расширение спектра объектных отношений, прогресс в либидинозной организации ребенка — все эти достижения тесно переплетены с различными аспектами младенческого невроза, а в конечном итоге, с модификацией тревог и защит,

используемых против них. В данной работе я могу только выделить некоторые из этих факторов и показать, как они содействуют модификации тревоги.

Первыми преследующими объектами, внешними и внутренними, как мы уже видели, являются «плохая» грудь матери и «плохой» пенис отца. Страх преследования относится также к взаимодействию внутренних и внешних объектов. Эти тревоги, первоначально сфокусированные на родителях, находят выражение в ранних фобиях и оказывают сильное влияние на отношение ребенка к родителям. Как персекуторная, так и депрессивная тревога коренным образом содействуют возникновению конфликта, вытекающего из Эдиповой ситуации, а также оказывают влияние на либидинозное развитие.

Генитальные желания, направленные на обоих родителей, инициирующие ранние стадии Эдипова комплекса (где-то в середине первого года жизни), первоначально переплетены с оральными, анальными и уретральными желаниями и фантазиями как либидинозной, так и агрессивной природы. Тревоги психотической природы, начало которым дают деструктивные импульсы из разных источников, стремятся укрепить эти импульсы и, если они чрезмерны, то это содействует сильной фиксации на прегенитальных стадиях.

Либидинозное развитие, таким образом, на каждом шагу подвержено влиянию тревоги, так как тревога приводит к фиксации на прегенитальных стадиях, снова и снова вызывает регрессию к ним. С другой стороны, тревога и вина, а также последствия репарационных тенденций добавляют силы либидинозным желаниям и стимулируют дальнейшее либидинозное развитие; благодаря предоставляемому ими опыту либидинозного удовлетворения смягчается тревога и удовлетворяется потребность в репарации. Тревога и вина, следовательно, иногда сдерживают, а временами и усиливают либидинозное развитие. Эти колебания различны не только у разных людей, но и у одного и того же ребенка они могут варьировать в зависимости от сложного взаимодействия внешних и внутренних факторов, оказывающих влияние в данный момент.

Во время существования неустойчивых позиций прямого и инвертированного Эдипова комплекса переживаются все ранние тревоги. На этих позициях постоянно возбуждаются, благодаря ревности, ненависти и соперничеству, как тревога преследования, так и депрессивная тревога. Тревога, сфокусированная на родителях как на внутренних объектах, однако постепенно преодолевается и ослабевает под действием безопасности, ощущаемой младенцем в отношении к внешним родительским фигурам.

Генитальные тенденции постепенно усиливают свое влияние на взаимодействие прогресса и регресса, которое в значительной мере подвержено влиянию тревоги. В результате возрастает способность к репарации, расширяется ее диапазон, а сублимация набирает силу и становится стабильнее; на генитальном уровне все это тесно связано с самой креативной потребностью человека. Генитальные сублимации в женской позиции сцеплены, связаны со способностью давать жизнь и таким образом воссоздавать утраченные или поврежденные объекты. В мужской позиции элемент жизнестроения подкрепляется фантазиями об оплодотворении и, следовательно, оживлении или восстановлении поврежденной или уничтоженной матери. Гениталии таким образом предстают не только как органы созидания, но и как средство починки и воссоздания.

Преобладание генитальных устремлений подразумевает большой прогресс в Эго-интеграции, так как эти устремления принимают либидинозные и репарационные желания прегенитальной природы, и таким образом происходит синтез прегенитальных и генитальных репарационных тенденций. Например, способность получать «хорошее», в

первую очередь, желаемую пищу и любовь от матери, и потребность кормить ее в ответ, таким образом восстанавливая ее, являются важным условием успешного генитального развития и базисом для оральных сублимаций.

Растущая сила генитального либидо, включающая прогресс способности к репарации, развивается бок о бок с постепенным ослаблением тревоги и вины, вызванных деструктивными стремлениями, несмотря на то, что в Эдиповой ситуации генитальные желания являются причиной конфликта и вины. Из этого следует, что первенство генитальных тенденций подразумевает ослабление оральных, уретральных и анальных тенденций и тревог. В процессе преодоления Эдипова конфликта и достижения примата генитальной зоны ребенок обретает способность надежно образовывать свои хорошие объекты в своем внутреннем мире и развивать стабильное отношение к своим родителям. Все это означает, что он постепенно преодолевает и модифицирует тревогу преследования и депрессивную тревогу.

Есть основания предполагать, что как только младенец направляет свой интерес на какие-либо объекты помимо груди матери — на другие части ее тела, окружающие его объекты, части своего собственного тела и т. д. — начинается процесс, который существенно важен для роста сублимаций и объектных отношений. Любовь, желания (как агрессивные, так и либидинозные), тревога переносятся с первого и единственного объекта, с матери, на другие объекты. Развиваются новые интересы, которые замещают собой отношение к первичному объекту. Этот первичный объект однако существует не только во внешней, но и в интернализированной форме, и это отклонение от прямого направления эмоций и чувств, которые становятся связаны с внешним миром, тесно связано с проекцией. Во всех этих процессах огромное значение имеет функция формирования символов и фантазматическая активность.

Когда возникает депрессивная тревога и, в частности, с наступлением депрессивной позиции, Эго испытывает стремление к проекции, отклонению от прямого направления и к распределению желаний и эмоций, так же как и вины и репарационных стремлений, в пользу новых объектов и интересов. Эти процессы, на мой взгляд, являются движущей силой сублимаций в течение всей жизни. Предпосылкой успешного развития сублимаций (так же как и объектных отношений и либидинозной организации) является то, что любовь к первому объекту может быть сохранена, в то время как желания и тревоги должны быть распределены и должна быть изменена их направленность. В случае преобладания обиды и ненависти в отношении к первому объекту опасности может подвергнуться сублимации и отношение к объекту-заместителю.

Другое нарушение способности к репарации и, следовательно, сублимации, может произойти, если по причине неудачи в преодолении депрессивной позиции подавлена надежда произвести репарацию, или, иначе говоря, если младенец впал в отчаяние и уже не надеется восстановить любимые объекты.

II

Как уже говорилось выше, все аспекты развития тесно связаны с младенческим неврозом. Характерной особенностью младенческого невроза являются ранние фобии, которые существуют в течение первого года жизни и, изменяя форму и содержание, рецидивно возникают на всем протяжении периода детства. В содержание ранних фобий входят как тревога преследования, так и депрессивная тревога. Фобии включают в себя сложности в

кормлении, недержание мочи, тревоги, связанные с отсутствием матери, страх перед незнакомцами, нарушения в отношении к родителям и в объектных отношениях вообще. Потребность переносить вовне преследующий объект является неотъемлемым элементом механизма фобии.

Эта потребность обусловлена как тревогой преследования (связанной с Эго), так и депрессивной тревогой, центрированной на опасностях, которые угрожают хорошим объектам со стороны внутренних преследователей. Страхи перед внутренним преследованием также находят свое выражение в ипохондрических тревогах. Кроме того, они вносят свой вклад в различные телесные заболевания, например, частые простудные заболевания у маленьких детей.

Оральные, уретральные и анальные тревоги (которые являются составной частью как приобретения, так и торможения навыков чистоты) являются базовыми характерными чертами в симптоматологии младенческого невроза. Характерной особенностью инфантильного невроза также является то, что в течение первых лет жизни имеют место рецидивы разного рода. Как мы уже видели, если тревога преследования или тревога депрессивной природы усиливается, то происходит регрессия к более ранней стадии и соответствующей ей ситуации тревоги. Подобные регрессии обнаруживают себя, например, в разрушении уже устоявшихся привычек к чистоте; или, допустим, явно уже преодоленная фобия повторно возникает в слегка измененной форме.

В течение второго года на передний план выходят обсессивные устремления; они как выражают, так и ограничивают оральные, уретральные и анальные тревоги. Обсессивные черты в этот период обнаруживаются в ритуалах отхода ко сну, ритуалах, связанных с навыками чистоты, с приемом пищи и т. д., а также в общей потребности в повторении (например, желание раз за разом слушать одни и те же истории, даже рассказываемые теми же словами, или снова и снова играть в одни и те же игры). Эти феномены, хотя и являются частью нормального развития ребенка, могут быть описаны и как невротические симптомы.

Уменьшение или преодоление этих симптомов равносильно модификации оральной, уретральной и анальной тревог, что, в свою очередь, подразумевает модификацию тревоги преследования и депрессивной тревоги.

Способность Эго шаг за шагом разворачивать защиты, позволяющие ему в некоторой мере преодолеть тревоги, является существенно важной частью процесса модификации тревог. На самой ранней стадии (шизоидно-параноидной позиции) тревоге противопоставлялись такие экстремальные и мощные защиты, как расщепление, всемогущество и отрицание.

На следующей стадии (депрессивной позиции) защиты претерпевают, как мы уже видели, значительные изменения, которые характеризуются возросшей способностью Эго переносить тревогу. Так как на втором году продолжается дальнейший прогресс в Эго-развитии, младенец использует свою возрастающую адаптацию ко внешней реальности и свой растущий контроль над телесными функциями в тестировании внутренних опасностей посредством внешней реальности.

Все эти изменения являются отличительными признаками обсессивных механизмов, которые также могут быть рассмотрены в качестве очень важных защит. Например, благодаря приобретению привычек чистоплотности, раз за разом происходит временное ослабление тревоги младенца, связанной с его опасными фекалиями (т. е. с их

деструктивностью), внутренними «плохими» объектами и внутренним хаосом. Контроль сфинктера убеждает ребенка в том, что он способен контролировать и свои внутренние объекты и опасности. Сами экскременты, кроме того, служат доказательством против фантастических страхов перед их деструктивными качествами. Теперь они могут быть извергнуты по требованию матери или няньки, которые, показывая свое одобрение ситуации, в которой происходит испражнение, также, по мнению ребенка, одобряют и саму природу испражнений, тем самым превращая их в «хорошие».

Результатом этого является возникающее у младенца ощущение, что возможно устранение того ущерба, который в его агрессивных фантазиях был нанесен экскрементами его внутренним и внешним объектам. Таким образом усвоение навыков чистоплотности ослабляет чувство вины и приносит удовлетворение стремлению к репарации.

Обсессивные механизмы образуют важную часть Эго-развития. Они дают Эго возможность временно сдерживать тревогу. Это, в свою очередь, помогает Эго достигнуть более высокого уровня интеграции и окрепнуть. Следовательно, постепенно становится возможным преодоление, ослабление и модификация тревоги. Однако обсессивные механизмы являются только одной из защит, действующих на этом этапе. Если они чрезмерны и постепенно становятся основной защитной стратегией, это может быть воспринято как доказательство неспособности Эго эффективно справиться с тревогой психотической природы, и служит доказательством того, что у ребенка развивается серьезный обсессивный невроз.

Другие фундаментальные перемены в защитах характеризуют тот период, когда набирает силу генитальное либидо. Как мы уже видели, когда это случается, Эго уже более интегрировано, адаптация к реальности более совершенна, функция сознания расширена, Супер-Эго тоже более интегрировано; происходит более полный синтез бессознательных процессов, т. е. процессов, происходящих внутри бессознательной части Эго и Супер-Эго; становятся более отчетливыми разграничения между сознательной и бессознательной частями психики. Эти шаги в развитии делают возможным доминирующее положение вытеснения среди других защит.

Существенным фактором вытеснения является запрещающий и штрафующий аспект Супер-Эго, аспект, усиливающийся в результате прогресса в организации Супер-Эго. Требования не допускать в сознание некоторые импульсы и фантазии как агрессивной, так и либидинозной природы, выдвигаемые Супер-Эго, легче воспринимаются Эго из-за того, что его развитие происходило параллельно с интеграцией и ассимиляцией Супер-Эго.

В предыдущем разделе я описывала, как в течение первых месяцев жизни Эго подавляет инстинктивные желания, первоначально под давлением тревоги преследования, а немного позднее — под давлением депрессивной тревоги. Дальнейшее развитие торможения инстинктов происходит тогда, когда Эго становится способным использовать вытеснение.

Ранее мы рассмотрели пути, которыми Эго использует расщепление в течении параноидно-шизоидной стадии.

Механизм расщепления лежит в основании вытеснения (что и подразумевается во фрейдовской концепции), но в противоположность ранним формам расщепления, которые приводят к состоянию дезинтеграции, вытеснение обычно не приводит к дезинтеграции самости. Ввиду того, что на этой стадии существует более высокоуровневая интеграция, как в сознательной, так и в бессознательной части психики, и так как в вытеснении

расщепление преимущественно осуществляется в разделении сознательного и бессознательного, ни одна из частей самости не испытывает той меры дезинтеграции, которая могла бы возникнуть на более ранних этапах. Однако степень, в которой процессы расщепления использовались в первые несколько месяцев жизни младенца, существенно влияет на использование вытеснения на более поздних стадиях. В случае, если ранние шизоидные механизмы и тревоги не были успешно преодолены, вместо проницаемой и текучей границы между сознанием и бессознательным получается ригидный барьер, что свидетельствует о чрезмерности вытеснения и, соответственно, о нарушении развития. При умеренном вытеснении, с другой стороны, более вероятно, что сознание и бессознательное будут «проницаемы» друг для друга, а следовательно, импульсы и их последствия будут в какой-то мере допущены к выходу из бессознательного и, возникая раз за разом, будут подвергнуты Эго процедуре отбора и сортировки. Выбор импульсов, фантазий и мыслей, которые должны подвергнуться вытеснению, зависит от возрастающей способности Эго воспринимать стандарты внешних объектов. Эта способность сцеплена с увеличением синтеза внутри Супер-Эго и ростом ассимиляции Эго в Супер-Эго.

Перемены в структуре Супер-Эго, происходящие постепенно и во всех отношениях связанные с развитием Эдипова комплекса, вносят свой вклад в то, что Эдипов комплекс постепенно угасает, давая начало латентному периоду. Другими словами, прогресс в либидинозной организации и различные механизмы регулирования, делающие Эго более совершенным, тесно связаны с модификацией тревоги преследования и депрессивной тревоги, которые вызываются переведенными во внутренний план родительскими образами; модификация тревоги подразумевает увеличение надежности и безопасности внутреннего мира.

Перемены, характеризующие начало латентного периода и рассматриваемые в свете модификации тревоги, могут быть обобщены следующим образом: отношение к родителям более надежное и безопасное; интроецированные родители более точно соответствуют образу реальных родителей; их стандарты, замечания и штрафные санкции восприняты и интернализированы, следовательно, вытеснение Эдиповых желаний более эффективно. Все это представляется кульминационным пунктом в развитии Супер-Эго, который является результатом процессов, происходящих в течение первого года жизни.

Заключение

В данной работе я детально обсудила первые шаги в преодолении депрессивной позиции, которые служат отличительным признаком второй половины первого года жизни ребенка. Мы видели, что на самой ранней стадии, когда доминирует тревога преследования, объекты младенца воспринимаются с примитивной тревогой преследования; они пожирают, разрывают, отравляют, затопляют, что является результатом проекции разнообразных оральных, анальных, уретральных желаний и фантазий ребенка как на внешние, так и на внутренние объекты. Картина этих объектов изменяется шаг за шагом по мере развития процессов модификации тревоги и усовершенствования либидинозной организации, происходящих в психике ребенка.

Его отношение как ко внутреннему, так и к внешнему миру совершенствуется одновременно; взаимная зависимость между этими отношениями подразумевает изменения в процессах интроекции и проекции, которые являются существенными факторами ослабления тревоги преследования и депрессивной тревоги. Все это приводит

к возрастанию способности Эго ассимилировать Супер-Эго, и таким образом к росту силы Эго.

С достижением стабилизации некоторые фундаментальные факторы подвергаются переменам. Я не затронула этого момента в развитии Эго, которое, как я пыталась показать, на каждом своем шагу тесно связано с эмоциональным развитием и модификацией тревоги, — переменами, происходящими в бессознательном, и теперь хочу подчеркнуть этот момент. Эти перемены, я думаю, станут более понятны, если мы свяжем их с происхождением тревоги. В этом вопросе я отсылаю читателей к моему утверждению о том, что деструктивные импульсы (инстинкт смерти) являются первичным фактором, обуславливающим тревогу.

Жадность возрастает по мере роста недовольства и ненависти, т. е. проявлений деструктивного влечения; но эти проявления, в свою очередь, подкрепляются тревогой преследования. Когда в ходе развития тревога ослабевает и более надежно держится в рамках, то же самое происходит с обидой и с ненавистью, а это, в конечном счете, приводит к уменьшению амбивалентности. Если выразить это в терминах влечений, получится следующее: когда младенческий невроз проходит свое развитие, т. е. когда тревога преследования и депрессивная тревога уже уменьшены и подвергнуты модификации, изменяется равновесие в слиянии двух влечений (влечения к жизни и влечения к смерти) и, следовательно, в слиянии либидо и агрессии. Это подразумевает важные перемены в бессознательных процессах, т. е. в структуре Супер-Эго и в сфере бессознательной (как и сознательной) части Эго.

Как мы уже видели, колебания между либидинозными позициями и между прогрессом и регрессией, которые так характерны для первого года, нераздельно связаны с чередованиями тревоги преследования и депрессивной тревоги, возникающими в раннем детстве. Эти тревоги, следовательно, являются не только существенным фактором в процессах фиксации и регрессии, но и кроме того влияют на ход психического развития.

Предпосылкой нормального развития является то, что во взаимодействии между регрессией и движением вперед уже достигаются и удерживаются фундаментальные аспекты развития. Иначе говоря, процесс интеграции и синтеза не является основным и постоянно нарушается; если тревога постепенно модифицируется, прогресс будет преобладать над регрессией, и в ходе развития и преодоления младенческого невроза будет заложен базис психической стабильности.

Примечания к разделу 1

Маргарет М.А. Риббли описывает наблюдения, произведенные ею над 500 младенцами («Младенческий опыт и его связь с развитием личности», 1944) и некоторые из выражаемых ею точек зрения дополняют мои выводы, являющиеся результатом анализа маленьких детей.

Так, в отношении к матери с самого начала жизни она особо подчеркивает потребность младенца быть окруженным материнским уходом, которая не ограничивается одним лишь удовлетворением от сосания. На странице 631 она пишет: «Многие из качеств и свойств личности ребенка зависят от его эмоциональной привязанности к матери. Эта привязанность (которую, используя психоаналитический термин, можно назвать «катексисом» матери) постепенно вырастает из удовлетворения, получаемого от нее. Мы

изучили природу этого развивающегося отношения, которое так неуловимо, но тем не менее так существенно в своих деталях. Первоначально в его формирование вносят вклад три типа сенсорного опыта и переживаний, а именно, тактильный, кинестетический (т. е. чувство положения тела) и опыт звуковой чувствительности. Развитие этих сенсорных способностей было отмечено почти всеми, кто наблюдал за поведением и детей, <...> но не было подчеркнуто их особое значение для личных отношений между матерью и ребенком».

Важность «личных» отношений для физического развития ребенка подчеркивается ею в разных местах книги; например, на стр. 630 она говорит: «... наиболее тривиальные нарушения норм в уходе за ребенком, такие как слишком малый уход, или смены няnek, или перемены в общем режиме часто приводят к таким расстройствам, как бледность, нерегулярное дыхание, расстройства пищеварения. У младенцев, конституционально чувствительных или имеющих нездоровую организацию, эти расстройства, если они слишком часты, могут надолго изменить ход развития (органического и психического) и нередко угрожают и самой жизни».

В другом месте автор обобщает эти расстройства следующим образом (стр. 630): «Младенец, ввиду несовершенства его мозга и нервной системы, постоянно подвергается опасности функциональной дезорганизации. Внешняя опасность заключается во внезапной сепарации от матери, которая то ли интуитивно, то ли сознательно должна поддержать это функциональное равновесие. Запущенность или недостаток любви могут быть в равной мере губительны. Внутренне опасность проявляется в повышении напряжения, вызываемого биологическими потребностями и неспособностью организма удержать свою внутреннюю энергию или метаболическое равновесие и рефлекторную возбудимость. Может обостриться кислородное голодание, т. к. дыхательная система маленького ребенка еще недостаточно развита для того, чтобы адекватно работать в ситуации возрастающих внутренних требований, обусловленных быстрым развитием мозговых тканей».

Эти функциональные расстройства, которые, согласно М.А. Риббли, могут доходить до угрожающего жизни уровня, могут быть проинтерпретированы как проявление инстинкта смерти, который, согласно Фрейдю, прежде всего направлен против самого организма («По ту сторону принципа удовольствия»). Я утверждаю, что эти опасности, возбуждаемые страхом уничтожения, смерти, являются первичной причиной тревоги. Тот факт, что биологические, физиологические и психологические факторы связаны с самого начала жизни, иллюстрируемая наблюдениями М.А. Риббли. Я, в продолжение этого, делаю вывод, что последовательность матери, ее константное присутствие, которые укрепляют либидинозное отношение ребенка к ней (и которое для детей «конституционально чувствительных или имеющих нездоровую организацию» существенным образом важно даже для того, чтобы выжить), служит опорой для инстинкта жизни в его борьбе с инстинктом смерти. В настоящем разделе и в разделе VIII я обсудила этот момент более полно.

Другой проблемный вопрос, в котором выводы Риббли и мои совпадают, касается перемен, происходящих, по ее описанию, приблизительно на третьем месяце жизни ребенка. Эти перемены могут быть рассмотрены в качестве физиологического дополнения тех изменений в эмоциональной жизни, которые я описываю как начало депрессивной позиции. Она говорит (стр. 643): «В это время взаимосогласованные деятельности — дыхание, пищеварение и циркулирование крови начинают демонстрировать значительную стабильность, тем самым показывая, что автономная нервная система приняла на себя эти специфические функции. Из анатомии мы знаем, что зародышевые системы циркуляции

обычно к этому времени сходят на нет... Где-то в это время типично взрослые паттерны мозговых волн начинают возникать на электро-энцефалограмме... и они, вероятно, индуцируются более зрелой формой мозговой активности. Поток эмоциональных реакций, не всегда хорошо дифференцированных, но ясно выражающих позитивное или негативное отношение, охватывает всю моторную систему <...> глаза хорошо фокусируются и способны повсюду следить за матерью <...> слуховые анализаторы функционируют нормально и позволяют различать производимые матерью звуки. Ее голос или вид вызывают позитивный эмоциональный ответ, который раньше выражался только в улыбке и радостном оживлении». Эти перемены, я думаю, тесно связаны с сокращением процесса расщепления и с прогрессом в Эго-интеграции и объектных отношениях, особенно в появлении у ребенка способности воспринимать и интегрировать мать в качестве целостной личности, — и все они описаны мною как происходящие во второй четверти первого года жизни в связи с началом депрессивной позиции.

2

Если эти фундаментальные механизмы в отношениях между Эго и Супер-Эго не имели в достаточной мере места в раннем развитии, то одна из существенных задач психоанализа — дать пациенту возможность сделать это ретроспективно. Это возможно только посредством анализа наиболее ранних стадий развития (наряду с более поздними), и досконального анализа негативного переноса наряду с позитивным. В переменчивой ситуации переноса внешние и внутренние фигуры — хорошие и плохие — которые главным образом формируют развитие Супер-Эго и объектных отношений, будут переноситься на аналитика. Следовательно, временами он должен служить символом пугающей фигуры или фигур, и только таким образом младенческая тревога преследования может быть в полной мере преодолена и ослаблена. Если аналитик склонен подкреплять позитивный перенос, он избегает того, чтобы играть в психике пациента роль «плохой» фигуры и интроецируется преимущественно как «хороший» объект. Кроме того, в некоторых случаях вера в хорошие объекты может быть укреплена в достаточной мере, но при этом очень далека от стабильности, так как пациент не был способен пережить ненависть, тревогу и подозрения, которые на ранних стадиях жизни были связаны и с опасными фигурами его родителей. И только в процессе анализа как негативного, так и позитивного переноса, в результате которого аналитик выступает попеременно то в роли хорошего, то в роли плохого объекта, любимой или ненавидимой фигуры, то вызывая восторг пациента, то рождая в нем страх, пациенту удастся проработать, а следовательно и модифицировать ранние стадии тревог; уменьшается расщепление между плохими и хорошими фигурами, они становятся более синтезированными, т. е. агрессия смягчается благодаря либидо. Иначе говоря, тревога преследования и депрессивная тревога, можно сказать, ослабляются в самом своем основании.

3

Абрахам относит фиксацию либидо на оральном уровне к одному из наиболее существенных факторов в этиологии меланхолии. В отдельном случае он описывает эту фиксацию следующим образом: «В его депрессивных состояниях он превозмогал их благодаря страстному стремлению к материнской груди, стремлению, которое было неопишимо мощным и отличным от всего остального. Если либидо остается фиксированным на этой точке с повзрослением индивида, можно считать, что заложена

одна из основных предпосылок развития меланхолической депрессии» («Избранные труды», с. 458).

Абрахам привел достаточные основания в доказательство своих выводов, проливающих больше света на связь между меланхолией и нормальной скорбью, приводя выдержки из двух историй болезни. Это были действительно первые два случая маниакально-депрессивного заболевания, подвергнутые полному, законченному анализу — новая ступень в развитии психоанализа. До этих пор не так много публиковалось клинических материалов в поддержку фрейдовской теории в исследовании меланхолии. Как говорил сам Абрахам (с. 433—434): «Фрейд в общем описал очертания психосексуальных процессов, происходящих в психике меланхолика. Он был способен добиться интуитивных представлений о них из лечения случайно попадавшихся ему депрессивных пациентов, но и до сих пор не так много в литературе по психоанализу публикуется клинических материалов в поддержку его теории».

Но даже на примере этих нескольких случаев Абрахам пришел к пониманию того, что уже в детстве (в возрасте 5 лет) присутствовало действительное состояние меланхолии. Он говорил, что склонен рассматривать это как случай «*primal parathymia*», являющегося результатом Эдипова комплекса мальчика-пациента и делал следующий вывод: «Это является тем состоянием психики, которое мы называем меланхолией» (с. 469).

Шандор Радо в своей работе «Проблема меланхолии» (1928) пошел дальше и высказал предположение, что источник меланхолии может быть обнаружен в ситуации голода грудного ребенка. Он писал: «Наиболее глубокая точка фиксации в депрессивной диспозиции может быть обнаружена в ситуации угрозы потери любви (Фрейд), а более конкретно — в ситуации голода ребенка грудного возраста». Ссылаясь на утверждение Фрейда о том, что в мании Эго еще раз сливается с Супер-Эго в единое целое, Радо сделал вывод, что «этот процесс является точным интра-психическим повторением переживания такого слияния с матерью, которое имело место во время кормления грудью». Тем не менее, Радо не применил этого вывода к эмоциональной жизни младенца, он рассматривал свое умозаключение только в русле понимания этиологии меланхолии.

4

Картина первых шести месяцев жизни, которую я наметила в общих чертах в этих двух подразделах, включает модификацию некоторых концепций, намеченных мною в работе «Психоанализ детей». Там я описывала слияние агрессивных импульсов, происходящих от разных источников, как «фазу максимального садизма». Я по-прежнему верю, что агрессивные импульсы достигают своего наивысшего накала в течение этого периода доминирования тревоги преследования; или, иначе говоря, что тревога преследования стимулируется деструктивным инстинктом и постоянно подпитывается благодаря проекции деструктивных импульсов на объект. Можно считать отличительной особенностью тревоги преследования то, что она увеличивает ненависть и атаки на те объекты, которые ощущаются преследователями, и в то же время это, в свою очередь, укрепляет чувство преследования.

Некоторое время спустя после опубликования «Психоанализа детей» я разработала концепцию депрессивной позиции. С моей нынешней точки зрения ситуация видится мне так: по мере продвижения в развитии объектных отношений между тремя и шестью месяцами ослабевают как деструктивные импульсы, так и тревога преследования и на

первое место выходит депрессивная тревога. И так, хотя мои взгляды на тесную связь между преобладанием садизма и тревогой преследования и не изменились, я должна все же внести небольшие изменения в том, что касается датировки. Раньше я считала, что фаза максимального садизма достигает своего крайнего предела где-то около середины первого года; теперь я считаю, что она растянута на три первых месяца жизни и соответствует параноидно-шизоидной позиции, которая описана в первой секции этого раздела. Если мы допускаем существование некоторой (индивидуально варьирующейся) общей суммы агрессии у маленького ребенка, то ее величина, я думаю, в самом начале постнатальной жизни не может быть меньше, чем на стадии, когда каннибалистические, уретральные и анальные импульсы и фантазии действуют в полную силу. Пользуясь только терминами количества (что, однако, было бы не совсем верно, т. к. не берутся в расчет различные другие (неколичественные) факторы, детерминирующие действие двух основных влечений), можно сказать, что по мере того, как увеличивается количество источников агрессии и становится возможным все большее число ее проявлений, происходит процесс ее распределения. Развитию свойственно постепенное введение в игру возрастающего числа склонностей. Факт того, что импульсы и фантазии, происходящие из различных источников, частично перекрываются, взаимодействуют и подкрепляют друг друга, тоже может быть рассмотрен как выражение прогресса интеграции и синтеза.

К тому же слияние агрессивных импульсов и фантазий согласовывается со слиянием оральных, анальных и уретральных фантазий либидинозной природы. Это означает, что противостояние либидо и агрессии завершается на более широком поле. Как сказано в моей работе «Психоанализ детей» (с. 212): «Возникновение тех этапов в организации, к которым мы подступили, связано, я бы сказала, не только с теми позициями, которые либидо отвоевало и на которых утвердилось в своей борьбе с влечением к смерти, но и, поскольку два этих компонента навечно объединены в той же мере, что и противопоставлены, с возрастающим взаимодействием между ними».

Способность ребенка занимать депрессивную позицию и образовывать целостные объекты внутри себя подразумевает, что он уже не так сильно подчинен господству деструктивных импульсов и тревоги преследования, как на более ранней стадии. Возрастание интеграции вызывает изменения в природе тревоги, т. к., когда любовь и ненависть в отношении к объекту становятся более синтезированными, это рождает огромную душевную боль — депрессивные чувства и вину. Ненависть в некоторой степени смягчается любовью, результатом этого является изменение качества эмоций по отношению к объекту. В то же время прогресс в интеграции и объектных отношениях позволяет Эго развивать более эффективные методы противодействия тревоге и деструктивным импульсам, служащим ее причиной. Однако мы не должны забывать о значении того факта, что садистические импульсы, особенно с тех пор, как они действуют сразу в различных зонах, являются наиболее мощным фактором в конфликтах, возникающих у ребенка на этой стадии; по сути, депрессивная позиция состоит в тревоге ребенка, связанной с тем, как бы не повредить или не уничтожить своим садизмом любимые им объекты.

Эмоциональные и психические процессы в течение первого года жизни (продолжающиеся на протяжении первых 5—6 лет), могут быть определены в понятиях успеха-неудачи в борьбе между агрессией и либидо; преодоление депрессивной позиции подразумевает, что в этой борьбе (которая возобновляется с каждым психическим или физическим кризисом) Эго оказывается способно развить адекватные способы противодействия модифицированным тревогам (тревогам преследования и депрессивным тревогам), а в

конечном итоге — методы ослабления и удержания в разумных пределах агрессии, направленной на любимые объекты.

Я предпочитаю термин «позиция» при упоминании о параноидной и депрессивной фазе из-за того, что эти группировки тревог и защит, хоть и появляются впервые на самых ранних стадиях, но не ограничиваются их пределами, а снова и снова возникают в течение первых лет детства и, при определенных обстоятельствах, в ходе всей позднейшей жизни.

7. О наблюдении за поведением младенцев

I

Теоретические заключения, представленные в предыдущих главах, своим происхождением обязаны психоаналитической работе с маленькими детьми.

Следовательно, мы вправе ожидать подкрепления этих теоретических выводов наблюдениями, полученными в ходе изучения поведения детей в течение первого года их жизни. Доказательства такого рода имеют однако определенные ограничения. Мы хорошо знаем, что бессознательные процессы лишь частично отражаются в поведении как взрослого человека, так и ребенка. Памятуя об этой оговорке, мы можем приступить к рассмотрению некоторых свидетельств, говорящих в пользу психоаналитических толкований определенных аспектов поведения младенцев.

Многие детали детского поведения, ранее ускользавшие от внимания или остававшиеся для нас загадочными, становятся более понятными и значимыми благодаря росту наших знаний о ранних бессознательных процессах. Иначе говоря, наша способность к наблюдению за процессами, происходящими в этой специфической сфере, за последнее время значительно возросла. Вне сомнений, наши исследования поведения младенцев в большой мере осложнены тем обстоятельством, что дети этого возраста еще не умеют говорить. Тем не менее, существует множество деталей раннего эмоционального развития, выражающихся неязыковыми средствами. Задача понимания маленького ребенка все же требует не только возросших знаний, но и полного взаимопонимания, основывающегося на соприкосновении нашего и его бессознательного.

Сейчас я предлагаю рассмотреть некоторые детали детского поведения в свете теоретических представлений, отраженных в предшествующих главах этой книги. Поскольку здесь я мало буду принимать в расчет то огромное количество вариаций, которое существует в рамках фундаментальных подходов, мои описания будут скорее слишком упрощенными, чем чрезмерно усложненными. К тому же, все выводы, которые я буду делать относительно дальнейшего развития следует рассматривать, принимая во внимание следующие соображения. С самого начала постнатальной жизни и на любой из последующих стадий развития внешние факторы оказывают воздействие на результат развития. Как мы знаем, даже у взрослого человека установки и характер могут испытывать на себе благоприятное или неблагоприятное воздействие влияния окружения и обстоятельств. В значительно большей мере это применимо к младенческой психике. Следовательно, в отношении тех умозаключений и выводов, которые я делаю на основании психоанализа маленьких детей, можно сказать, что я лишь предполагаю определенную возможность, или, говоря иначе, вероятную линию развития.

Новорожденный младенец страдает от тревоги преследования, которую пробуждают процесс рождения и утрата внутриутробного состояния. Затянувшиеся или чем-либо осложненные роды усиливают эту тревогу. Другой аспект данной ситуации опасности (anxiety - situation) заключается в давящей на ребенка необходимости адаптироваться к совершенно новым условиям.

Эти чувства в определенной мере смягчаются ощущениями тепла, поддержки и спокойствия, а также ощущением удовлетворения от принятия пищи и сосания груди. Опыт такого рода, кульминацией которого является первое прикладывание к груди, согласно нашим представлениям, становится основой отношения к «хорошей» матери. Создается впечатление, что подобного рода удовлетворение, получаемое ребенком,

направлено еще и на возмещение утраты внутриутробного состояния. Начиная с этого первого опыта кормления, и в течение дальнейшего развития утрата и возвращение объекта, к которому испытывается любовь (хорошей груди), продолжает оставаться одной из наиболее существенных составляющих эмоциональной жизни младенца.

Отношение младенца к его первому объекту, матери, с самого начала развития тесно связано с отношением ребенка к еде. Следовательно, изучение базовых паттернов установок в отношении пищи представляется наилучшим подходом к проблеме понимания маленьких детей.

Первоначальная установка в отношении пищи колеблется в пределах от видимого отсутствия жадности до величайшей алчности. Кратко обобщу некоторые из выводов, сделанных мною в отношении жадности. В предыдущих разделах я высказала предположение о том, что жадность возникает в процессе взаимодействия либидинозных и агрессивных импульсов в тот момент, когда последние начинают преобладать. Жадность с самого начала может возрастать под влиянием тревоги преследования. С другой стороны, как я уже говорила, наиболее ранние пищевые торможения, встречающиеся у маленьких детей, тоже могут быть объяснены действием тревоги преследования. Это означает, что тревога преследования в некоторых случаях способна увеличивать жадность, а в других — тормозить ее. Поскольку жадность является врожденным компонентом первых желаний, связанных с грудью, она оказывает чрезвычайно важное влияние на отношение к матери и на общий характер объектных отношений.

II

Существенные различия в установках в отношении сосания обнаруживаются у детей уже в течение первых нескольких дней жизни и с ходом времени они становятся все более определенными и отчетливыми. Мы должны, конечно, не упускать из вида тот факт, что и матери младенца присущи определенные особенности индивидуального стиля ухода за ребенком и кормления. Легко заметить, что изначально многообещающая установка на прием пищи может быть подорвана неблагоприятными условиями кормления, тогда как сложности с сосанием, возникающие у детей, зачастую могут быть смягчены или преодолены благодаря материнской любви и терпению. Некоторые дети, демонстрируя отличный аппетит, не проявляют однако признаков жадности. Такие младенцы подают безошибочно узнаваемые знаки любви к своей матери. Их интерес к матери начинает развиваться на очень ранних стадиях и представляет собой установку, содержащую некоторые из элементов, составляющих сущность объектного отношения. Мне приходилось наблюдать детей, которые уже в возрасте около трех недель прерывали сосание для того, чтобы какое-то непродолжительное время поиграть с материнской грудью или посмотреть на лицо матери. Я также заметила, что некоторые младенцы уже в возрасте двух месяцев способны, лежа у матери на коленях и бодрствуя после еды смотреть на мать, слушать ее голос и отвечать на него изменением выражения лица. Это общение очень напоминает любовную беседу между матерью и ребенком. Такое поведение среди прочего подразумевает и то, что ребенок связывает получаемое им удовлетворение в равной мере и с самой пищей, и с объектом, эту пищу дающим. Заметные признаки объектного отношения на этой ранней стадии, в сочетании с удовлетворением, которое ребенок получает от пищи, на мой взгляд, являются хорошим предзнаменованием, говорящим в пользу того, что и будущие отношения с людьми и общее эмоциональное развитие младенца должны протекать нормально. Мы можем

предположить, что у таких детей тревога, в сравнении с силой Эго, не является чрезмерной, т. е. их Эго уже в какой-то мере способно выдерживать и переносить фрустрацию и тревогу, справляться с ними. В то же время мы вынуждены предположить, что врожденная способность любить, которая проявляется в раннем объектном отношении, из-за отсутствия чрезмерной тревоги всего лишь получает возможность свободного развития. Под этим углом зрения любопытно будет рассмотреть поведение некоторых младенцев, описанное Миддлмор, и получившее название «ленивое сосание» (sleepy satisfied suckling). Миддлмор объясняла их поведение следующим образом: «поскольку у этих детей сосательный рефлекс не установился тотчас же после рождения, они получают возможность подходить к груди самыми разными способами». Эти младенцы уже к четвертому дню своей жизни кушали очень спокойно и размеренно. Их отличал очень нежный и осторожный подход к груди. «...Создавалось впечатление, что лизание и жевание соска доставляло им столько же удовольствия, сколько и само сосание. Интересным последствием такого раннего распространения приятных ощущений была привычка играть. Один из детей каждый раз во время кормления начинал играть с соском, и предпочитал это занятие самому сосанию. В течение третьей недели жизни ребенка его маме все же удалось перенести ставшую привычной для ребенка игру на конец кормления. Такой порядок сохранялся на всем протяжении грудного вскармливания, к обоюдному удовольствию матери и младенца». Поскольку «ленивые» (sleepy satisfied) младенцы даже становясь отличными «едоками» не оставляли своей привычки играть с грудью, я вынуждена предположить, что в данном случае отношение к объекту с самого начала развития оказалось столь же значимо, как и удовлетворение, получаемое от сосания груди и приема пищи. То, что у некоторых детей сосательный рефлекс не формируется непосредственно после рождения, во многом объясняется причинами соматического характера. Существуют однако достаточные основания для того, чтобы предположить участие некоторых психических процессов в задержке такого рода. Я склонна предполагать, что описанный нежный и осторожный подход к груди, служащий некоторой прелюдией удовлетворения, получаемого от сосания, может в той или иной мере являться результатом переживаемой младенцем тревоги. В предыдущих разделах я неоднократно высказывала предположение о том, что встречающиеся у маленьких детей проблемы с сосанием могут быть тесно связаны с тревогой преследования. Материнская грудь под воздействием направленных на нее агрессивных импульсов превращается в сознании младенца в вампироподобный пожирающий объект. Тревога преследования затормаживает жадность, а вместе с ней угасает и желание сосать. Я предположила, что «младенцы мало удовлетворяющиеся сосанием» в основании своего поведения могут иметь тревогу, заставляющую их сдерживать желание сосать до тех пор, пока, благодаря лизанию и жеванию соска, не сформируется устойчивого либидинозного отношения к груди. Говоря это, я подразумеваю, что с самого начала постнатальной жизни некоторые из детей предпринимают попытки противодействовать тревоге преследования, связанной с «плохой» грудью, формируя «хорошее» отношение к груди. Дети, демонстрирующие способность формировать такого рода отношение на столь ранних этапах развития, по-видимому, обладают сильной способностью любить.

Не лишним будет под этим же углом зрения рассмотреть и другую описанную Миддлмор группу младенцев. Согласно ее наблюдениям, четыре из семи «активно получающих удовлетворение от сосания младенцев» были склонны кусать сосок. Миддлмор говорит, что такие дети «кушали сосок отнюдь не в попытке лучше удержать его. В большинстве случаев ничто не затрудняло доступа к груди». Далее она говорит: «... активные младенцы, наиболее часто кусавшие сосок, казалось, даже получали от этого своего рода удовольствие. Их укусы были неторопливы и очень отличались от беспокойного жевания и покусывания, производимого неудовлетворенным ребенком». Такие ранние проявления, говорящие о получении ребенком удовлетворения от кусания, приводят нас к мысли о

том, что деструктивные импульсы этих младенцев ничем не подавляются. Деструктивные импульсы необузданны, следовательно, жадность и либидинозное желание сосать тоже остались незатронутыми. Однако даже эти младенцы были не так несдержанны, как может показаться, поскольку оставшиеся три младенца «настойчиво отвергли несколько первых попыток покормить их, борясь и протестуя криком. Временами они кричали от самого нежного прикосновения. Кормление часто совпадало с испражнением. Во время же следующего кормления такие младенцы неожиданно демонстрировали невероятную поглощенность сосанием» (с. 47—48). Это, на мой взгляд, является свидетельством способности тревоги усиливать жадность, в противоположность способности сдерживать и ограничивать ее, хорошо заметной на примере «лениво сосущих младенцев».

Миддлмор упоминает о том, что из семи «лениво сосущих младенцев», по ее наблюдениям, у шести были очень нежно ухаживавшие за ними мамы. У тех же детей, которые были «неспокойными» мамы часто становились все более тревожными, что, естественно, не могло не отразиться на детях. Таким образом возникал порочный круг.

Что же касается «лениво сосущих младенцев», то в этом случае складывается следующая ситуация: отношение к первому объекту используется такими детьми в качестве базового метода противодействия тревоге. Вполне очевидно, что любые нарушения в отношении к матери неизбежно повлекут за собой рост тревоги и могут привести к серьезным проблемам с приемом пищи. Создается впечатление, что позиция и отношение матери куда менее значимы в случае «активно удовлетворяющихся младенцев», но это впечатление может быть обманчиво. На мой взгляд, основная опасность, подстерегающая этих детей, заключается не в возникновении пищевых расстройств (хотя мы можем наблюдать задержки в этой сфере даже у самых жадных младенцев), а в нарушении самого объектного отношения.

Вывод, который мы можем сделать из всех этих рассуждений, формулируется следующим образом: в процессе ухода за любым ребенком, с самых первых дней его жизни и на всех последующих этапах, терпение и понимание со стороны матери имеет огромное значение. По мере роста наших знаний о ранней эмоциональной жизни это становится все более очевидно. Как я уже подчеркивала, «... тот факт, что хорошее отношение к матери и внешнему миру помогает ребенку преодолеть ранние параноидные тревоги, проливает свет на значимость раннего опыта. С момента своего возникновения психоанализ подчеркивал важность раннего опыта ребенка. Однако, на мой взгляд, лишь сейчас мы получили возможность больше узнать о природе и содержании ранних тревог, о непрерывном взаимодействии актуального опыта и фантазийной жизни. Только теперь мы способны полностью понять, почему внешние факторы столь важны».

На каждом из этапов развития тревога преследования и депрессивная тревога могут быть увеличены или, наоборот, ослаблены, в зависимости от характера материнского отношения. Степень, в которой помогающие или преследующие фигуры доминируют в бессознательном младенца, подвержена сильному влиянию со стороны его актуального окружения. Подобное влияние прежде всего оказывает мать, а также отец и другие члены семьи.

III

Уникальные отношения, существующие между матерью и маленьким ребенком, центрированы на отношении младенца к материнской груди. С самых первых дней и в

ходе дальнейшего развития ребенок воспринимает и другие характерные черты матери — ее голос, лицо, ее руки. Он реагирует на них базовыми переживаниями любви, счастья, фрустрации, ненависти и неразрывно связывает этот опыт с образом материнской груди. Такая связь с матерью, крепнущая по мере того, как грудь все более надежно основывается во внутреннем мире ребенка, оказывает фундаментальное влияние на все другие отношения, в первую очередь, на отношение к отцу. Именно она лежит в основании способности формировать глубокую и сильную привязанность к другому человеку.

В том случае, если ребенок вскармливается искусственно, бутылочка способна занять место груди, при условии, что ситуация кормления максимально приближена к грудному кормлению. Условиями такого приближения является тесный физический контакт матери и младенца, нежность и любовь, чувствующиеся в том, как мать кормит ребенка и ухаживает за ним. При наличии такого рода условий ребенок получает возможность сформировать внутри своей психики объект, являющийся, согласно его ощущениям, первоисточником всего хорошего. В этом смысле ребенок принимает и делает частью своей психики хорошую грудь. Процесс интернализации груди предполагает существование безопасного отношения к матери. Не исключено, однако, что процесс интроекции хорошей груди (хорошей матери) у детей, вскормленных искусственным и естественным путем может иметь свои специфические различия. Тема эта выходит за рамки материала, обсуждаемого в данном разделе (см. Дополнительные примечания в конце главы).

В описаниях ранних объектных отношений я уже упоминала о детях, которые обладая хорошим аппетитом не проявляют признаков чрезмерной жадности. Некоторые из очень жадных детей тоже демонстрировали признаки развития у них интереса к людям. В интересе таких детей легко узнавались установки, очень напомилавшие их жадную позицию в отношении пищи. Например, бурная потребность в присутствии родителей часто оказывалась в большей мере связана с желанием находиться в центре внимания, чем с самими фигурами родителей. Такие дети очень тяжело переносили одиночество, и, кажется, непрерывно требовали удовлетворения то ли посредством пищи, то ли посредством требуемого от окружающих внимания. Это свидетельствует о том, что жадность подкрепляется тревогой, и о том, что как попытка построения доверительного отношения к матери, так и попытка образования во внутреннем мире безопасного и хорошего объекта потерпели неудачу. Ребенок не может доверять матери как хорошему и безопасному внешнему объекту. Подобная неудача может предвещать будущие сложности, с которыми столкнется ребенок, превратившись во взрослого человека. Например, жадная и тревожная потребность в обществе, часто сопровождаемая страхом остаться в одиночестве, может привести к формированию нестабильных и преходящих объектных отношений, которые можно описать как «беспорядочные» (*promiscuous*).

IV

Вернемся к тем детям, которые плохо едят. Очень медленный прием пищи часто говорит о том, что ребенок испытывает недостаток наслаждения, т. е. либидинозного удовлетворения, получаемого в результате кормления. Подобная ситуация, в сочетании с ранним и очевидным проявлением интереса к матери и другим людям говорит о том, что объектные отношения частично используются младенцем как средство избавления от тревоги преследования, связанной с питанием. И хотя эти дети могут развивать хорошее отношение к людям, чрезмерная тревога, проявляющаяся в отношении к пище,

продолжает оставаться серьезной угрозой их эмоциональной стабильности. Одним из нарушений, которые могут возникнуть впоследствии, является задержка в сфере усвоения более возвышенной, «духовной пищи» — иначе говоря, нарушения в ходе интеллектуального развития.

Очевидный отказ от пищи (в отличие от вялого приема пищи) является надежным признаком серьезного нарушения в развитии младенца. Тем не менее у некоторых детей эта проблема снимается (частично или полностью) в результате подмены предлагавшейся ранее пищи новой, например, предложения бутылочки вместо груди или твердой пищи вместо жидкой.

Отсутствие достаточного удовлетворения от приема пищи или полный отказ от нее в сочетании с дефицитом в развитии объектных отношений показывает, что достигающие пика своей силы в течение первых трех-четырёх месяцев жизни ребенка параноидные и шизоидные механизмы являются чрезмерными, и что Эго оказалось неспособно адекватно справиться с ними. Это, в свою очередь, говорит о доминировании деструктивных импульсов и тревоги преследования, о неадекватности защит, развиваемых Эго, и неудовлетворительной модификации тревоги.

Другим типом дефицитных объектных отношений является картина, характерная для некоторых чрезвычайно жадных младенцев. У таких детей пища превращается в почти единственный источник получения удовлетворения. Окружающие ребенка люди постепенно интересуют его все меньше. В этом случае тоже можно говорить об отсутствии вполне успешного преодоления параноидно-шизоидной позиции.

V

Реакция маленького ребенка на фрустрацию доступна наблюдению. Некоторые дети, в том числе и хорошие «едоки», могут отказываться от пищи, когда кормление задерживается, или подавать другие знаки нарушений в отношении к матери. Те дети, которые способны получать удовольствие от приема пищи и от любви, которую дарит им мать, переносят фрустрацию в отношении пищи значительно легче. Возникающее в ее результате нарушение отношения к матери не столь серьезно, а его влияние сохраняется не так долго, как в случае детей, не воспринимающих мать в качестве безопасного и хорошего внешнего объекта. Это является надежным свидетельством в пользу того, что доверие к матери и любовь к ней сформированы сравнительно хорошо.

Эти фундаментальные установки оказывают серьезное влияние даже у самых маленьких детей на отношение к кормлению из бутылочки. В данном случае я говорю как об искусственном вскармливании, дополняющем естественное, так и о замещении последнего. Некоторые младенцы переживают сильнейшее чувство обиды, когда им предлагают бутылочку. Согласно их ощущениям, подобная ситуация равнозначна утрате первичного хорошего объекта и лишению, виновницей которого является «плохая» мать. Такого рода чувство не обязательно находят свое проявление в отказе от пищи, предлагаемой вместо привычной. Однако тревога преследования и недоверие, возбужденное этим опытом, способны нарушить отношение ребенка к матери. Следствием этого может оказаться рост фобических тревог, таких, как страх перед незнакомцами (на тех ранних этапах развития, о которых мы ведем речь, новая пища вызывает у младенца именно ощущение «незнакомого»). Сложности могут появиться и на

более поздних этапах развития, например в виде задержек в процессе усвоения духовной пищи — знаний.

Другие дети принимают новую пищу со значительно более слабым чувством обиды. Такое поведение предполагает существование достаточно безопасного отношения к матери, благодаря которому ребенок способен спокойнее переносить лишения, при условии, однако, что он продолжает ощущать материнскую любовь. Подобное отношение позволяет ребенку легче переключиться на новую пищу (и новый объект), в отличие от детей, не обладающих «хорошим» отношением к матери и отвечающих на лишения только демонстрацией покорности и смирения.

Следующие примеры иллюстрируют способы, которыми разные дети реагируют на искусственное питание, дополняющее грудное вскармливание. Девочка А. обладала хорошим аппетитом (не будучи при этом чрезмерно жадной) и достаточно рано начала демонстрировать те признаки развития объектного отношения, которые были описаны мной выше. Хорошее отношение к пище и к матери очевидно проявлялось в неторопливости и размеренности, с которой она кушала, и в том удовольствии, которое она получала от приема пищи. Уже в возрасте нескольких недель она, случалось, прерывала кормление для того, чтобы поднять глаза на материнское лицо или грудь. Немного позднее она очень спокойно и дружелюбно реагировала на присутствие других членов семьи во время вечернего кормления. На шестой неделе мать вынуждена была дополнить вечернее кормление бутылочкой, поскольку ее собственного молока было явно недостаточно. А. приняла бутылочку без возражений. В течение десятой недели она дважды продемонстрировала неохоту есть из бутылочки, но и в первый и во второй раз еду все же закончила. На третий вечер А. совершенно отказалась от вечернего искусственного питания. В это время у ребенка не наблюдалось признаков никаких душевных или физических расстройств. Девочка имела хороший аппетит и отлично спала. Мама, не желая принуждать ребенка, уложила А. после грудного кормления в кроватку, считая, что сама она теперь может идти спать. Девочка начала плакать и кричать от голода, и мать, не вынимая ее из кроватки, дала А. бутылочку с молоком. На этот раз ребенок ел охотно и нетерпеливо. То же самое происходило и в течение нескольких последующих вечеров: находясь на руках у матери, девочка отказалась от бутылочки. Стоило же положить ребенка в кроватку, как он начинал требовать молоко, от которого только что отказывался. По прошествии нескольких дней А. согласилась принять бутылочку, все еще находясь на руках у матери, и на этот раз кушала охотно и с удовольствием. Проблем с искусственным питанием у А. больше не возникало.

Я склонна считать, что в этой ситуации наблюдался рост депрессивной тревоги, который привел к внезапной сильной реакции ребенка на предлагавшуюся сразу после грудного кормления бутылочку. Соответственно, вполне можно предположить раннее начало депрессивной тревоги, в пользу чего свидетельствует и тот факт, что А. достаточно рано и четко сформировала отношение к матери. Изменения в этом отношении стали достаточно заметны уже в течение нескольких недель, предшествовавших отказу от бутылочки. Я прихожу к выводу, что из-за роста депрессивной тревоги близость материнской груди и ее запах увеличивали как желание младенца сосать, так и фрустрацию, обусловленную тем, что грудь не давала молока. Лежа же в кроватке А. принимала бутылочку, на мой взгляд, потому, что в этой ситуации новая пища была для нее чем-то обособленным от желаний, связанных с грудью. Грудь в этот момент превращалась в нечто фрустрирующее и поврежденное. Таким образом А. легче было защитить отношение к матери от враждебности, возбужденной фрустрацией. Иначе говоря, ребенок пытался сохранить хорошую мать (хорошую грудь) неповрежденной.

Все еще не до конца понятно, почему через несколько дней ребенок согласился принять бутылочку, находясь на руках у матери, и впоследствии не сталкивался с проблемами такого рода. Я считаю, что в течение этих дней А. удалось справиться со своей тревогой в такой мере, что она смогла принять замещающий объект наряду с грудью. Это подразумевает, что ей рано удалось сделать шаг в направлении осуществления различения между едой и матерью, различения, имеющего первостепенную важность для развития в общем.

В качестве еще одного примера я хочу привести случай, в котором нарушения в отношении к матери возникли вне непосредственной связи с фрустрацией, обусловленной кормлением. Мама младенца В. рассказала мне, что в возрасте пяти месяцев она оставила плачущего ребенка без внимания дольше, чем обычно. Когда же мать наконец подошла к ребенку и взяла его из кровати на руки, то, по ее словам, младенец находился в «истерическом» состоянии. Ребенок выглядел очень испуганным, боялся и, казалось, не узнавал ее. Только по прошествии какого-то времени младенцу удалось в полной мере восстановить утраченный контакт с матерью. Примечательно, что произошло это в дневное время, когда ребенок не спал, и вскоре после кормления. Этот младенец обычно спал хорошо, но время от времени без видимой причины просыпался и начинал кричать и плакать. Мне кажется, что эти наблюдения представляют собой неплохую почву для предположения о том, что некоторая тревога, служившая истоком плача в дневное время была также и причиной нарушений сна. Я думаю, что поскольку мать не пришла к ребенку в момент, когда он так страстно этого желал, она превратилась в представлении В. в плохую (преследующую) мать. Именно по этой причине ребенок не хотел узнавать мать и явно боялся ее присутствия.

Следующий пример тоже имеет отношение к обсуждаемой нами теме. Двенадцатимесячная девочка С. была оставлена спящей в саду. Она проснулась и криком стала звать мать. Плач ее, однако, не был услышан, поскольку в это время сильно шумел ветер. Когда же мать наконец пришла к ребенку и взяла его на руки, она заметила, что девочка уже давно плачет, ее лицо омыто слезами, а обычно игривый плач превратился в неконтролируемый крик. Мать, все еще плачущей, занесла ее внутрь дома, но все попытки успокоить ребенка окончились неудачей. В конце концов, ввиду того, что приближался час кормления ребенка, мать попыталась предложить ей грудь. Это средство никогда не подводило раньше, и мама прибегла к нему, когда ребенок был чем-либо расстроен. Тем не менее девочка никогда еще не плакала так сильно, громко и долго. Ребенок взял грудь и жадно принялся сосать, однако очень быстро отказался и продолжил кричать. Это продолжалось до тех пор, пока девочка не взяла в рот свой палец и не начала его сосать. Она часто сосала свои пальцы и довольно часто засовывала их в рот, когда мать предлагала ей грудь. В таких случаях мать, как правило, нежно отодвигала ее ручку и заменяла палец соском. После этого ребенок начинал кушать. На этот раз, однако, он отказался от груди и снова начал очень громко кричать. Прошло несколько мгновений, и С. опять сосала свой палец. Мама не мешала ей несколько минут, в то же время продолжая укачивать и успокаивать девочку, до тех пор, пока ребенок не успокоился, стал сосать грудь и уснул. Создается впечатление, что как в случае этого ребенка, так и в предыдущем случае грудь (равно как и мать), по тем или иным причинам превратились в плохой и преследующий объект. Следовательно, в такой ситуации грудь не могла быть принята. После попытки сосать ребенок обнаружил, что он не может вновь сформировать отношения к хорошей матери. Девочка прибегла к сосанию пальца, т. е. к аутоэротическому удовлетворению (Фрейд). Я бы однако добавила, что в этом случае нарциссический уход был обусловлен нарушением отношения к матери, и что ребенок отказывался прекратить сосание пальца из-за того, что в данной ситуации палец внушал ему больше доверия, чем грудь. Благодаря сосанию пальца девочке удалось вновь

образовать отношение ко внутренней груди и таким образом снова приобрести ощущение безопасности, достаточной для того, чтобы возобновить хорошее отношение ко внешней груди и матери. Оба вышеприведенных случая помогают нам, на мой взгляд, глубже понять природу и механизм ранних фобий, иначе говоря, страхов, порожденных отсутствием матери (Фрейд). Я предполагаю, что фобии, возникающие в течение первых месяцев жизни, обусловлены тревогой преследования, которая нарушает отношение ребенка к интернализированной и внешней матери.

Существование разделения между «плохой» и «хорошей» матерью, а также сильной (фобической) тревоги, связанной с «плохим» аспектом матери, ярко иллюстрируется следующим случаем из моей практики. Бабушка посадила своего десятимесячного внука Д. на окно. Мальчик с большим интересом наблюдал за происходящим на улице. Неожиданно обернувшись, Д. увидел прямо перед собой лицо незнакомой женщины. Это была гостья, пожилая дама, только что вошедшая в комнату, и стоявшая рядом с бабушкой мальчика. Д. отреагировал на подобную перемену приступом страха и тревоги, прекратившимся только тогда, когда бабушка унесла его из комнаты. Мне кажется, что в момент, предшествующий испугу, Д. ощутил, что его «хорошая» бабушка исчезла, а ее место заняла незнакомка, олицетворяющая «плохую» бабушку. Такого рода разделение базировалось на расщеплении образа матери на хороший и плохой объекты. Я еще вернусь к этому примеру в ходе дальнейшего обсуждения.

Такое истолкование проявлений ранних тревог, кроме того, проливает свет на некоторые из оставшихся в тени аспектов страха перед незнакомцами (Фрейд). На мой взгляд, мать (или отец) в качестве преследующего объекта, в который она (или он) превращается благодаря деструктивным импульсам младенца, в процессе переноса становится частью образа внушающего страх незнакомца.

VI

Описанные мною нарушения отношения к матери встречаются у маленьких детей уже в течение первых трех-четырех месяцев жизни. В том случае, когда подобные нарушения характеризуются чрезмерной частотой или длительностью, их следует расценивать, как очевидные признаки того, что параноидно-шизоидная позиция не была успешно преодолена младенцем.

Стойкий дефицит интереса к матери уже на этой ранней стадии развития предполагает более серьезные нарушения того же порядка. Обычно позднее ребенок начинает демонстрировать полное безразличие к игрушкам, к другим людям вообще. Такого рода нарушения могут отмечаться и у детей, не страдающих от нарушений в сфере кормления. Неглубокому наблюдателю состояние этих «не плачущих слишком много» детей может показаться удовлетворительным и даже «хорошим». В ходе анализа взрослых людей, проблемы которых, насколько я могла видеть, своими корнями уходили в раннее детство, я пришла к выводу, что многие из них во младенчестве перенесли серьезные душевные расстройства. Причиной столь ранних расстройств был чрезмерный уход от внешнего мира, вызванный огромной силой тревоги преследования и избыточным использованием шизоидных механизмов. Вследствие этого младенцам не удавалось успешно преодолеть депрессивную тревогу, а это, в свою очередь, вело к задержке развития способности любить, нарушению структуры закладывающихся объектных отношений, торможению фантазийной жизни ребенка. Все перечисленные обстоятельства препятствовали

нормальному течению процесса образования символов, вследствие чего тормозились интересы ребенка и его сублимации.

Подобную позицию, занимаемую ребенком, можно назвать апатичной. Поведение таких детей очень отличается от поведения действительно здоровых младенцев, которые плачут, когда ощущают фрустрацию, которые интересуются окружающими их людьми, а иногда способны быть достаточно счастливыми даже находясь в одиночестве. Тем не менее, общество других людей доставляет здоровым детям очевидное удовольствие. Это говорит о наличии у них чувства безопасности своих внутренних и внешних объектов. Здоровый ребенок способен без страха и тревоги перенести временное отсутствие матери, поскольку его внутренняя мать, существующая в его внутриспсихическом мире, внушает чувство безопасности.

VII

В предыдущих главах я описала депрессивную позицию, подходя к ней с разных сторон и рассматривая ее под различными углами. Рассмотрим теперь влияния, оказываемые депрессивной позицией, и, в первую очередь, ее взаимосвязь с фобиями. До сих пор я связывала фобии только с тревогой преследования и, иллюстрируя свои размышления конкретными примерами, рассматривала эти примеры именно под углом тревоги преследования. Следуя по этой линии рассуждений, я предположила, что пятимесячная девочка В. испугалась своей матери потому, что в сознании ребенка «хорошая» мать превратилась в «плохую», и что причиной нарушений сна у этого ребенка оказалась именно тревога преследования. Сейчас я хочу добавить, что в данном случае нарушения в отношении к матери были обусловлены не только влиянием тревоги преследования, но еще и теми воздействиями, которые оказывала переживаемая ребенком депрессивная тревога. Когда мать не вернулась, депрессивная тревога была подавлена жадностью и деструктивными импульсами, которые вышли на передний план. Эта депрессивная тревога была очень тесно связана со страхом преследования, боязнью того, что «хорошая» мать может превратиться в «плохую».

В следующем из приводимых мною примеров тревога также была возбуждена тем, что ребенок тосковал по матери. Девочка С. приучилась, начиная с возраста шести или семи недель, в течении часа играть, сидя на коленях у матери (либо лежа у нее на руках). Время этой игры совпадало со временем, предшествующим регулярному вечернему приему пищи. Однажды, когда ребенку было чуть больше пяти месяцев, к его матери пришли гости, и она оказалась слишком занятой, чтобы поиграть с девочкой перед вечерним кормлением. Ребенок однако не остался обделен вниманием со стороны гостей и других членов семьи. Мама как обычно покормила С. вечером, затем отнесла ее в кроватку, и девочка быстро уснула. Двумя часами позже девочка проснулась и начала очень сильно кричать и плакать. Ребенок отказывался от бутылочки с молоком, несмотря на то, что искусственное питание (в качестве дополнения к грудному кормлению) на этом этапе уже неоднократно предлагалось С, и она обычно принимала его с удовольствием. Девочка продолжала кричать и плакать. Маме так и не удалось покормить ребенка. Она посадила С. себе на колени, и та около часа провела в таком положении, играя с пальцами матери и всем своим видом выражая удовлетворение. Затем в привычное ночное время мать покормила девочку, которая охотно покушав, быстро уснула. Подобного рода расстройства были очень нехарактерны для этого ребенка. Девочка и раньше могла просыпаться после вечернего кормления, однако лишь один раз (около двух месяцев назад, когда С. была больна) она просыпалась с криком и плачем. За исключением

пропуска привычной вечерней игры с матерью в нормальном и обычном для ребенка распорядке дня не случилось никаких изменений, на счет которых мы бы могли отнести произошедшее и вину за него. Не наблюдалось никаких признаков голода или физического дискомфорта. Девочка в течение всего предшествовавшего происшествию дня была спокойна и весела, а всю прошлую ночь спала тихо и крепко.

Я склонна предполагать, что в данном случае плач ребенка был вызван тем, что он лишился привычного и страстно желаемого времени для игры с матерью. С. обладала очень сильным личным отношением к матери и привыкла к тому, что именно в этот определенный час она получала полнейшее удовлетворение от общения с мамой. Если в другие периоды бодрствования в течение дня девочка вполне довольствовалась одиночеством, не испытывая при этом неудовлетворения, то в часы, предшествовавшие вечернему кормлению она явно и нетерпеливо ожидала момента, когда мама придет и поиграет с ней. Соглашаясь с тем фактом, что недополучение девочкой этого удовлетворения привело к нарушениям сна, мы логически приходим к еще одному умозаключению. Мы имеем все основания предположить, что у С. имелись определенные воспоминания об опыте удовлетворения в определенное время дня. Это «время для игр» было для ребенка средством получения сильнейшего удовлетворения либидинозных желаний. Кроме того, оно давало С. ощущение любви и заботы со стороны матери, что в конечном итоге было ощущением обладания безопасной и «хорошей» матерью. Подобное ощущение позволяло девочке чувствовать себя в безопасности во время сна, что было тесно связано с воспоминаниями об играх с матерью. Сон ребенка нарушался не только из-за того, что девочка лишилась либидинозного удовлетворения, но также и из-за того, что пережитая фрустрация всколыхнула в ней обе разновидности тревоги. Депрессивная тревога была связана с переживанием по поводу собственной враждебности по отношению к хорошей матери, а, следовательно, с чувством вины. Депрессивная тревога заключалась в страхе потерять «хорошую» мать из-за направленных на нее агрессивных импульсов. Тревога преследования, в свою очередь, была связана с тем, что ребенок боялся возможности превращения матери в «плохую» и деструктивную. Я прихожу к выводу, что где-то начиная с возраста трех-четырех месяцев обе вышеупомянутые формы тревоги являются источником формирования фобий.

Депрессивная позиция тесно связана с некоторыми чрезвычайно важными переменами, которые можно наблюдать у маленьких детей где-то в середине первого года жизни. Перемены эти, однако, начинают проявляться несколько раньше и развиваются постепенно. Тревога преследования и депрессивная тревога на этом этапе развития проявляют себя различными способами. В частности, отмечается рост раздражительности и капризности, возрастает потребность во внимании или, наоборот, возникает временное неприятие матери. Случаются внезапные приступы гнева, увеличивается страх перед незнакомцами. Помимо того, дети, никогда не страдавшие нарушениями сна, вдруг начинают всхлипывать во сне, или неожиданно просыпаются с криком и плачем, демонстрируя отчетливые признаки страха или тоски. На этом этапе наблюдаются существенные изменения в выражении лица младенца. Возрастает его способность воспринимать окружающий мир, увеличивается интерес к людям и предметам, ребенок начинает охотнее вступать в контакты с людьми. Все это, естественно, не может не отразиться на облике младенца. С другой стороны, в этот период признаки переживаемой тоски и страданий, несмотря на свой транзиторный характер, вносят вклад в то, что лицо ребенка все больше начинает выражать эмоции различной природы, спектра и глубины.

Депрессивная позиция набирает полную силу ко времени отнятия от груди. Поскольку, как уже говорилось ранее, прогресс в интеграции, а соответственно и синтетических процессах, участвующих в образовании отношения к объекту, дает начало депрессивным чувствам, с переживанием опыта отлучения от груди эти чувства становятся только интенсивнее. На этом этапе развития ребенок уже располагает определенным опытом переживания утраты. Я имею в виду более ранние ситуации, когда страстно желаемая грудь (или бутылочка) не возникали перед ребенком в тот момент, как только он их захотел, а у младенца возникало ощущение, что они уже никогда не вернуться. Отлучение же от груди представляет собой явление несколько иного порядка. Эта утрата первого объекта, к которому ребенок испытывал любовь, подтверждает все его тревоги, как депрессивной, так и параноидной природы (Прим. 2).

Нижеследующий пример послужит иллюстрацией того, о чем я говорила. Младенец Е., которого мама последний раз покормила грудью в возрасте девяти месяцев, не проявлял никаких признаков нарушения отношения к пище. К тому времени Е. уже был способен перейти на другую пищу, и его организм реагировал на это хорошо. Однако у ребенка стал наблюдаться рост потребности в присутствии матери, да и вообще во внимании со стороны окружения. Через неделю после отнятия от груди Е. неожиданно стал всхлипывать во сне, просыпался с явными признаками тревоги и неудовлетворенности, а все попытки успокоить ребенка терпели крах. В попытке утешить ребенка мать решила еще раз позволить ему сосать грудь. Ребенок сосал обе груди, и, несмотря на то, что молока было явно недостаточно, выглядел счастливым и удовлетворенным. После кормления младенец, пребывая в отличном настроении, очень быстро уснул. Имевшиеся у него симптомы расстройств стали проявляться значительно слабее. Это, на мой взгляд, очевидно доказывает, что депрессивная тревога, вызванная потерей хорошего объекта груди, была ослаблена самим фактом того, что грудь снова возникала.

В период отлучения от груди некоторые дети демонстрируют ослабление аппетита, тогда как другие — растущую жадность. Есть и такие младенцы, которые, не занимая ни одной из этих крайних позиций, колеблются между ними. Подобного рода перемены происходят на каждом этапе развития процесса отлучения от груди. Есть дети, которые получают от сосания бутылочки значительно большее удовлетворение, чем от сосания груди, несмотря на то, что предоставляемое им грудное кормление нельзя назвать неудовлетворительным. У некоторых детей с момента перехода на твердую пищу развивается отличный аппетит. У других — именно с этого момента появляются пищевые проблемы, которые, в той или иной форме продолжают существовать в течение всего периода раннего детства. Некоторые дети признают приемлемыми лишь некоторые из видовых и вкусовых разновидностей твердой пищи, отвергая все остальные. Анализируя детей мы многое узнаем о мотивах и причинах подобных «причуд», приходя к пониманию того, что корнями их являются чрезвычайно ранние тревоги, связанные с матерью. Я проиллюстрирую это свое умозаключение примером следующего рода. Пятимесячная девочка Ф. вскармливалась грудью, однако, с самого начала в качестве дополнения получала молоко в бутылочке. Она с яростью отвергала некоторые виды твердой пищи (например, овощи, в том случае, если их ей предлагала мать, и принимала их довольно спокойно, когда предложение исходило от отца. Через две недели девочка начала принимать новую пищу и от матери. Согласно заслуживающим доверия отчетам, ребенок, которому сейчас около шести лет, имеет хороший контакт и хорошие отношения с обоими родителями, а также со своим братом, однако страдает от устойчиво слабого аппетита.

В этой ситуации разумно будет вновь обратиться к случаю девочки А. и вспомнить то как она реагировала на предлагавшееся ей искусственное питание. Девочке Ф. тоже

понадобилось некоторое время для того, чтобы достаточно успешно адаптироваться к новой пище и принять ее от матери.

На всем протяжении этой главы я пыталась показать, что установка относительно пищи теснейшим образом связана с отношением к матери и включает в себя всю полноту эмоциональной жизни младенца. Переживания, связанные с отлучением от груди, затрагивают наиболее ранние эмоции и тревоги младенца. Более интегрированное Эго развивает сильнейшие защиты против них. Как защиты, так и тревоги становятся составляющими позиции младенца относительно еды. В данной работе я вынуждена ограничиться лишь некоторыми обобщениями в вопросе о переменах, которые претерпевает установка ребенка в отношении еды в период отлучения от груди. Источником многих пищевых проблем, связанных с новой пищей, является параноидный страх быть съеденным и отравленным «плохой» материнской грудью. Страх такого рода основывается на ранних детских фантазиях о пожирающей и отравляющей «плохой» груди. К тревоге преследования на более поздних стадиях (хотя и в разной мере) добавляется депрессивная тревога, вызванная переживаниями по поводу собственной враждебности к любимому объекту. В процессе отлучения от груди и после его завершения эта тревога способна существенно усиливать или тормозить желания, связанные с новой пищей. Как мы видели раньше, тревога способна оказывать на жадность довольно разные влияния. Она может подкреплять ее, а может привести и к сильному торможению жадности и удовлетворения, получаемого от приема пищи.

Улучшение аппетита в период отлучения от груди в некоторых случаях позволяет предполагать, что в течение периода грудного вскармливания плохой (преследующий) аспект груди доминировал над хорошим. Кроме того, депрессивная тревога, связанная с предчувствием опасности, угрожающей любимой груди, способна внести свой вклад в торможение желаний, связанных с едой. Иначе говоря, депрессивная тревога и тревога преследования действует в различных соотношениях. Следовательно, бутылочка, которая в какой-то мере устраняет из представлений младенца первый объект (грудь), хотя, в свою очередь, тоже символизирует ее, — может быть принята со значительно меньшей тревогой и с большим удовольствием, чем материнская грудь. Некоторым младенцам однако не вполне удается символическое замещение груди бутылочкой, и если они и получают когда-либо полное удовлетворение от пищи, то это случается после перехода на твердую ее форму.

Рост аппетита с отменой грудного кормления или кормления из бутылочки происходит достаточно часто, и вполне очевидно указывает на депрессивную тревогу, связанную с утратой первичного объекта. Тем не менее, тревога преследования, на мой взгляд, всегда вносит свой вклад в отношение к новой пище. Плохой (пожирающий и отравляющий) аспект груди, который в период грудного вскармливания нейтрализовался «хорошим» отношением к груди, подкрепляется в процессе отлучения от груди и переносится на новую пищу.

Как я уже сказала ранее, в ходе процесса отлучения от груди как тревога преследования, так и депрессивная тревога оказывают сильное влияние на отношение ребенка к матери и к еде. Существует, однако, сложное взаимодействие огромного разнообразия внутренних и внешних факторов, детерминирующих исход этой стадии развития. Я считаю, что это взаимодействие способно оказать влияние не только на образование индивидуальных вариаций в отношении к объектам и к пище, но и на проработку и, в какой-то мере, преодоление депрессивной позиции. Очень многое зависит от того, насколько надежно и основательно грудь на более ранних стадиях превратилась в интрапсихический объект, а, следовательно, от того, насколько ребенок способен сохранить свою любовь к матери

несмотря на потери, с которыми он сталкивается. Все это, в свою очередь, отчасти определяется характером отношений, существующих между матерью и ребенком. Мне кажется, что даже очень маленькие дети способны принять новую пищу (молоко в бутылочке) со сравнительно небольшой обидой и недовольством (пример Л.). Это связано с уровнем внутренней адаптации к фрустрации. Развитие в этом направлении происходит начиная с первых дней жизни ребенка и очень тесно связано с процессом различения матери и еды. Такого рода фундаментальные установки оказывают, во всяком случае в период отлучения от груди, существенное влияние на способность ребенка принимать — в полном смысле этого слова — заместители первичного объекта. И здесь, опять же, огромным значением обладает поведение матери, и то, какие чувства она испытывает и выражает по отношению к младенцу. Нежное внимание со стороны матери, и то время, которое она посвящает ребенку, очень помогают ему в процессе преодоления депрессивных чувств. Хорошие отношения с матерью способны в какой-то мере нейтрализовать переживания, связанные с утратой первичного объекта, груди, и таким образом оказать благотворное влияние на процесс преодоления депрессивной позиции.

Тревога, связанная с утратой, потерей хорошего объекта достигает критической стадии на этапе отлучения от груди. Кроме того, она может возбуждаться другими переживаниями, такими как физический дискомфорт, болезнь или прорезывание зубов. Подобный опыт не может не вызвать у младенца некоторого усиления депрессивной тревоги и тревоги преследования. Иначе говоря, эмоциональные нарушения, сопровождающие в этот период болезни или прорезывание зубов, никогда не удастся объяснить одними лишь телесными, физическими причинами.

IX

Среди наиболее существенных и важных шагов в развитии, относящихся к периоду включающему середину первого года жизни ребенка, можно назвать расширение диапазона объектных отношений. Особое внимание я бы уделила возрастающему значению фигуры отца в жизни ребенка. Я уже говорила ранее, хотя и в другом контексте, что депрессивные чувства и боязнь потерять мать в сочетании с другими участвующими в процессе факторами, становятся еще одним толчком, определяющим то, что ребенок обращается к отцу. Ранние стадии Эдипова комплекса и депрессивная позиция находятся в тесной связи и развиваются одновременно. Я приведу в качестве иллюстрации этой ситуации только один пример — маленькую девочку В., о которой я уже говорила раньше.

Начиная с возраста около четырех месяцев, отношения с братом, который был на два года старше В., стали играть в ее жизни заметную роль. Подобное отношение, как легко было заметить, очень отличалось от ее отношения к матери. Девочка приходила в восторг от всего, что говорил и делал ее брат, настойчиво докучала ему. Она использовала все свои маленькие хитрости для того, чтобы снискать его расположение, привлечь его внимание, и устойчиво демонстрировала бросающуюся в глаза женскую позицию относительно него. В этот период отца не было дома, он приезжал лишь на очень короткие промежутки времени. Ситуация изменилась только когда девочке исполнилось десять месяцев. Теперь она могла видаться с отцом значительно чаще, и начиная с этого времени В. быстро сформировала довольно тесные и нежные отношения с отцом, в которых легко прослеживались определенные параллели с отношением к брату. К началу второго года жизни девочка часто называла своего брата «папой», тем не менее отец продолжал оставаться любимой фигурой. Удовольствие, получаемое от общения с отцом, восторг, который выражала В., когда слышала его шаги или голос, постоянные упоминания об отце

в то время, когда он отсутствовал, и множество других проявлений переживаемых ребенком чувств сложно описать, избежав определения ее состояния как влюбленности. Мама девочки абсолютно четко осознавала, что на этой стадии В. любила отца значительно сильнее, чем ее. Здесь мы имеем очевидный пример ранней эдиповой ситуации, которая однако первоначально включала брата и лишь затем была перенесена на отца.

Х

Депрессивная позиция, на мой взгляд, является очень важной составляющей нормального эмоционального развития. Однако те способы, которыми ребенок справляется с тревогами и эмоциями, присущими этой стадии, те защиты, которые он использует, являются отличным индикатором нормального или патологического течения развития (Прим. 3).

Страх потерять мать превращает даже кратковременную разлуку с ней в очень болезненный для ребенка опыт. Различные формы игры являются как средством обнаружения этой тревоги, так и методом ее преодоления. Фрейдовское наблюдение над восемнадцатимесячным мальчиком, игравшим с катушкой ниток, является отличным тому доказательством. Мне кажется, что посредством этой игры ребенок преодолевал не только свои чувства, связанные с утратой, но и свою депрессивную тревогу. Существуют различные типичные формы детских игр, подобных вышеописанной игре с катушкой. Сюзн Айзекс приводит несколько примеров такого рода игр в главе 3. Я же хочу упомянуть еще о некоторых наблюдениях, определенным образом связанных с обсуждаемой нами темой. Иногда дети, даже в возрасте до шести месяцев, получают огромное удовольствие от того, что снова и снова выбрасывают предметы из коляски и ожидают, что они вернуться назад. Я наблюдала дальнейшее развитие подобной игры у младенца Ж. Ребенку было около десяти месяцев и он совсем недавно начал ползать. Этот мальчик никогда не уставал от своей игры, которая заключалась в том, что он отбрасывал игрушку от себя, а потом старался схватить ее, подползая к ней. Мне рассказали, что мальчик начал играть в эту игру около двух месяцев назад одновременно с первыми попытками перемещения в пространстве. Младенец Е. в возрасте между шестью и семью месяцами однажды, лежа в коляске, заметил, что когда он поднимает свои ноги, игрушка, которую он только что отбросил в сторону, вновь подкатывается к нему. Ребенка увлекло это занятие и Е. превратил его в игру.

Уже на пятом-шестом месяце многие младенцы с удовольствием откликаются на « реер - бо » (Прим. 4). Мне приходилось встречать детей, которые уже в возрасте семи месяцев увлеченно играли в эту игру, натягивая одеяло на голову и выглядывая из-под него. Мама младенца В. превратила эту игру в привычное развлечение, предшествовавшее отходу ко сну. После игры ребенок выглядел удовлетворенным и со счастливым видом засыпал. Создается впечатление, что повторение подобного опыта является существенным фактором, помогающим ребенку преодолеть чувства утраты и печали. Другой типичной игрой, которая, как я обнаружила, способна стать огромной помощью и успокоением для маленького ребенка, является так называемая игра « bye - bye ». Заключается она в том, что укладывая ребенка спать, взрослый говорит ему « bye - bye » и, помахивая рукой, очень медленно уходит из комнаты, так, чтобы исчезновение происходило постепенно. Использование выражений типа « bye - bye » и помахивания рукой, а позднее и слов «скоро вернусь», «пока» и подобных им выражений, в тот момент, когда мать уходит из комнаты, в значительной мере помогает ребенку, действуя на него успокаивающе. Я знаю нескольких детей, в числе первых слов которых были слова «вернусь» и «пока».

Возвращаясь к младенцу В., девочке, для которой слово «пока» стало одним из первых слов, я хочу отметить следующую особенность. Я часто замечала, что когда ее мать уже собиралась уйти из комнаты, на лице девочки появлялось выражение такой тоски, что казалось, она сейчас заплачет. Однако, после того, как мама помахала ей рукой и ласково говорила «пока», девочка неизменно успокаивалась и с увлечением начинала играть в свои любимые игры. Я видела эту девочку еще несколько раз в возрасте между десятью и двенадцатью месяцами. Одним из любимых жестов ребенка было помахивание рукой и у меня осталось впечатление, что это движение служило ребенку средством успокоения.

Возрастающая способность младенца воспринимать и понимать суть окружающих его вещей, увеличивает веру в его собственную способность управляться с ними и даже контролировать их. Одновременно возрастает и доверие к окружающему миру. Повторяющееся переживание ребенком внешней реальности становится важнейшим средством преодоления тревоги преследования и депрессивной тревоги. Это, на мой взгляд, можно назвать тестированием реальности и обозначить как источник процесса, наблюдающегося у взрослых людей и описанного Фрейдом как часть работы печали.

Когда у ребенка получается сидеть или стоять в своей кроватке, он обретает возможность смотреть на окружающих его людей, становясь в какой-то мере ближе к ним. С момента первых удачных попыток ползания и хождения этот процесс становится еще интенсивнее. Новые достижения не только дают младенцу возможность быть ближе к объекту. Теперь ребенок свободен приближаться к объектам тогда, когда ему этого хочется. Таким образом младенец обретает некоторую независимость. Проиллюстрирую это следующим примером. Двенадцатимесячная девочка В. могла часами ползать из одного конца коридора в другой, оставаясь вполне удовлетворенной своим занятием. Ее не смущало ни отсутствие компании, ни однообразие развлечения. Время от времени однако ребенок заползал в комнату матери (дверь туда была почти всегда открыта), смотрел на маму, пытался заговорить, после чего вновь возвращался к прежнему занятию.

Огромное психологическое значение стояния, ползания и хождения в процессе развития психики ребенка неоднократно подчеркивалось в работах некоторых психоаналитических авторов. От себя хочу добавить, что, на мой взгляд, все вышеперечисленные достижения используются младенцем в качестве средств, помогающих ему вновь обрести утраченный объект, или восполнить эту утрату путем нахождения новых объектов. Благодаря им ребенок легче преодолевает депрессивную позицию. Еще одним важнейшим элементом развития на этом этапе является речь, начинающаяся с имитации звуков. Речевое развитие позволяет младенцу стать ближе к тем людям, которых он любит, а также находить все новые объекты для своих чувств. По мере расширения спектра удовлетворений уменьшаются фрустрация и печаль, связанные с более ранними ситуациями. Все это благотворно сказывается на общем ощущении безопасности, имеющем для ребенка огромное значение. Некоторые элементы новых достижений младенца тесно связаны с попытками обретения контроля над внешними и внутренними объектами. Любой прогресс в развитии, кроме всего прочего, используется Эго и в качестве защиты против тревоги. В данной связи можно упомянуть хорошо всем известную закономерность: очень часто одновременно с успехами в хождении и говорении дети становятся более живыми и счастливыми. Иначе говоря, Эго пытается преодолеть депрессивную позицию путем интенсификации интереса и активности. Происходит это не только в течение первого года жизни, но и на всем протяжении раннего детства.

Следующий пример проиллюстрирует некоторые из моих заключений, касающихся ранней эмоциональной жизни. Младенец Д. уже в возрасте трех месяцев демонстрировал очень сильное и личное отношение к своим игрушкам: шарикам, деревянным кольцам и

погремушке. Он пристально смотрел на игрушки, снова и снова прикасался к ним, тянул их в рот и прислушивался к шуму, который они производят. Ребенок сердился на игрушки и кричал, когда обнаруживал их не в том положении, в котором хотел. Когда же они были зафиксированы в «правильном положении», ребенок становился нежным и ласковым в обращении с ними. Мама мальчика заметила, что он часто срывал гнев на своих игрушках. Ему в это время было около четырех месяцев. С другой стороны, любимые игрушки всегда служили надежным утешением во всех неприятных ситуациях. Временами Д. переставал плакать, как только ему показывали одну из любимых игрушек. Игрушки всегда помогали ему уснуть, действуя на него успокаивающе.

В возрасте пяти месяцев Д. уже абсолютно четко различал отца, мать и прислугу. Это очевидно проявлялось в самой его реакции узнавания и в том, что от каждого из этих людей Д. ожидал особого типа игры. Его личные отношения уже на этой ранней стадии были хорошо различимы. Кроме всего прочего, мальчик развил особое отношение к своей бутылочке. Например, когда она стояла пустой на столе рядом с ним, ребенок поворачивался к ней, издавал разные звуки, гладил бутылочку и время от времени сосал соску. По выражению его лица легко было заключить, что ребенок ведет себя в отношении бутылочки точно так же, как и в отношении человека, к которому он испытывает любовь. В возрасте девяти месяцев часто можно было наблюдать, как ребенок с любовью смотрел на бутылочку, говорил с ней и бесспорно ожидал от нее ответа. Подобное отношение к бутылочке еще более интересно в виду того, что маленький мальчик никогда не был хорошим едоком, не проявлял признаков жадности, да и вообще не получал особого удовольствия от принятия пищи. Сложности с приемом пищи возникли у ребенка с самого начала, поскольку молоко у матери исчезло уже через несколько недель после рождения Д., и в столь раннем возрасте ему пришлось полностью переключиться на искусственное питание. Его аппетит начал развиваться только на втором году жизни, но и теперь находился в сильнейшей зависимости от удовольствия, которое ребенок получал от того, что делился пищей со своими родителями. Здесь уместно будет вспомнить о том факте, что в возрасте девяти месяцев основа его интереса к бутылочке, казалось, имела личную природу и не была связана только лишь с пищей, служившей содержимым бутылочки.

В возрасте 10 месяцев ребенок очень полюбил жужжащий волчок. Игрушка впервые привлекала его своей красной ручкой, которую Д. незамедлительно принялся сосать. Это привело к возникновению огромного интереса к самому волчку, к способу, которым можно его запустить и к тому шуму, который он производил. Младенец вскоре отказался от попыток сосать его, однако увлеченность игрушкой не исчезла. Когда ребенку было пятнадцать месяцев, случилось так, что другой жужжащий волчок, который Д. тоже очень любил, во время игры упал на пол и разбился на две части. Реакция ребенка на это происшествие была удивительной. Он плакал, был безутешен и не хотел возвращаться в ту комнату, где произошел инцидент. Когда же матери в конце концов удалось привести его в комнату и показать, что волчок вновь собран в единое целое, ребенок отказался смотреть на него и убежал прочь из комнаты. Даже на следующий день Д. не хотел проходить рядом со шкафом, в котором находились игрушки и где хранился жужжащий волчок. Более того, спустя несколько часов после происшествия ребенок отказался от своего чая. Немного позднее произошло следующее: мама мальчика взяла в руки игрушечную собаку и сказала: «Какая милая маленькая собачка!». Ребенок засиял, выхватил игрушку из рук матери и стал бегать с ней от одного человека к другому, ожидая, что каждый, к кому он подбежит, скажет «Какая милая маленькая собачка!». Вполне очевидно, что в данной ситуации ребенок идентифицировал себя с игрушечной собакой, и что любовь, которую окружающие демонстрировали по отношению к нему,

помогала справиться с переживаниями по поводу вреда, причиненного жужжащему волчку.

Примечательно, что даже на более ранних стадиях развития ребенок демонстрировал выраженную тревогу, связанную с разбитыми предметами. В возрасте 8 месяцев, например, он долго плакал после того, как уронил стакан и тот разбился. Через какое-то время и ситуация повторилась, на этот раз с чашкой. Вскоре ребенок стал проявлять такое сильное беспокойство по поводу разбитых предметов, вне зависимости от того, по чьей вине они разбились, что его матери приходилось всякий раз уносить его прочь от этого зрелища.

Горе ребенка в подобных ситуациях было четким индикатором как депрессивной, так и параноидной тревоги. Это становится более очевидным, если мы свяжем его поведение в возрасте около восьми месяцев с более поздним происшествием, касающимся жужжащего волчка. Я считаю, что и бутылочка и жужжащий волчок символически олицетворяли материнскую грудь. Мы должны помнить, что в возрасте десяти месяцев ребенок вел себя по отношению к волчку точно так же, как в девять по отношению к бутылочке. Очевидно, раскол игрушки на части для младенца означал уничтожение материнской груди и тела. Это объясняет ту тревогу, вину и печаль, которые ребенок переживал в связи с разбитым жужжащим волчком.

Ранее я уже пыталась связать разбитый волчок с разбитой чашкой и бутылочкой, но мне кажется не лишним будет снова вернуться к этой взаимосвязи. Мы уже видели ранее, что ребенок временами очень злился на свои игрушки, отношение к которым у него было весьма личным. Я бы предположила, что его тревога и вина, наблюдавшиеся на более поздних стадиях, могут быть прослежены до наиболее ранних проявлений агрессии в отношении игрушек, особенно в тех ситуациях, когда игрушки были недоступны. Существует и еще более ранняя связь с отношением к материнской груди, которая не удовлетворяла ребенка и была удалена от него. Соответственно, тревога, связанная с разбитой чашкой или стаканом, могла быть проявлением вины, переживаемой младенцем по поводу гнева и деструктивных импульсов, первоначально направленных против материнской груди. Однако посредством механизма символизации ребенку удалось перенести свой интерес на серию других объектов, он сместился с груди на игрушки. Смещение по цепочке «бутылочка — стакан — чашка — жужжащий волчок» привело к тому, что личное отношение и такие эмоции, как ненависть, гнев, параноидная и депрессивная тревоги, а также вина, стали связываться именно с этими объектами.

Ранее в этом разделе я описала некоторые детские тревоги, связанные с незнакомцами, и проиллюстрировала свои выводы примером расщепления материнской фигуры (в данном случае фигуры бабушки) на «хорошую» и «плохую» мать. Страх перед плохой матерью, также как и любовь к хорошей матери, был хорошо различим и четко проявлялся в личном отношении. Я предполагаю, что оба эти аспекта личных отношений являются частью установки ребенка, касавшейся разбитых вещей.

Смесь тревоги преследования и депрессивной тревоги, которую ребенок продемонстрировал в связи с разбившимся волчком, его отказ входить в комнату, а позже и нежелание даже проходить рядом со шкафом, где хранились игрушки, позволяет предположить следующее. Вполне очевидно, что ребенок боялся превращения поврежденного объекта в объект опасный и преследующий (тревога преследования). Вне сомнений, в этом случае действовали и сильные депрессивные чувства, которые ребенок переживал в связи с происшедшим. Все эти тревоги были в значительной мере ослаблены,

когда ребенок убедился, что маленькая собачка (символизирующая его самого) является «милой», то есть, хорошей и все еще любимой своими родителями.

Заключение

Наши знания о конституциональных факторах и их взаимодействии все еще очень ограничены. В тех разделах книги, которые написаны мной, я затронула некоторые из конституциональных факторов, и теперь хочу обобщить свои рассуждения по этому поводу. Врожденная способность Эго переносить тревогу может зависеть от большей или меньшей связанности Эго к моменту рождения. Это, в свою очередь, содействует большей или меньшей активности шизоидных механизмов, а соответственно и увеличению или ослаблению способности к интеграции. К числу факторов, представленных с самого начала постнатальной жизни, также относятся способность любить, сила жадности и защиты против жадности.

Я убеждена, что эти взаимосвязанные факторы представляют собой выражение определенных состояний слияния инстинктов жизни и смерти. Эти состояния оказывают базовое влияние на динамические процессы. Деструктивные импульсы нейтрализуются и ослабляются благодаря либидо, что чрезвычайно важно для формирования бессознательной жизни младенца. С самого начала постнатальной жизни конституциональные факторы тесно взаимодействуют с внешними, такими как опыт рождения и наиболее ранние ситуации, связанные с кормлением и уходом. Более того, имеются достаточные основания для предположения, что начиная с самых ранних дней и в ходе дальнейшего развития бессознательная установка матери способна оказывать сильное влияние на ход процессов, происходящих в психике младенцев.

Мы однако неизменно приходим к заключению, говорящему о том, что конституциональные факторы не могут рассматриваться обособленно от факторов окружения, и наоборот. Взаимодействуя, эти факторы формируют наиболее ранние фантазии, тревоги и защиты, которые, несмотря на возможность разделить их на типичные паттерны, являются бесконечно разнообразными. Это и есть та почва, из которой появляются на свет ростки индивидуальной психики и личности.

В своей работе я пыталась показать, что посредством тщательного наблюдения за маленькими детьми мы можем достигнуть некоторого инсайта относительно их эмоциональной жизни. Это позволяет делать и некоторые прогнозы в отношении дальнейшего душевного развития. Подобные наблюдения, несмотря на вышеупомянутые ограничения, в определенной мере подкрепили мои открытия, касающиеся наиболее ранних стадий развития психики. Эти открытия были совершены в ходе психоанализа детей и взрослых в тех ситуациях, когда возможно было проследить развитие их тревог и защит вплоть до периода раннего детства. В этой связи мы можем вспомнить фрейдовские исследования Эдипова комплекса. Фрейд исследовал этот комплекс на материале анализа взрослых пациентов и лишь потом занялся наблюдениями за детьми, которые, в свою очередь полностью подтвердили его теоретические умозаключения. В течение последних десятилетий конфликты, являющиеся неотъемлемой частью Эдипова комплекса, были изучены значительно глубже, что стало результатом роста наших знаний и понимания эмоциональных трудностей ребенка. Сказанное однако применимо, главным образом, к детям, находящимся на более продвинутых стадиях развития. Душевная же жизнь младенцев по-прежнему остается загадкой для многих взрослых людей. Я рискну предположить, что более глубокие наблюдения за младенцами, к которым нас непременно

должны привести знания, получаемые в результате анализа детей, со временем помогут более полно и глубоко понять природу младенческой эмоциональной жизни.

В этой книге, как и в предыдущих работах, я снова выдвигаю свое предположение, говорящее о том, что чрезмерная тревога преследования и чрезмерная депрессивная тревога, присутствующие в психических процессах младенца, способны сыграть решающую роль в психогенезе душевных расстройств. В данном разделе я снова подчеркиваю, что понимание матери, через ее установку по отношению к ребенку, может помочь ему справиться с конфликтами и, таким образом в какой-то мере более эффективно преодолеть свои тревоги. Более полное и более общее осознание эмоциональных потребностей и тревог младенца помогает уменьшить его страдания в период младенчества и таким образом подготовить почву для счастья и стабильности в дальнейшей жизни.

Примечания

1

Существует один фундаментальный аспект этой проблемы, который я считаю необходимым упомянуть. Психоаналитическая работа привела меня к выводу, что новорожденные младенцы на бессознательном уровне ощущают существование объекта, олицетворяющего все «хорошее». Согласно их ощущениям этот объект способен предоставить им максимальное удовлетворение. Такого рода объектом оказывается материнская грудь. Более того, я убеждена что отношение к материнской груди и ощущение обладания ею развивается в бессознательном даже тех детей, которых вообще не вскармливали грудью. Этим объясняется тот факт, что дети, вскормленные на искусственном питании тоже интроецируют материнскую грудь в ее плохом и хорошем аспектах. То, насколько сильна способность искусственно вскармливаемого младенца надежно формировать хорошую грудь в своем внутреннем мире, зависит от огромного множества внутренних и внешних факторов, среди которых важнейшую роль играет врожденная способность любить.

Тот факт, что с самого начала постнатальной жизни существует бессознательное знание о груди, и что по отношению к ней переживаются определенные чувства, может быть объяснен только как филогенетический наследственный фактор.

Посмотрим же, какую роль играют онтогенетические факторы в развитии этих процессов. Мы имеем достаточные основания для предположения о том, что импульсы младенца тесно связаны с ощущениями, исходящими от его рта и связываемыми им с материнской грудью. Происходит это потому, что объектом первых инстинктивных желаний младенца является грудь матери, а его первичной целью является сосание соска. Это означает, что соска бутылочки не может полностью заместить желаемый сосок, точно так же, как бутылочка не способна заменить запах, теплоту и нежность материнской груди. Тем не менее, хотя младенец с готовностью принимает бутылочку и даже получает удовольствие от кормления (особенно если ситуация искусственного кормления максимально приближена к естественной ситуации), он может по-прежнему ощущать, что не получает максимального удовлетворения, а, следовательно, переживать глубокое и страстное желание единственного в своем роде объекта, способного дать ему это полное удовлетворение.

Желания, связанные с недоступными, идеальными объектами являются общей характеристикой душевной жизни, поскольку происходят они от различных ситуаций фрустрации, переносимых ребенком в ходе развития, и достигающих своей кульминации в необходимости отказаться от объекта в Эдиповой ситуации. Ощущение фрустрации и печаль приводят к тому, что младенец начинает фантазировать вспячь и часто концентрируется на повторном переживании лишений, связанных с отношением к материнской груди. Это происходит даже с людьми, грудное вскармливание которых можно назвать вполне удовлетворительным. Я обнаружила однако на материале большого количества анализов, что люди, которые не вскармливались грудью, обладают определенными особенностями. Природа их страстного желания, связанного с недоступным объектом, характеризуется особой интенсивностью и качеством. Причины этих особенностей иногда столь глубоки, что корнями своими уходят к первому опыту принятия пищи и к первому объектному отношению. Такого рода эмоции различаются по силе у разных людей и оказывают различные влияния на психическое развитие. Например, у некоторых людей ощущение утраты груди может содействовать возникновению сильного чувства обиды и небезопасности, вместе с различными последствиями для объектных отношений и личностного развития. У других людей страстное желание, связанное с единственным в своем роде объектом, который, хотя и ускользает от них, все же где-то существует, способно сильно стимулировать определенные направления сублимаций, такие, как поиск идеала или высокие стандарты для своих собственных достижений.

Сейчас я хотела бы сопоставить эти свои наблюдения с рассуждениями Фрейда. Говоря о фундаментальном значении младенческого отношения к материнской груди и к матери, Фрейд отмечал следующее: «Филогенетический фундамент имеет столь базовое значение во всем этом случайном личном опыте, что не особенно важно, будет ли ребенок действительно сосать грудь или он будет вскормлен из бутылочки и никогда не получит удовольствия от нежной материнской заботы. И в первом и во втором случаях его развитие пойдет по одному и тому же пути. И лишь позднее, возможно, это давнее стремление ребенка станет сильнее всего» («An outline of Psycho - Analysis», p . 56)

В этом отрывке Фрейд приписывает филогенетическим факторам такое фундаментальное значение, что реальный опыт приема пищи, переживаемый младенцем, становится относительно малозначимым. Выводы, к которым привел меня мой практический опыт, не идут столь далеко. Однако в том предложении, которое я выделила курсивом, Фрейд, кажется, допускает возможность того, что нехватка опыта грудного вскармливания ощущается ребенком как утрата. В противном случае он не высказал бы предположения, что страстное желание, направленное на материнскую грудь способно стать «сильнее всего».

2

Я убеждена, что процесс интеграции, проявляющий себя в том, что ребенок синтезирует свои противоположные эмоции по отношению к матери, а соответственно, сводит вместе хороший и плохой аспекты объекта, лежит в истоках депрессивной тревоги и депрессивной позиции. Данное утверждение подразумевает, что эти процессы с самого начала связаны с объектом. В опыте переживания отлучения от груди присутствует первичный объект, к которому младенец испытывает любовь. Объект этот ощущается утраченным, вследствие чего тревога преследования и депрессивная тревога значительно усиливаются. Начало отлучения от груди таким образом составляет наиболее важный из

кризисов младенческой жизни. Другим кульминационным моментом для конфликтов младенца является финальная стадия отлучения от груди. Каждая деталь того способа, которым проводится отлучение от груди, способна оказать влияние на переживаемую ребенком интенсивную тревогу и может увеличить или ослабить его способность к преодолению депрессивной позиции. Таким образом осторожное и медленное отлучение от груди является предпочтительным вариантом, тогда как неожиданное отлучение, внезапно подкрепляющее тревогу младенца, способно нанести урон его эмоциональному развитию. Здесь однако возникает много вопросов. Например, какой эффект оказывает замена грудного вскармливания на искусственное в течение первых недель или даже месяцев жизни младенца? Мы вполне можем предположить, что эта ситуация отличается от нормального отлучения, начинающегося в возрасте около пяти месяцев. Будет ли это означать что поскольку в течение первых трех месяцев жизни преобладает тревога преследования, именно эта форма тревоги будет усилена ранним отлучением от груди? Или же такого рода опыт приведет к раннему появлению у младенца депрессивной тревоги? То, какой из этих исходов будет преобладать, частично может зависеть от внешних факторов, таких, как фактический момент начала отлучения от груди и характер поведения матери младенца. Отчасти повлияют и внутренние факторы, которые можно было бы кратко обобщить, обозначив как силу врожденной способности любить и интеграцию Эго, которые, в свою очередь, подразумевают врожденную силу Эго с самого начала жизни. Эти факторы, как я уже говорила, лежат в основании способности младенца надежно образовывать хорошие объекты, иногда даже в тех случаях, когда ребенок был абсолютно лишен опыта кормления грудью.

Другим вопросом, связанным с нашей темой, является влияние позднего отлучения от груди, столь обычное в примитивных сообществах и даже иногда встречающееся в определенных районах цивилизованного мира. У меня недостаточно данных, базируясь на которых я могла бы ответить на этот вопрос. Я, однако, могу сказать, что в той мере, в которой мне позволяют судить об этой проблеме мои наблюдения и мой психоаналитический опыт, оптимальным для начала отлучения от груди мне представляется возраст около половины первого года жизни ребенка. На этом этапе младенец проходит через депрессивную позицию и отлучение от груди каким-то образом помогает ему справиться с неизбежными депрессивными чувствами. В этом процессе он опирается на увеличивающийся спектр объектных отношений, интересов, сублимаций и защит, развивающихся на этой стадии.

Что же касается заключительной стадии отлучения от груди, то есть окончательной замены сосания питьем из чашки, то здесь значительно сложнее дать рекомендацию об оптимальном времени. В качестве критерия должны быть приняты индивидуальные наблюдения за ребенком.

У некоторых младенцев процесс отлучения от груди имеет и еще одну стадию — отлучения от сосания большого пальца руки или сосания пальцев вообще. Некоторые младенцы отказываются от этой привычки под давлением матери или няньки. Однако, согласно моим наблюдениям, даже если ребенок, кажется, по собственной воле отказывается от привычки сосать палец (хотя и в этом случае нельзя исключить внешних влияний) это неизбежно влечет за собой конфликт, тревогу и депрессивные чувства, характерные для процесса отлучения от груди, а также в некоторых случаях потерю аппетита.

Вопрос отлучения от груди тесно связан с более общей проблемой фрустрации. Фрустрация, в том случае, если она не чрезмерна (а некоторая доля фрустрации вообще неизбежна, и мы не должны об этом забывать), способна даже помочь ребенку справиться

с его депрессивными чувствами. Происходит это потому, что сам опыт преодоления фрустрации укрепляет Эго и является частью работы печали, помогающей ребенку справиться с депрессией. В частности, то, что мать снова и снова возникает перед младенцем, доказывает ему, что она не была уничтожена и не превратилась в «плохую» мать. Это в свою очередь подразумевает, что агрессия младенца не имела столь ужасающих последствий. Таким образом существует очень тонкое и индивидуальное равновесие между болезненными и помогающими влияниями фрустрации, равновесие, детерминируемое разнообразием внутренних и внешних факторов.

3

На мой взгляд, и параноидно-шизоидная и депрессивная позиция являются составляющими нормального развития. Мой опыт привел меня к убеждению, что если в раннем детстве тревога преследования и депрессивная тревога были чрезмерны по сравнению со способностью Эго шаг за шагом справляться с этими тревогами, то это может привести к патологическому развитию ребенка. В предыдущих разделах я описала расщепление отношения к матери («хорошая» и «плохая» мать), которые присущи недостаточно интегрированному Эго. Механизмы расщепления тоже достигают пика своей силы где-то в периоде третьего — четвертого месяца жизни ребенка. Обычно бывает достаточно сложно оценить колебания в отношении младенца к матери, временные состояния отвержения, причиной которых является действие процессов расщепления, из-за того, что на данной стадии развития все эти состояния тесно связаны с незрелостью Эго. Тем не менее, в том случае, когда развитие протекает неудовлетворительно, мы достаточно легко можем обнаружить признаки этой неудачи. В предыдущем разделе, как и в нынешнем, я упомянула некоторые из типичных сложностей, возникновение которых у ребенка свидетельствует о том, что ему не удалось благополучно преодолеть параноидно-шизоидную позицию. Несмотря на некоторые различия, все приведенные мной примеры объединены очень важной чертой: нарушениями в развитии объектных отношений, которые можно было наблюдать уже в течение третьего—четвертого месяцев жизни.

Опять же, некоторые сложности являются частью нормального процесса преодоления депрессивной позиции. К числу таких сложностей можно отнести капризность, раздражительность, нарушение сна, увеличение потребности во внимании, изменение отношения к матери и к пище. Если такого рода нарушения чрезмерны и существуют слишком долго, они могут служить признаком неудачного исхода преодоления депрессивной позиции и со временем стать базисом маниакально-депрессивного расстройства. Неудача преодоления депрессивной позиции может однако привести и к другому исходу — возникновению определенных симптомов. Таким образом, например, отвержение матери и других людей может постепенно стабилизироваться вместо того, чтобы быть переходным и частичным. Если же в сочетании с этими симптомами ребенок становится более апатичным, перестает расширять спектр своих интересов и прекращает принимать заместители, которые обычно присутствовали одновременно с его депрессивными симптомами, мы можем предположить, что депрессивная позиция не была удачно преодолена. Мы приходим к выводу, что перед нами регрессия к предыдущей позиции, регрессия, которой мы обязаны придавать соответствующее значение.

Еще раз повторю свой вывод, отраженный в более ранних работах: тревога преследования и депрессивная тревога, если они чрезмерны, могут привести к возникновению серьезных психических расстройств и дефицитов в детском возрасте. Кроме того, обе эти формы

тревоги связаны с фиксационными точками паранойяльных, шизофренических и маниакально-депрессивных расстройств, возникающих во взрослой жизни.

4

Фрейд упоминает о младенце, который получал удовольствие от игры со своей матерью. Игра заключалась в следующем: мать прятала свое лицо, а потом вновь появлялась (Фрейд не говорит, о какой стадии развития идет речь. Однако, исходя из природы игры, можно сделать предположение, что описывается ребенок в возрасте от шести месяцев до года или даже старше). В этой связи Фрейд отмечал, что «ребенок еще не в состоянии отличить временного отсутствия от непоправимой утраты. Как только он начинал скучать за матерью, поведение его говорило о том, что он уже не надеется увидеть свою мать. Повторяющиеся переживания, говорящие о противоположном и утешающие ребенка, были необходимы до тех пор, пока он не научился тому, что за исчезновением матери обычно следует ее возвращение» (*Inhibitions , Symptoms and Anxiety* , p . 167).

Что же касается дальнейших выводов, то здесь, как и в интерпретации игры с катушкой ниток, между нами существуют определенные разногласия. По мнению Фрейда, тревога, которую переживает младенец, тоскуя по матери, создает «травматическую ситуацию». «Происходит это в том случае, если младенец в это время испытывает потребность, удовлетворить которую способна лишь мать. Если такого рода потребность не присутствует на данный момент, то травматическая ситуация оборачивается ситуацией опасности. Следовательно, первым фактором, оказывающим решающее влияние на развитие тревоги, является утрата восприятия объекта (что для младенца равнозначно утрате самого объекта). На этом этапе не возникает еще вопрос утраты любви. И лишь позднее, с ходом времени, подобный опыт учит ребенка тому, что объект может присутствовать, но злиться на него. Утрата любви становится новой и значительно более серьезной опасностью, фактором, оказывающим решающее влияние на процесс возникновения тревоги» (*Inhibitions , Symptoms and Anxiety* , p . 168). По моему мнению, которое неоднократно выражалось мною в связи с различными вопросами, и было кратко обобщено в данной работе, маленький ребенок переживает по отношению к матери как любовь, так и ненависть. Когда младенец тоскует по матери, а его потребности остаются неудовлетворенными ввиду ее отсутствия, он ощущает это как следствие своих деструктивных импульсов. Таким образом возникает тревога преследования (ребенка беспокоит то, что мать может превратиться из «хорошего» в «плохой», преследующий объект), а также печаль, вина и тревога (как бы мать не была уничтожена из-за агрессивности и враждебности по отношению к ней). Эти тревоги, образующие фундамент депрессивной позиции, снова и снова преодолеваются, например, посредством «утешительных» по своей природе игр.

После того, как были упомянуты некоторые различия в подходах к рассмотрению эмоциональной жизни и тревог маленького ребенка, мне бы хотелось обратить ваше внимание на еще одну цитату, в которой Фрейд, кажется, несколько видоизменяет свою трактовку предмета скорби. Он говорит: «...Когда же сепарация от объекта приводит к возникновению тревоги, когда — к возникновению скорби, а когда — к одной лишь боли? Сразу же хочу сказать, что в настоящее время мы не в состоянии однозначно ответить на этот вопрос. Мы вынуждены довольствоваться лишь констатацией различий и общими представлениями об определенных вариантах» (*Inhibitions , Symptoms and Anxiety* , p . 166—167).

8. О теории вины и тревоги

Мои представления о сути таких явлений, как тревога и вина складывались постепенно в течение многих лет. На мой взгляд, не лишним будет более подробно остановиться на некоторых этапах развития этой теории.

I

Размышляя над происхождением тревоги, Фрейд прежде всего выдвигал предположение о том, что тревога возникает вследствие непосредственной трансформации либидо. В работе «*Inhibitions, Symptoms and Anxiety*» он критически пересматривает предлагавшиеся ранее теории происхождения тревоги. Фрейд говорит следующее: «Я намерен, со всей беспристрастностью, собрать и объединить все известные нам факты, проливающие свет на происхождение тревоги, и заранее отказываюсь от идеи их безотлагательного синтеза» (*Inhibitions, Symptoms and Anxiety*, p. 96). В этой работе снова выдвигается мысль о том, что тревога возникает как следствие непосредственной трансформации либидо, но теперь, кажется, Фрейд приписывает значительно меньшую важность именно «экономическому» аспекту происхождения тревоги. Свой взгляд на эту проблему он формулирует так: «Мы, я думаю, сможем прояснить суть дела, если рискнем предположить, что в результате вытеснения ряд процессов возбуждения в Ид вообще не имеет места. Эго преуспевает в их торможении или отклонении от первоначального направления. Если это так, то исчезает проблема «трансформации аффекта» под влиянием вытеснения» (p. 21). Далее он говорит: «Вопрос о связи возникновения тревоги с вытеснением может оказаться не таким простым. Но мы вполне обоснованно можем отстаивать убеждение, заключающееся в том, что Эго является фактическим местом тревоги, и отказаться от нашего прежнего предположения о том, что катектическая энергия вытесненного импульса автоматически оборачивается тревогой» (P. 23).

Относительно проявления тревоги у маленьких детей Фрейд говорил, что эта тревога обусловлена тем, что ребенок «скучает за кем-то, кого он любит и без кого тоскует» (p. 105). В связи с наиболее фундаментальной тревогой, переживаемой девочками, Фрейд описывает инфантильный страх потери любви, используя понятия, которые в какой-то мере вполне применимы к младенцам обоих полов. Он говорит: «Если мать отсутствует или лишает ребенка своей любви, он перестает быть уверен в удовлетворении своих потребностей и, возможно, испытывает самые неприятные чувства напряжения» («Продолжение лекций по введению в психоанализ»).

В «Продолжении лекций» при рассмотрении теории возникновения тревоги из трансформации неудовлетворенного либидо Фрейд говорит, что «это мнение нашло подтверждение в некоторых весьма обычных фобиях маленьких детей... Детские фобии и ожидания страха при неврозе страха дают нам два примера одного способа возникновения страха путем прямого превращения либидо».

На основании этих схожих отрывков можно сделать следующие выводы, к которым я обязательно вернусь позднее: (а) у маленьких детей существуют неудовлетворенные либидинозные ожидания, которые превращаются в тревогу; и (б) наиболее раннее содержание тревоги представляет собой переживаемое ребенком чувство опасности, заключающейся в том, что из-за «отсутствия» матери его потребность может остаться неудовлетворенной.

II

В отношении вины Фрейд придерживается мнения, что ее источники лежат в Эдиповой ситуации, а вина возникает как ее продолжение. Существуют однако места в работах Фрейда, где он определенно связывает конфликт и вину со значительно более ранними стадиями человеческой жизни. Он писал: «чувство вины... есть выражение амбивалентного конфликта, вечной борьбы между Эросом и инстинктом разрушительности или смерти».

Далее, обсуждая точку зрения некоторых авторов, утверждающих, что фрустрация усиливает чувство вины, Фрейд говорит: «Иначе как объяснить динамически или экономически рост чувства вины, приходящий на место неудовлетворенного эротического влечения? Это возможно лишь окольным путем, когда препятствие эротическому удовлетворению возбуждает частичную агрессию против мешающего удовлетворению лица, после чего подавляется и сама агрессивность. Но и в этом случае в чувстве вины преобладает только подавляемая и вытесняемая "Сверх-Я" агрессивность. Я убежден, что многие процессы можно представить проще и яснее, если ограничить психоаналитическое учение о производном характере чувства вины агрессивными влечениями» .

Из этого отрывка становится понятно, что Фрейд недвусмысленно заявляет о происхождении вины из агрессии, и что это, в совокупности с вышеприведенной цитатой (в которой затрагивается проблема «извечного конфликта амбивалентности») является свидетельством в пользу того, что вина возникает на очень ранних этапах развития человеческой психики. Принимая однако взгляды Фрейда в целом, в том виде, в котором они представлены в «Продолжении лекций по введению в психоанализ», легко заметить, что он все же придерживался убеждения, что вина появляется вслед за Эдиповым комплексом.

Абрахам, особенно в своих работах, посвященных изучению либидинозной организации психики, пролил свет на остававшиеся до этого в тени аспекты наиболее ранних стадий развития. Его исследования в сфере инфантильной сексуальности были тесно связаны с новым подходом к теории происхождения тревоги и вины. Абрахам предположил, что «на стадии нарциссизма и каннибалистических сексуальных целей первое доказательство торможения влечений обнаруживается в появлении патологической тревоги. Процесс преодоления каннибалистических импульсов очень тесно связан с чувством вины, которое выходит на передний план как типичный феномен, присущий третьей (ранней анально-саdistической) стадии».

Абрахам сделал многое для того, чтобы стало возможным правильное понимание происхождения тревоги и вины. Он первым обратил внимание на существование связи между тревогой, виной и каннибалистическими желаниями. Он сравнивал это свое краткое исследование психосексуального развития с «расписанием движения поездов-экспресс, где указываются лишь наиболее крупные станции, через которые проходит состав». Абрахам считал, что «полустанки», лежащие где-то между этими пунктами, не могут быть отражены в подобного рода обобщающем исследовании.

III

Мои собственные работы не только подкрепляют предлагаемую Абрахамом теорию тревоги и вины, доказывая ее концептуальную значимость, но и развивают ее путем сопоставления с огромным количеством новых наблюдений, полученных в ходе анализа маленьких детей.

Анализируя инфантильные ситуации тревоги, я осознала, насколько фундаментальное значение имеют садистические импульсы и фантазии любого происхождения. На самых ранних этапах развития эти импульсы и фантазии сближаются и достигают кульминационного пункта. Я также пришла к пониманию того, что ранние процессы интроекции и проекции приводят к образованию внутри Эго крайне пугающих преследующих объектов бок о бок с предельно «хорошими». Эти фигуры представляются младенцу в свете его собственных агрессивных импульсов и фантазий. Иначе говоря, ребенок проецирует свою агрессию на внутренние фигуры, образующие часть его раннего Супер-Эго. К происходящей отсюда тревоге примешивается вина, обусловленная переживаниями младенца по поводу собственной враждебности к своему первому, как внешнему, так и переведенному во внутренний план, объекту.

В более поздних работах я проиллюстрировала примерами крайних случаев патологическое влияние тревоги, которая возникает у младенца вследствие его деструктивных импульсов. Я пришла к выводу, что наиболее ранние защиты, используемые Эго как в нормальном, так и в патологическом процессе развития, направлены против тревоги, возникающей в результате переживания младенцем агрессивных импульсов и фантазий.

Через несколько лет, в попытках достигнуть более полного понимания садистических фантазий и их происхождения, я применила выдвинутую Фрейдом гипотезу о борьбе инстинктов жизни и смерти к обширному клиническому материалу, предоставляемому анализом маленьких детей. Мы помним, что Фрейд говорил: «Активность опасного инстинкта смерти внутри индивидуального организма осуществляется различными путями. Частично он представлен в довольно безобидном слиянии с эротическими компонентами. Частично он отклоняется во внешний мир в форме агрессии. Между тем, не подлежит сомнению, что наиболее значительная его часть продолжает внутреннюю работу, не встречая на своем пути помех и препятствий».

Следуя за этой мыслью, я выдвинула предположение, говорящее о том, что тревога пробуждается благодаря опасности, которой подвергает организм инстинкт смерти. Я предположила, что именно в этом заключена первичная причина тревоги. Описанная Фрейдом борьба между инстинктом жизни и инстинктом смерти (борьба, приводящая к отклонению какой-то части инстинкта смерти во внешний мир и смешению двух инстинктов) подталкивает к мысли, что причины тревоги заключены в страхе смерти.

В работах, посвященных проблеме мазохизма, Фрейд сделал принципиально важные выводы относительно связи между мазохизмом и инстинктом смерти. В свете этих представлений он рассматривал различные тревоги, возникающие в результате деятельности инстинкта смерти, как направленные внутрь. Среди этих тревог он, однако, не вспоминал страха смерти.

В «Inhibitions, Symptoms and Anxiety» Фрейд обсуждает те причины, по которым он не упомянул страха смерти (или страха перед жизнью) в качестве первичной тревоги. Его точка зрения базируется на наблюдениях, свидетельствующих, что «...бессознательное, кажется, не содержит ничего, что могло бы являться содержанием идеи уничтожения жизни» («Inhibitions, Symptoms and Anxiety», p. 93). Фрейд также отмечает, что ничто,

что походило бы на смерть, не может быть пережито, кроме, разве что, обморочных состояний. Из этого он делает следующий вывод: «...страх смерти следует рассматривать как аналог страха кастрации».

Я не разделяю этого мнения, поскольку мои аналитические наблюдения показывают, что бессознательный страх перед уничтожением жизни все же существует.

Кроме того, я считаю, что раз уж мы допускаем существование инстинкта смерти, мы должны также допускать, что в глубочайших пластах нашей психики этот инстинкт находит ответ в форме страха перед уничтожением жизни.

Таким образом опасности, возникающие в результате внутренней работы инстинкта смерти являются первопричинами тревоги. А поскольку противостояние инстинктов жизни и смерти не прекращается в течение всей жизни человека, этот источник страха никогда не устраняется и является постоянным фактором во всех ситуациях тревоги.

Моя убежденность в том, что тревога своим происхождением обязана страху уничтожения является результатом опыта, накопленного в течение многолетнего анализа маленьких детей. В работе с детьми часто случается, что наиболее ранние ситуации тревоги, переживавшейся младенцем, вновь воскресают и повторяются. Врожденная мощь инстинктивных влечений, в конечном счете направленных против самости, обнаруживает себя в таких случаях столь очевидно, что в их существовании не остается никаких сомнений. Это остается верным, даже если мы сделаем поправку на ту роль, которую играет фрустрация, внешняя и внутренняя, в модификации деструктивных импульсов. В этой работе я не стану приводить детальных доказательств моих аргументов, а лишь сошлюсь на один из примеров, приведенных в книге «Психоанализ детей» (с. 148). Пятилетний мальчик бывало притворялся, что он владеет множеством диких зверей, таких, как слоны, леопарды, гиены и волки, и что звери помогают ему справляться с врагами. Они символизировали опасные объекты — преследователей, которых он приручил и смог использовать для защиты от врагов. Но, как выяснилось в ходе анализа, они также символизировали его собственный садизм. Каждый из зверей представлял собой специфический источник садизма и используемый в этой связи орган. Слоны символизировали его мускульный садизм, его стремление топтать и поднимать. Раздирающий врагов леопард символизировал его зубы и ногти, а также их функцию в нападении. Волки символизировали экскременты ребенка и их деструктивные последствия. Временами ребенок начинал испытывать сильный страх при мысли о том, что прирученные им звери могут выйти из послушания и уничтожить его. Этот страх был проявлением испуга перед лицом собственной деструктивности (как и боязни внутренних преследователей).

Как видно на этом примере, анализ тревог, возникающих у маленьких детей преподносит нам хорошие уроки относительно того, как и в каких формах страх смерти существует в бессознательном. Иначе говоря, это проясняет содержание той роли, которую страх смерти играет в различных ситуациях тревоги. Я уже упоминала работу «Экономические проблемы мазохизма», в которой Фрейд в своих рассуждениях отталкивался от новых исследований инстинкта смерти. Рассмотрим первую из перечисляемых Фрейдом ситуаций тревоги: «страх быть уничтоженным тотемным животным (отцом)». На мой взгляд, это — явное выражение страха перед тотальным уничтожением самости. Страх перед тем, что отец способен сожрать и уничтожить, своим происхождением обязан механизму проекции. Младенец проецирует собственные импульсы, переживаемые по отношению к объектам. Таким образом сначала материнская грудь (и сама мать) становятся в представлении младенца пожирающим объектом. Затем, достаточно быстро,

этот страх распространяется и на отцовский пенис и на самого отца. В то же время Эго, как ощущается, содержит в себе и пожираемый, и пожирающий объект. Объясняется это тем, что пожираение предполагает, даже на самых ранних этапах, интернализацию пожираемого объекта. Следовательно, Супер-Эго создается вокруг пожирающей груди (матери), к которой добавляется пожирающий пенис (отец). Эти жестокие и опасные внутренние фигуры становятся представителями инстинкта смерти. Параллельно с этим процессом происходит образование другого аспекта раннего Супер-Эго. Переведенная во внутренний план хорошая грудь (к которой добавляется хороший отцовский пенис) ощущается младенцем как кормящий и помогающий внутренний объект. Этот объект начинает символизировать инстинкт жизни. Страх быть уничтоженным включает в себя тревогу о том, что внутренний хороший объект может быть уничтожен. Тревога возникает из-за того, что этот объект ощущается необходимым условием, гарантией сохранения жизни. Угроза самости, исходящая от действующего инстинкта смерти, тесно связана с опасностями, которых можно ожидать от интернализированных пожирающих отца и матери, и равносильна страху смерти.

Согласно этим построениям, страх смерти с самого начала входит в состав страха перед Супер-Эго, а не является, как считал Фрейд, «финальной трансформацией» страха перед Супер-Эго.

Что же касается другого существенного момента, опасной ситуации, упомянутой Фрейдом в его исследованиях мазохизма, — страха кастрации, то я и в этом отношении занимаю несколько иную позицию. Я считаю, что страх смерти входит в состав страха кастрации, подкрепляет его, но не является «аналогичным» ему. Поскольку половые органы являются не только источником наиболее интенсивного либидинозного удовлетворения, но еще символизируют, представляют Эрос, и поскольку репродукция является принципиальным путем противодействия смерти, потеря половых органов может означать предел творческой силы, которая охраняет и продолжает жизнь.

IV

Если мы попытаемся отчетливо представить себе конкретные формы первичной тревоги, страха уничтожения, нам не следует забывать о беспомощности младенца перед лицом опасностей внешнего мира.

Я считаю, что первичные ситуации опасности возникают из-за активности действующего внутри младенца инстинкта смерти, который ощущается им как сокрушающая атака, как преследование. В этой связи прежде всего следует рассмотреть некоторые из процессов, являющихся результатом отклонения инстинкта смерти вовне, и пути, которыми они оказывают влияние на возникновение тревоги, связанной с внешними и внутренними ситуациями. Мы можем допустить, что борьба инстинкта жизни и инстинкта смерти на момент рождения уже началась, и что она усиливает тревогу преследования, возникающую в результате переживания этого болезненного опыта. Создается ощущение, что этот опыт заставляет враждебно воспринимать окружающий мир, включая первый внешний объект, материнскую грудь. Содействует этому и то обстоятельство, что Эго обращает деструктивные импульсы против первичного объекта. Младенец ощущает, что фрустрация, исходящая от груди, по сути своей представляющая угрозу для жизни, является реакцией на его собственные деструктивные импульсы, направленные на грудь. Младенец начинает считать, что грудь преследует его. К тому же младенец проецирует свои деструктивные импульсы на грудь, иначе говоря, происходит отклонение инстинкта

смерти вовне. Таким образом атакуемая материнская грудь становится внешним представителем инстинкта смерти. «Плохая» грудь тоже интроецируется, и это усиливает, как мы могли уже догадаться, внутренние ситуации опасности, т. е. страх перед внутренней активностью инстинкта смерти. Происходит это потому, что в результате интернализации «плохой» груди та часть инстинкта смерти, которая ранее отклонялась во внешний мир вместе со всеми ассоциируемыми с ней опасностями, теперь направляется внутрь, а Эго присоединяет ее к своему страху перед собственными деструктивными импульсами, направленными против внутренних плохих объектов. Часто случается так, что эти процессы происходят одновременно, поэтому мое описание нельзя рассматривать как построенное в хронологическом порядке. Подведем некоторые итоги: фрустрирующая (плохая) внешняя грудь благодаря работе механизма проекции становится олицетворением инстинкта смерти во внешнем мире. Посредством интроекции она подкрепляет основные внутренние ситуации тревоги. Это приводит к возрастанию силы стремления части Эго отклонять (проецировать) внутренние опасности (главным образом активность инстинкта смерти) во внешний мир. Следовательно, существует постоянное колебание между страхом перед деятельностью отклонившегося во внешний мир и оставшегося внутри инстинкта смерти, между страхом перед внешними и внутренними плохими объектами. На этом примере мы можем пронаблюдать взаимодействия между проекцией и интроекцией. Внешние опасности переживаются в свете опасностей внутренних, что приводит к интенсификации первых. С другой стороны, опасности, угрожающие извне, интенсифицируют постоянно присутствующие внутренние ситуации опасности. Это взаимодействие, хотя и в разной мере, продолжает существовать в течение всей жизни. Экстернализация внутренних ситуаций опасности представляет собой один из наиболее ранних методов защиты, используемых Эго в борьбе с тревогой и сохраняет свое фундаментальное значение в ходе дальнейшего развития.

Активность инстинкта смерти, отклонившегося во внешний мир, как и его работа внутри организма, не может рассматриваться отдельно от протекающей параллельно ей активности инстинкта жизни. Бок о бок с отклонением во внешний мир инстинкта смерти происходит перенесение инстинкта жизни на внешний объект посредством либидо. Объектом служит удовлетворяющая (хорошая) грудь, которая становится внешним олицетворением инстинкта жизни. Интроекция этого хорошего объекта увеличивает силу внутреннего инстинкта жизни. Переведенная во внутренний план хорошая грудь, ощущаемая как источник жизни, образует жизненно важную часть Эго, а ее сохранение становится императивной потребностью. Интроекция этого первого любимого объекта, следовательно, сложным образом связана со всеми остальными порождаемыми инстинктом жизни процессами. Интернализированная хорошая грудь и плохая, пожирающая грудь, образуют ядро Супер-Эго в его хорошем и плохом аспектах. Они символизируют борьбу между инстинктами смерти и инстинктом жизни, происходящую внутри Эго.

Вторым важным частичным объектом, который подвергается интроекции, является пенис отца, которому приписываются как «хорошие», так и «плохие» качества и свойства. Эти два опасных объекта, плохая грудь и плохой пенис, становятся прототипом внутренних и внешних преследователей.

Болезненные по своей природе переживания, фрустрации, исходящие от внутренних и внешних источников, — все это воспринимается как преследование, и первоначально приписывается воздействию внешних и внутренних преследующих объектов. Во всех переживаниях подобного рода тревога преследования и агрессия подкрепляют друг друга.

Это происходит потому, что пока агрессивные импульсы младенца через механизм проекции способны оказывать столь фундаментальное влияние на построение младенцем

образов преследующих фигур, сами эти фигуры будут увеличивать тревогу преследования. Это, в свою очередь, будет подкреплять агрессивные импульсы ребенка и его фантазии, направленные против тех внешних и внутренних объектов, которые кажутся опасными.

Параноидные расстройства, возникающие во взрослой жизни, на мой взгляд, в своем основании содержат тревогу преследования, переживавшуюся в течение первых месяцев жизни. Сутью страхов преследования, переживаемых параноидными пациентами, является ощущение, что существует враждебная сила, влияние которой способно принести им страдания, поставить под угрозу их благополучие или, вообще, угрожает тотальным уничтожением.

Эта враждебная, преследующая сила может быть представлена в виде одного или нескольких человек, а иногда даже в виде враждебных сил природы. Формы ужасающих пациента атак бесчисленны, и в каждом отдельном случае очень специфичны. Однако, по моему мнению, охватывающий параноидных личностей страх преследования всегда проистекает из страха перед уничтожением Эго, в конечном счете являясь последствием работы инстинкта смерти.

V

В этом разделе мне бы хотелось более подробно рассмотреть вопрос взаимосвязи тревоги и вины. В этой связи прежде всего, я думаю, нам следует обратиться к точкам зрения, нашедшим свое отражение в работах Фрейда и Абрахама. Позиция Фрейда отличалась двумя особенностями. С одной стороны, им не ставилось под сомнение существование тесных взаимосвязей вины и тревоги. С другой же стороны, Фрейд пришел к выводу, что понятие «вина» применимо только к проявлениям совести, которые являются результатом развития Супер-Эго. Супер-Эго, как мы знаем, по его мне нию, возникает как последствие Эдипова комплекса. Следовательно, к детям в возрасте до 4—5 лет такие понятия как «совесть» и «вина» не могут еще быть применены. Соответственно, в течение первых нескольких лет жизни тревога является чем-то обособленным от вины.

Согласно представлениям Абрахама вина возникает в ходе преодоления каннибалистических, а следовательно, агрессивных импульсов в течение ранней анально-садистической фазы (то есть, значительно раньше указанного Фрейдом срока). Однако Абрахам не уделил должного внимания дифференциации вины и тревоги. Ференци, который тоже не особо заботился о дифференциации понятий «вина» и «тревога», предположил, что нечто, определяющее природу вины, возникает в течение анального периода. Он пришел к заключению, что это может быть некая разновидность физиологического предзнаменования Супер-Эго, названная им «мораль сфинктера».

Эрнест Джонс затрагивает вопрос взаимодействия, происходящего между ненавистью, страхом и виной в своей работе, которая была впервые опубликована в 1929 году. Он выделил две различные фазы в развитии вины и предложил использовать для обозначения первой из выделенных им фаз понятие «до-нечестивой» стадии вины. Он связал это с садистическими прегенитальными стадиями развития Супер-Эго и выразил глубокую убежденность в том, что вина «всегда неизбежно связана с импульсами ненависти». Вторая стадия является «... стадией собственно самой вины, функция которой заключается в защите от внешних опасностей».

В работе «К вопросу о психогенезе маниакально-депрессивных состояний» я провожу разграничение между двумя основными формами тревоги — тревогой преследования и депрессивной тревогой, подчеркивая однако что различия между этими формами тревоги не всегда могут быть ясно очерчены.

Принимая во внимание это ограничение, я считаю, что дифференциация между этими двумя формами тревоги ценна как с практической, так и с теоретической точек зрения. В вышеупомянутой работе я пришла к заключению, что тревога преследования преимущественно связана с уничтожением Эго. Депрессивная же тревога преимущественно связана с переживаниями по поводу вреда, наносимого внутренним и внешним любимым объектам враждебностью субъекта. Депрессивная тревога имеет разнообразные содержания, такие, как, например: «хороший объект поврежден», «хороший объект страдает», «состояние хорошего объекта ухудшается», «он превращается в плохой объект», «он уничтожается», «он потерян», «он никогда больше не вернется». Я также пришла к выводу, что депрессивная тревога теснейшим образом связана с виной и со стремлением к репарации (возмещению).

Впервые представляя концепцию депрессивной позиции в вышеупомянутой работе, я выдвинула предположение, что депрессивная тревога и вина возникают вместе с интроекцией объекта как целого. Моя дальнейшая работа в направлении исследования параноидно-шизоидной позиции, предшествующей позиции депрессивной, привела меня к следующим заключениям. Несмотря на то, что на первой стадии преобладают деструктивные импульсы и тревога преследования, депрессивная тревога и вина уже на этом этапе играют определенную роль в наиболее раннем объектном отношении младенца. Я имею в виду его отношение к материнской груди.

На этапе параноидно-шизоидной позиции, то есть в течение первых 2—4 месяцев жизни, достигают максимальной интенсивности процессы расщепления. Эти процессы включают в себя расщепление как первого объекта (груди), так и чувств по отношению к нему. Ненависть и тревога преследования связываются с фрустрирующей (плохой) грудью. Любовь и доверие связываются с удовлетворяющей (хорошей) грудью. Однако даже на этих стадиях подобные процессы расщепления не бывают полностью действительны. Происходит это потому, что с самого начала жизни в Эго заложена тенденция к самоинтеграции и стремление синтезировать различные аспекты объекта. (В этой тенденции можно усмотреть еще одно выражение инстинкта жизни). Следовательно, периодически возникают переходящие состояния интегрированности даже у самых маленьких детей. Подобные состояния по мере развития становятся все более частыми и продолжительными, и в это время раскол между хорошей и плохой грудью значительно менее выражен.

В подобных состояниях интеграции обнаруживается определенная мера синтеза любви и ненависти в отношении к частичному объекту. На мой взгляд именно это служит истоком депрессивной тревоги, вины и желания восстановить поврежденный любимый объект — прежде всего, хорошую грудь. Таким образом обнаруживается связь между началом депрессивной тревоги и отношением к частичным объектам. Именно такой взгляд на вещи и некоторая модификация моих прежних теоретических предположений являются результатом более глубокой работы над наиболее ранними стадиями развития Эго и более полного осознания ступенчатой природы младенческого эмоционального развития. Мое глубокое убеждение в том, что базисом депрессивной тревоги является синтез деструктивных влечений и чувства любви по отношению к одному и тому же объекту не претерпело изменений, а вышеупомянутые перемены в теоретических воззрениях на нем никак не отразились.

Давайте теперь посмотрим, насколько сильное влияние оказывает эта модификация на концепцию депрессивной позиции. Сегодня я описала бы эту позицию следующим образом: на протяжении периода от 3 до 6 месяцев наблюдается существенный прогресс в интеграции Эго. Происходят очень важные перемены в природе объектных отношений младенца и в его процессах интроекции. Младенец все интенсивнее воспринимает и интроецирует мать в качестве целостной фигуры. Это подразумевает более полную идентификацию и более стабильное отношение к ней. Несмотря на то, что эти процессы все еще фокусированы преимущественно на матери, отношение младенца к своему отцу (и другим людям, образующим его окружение) претерпевает подобные же перемены. Отец тоже устанавливается (established) в психике младенца в качестве целостной фигуры. В то же время процессы расщепления ослабевают и связываются преимущественно с целыми объектами, в то время как на более ранних этапах они главным образом имели отношение к объектам частичным.

Контрастирующие аспекты объектов, а также противоречивые чувства, импульсы и фантазии, связанные с ними, значительно сближаются в психике младенца. Тревога преследования продолжает существовать, играя свою роль и на депрессивном этапе. Однако количественный ее показатель существенно уменьшается, а депрессивная тревога начинает доминировать над тревогой преследования. С тех пор, как существует персона, к которой ребенок испытывает любовь (переведенная во внутренний план и внешняя), поврежденная, как ему кажется, агрессивными импульсами, депрессивные чувства становятся значительно более сильными, чем те мимолетные переживания депрессивной тревоги и вины, которые появлялись в течение шизоидно-параноидной стадии. Более интегрированное Эго теперь все интенсивнее сталкивается с причиняющей боль психической реальностью. Эго сталкивается с недовольством и упреками, исходящими от интернализированных поврежденных матери и отца, являющихся теперь целостными объектами, персонами. Под гнетом этих страданий Эго вынуждено каким-то образом справляться с болезненной психической реальностью, что и приводит к возникновению всеподавляющего стремления оберегать, восстанавливать и воскрешать любимые объекты. Иначе говоря, появляется стремление к осуществлению возмещения (репарации). Весьма вероятно, что одновременно с появлением стремления к репарации происходит и развитие другого метода, позволяющего Эго справляться с депрессивной тревогой — маниакальной защиты.

Описанные мною шаги в развитии предполагают не только важные количественные и качественные изменения в чувстве любви, депрессивной тревоге и чувстве вины, но и совершенно новую комбинацию факторов, конституирующих депрессивную позицию.

Из предшествовавшего материала достаточно очевидно, что модификация моих воззрений на более ранние этапы развития депрессивной тревоги и вины не внесли каких-либо принципиальных изменений в мою концепцию депрессивной позиции.

Сейчас мне бы хотелось более подробно остановиться на процессах, благодаря которым появляются депрессивная тревога, вина и стремление к осуществлению репарации. Базисом депрессивной тревоги, как я уже сказала, является процесс, посредством которого Эго синтезирует деструктивные импульсы и чувство любви по отношению к одному и тому же объекту. Переживание собственной враждебности по отношению к любимому объекту, ощущение вреда, причиняемого любимому объекту собственными агрессивными импульсами я считаю сущностью вины. (Инфантильное чувство вины может распространяться на любой вред, причиненный любимому объекту, даже на вред, источником которого был преследующий объект.) Стремление уничтожить сделанное или возместить нанесенный ущерб возникает из-за того, что младенец считает себя причиной

этого несчастья. Следовательно, эти стремления возникают в результате вины. Репаративная тенденция таким образом может рассматриваться нами как последствие чувства вины.

Теперь возникает вопрос: является ли вина элементом депрессивной тревоги? Являются ли эти феномены двумя различными аспектами одного процесса или один из них — следствие проявления другого? До тех пор, пока я не смогу дать определенного ответа на этот вопрос, я буду придерживаться предположения, что депрессивная тревога, вина и репаративные стремления часто переживаются одновременно.

Кажется довольно правдоподобным, что депрессивная тревога, вина и стремления к осуществлению репарации переживаются только тогда, когда чувства любви по отношению к объекту преобладают над деструктивными импульсами. Иначе говоря, повторяющийся время от времени опыт преодоления ненависти и враждебности любовью, — а в конечном итоге преодоления инстинкта смерти инстинктом жизни, — является принципиальным условием, необходимым для развития способности Эго интегрировать себя и синтезировать контрастирующие аспекты объекта. В такие моменты или во время таких состояний, отношение к плохому аспекту объекта, включая и тревогу преследования, отходит на задний план.

Тем не менее в течение первых трех-четырех месяцев жизни, когда (согласно моим нынешним убеждениям) возникают депрессивная тревога и вина, процессы расщепления и тревога преследования достигают своего предела. Следовательно, тревога преследования очень быстро становится препятствием для процесса интеграции, а переживания депрессивной тревоги, вины и репаративных стремлений на этом этапе могут носить лишь переходный характер. В результате повреждений любимый объект может очень быстро быть заменен преследователем, а стремление восстанавливать или воскрешать любимые объекты может обернуться потребностью умиловать и умиротворять преследователя. И даже на следующем этапе, депрессивной позиции, когда более интегрированное Эго все интенсивнее интроецирует и устанавливает внутри целостные объекты, тревога преследования все еще присутствует. В течение этого этапа, как я уже говорила, младенец переживает не только горе, депрессию и вину, но еще и тревогу преследования, связанную с плохим аспектом Супер-Эго. Защиты против тревоги преследования существуют бок о бок с защитами против депрессивной тревоги.

Я снова подчеркиваю, что дифференциация депрессивной тревоги и тревоги, связанной со страхом преследования базируется на концептуальных определениях. В психоаналитической практике однако обнаруживается огромное множество подтверждений того, что проведение различий между депрессивной тревогой и тревогой преследования значительно облегчает понимание и объяснение эмоциональных ситуаций. Примером может послужить типичная картина, с которой мы часто сталкиваемся в ходе анализа депрессивного пациента: во время отдельных сеансов пациент демонстрирует нам искреннее страдание, причиняемое ему сильным чувством вины и отчаянием, которые вызваны его неспособностью возместить ущерб, который, как ему кажется, он причинил. Затем вдруг происходят существенные перемены. Пациент неожиданно продуцирует материал, отчетливо объединенный идеей преследования. Аналитик и анализ обвиняются в том, что не приносят ничего, кроме вреда и обид, заставляющих вновь переживать прошлые фрустрации. Процессы, лежащие в основании этих перемен, можно обобщить следующим образом: тревога преследования стала доминировать; чувство вины отступило на задний план; вместе с ослаблением чувства вины, кажется, исчезла и любовь к объекту. В этой изменившейся эмоциональной ситуации объект превращается в плохой, такой, который не может быть любим, и, следовательно, направленные на него деструктивные

импульсы находят свое объяснение. Это означает, что тревога преследования и защиты были подкреплены для того, чтобы избавиться от непреодолимого бремени вины и отчаяния. Во множестве случаев, конечно, пациенты могут демонстрировать долю тревоги преследования в сочетании с чувством вины, да и само установление доминирования не всегда происходит так драматично, как я это описала. Но в каждом из подобных случаев дифференциация между тревогой преследования и депрессивной тревогой помогает нам понять суть тех процессов, которые мы намереваемся анализировать.

Разделение на концептуальном уровне депрессивной тревоги, вины и стремления к осуществлению репарации, с одной стороны, и тревоги преследования, и защит против нее, с другой, оказалось полезным не только в практике психоанализа. Это разделение позволило пролить свет на множество проблем, связанных с изучением человеческих эмоций и поведения. Одной из областей знания, в которой, на мой взгляд, эта теория должна найти достойное применение, является изучение поведения и переживаний детей.

Кратко обобщу теоретические выводы относительно связи между тревогой и виной, сделанные на основании материала, представленного в этой секции. Вина сложным образом очень тесно связана с тревогой (вернее, со специфической формой тревоги — депрессивной тревогой). Вина приводит к возникновению репаративных тенденций, сама возникая в течение нескольких первых месяцев жизни в связи с наиболее ранними стадиями развития Супер-Эго.

VI

Соотношение первичной внутренней опасности и опасности, угрожающей извне, проливает свет на проблему «объективного» и «невротического» в тревоге. Фрейд обозначил различия между объективной и невротической тревогой следующим образом: «Объективная опасность — это опасность, о которой известно. Объективная тревога связана с опасностями именно такого рода. Невротическая же тревога — это тревога по поводу неизвестной опасности. Следовательно, невротическая опасность все еще требует тщательного изучения. Анализ показывает, что она во многом обусловлена инстинктом». В этой же работе встречается и такая мысль: «Объективная опасность — это опасность, угрожающая человеку со стороны внешних по отношению к нему объектов, в то время как невротическая опасность — это опасность, угрожающая со стороны инстинктивных потребностей».

В некоторых отношениях однако Фрейд довольно очевидно допускает существование взаимодействия между этими двумя источниками тревоги, да и сам опыт психоанализа показывает нам, что невозможно отчетливо разграничить объективный и невротический компоненты тревоги.

Сейчас мне бы хотелось вернуться к мысли Фрейда о том, что тревога обусловлена «тоской ребенка по кому-то, кого он любит и в ком остро нуждается». В описании фундаментального младенческого страха перед утратой Фрейд выдвигает следующее предположение: «Младенец еще не способен различать временное отсутствие и необратимую утрату. И ощутив отсутствие матери, младенец начинает вести себя так, как если бы она не вернулась уже никогда. Необходимо повторение противоположного утешительного опыта, чтобы он узнал, что за ее исчезновением следует возвращение» .

В другом месте, описывая страх потери любви, Фрейд приходит к мысли, что этот страх есть «видимое продолжение страха грудного младенца если он не находит мать. Вы понимаете, какая реальная ситуация опасности обнаруживается благодаря этому страху. Если мать отсутствует или лишает ребенка своей любви, он перестает быть уверен в удовлетворении своих потребностей и, возможно, испытывает самые неприятные чувства напряженности» .

Тем не менее в этой же работе Фрейд описывает данную ситуацию опасности под углом невротической тревоги, что очевидно свидетельствует о двойственности его подхода к рассмотрению этих инфантильных ситуаций. На мой взгляд, два основных источника младенческого страха перед утратой могут быть описаны следующим образом. Первый из них заключается в полнейшей зависимости ребенка от матери в плане удовлетворения его потребностей и ослабления напряжения. Тревога, берущая свое начало от этого источника, может быть названа объективной. Другим основным источником тревоги является опасение ребенка в отношении того, что любимая им мать уничтожена его садистическими импульсами или подвергается опасности уничтожения. Этот страх, который может быть назван «невротической тревогой», связан с матерью как с необходимым внешним (и внутренним) хорошим объектом. Именно этот страх содействует возникновению у младенца ощущения, что мать больше никогда не вернется. С самого начала существует устойчивое взаимодействие между этими двумя источниками тревоги, иначе говоря, между тревогой объективной и невротической, или между тревогой, своим происхождением обязанной внешним и внутренним источникам.

Далее, если внешняя опасность с самого начала связана с внутренней опасностью, угрожающей со стороны инстинкта смерти, то никакая ситуация опасности, возникновение которой обусловлено внешними причинами, не может переживаться маленьким ребенком как чисто внешняя и известная опасность. Однако не только дети неспособны осуществлять в этом отношении четкую дифференциацию. В некоторой степени взаимодействие между внешними и внутренними ситуациями опасности продолжает существовать в течение всей жизни.

Это со всей очевидностью продемонстрировали анализы, проводившиеся в военное время. Оказалось, что даже при работе с нормальными взрослыми людьми, тревога, вызываемая воздушными налетами, бомбами, пожарами и т. п., то есть «объективными» ситуациями опасности, могла быть только ослаблена в ходе анализирования непосредственно самой актуальной ситуации и приводила к возникновению огромного количества ранних тревог. У множества людей чрезмерная тревога, своим происхождением обязанная этим источникам, вызывала мощнейшее отрицание (маниакальную защиту) объективных ситуаций опасности, что проявлялось в видимом отсутствии страха. Подобные явления очень часто наблюдались у детей и их невозможно объяснить одним лишь недостаточным осознанием реальности опасности. Случаи анализа показывали, что объективные ситуации опасности в такой мере воскрешали ранние детские фантастические тревоги, что ребенок вынужден был отрицать даже объективную ситуацию опасности. В других случаях относительная устойчивость детей, несмотря на опасности военного времени, была обусловлена не столько действием маниакальной защиты, сколько более успешной модификацией ранней тревоги преследования и депрессивной тревоги, что привело к возникновению большего ощущения безопасности, как в отношении внешнего, так и в отношении внутреннего мира. Сказалась эта удачная модификация и на отношении к родителям. У таких детей, даже если их отец отсутствовал, спокойствие и уверенность, получаемые от присутствия матери и от домашней жизни, удачно противостояли страхам, вызываемым объективными опасностями. Эти наблюдения становятся более понятными, если мы вспомним о том, что восприятие маленьким ребенком окружающей его

реальности и внешних объектов постоянно подвергается влиянию со стороны его фантазий. Подобная ситуация, хотя и в меньшей мере, присутствует в течение всей жизни. Внешние переживания, дающие начало тревоге, даже у нормальной личности сразу активизируют тревогу, происходящую от внутриспсихических источников. Взаимодействие между объективной тревогой и тревогой невротической, или, иначе говоря, взаимодействием между тревогой, происхождением своим обязанной внешним или внутренним источникам, аналогично взаимодействию между внешней реальностью и реальностью психической.

Оценивая, является ли тревога невротической или нет, не следует забывать о моменте, неоднократно подчеркивавшемся Фрейдом — количестве тревоги, происходящей от внутренних источников. Этот фактор однако связан со способностью Эго развивать адекватные защиты против тревоги, то есть, с соотношением силы тревоги и силы Эго.

VII

Из представленных выше рассуждений легко сделать вывод, что мои взгляды, сформировавшиеся на базе подхода к агрессии, довольно серьезно отличаются от основных течений психоаналитической мысли. Тот факт, что Фрейд впервые исследовал агрессию как элемент детской сексуальности в качестве некоего придатка к либидо (садизм), оказал чрезвычайно сильное и долговременное влияние на исследование агрессивности вообще. Долгое время психоаналитические интересы были сфокусированы на либидо, а агрессия воспринималась, в большей или меньшей мере, как некоторое дополнение к либидо. В 1920 году Фрейд обнаружил, что инстинкт смерти проявляет себя в деструктивных импульсах и действует в слиянии с инстинктом жизни. В 1924 году Абрахамом были проведены более глубокие исследования проявлений садизма, встречающихся у маленьких детей, которые основывались на фрейдовских предположениях. Но даже после этих исследований, как мы можем заметить анализируя основную массу психоаналитической литературы, психоаналитическое мышление концентрировалось в основном на проблемах, связанных с либидо и с защитами против либидинозных импульсов. Соответственно, продолжает игнорироваться значимость агрессии и ее скрытых проявлений.

С самого начала моей психоаналитической работы я заинтересовалась феноменом тревоги и причинами, обуславливающими ее проявления. Это позволило мне достичь более глубокого понимания сути взаимосвязей, существующих между агрессией и тревогой. Анализ маленьких детей, на базе которого я сформировала свою «игровую технику», укрепил меня в убежденности относительно правильности моего подхода. В ходе анализа детей обнаружилось, что их тревога может быть смягчена лишь посредством анализирования садистических фантазий и импульсов. Я стала более высоко оценивать роль агрессии в садистических проявлениях и рассматривать ее в качестве одной из причин возникновения тревоги. Эта более полная оценка значимости агрессии привела к тому, что у меня сложились определенные теоретические представления, которые я и отразила в работе «Ранние стадии Эдипова конфликта» (1927). Именно в этой работе я выдвинула предположение о том, что тревога и вина возникают в течение первого года жизни ребенка, как в случае нормального, так и в случае патологического развития. Я обнаружила, что возникновение тревоги и вины тесно связано с процессами проекции и интроекции, с ранними стадиями развития Супер-Эго и с Эдиповым комплексом. Кроме того обнаружилось, что в этих тревогах агрессия и защиты против нее играют первостепенную роль.

Дальнейшая работа в этом направлении велась Британским психоаналитическим обществом начиная с 1927 года. В составе этого общества в тесном сотрудничестве работало множество психоаналитиков, которые внесли неизмеримый вклад в понимание роли агрессии в душевной жизни человека. Если же брать психоаналитическое мышление в общем, то перемены во взглядах в этом отношении были малозначительны, а исследования этой проблематики за последние 15 лет носили чисто спорадический характер. В последнее время однако ситуация понемногу стала изменяться в лучшую сторону.

Одним из результатов новых работ в области изучения агрессии было осознание огромной важности репаративных тенденций, являющихся выражением инстинкта жизни в его борьбе с инстинктом смерти. Это позволило не только лучше понять природу деструктивных импульсов, но и пролило свет на взаимодействие инстинктов жизни и смерти, а следовательно, и на роль либидо во всех душевных и эмоциональных процессах.

На всем протяжении этого раздела я пыталась обосновать свое утверждение о том, что инстинкт смерти (деструктивные импульсы) является первичным фактором, обуславливающим возникновение тревоги. В моих рассуждениях кроме того подразумевалось (в частности, в описании процессов, приводящих к возникновению тревоги и вины), что первичный объект, против которого направлены деструктивные импульсы, является объектом либидо, а следовательно, существует взаимодействие между агрессией и либидо. Взаимодействие это, в конечном итоге представляющее собой как слияние, так и совершенную противоположность двух инстинктов, и является причиной тревоги и вины. Еще одним аспектом этого взаимодействия является ослабление деструктивных импульсов посредством либидо. Оптимальное взаимодействие либидо и агрессии подразумевает, что тревога, возникающая в результате непрекращающейся активности инстинкта смерти, хотя и никогда не устраняется, но удерживается и нейтрализуется благодаря мощи инстинкта жизни.

9. Заметки о некоторых шизоидных механизмах

Введение

В данном разделе обсуждается вопрос значимости ранних параноидных и шизоидных тревог и механизмов. Я в течение многих лет размышляла над этой проблемой, разрешить которую мне позволило только достижение понимания сути инфантильных депрессивных процессов. Однако в ходе дальнейшей разработки концепции инфантильной депрессивной позиции я снова вынуждена была обратить свое внимание на фазу, предшествующую этой позиции. Сейчас я попытаюсь кратко сформулировать некоторые предположения, выдвинутые мною ранее относительно ранних тревог и механизмов.

Предлагаемые вашему вниманию гипотезы имеют отношение к очень ранним периодам развития младенца. Выработаны они в результате размышлений над материалом, полученным в ходе анализа взрослых и детей. Некоторые из предложений, кажется, вполне совпадают с наблюдениями, хорошо знакомыми нам из психиатрической практики. Детальное и подробное обоснование моих суждений требует в качестве материала предоставить досконально разобранные и проработанные истории анализа отдельных пациентов. К сожалению, в данной работе я просто в силу объективных ограничений не имею возможности подобного детального обоснования, но надеюсь в будущем исправить это упущение.

Для начала полезно было бы кратко обобщить положения, касающиеся наиболее ранних стадий развития и выдвигавшиеся уже мною ранее.

В раннем младенчестве в результате того, что Эго развивает особые, специфические защитные механизмы, возникают характерные для психозов тревоги. В течение этого периода определяются точки фиксации всех психотических расстройств. Это мое предположение заставляет некоторых людей думать, что я ко всем младенцам отношусь как к психотикам, что однако меня не удивляет, так как мне уже приходилось сталкиваться с недопониманием подобного рода в других случаях. Психотические тревоги, механизмы и Эго-защиты младенчества оказывают существенное воздействие на все аспекты развития, включая развитие Эго, Супер-Эго и объектных отношений.

Ранее я уже высказала предположение, что объектные отношения существуют с самого начала жизни. Первым объектом является материнская грудь, которую младенец расщепляет на «хорошую» (удовлетворяющую) и «плохую» (фрустрирующую) грудь. Такого рода расщепление имеет своим результатом разделение любви и ненависти. Далее я предположила, что отношение к первичному объекту подразумевает его интроекцию и проекцию. Следовательно, с самого начала объектные отношения формируются во взаимодействии между интроекцией и проекцией, между внутренними и внешними объектами и ситуациями. Эти процессы принимают участие в формировании Эго и Супер-Эго и подготавливают почву для возникновения Эдипова комплекса в период второй половины первого года жизни.

С самого начала деструктивные импульсы направлены против объекта, и впервые они проявляются ребенком в фантазировании орально-садистических атак на материнскую грудь. Постепенно эти атаки трансформируются в фантазии нападения на тело матери всевозможными садистическими способами.

Орально-садистические импульсы, выражающиеся в стремлении лишиться материнское тело всего его хорошего содержимого, и анально-садистические импульсы,

выражающиеся в стремлении наполнить тело матери экскрементами (включая желание проникнуть внутрь ее тела, чтобы контролировать ее изнутри), дают начало возникновению у младенца страхов преследования, играющих важную роль в развитии паранойи и шизофрении.

В предыдущих работах я перечислила различные типы защит, присущие раннему Эго — как, например, механизмы расщепления объекта и импульсов, идеализации, отрицания внешней и внутренней реальности, подавления эмоций. Я также упоминала о различных составляющих тревоги, включая страх быть отравленным и съеденным. Большинство из этих феноменов, широко распространенных в период первых нескольких месяцев жизни, позднее обнаруживаются в симптоматической картине шизофрении.

Этот ранний период (первоначально обозначенный мною как «фаза преследования») в последствии был обозначен как «параноидная позиция». Я по-прежнему придерживаюсь мнения, что она предшествует депрессивной позиции. Если страхи преследования слишком сильны, то это является, среди прочих, одной из причин, которая не позволяет ребенку преодолеть параноидно-шизоидную позицию. Это, в свою очередь, задерживает и преодоление младенцем депрессивной позиции. Подобная неудача может привести к регрессивному укреплению страхов преследования, а также к усилению точек фиксации тяжелых психозов (то есть, группы шизофренических расстройств). Другим последствием сложностей, возникших в течение депрессивной позиции, может быть возникновение в дальнейшем развитии признаков маниакально-депрессивных расстройств. Я также пришла к выводу, что менее серьезные нарушения, имеющие место в этот период, во многом определяют выбор типа невроза, который может возникнуть в дальнейшем развитии.

Несмотря на то, что последствия преодоления депрессивной позиции зависят от успешности преодоления предшествующей ей фазы, я все же приписываю именно депрессивной позиции центральную роль в раннем детском развитии. Ведь именно с интроекцией целостных объектов ребенком происходят фундаментальные изменения в структуре его объектных отношений. Синтез любимых и ненавидимых аспектов целостного объекта рождает у младенца чувство вины и скорби. Подобные изменения подразумевают существенное продвижение в эмоциональном и интеллектуальном развитии, важность которых для формирования психики трудно переоценить. Этот этап является также критическим рубежом в выборе типа невроза или психоза. Ко всем вышеприведенным умозаключениям я еще вернусь впоследствии.

Несколько замечаний по поводу последней работы Фэйрберна

В своих последних работах Р.Д. Фэйрберн уделяет много внимания материалу, который по своему содержанию близок теме моих исследований. Таким образом я считаю не лишним смысла прояснить принципиально важные моменты, сближающие и различающие наши позиции. Читатель может заметить, что некоторые из выводов, представляемых мной в этой работе, вполне согласуются с положениями Фэйрберна. В то же время существуют и принципиальные различия в наших взглядах. Фэйрберн подходит к проблеме объекта с точки зрения развития Эго, тогда как я делаю акцент на модификации ранних тревог. Фэйрберн называет наиболее раннюю фазу «шизоидной позицией». Он утверждает, что эта позиция представляет собой часть нормального развития и является базисом возникновения шизоидных и шизофренических заболеваний, расстройств во взрослой жизни. Я согласна с этим его утверждением и считаю, что

описания шизоидных феноменов, сделанные Фэйрберном, представляют собой очень серьезные и значимые работы. Эти описания помогают нам понять многие аспекты шизоидного поведения и шизофрении. Я также считаю важной и правильной точку зрения Фэйрберна на группу шизоидных и шизофренических расстройств: я согласна с ним в том, что эта группа действительно шире, чем принято считать. Особое ударение, делаемое им на неотъемлемой связи, существующей между шизофренией и истерией, на мой взгляд, вполне обосновано, а данная проблема заслуживает пристального внимания. Предлагаемый Фэйрберном термин «шизоидная позиция» является вполне приемлемым, если его понимать как охватывающий страх преследования, и шизоидные механизмы.

Я не согласна — и это, вероятно, одно из наиболее принципиальных разногласий, которые существуют между нами, с осуществленным Фэйрберном пересмотром теории психических структур и инстинктов. Не разделяю я и его мнения о том, что интернализированным является прежде всего плохой объект. Эта точка зрения предопределяет возникновение серьезных различий в наших взглядах, как на развитие объектных отношений, так и на Эго-развитие в общем. Я придерживаюсь мнения, что интроецированная «хорошая грудь» образует одну из важнейших частей Эго. Кроме того, она с самого начала оказывает фундаментальное влияние на процесс Эго-развития, затрагивая как структуру Эго, так и объектные отношения. Я также не согласна с представлением Фэйрберна о том, что «... величайшей проблемой шизоидных личностей является возможность любить, не уничтожая любовью...; в то время как величайшей проблемой депрессивных личностей является возможность любить, не принося уничтожения ненавистью». Это умозаключение согласуется не только с его неприятием фрейдской концепции первичных инстинктов, но и с тем, что Фэйрберн явно недооценивает ту роль, которую с самого начала жизни играют агрессия и ненависть. Вследствие перечисленных особенностей его подхода Фэйрберн не придает достаточного значения ранним тревогам и конфликтам, как и их динамическому влиянию на ход развития.

Некоторые проблемы раннего Эго

В нижеследующем обсуждении проблемы я постараюсь выделить один аспект Эго-развития и умышленно не буду пытаться привязать его к проблемам Эго-развития в целом. Не представляется возможным в этой статье и детальное обсуждение связей, существующих между Эго и Ид, Эго и Супер-Эго.

До недавних пор нам было известно очень мало о структуре раннего Эго. Некоторые из появившихся в последнее время предположений, затрагивающих эту тему, не показались мне убедительными. В частности, я имею в виду концепцию Гловера, говорящую о существовании Эго-ядра, а также гипотезу Фэйрберна о центральном и двух вспомогательных Эго. На мой взгляд, значительно больше проясняет ситуацию работа Винникотта, который акцентирует внимание на неинтегрированности раннего Эго. В этой работе Винникотт также описывает патологические последствия состояний отсутствия интегрированности Эго, как, например, случай с пациенткой-женщиной, которая не могла различить себя и свою сестру-близнеца. Я согласна с его точкой зрения, и все же добавила бы, что раннее Эго испытывает нехватку связности, а стремление к интеграции чередуется в нем со стремлением к дезинтеграции, распаду на части. На мой взгляд подобные колебания являются характерной особенностью развития, происходящего в течение первых месяцев жизни младенца.

Мы, как мне кажется, вполне можем допустить, что некоторые из функций, о которых мы знаем в результате исследований взрослого Эго, возникают на этой стадии. Особую важность приобретают те из них, задачей которых является борьба с тревогой. Я придерживаюсь мнения, что тревоге дает начало действие внутри организма инстинкта смерти. Это действие ощущается как страх уничтожения (смерти) и приобретает форму страха преследования. Затем страх перед деструктивными импульсами прикрепляется к объекту, или, скорее, он переживается теперь как страх перед сверхмощным и неконтролируемым объектом. Другим важным источником первичной тревоги является травма рождения (сепарационная тревога) и фрустрация телесных потребностей. Эти переживания, тоже присутствующие с самого начала жизни, ощущаются как причиняемые объектами. Даже если эти объекты воспринимаются как внешние, то посредством интроекции они превращаются во внутренних преследователей. Таким образом происходит подкрепление страха перед деструктивными импульсами, действующими изнутри.

Жизненная необходимость справляться с тревогой вынуждает Эго развивать фундаментальные механизмы защиты. Деструктивные импульсы частично проецируются наружу (отклонения инстинкта смерти от его первоначального направления) и, как я считаю, прикрепляются к первому внешнему объекту — материнской груди. Как отметил Фрейд, оставшаяся часть деструктивных импульсов продолжает существовать внутри организма, сдерживаемая в какой-то мере благодаря либидо. Однако ни один из этих процессов не достигает своих целей полностью, а следовательно, страх быть уничтоженным изнутри и тревога продолжают существовать. Это, на мой взгляд, вполне гармонично согласуется с присутствующим недостатком связности Эго и с его стремлением к распаду на части под давлением угроз и страхов.

Вопрос о том, возникают ли некоторые активные процессы расщепления внутри Эго, не возникает у нас даже в отношении наиболее ранних стадий развития. Как мы предполагаем, раннее Эго расщепляет объект и отношение к нему активным способом, что подразумевает наличие некоего активного расщепления самого Эго. В любом случае результатом расщепления является рассеивание деструктивных импульсов, которые кажутся источниками опасности. Я считаю, что первичная тревога, связанная со страхом быть уничтоженным деструктивной силой изнутри, вместе со спецификой ответа Эго, заключающегося в распаде на части или расщеплении себя, может быть крайне важным компонентом во всех шизофренических процессах.

Процессы расщепления в отношении к объекту

Деструктивные импульсы, проецируемые наружу, первоначально переживаются как оральная агрессия. Я убеждена, что орально-садистические импульсы, направленные на материнскую грудь, действуют с самого начала жизни. При этом я вполне согласна, что с началом периода прорезания зубов каннибалистические импульсы и желания значительно усиливаются (момент, который особенно подчеркивался Абрахамом).

Во время состояний фрустрации и тревоги орально-садистические и каннибалистические желания усиливаются, и тогда младенец ощущает, что он получает и сосок и саму грудь по частям. Следовательно, кроме разделения на «плохую» и «хорошую» грудь, которое производит ребенок в своих фантазиях, появляется еще и ощущение фрагментированности фрустрирующей груди, атакуемой ребенком в его орально-садистических фантазиях. Приносящую же удовлетворение грудь, принимаемую под

влиянием доминирующего либидо, младенец ощущает как целостный объект. Этот первый внутренний хороший объект занимает центральное место в раннем Эго. Он противодействует процессам расщепления и рассеивания, содействуя увеличению связанности и интегрированности Эго. Первый внутренний хороший объект можно назвать инструментом формирования и укрепления Эго. Однако появившиеся у младенца ощущение того, что он имеет внутри целостный объект — хорошую грудь — может быть поколеблено фрустрацией и тревогой. В результате этого ребенку может стать очень сложно удерживать обособленные друг от друга представления о хорошей и плохой груди, и он начинает чувствовать, что и хорошая грудь тоже состоит из частей.

Я считаю, что Эго не способно к расщеплению объекта, внешнего или внутриспсихического, без того, чтобы соответствующий процесс расщепления имел место внутри самого Эго. Следовательно, фантазии и чувства по поводу состояния внутреннего объекта оказывают фундаментальное влияние на структуру Эго. Чем больше садизм превалирует в процессе инкорпорации объекта и чем более объект ощущается разбитым на части, тем более Эго подвергается опасности быть расщепленным в отношении к фрагментам переведенного во внутренний план объекта.

Описанные мною процессы вне сомнения тесно связаны с фантазийной жизнью ребенка. Тревоги, которые стимулируют механизм расщепления, по природе своей тоже фантастичны. И несмотря на то, что младенец расщепляет объект и самость только в фантазии, последствия этой фантазии являются весьма реальными. Происходит это потому, что фантазия приводит к ощущениям и отношениям (а позднее и мыслительным процессам), которые в действительности отделены друг от друга.

Расщепление в отношении проекции и интроекции

До сих пор я имела дело с процессом расщепления в основном как с наиболее ранним Эго-механизмом и защитой против тревоги. Интроекция и проекция с самого начала жизни так же используются для осуществления этой первичной задачи Эго. Проекция, как она была описана Фрейдом, происходит из отклонения инстинкта смерти от его первоначального направления, и, на мой взгляд, она помогает Эго преодолеть тревогу посредством избавления от опасности и всего плохого, что есть в нем. Интроекция хороших объектов, кроме того, используется Эго в качестве защиты от тревоги.

Тесно связаны с проекцией и интроекцией и другие механизмы. В данной работе я прежде всего попытаюсь осветить связь между расщеплением, идеализацией, отрицанием и механизмами проекции и интроекции. В том, что касается расщепления объекта, мы должны помнить, что во время состояний удовлетворения любовные чувства направляются на удовлетворяющую младенца грудь. Во время же состояний фрустрации ненависть и тревога преследования переносятся на фрустрирующую грудь. Идеализация тесно связана с расщеплением объекта, поскольку хорошие аспекты груди преувеличиваются и становятся защитой от страха преследующей груди. Несмотря на то, что идеализация таким образом проистекает из страха преследования, она, в то же время детерминируется мощью инстинктивных желаний, целью которых являются безграничное удовлетворение. Таким образом идеализация создает картину неистощимой и всегда щедрой — иначе говоря, «идеальной», груди.

Пример такого расщепления мы можем обнаружить в инфантильных галлюцинаторных удовлетворениях. Основные процессы, входящие в структуру идеализации, также

принимают участие и в галлюцинаторном удовлетворении. Это определенно можно сказать о расщеплении объекта и отрицании как фрустрации, так и преследования. Происходит надежное обособление преследующего и идеализируемого объектов друг от друга. Однако происходит не только обособление плохого объекта от хорошего. Начинает отрицаться сам факт существования плохого объекта, а вместе с этим отрицается и ситуация фрустрации в целом. Отрицание охватывает и те неприятные ощущения, которые появляются в результате фрустрации. Этот процесс тесно связан с отрицанием психической реальности. Отрицание психической реальности становится возможным только благодаря сильному чувству всемогущества, которое является фундаментальной характеристикой ранней психики. Всемогущее отрицание существования плохих объектов и болезненных ситуаций является бессознательным эквивалентом уничтожения посредством деструктивных импульсов. Это затрагивает однако не только ситуацию и объект, которые отрицаются и уничтожаются — в результате страдает и объектное отношение. Таким же образом отрицается и уничтожается и часть Эго, из которой исходили чувства по отношению к объекту.

Следовательно, в галлюцинаторном удовлетворении мы можем выделить два различных, но взаимосвязанных процесса: всемогущее вызывание в воображении (*omnipotent conjuring*) идеального объекта и ситуации и столь же всемогущее уничтожение плохого, преследующего объекта и болезненной ситуации. Базируются оба эти процесса на расщеплении как объекта, так и Эго.

К сказанному можно добавить, что на этой ранней стадии расщепления отрицание и всемогущество играют роль, подобную той, которую играет вытеснение на более поздних этапах Эго-развития. Обдумывая важность процессов отрицания и всемогущего контроля для стадии развития, характеризуемой шизоидными механизмами и страхом преследования, уместно было бы вспомнить о присущих шизофрении маниакальных величия и преследования.

До этого момента, рассуждая о страхе преследования, я выделяла только оральные его элемент. Однако несмотря на то, что оральное либидо на этом этапе все еще сохраняет ведущее положение, на передний план начинают выходить либидинозные и агрессивные фантазии не-оральной природы. В результате подобных перемен происходит слияние оральных, анальных и уретральных импульсов как агрессивного, так и либидинозного характера. Кроме того, осуществляется трансформация воображаемых атак на материнскую грудь такого же рода атаки, осуществляемые на тело матери, которое начинает ощущаться младенцем так, как будто бы оно является продолжением груди. Происходит это даже до того, как мать начинает восприниматься в качестве целостного объекта. Бешеное нападение на тело матери в фантазиях младенца осуществляется по двум основным направлениям. Одно из них объединяет преимущественно оральные импульсы, стремления опустошить, искушать, исчерпать и лишит тело матери всех его хороших частей. (Мы обсудим в дальнейшем влияние этих импульсов на развитие объектных отношений в связи с интроекцией.) Другое направление атак имеет в своем основании анальные и уретральные импульсы и направлено на удаление опасных субстанций (экскрементов) наружу и помещение их внутри тела матери. Вместе с этими вредными экскрементами отторгаются и ненавидимые, отколовшиеся части самости младенца, проецируясь на мать, или, я скорее сказала бы, внутрь матери. Эти экскременты и плохие части самости символизируют не только нанесение повреждения объекту, но также обозначают и обладание, контроль над объектом. Таким образом, поскольку мать становитсяместилищем плохих частей самости младенца, она не ощущается как сепарированная индивидуальность. Младенец ощущает ее как плохую самость.

Ненависть по отношению к различным частям собственной самости в значительной мере направляется теперь на мать. Это приводит к появлению специфических форм идентификации, которые образуют прототип агрессивного объектного отношения. Я предлагаю использовать для обозначения этих процессов термин «проективная идентификация». Когда проекция главным образом происходит от побуждения причинить вред матери и контролировать ее, младенец начинает ощущать мать в качестве преследователя.

Однако проецируются и выталкиваются наружу не только плохие части самости, но и хорошие. Экскременты в таком случае приобретают значение подарков. Части Эго, которые вместе с экскрементами проецируются в другого человека и выталкиваются наружу, представляют теперь хорошие части самости (т. е. те, по отношению к которым испытывается любовь). Идентификация, основывающаяся на этом типе проекции, опять же оказывает жизненно важное влияние на объектные отношения. Проекция хороших чувств и хороших частей самости вовнутрь матери существенно важна для формирования у младенца способности развивать хорошие объектные отношения и интегрировать свое Эго. Тем не менее, если эти проективные процессы имеют слишком сильный размах, то хорошие части личности ощущаются потерянными. В результате этого мать становится Эго-идеалом. Кроме того, этот процесс приводит к ослаблению и истощению Эго. Очень скоро такие процессы переносятся на других людей, в результате чего появляется сверхсильная зависимость от этих внешних представителей собственных хороших частей личности. Другим последствием этого процесса является возникновение страха перед ощущением потери способности любить. Происходит так потому, что любимые объекты ощущаются таковыми, являясь преимущественно представителями хороших частей самости.

Процесс отщепления частей самости и проецирования их в другие объекты таким образом является жизненно важным компонентом нормального развития, в той же мере, в которой он важен для формирования патологических объектных отношений.

Значимость влияния интроекции на объектные отношения столь же велика. Интроекция хорошего объекта, прежде всего материнской груди, является предпосылкой нормального развития. Ранее я уже описывала, как первый хороший объект становится центральной точкой в Эго и содействует увеличению его целостности и интегрированности. Еще одной характерной чертой наиболее раннего отношения к хорошему (внутреннему и внешнему) объекту является тенденция идеализировать его. В состояниях фрустрации или возрастания тревоги младенец испытывает побуждение обратиться в бегство и стремится к своему внутреннему идеализированному объекту как к средству спастись от преследования. Этот механизм может привести к различного рода серьезным нарушениям — когда страх преследования слишком силен, бегство к идеализируемому объекту приобретает чрезмерные масштабы, что сильно затрудняет Эго-развитие и нарушает объектные отношения. В результате Эго может ощущаться как полностью подчиненное и зависимое от внутреннего объекта, как некая оболочка. Вместе с неассимилированным идеализируемым объектом появляется и ощущение того, что Эго само по себе не имеет ни ценности, ни жизни. Я считаю, что при бегстве к неассимилированному идеализируемому объекту становятся неизбежными дальнейшие процессы расщепления внутри Эго. Происходит это потому, что одни части Эго пытаются слиться с идеальным объектом, в то время как другие стремятся справиться с внутренними преследователями.

Процессы расщепления Эго и внутренних объектов приводят к ощущению, что Эго разбито на части. Подобное ощущение равносильно состоянию дезинтеграции. В нормальном развитии переживаемые младенцем состояния дезинтеграции являются

преходящими. Среди прочих факторов, помогающих преодолеть эти шизоидные состояния, можно особо выделить удовлетворение, получаемое от хорошего внешнего объекта. Способность младенца справляться с временными шизоидными состояниями тесно связана с огромной способностью к восстановлению и высокой эластичностью психики ребенка. Если же состояния расщепления, а, следовательно, дезинтеграции, которую не способно преодолеть Эго, наблюдается слишком часто и длится слишком долго, то это, на мой взгляд, следует рассматривать как явный признак шизофренического заболевания, проявляющегося еще во младенчестве. Некоторые из признаков этого заболевания могут быть обнаружены уже в возрасте нескольких месяцев. Встречающихся же у взрослых пациентов состояния деперсонализации и шизофренической диссоциации, на мой взгляд можно рассматривать как регрессию в направлении инфантильных состояний дезинтеграции.

Если судить по моему клиническому опыту, чрезмерность страхов преследования и шизоидных механизмов в период раннего младенчества может оказывать губительный эффект на самые первые стадии интеллектуального развития младенца. Определенные формы психических дефицитов могут таким образом быть рассмотрены как принадлежащие к группе шизофренических. Соответственно, и при рассмотрении проблемы психических дефицитов у детей любого возраста мы не должны упускать из виду возможность шизофренического заболевания в период раннего младенчества.

До сих пор мы занимались рассмотрением некоторых из влияний, оказываемых чрезмерной интроекцией и проекцией на объектные отношения. Я умышленно не пыталась детально исследовать в этой работе множество факторов, которые в одних случаях содействуют преобладанию интроективных, а в других случаях — проективных процессов. В отношении нормальной личности можно сказать, что в ходе Эго-развития и построения структуры объектных отношений очень многое зависит от того, в какой мере был достигнут оптимальный баланс между интроекцией и проекцией на ранних стадиях развития. Это, в свою очередь, связано с процессом интеграции Эго и ассимиляцией внутренних объектов. Даже в том случае, если равновесие нарушается и тот или другой из этих процессов становится чрезмерным, существует все же некоторое взаимодействие между интроекцией и проекцией. Например, проекция преимущественно враждебного внутреннего мира, который подчинен страхам преследования, приводит к интроекции — обратному восприятию враждебного внешнего мира. И наоборот — интроекция искаженного и враждебного внешнего мира подкрепляет проекцию враждебного внутреннего мира.

Другим аспектом проективных процессов, как мы видим, является мощное проникновение внутрь объекта и контроль над ним со стороны частей самости. Вследствие этого интроекция может вызывать у младенца ощущение массивного проникновения окружающего мира вовнутрь, которое воспринимается им как возмездие за яростную проекцию. Это может привести к страху, что не только тело, но и психика младенца контролируется другими враждебно настроенными людьми. В результате могут возникнуть серьезные нарушения в процессе интроекции хороших объектов. Эти нарушения оказывают тормозящее влияние на все Эго-функции, а также на сексуальное развитие, и способны спровоцировать чрезмерный уход во внутренний мир. Уход этот однако обусловлен не только страхом перед интроекцией опасного окружающего мира, но и страхом перед внутренними преследователями и вытекающим из него стремлением к слиянию с идеализируемым внутренним объектом.

Я уже упоминала, что проективная идентификация и расщепление, если они чрезмерны, могут привести к ослаблению и истощению Эго. Это ослабленное Эго среди прочего

становится неспособно также к ассимиляции своих внутренних объектов, что приводит к ощущению контроля с их стороны. Опять же, подобное ослабленное Эго переживает свою неспособность принять обратно внутрь себя те части, которые были проецированы в окружающий мир. Все эти разнообразные нарушения, проявляющиеся в процессе взаимодействия проекции и интроекции, в определенной мере обусловлены чрезмерным расщеплением Эго. Такие нарушения оказывают губительное воздействие на связь между внутренним и внешним миром личности и, весьма возможно, являются источником развития некоторых форм шизофрении.

Проективная идентификация является основой многих ситуаций тревоги. Кратко упомяну некоторые из них. Фантазия о мощном проникновении в объект рождает тревоги, связанные с опасностями, которым может подвергнуться субъект внутри объекта. Например, стремление контролировать объект изнутри возбуждает боязнь быть контролируемым и преследуемым, находясь внутри его. Благодаря интроекции и реинтроекции проникновения в объект значительно усиливаются переживаемые субъектом ощущения внутреннего преследования. Эти ощущения все больше усиливаются по мере того, как реинтроецированный объект становится вместилищем представляющих опасность аспектов самости. Ассимиляция тревог этой природы, в которых Эго, так сказать, мечется между разнообразными внутренними и внешними ситуациями преследования, является базовым элементом паранойи.

Ранее я уже описывала возникающие у младенца фантазии о нападении и садистическом проникновении в материнское тело как дающие начало различным ситуациям тревоги (в особенности, страху быть заточенным и преследуемым внутри материнского тела), которые являются почвой для возникновения паранойи. Я также отмечала, что боязнь быть заключенным внутри материнского тела (а особенно, страх перед атаками со стороны пениса) является важным фактором, обуславливающим возникновение в дальнейшем нарушений мужской потенции (импотенции), а также лежащим в основании такого явления, как клаустрофобия.

Шизоидные объектные отношения

Обобщим теперь некоторые из обнаруженных нами нарушений объектных отношений у шизоидных личностей. Интенсивное расщепление самости и чрезмерная проекция приводят к тому, что персону, на которую направлены эти процессы, начинает восприниматься как преследователь. Поскольку деструктивные и ненавистные части самости, которые отщепляются и проецируются и, по ощущению младенца представляют опасность для любимого им объекта, появляется чувство вины. Кроме того, этот процесс проекции также подразумевает и перекладывание самого чувства вины с себя на других людей. Вина однако не уничтожается полностью, а ощущается как бессознательная ответственность за тех людей, которые стали представителями агрессивной части самости.

Другой характерной чертой шизоидных объектных отношений является их нарциссическая природа, происходящая от инфантильных интроективных и проективных процессов. Происходит это потому, что, как мы уже обсуждали ранее, когда Эго-идеал проективным путем переносится в другую персону, эта персона получает привилегию первоочередного объекта любви и восхищения, поскольку она представляет собой вместилище хороших частей самости. Подобным же образом отношение к другому человеку, базирующееся на проекции плохих частей самости вовнутрь Эго, имеет

нарциссическую природу. В этом случае объект в той же мере является представителем части самости. Оба эти типа нарциссических отношений к объекту зачастую содержат сильно выраженные обсессивные черты. Стремление контролировать других людей является, как мы знаем, существенно важным элементом невроза навязчивых состояний. Потребность контролировать других людей может в какой-то мере быть объяснена отклонением от первоначального направления стремления контролировать части самости. Когда эти части подверглись чрезмерному проецированию в другого человека, единственным способом контролировать их остается контроль над самим этим человеком. Причины обсессивных механизмов могут таким образом быть обнаружены в специфической идентификации, которая является последствием инфантильных проективных процессов. Эта связь может также пролить немного света и на навязчивый элемент, часто являющийся одной из составляющих стремления к репарации (возмещению). С этой точки зрения, перед нами не только объект, по отношению к которому субъект испытывает чувство вины, но еще и часть самости субъекта, которую он стремится восстановить.

Все эти факторы могут привести к компульсивной привязанности к определенным объектам. Другим последствием может стать стремление избегать людей, чтобы избежать как деструктивных проникновений в них, так и опасности их возмездия. Страх подобных опасностей может проявлять себя в различных негативных установках объектных отношений. Например, один из моих пациентов рассказал мне, что он не любит людей, которые слишком сильно поддаются его влиянию, потому что, как ему кажется, они становятся слишком похожи на него и он устает от этого.

Еще одной характеристикой шизоидных объектных отношений является заметная искусственность и нехватка спонтанности. Бок о бок с этим идут серьезные нарушения ощущения себя или, как я бы это назвала, отношения к себе. Это отношение тоже кажется искусственным. Другими словами, психическая реальность и отношение к окружающей реальности в равной мере претерпевают нарушения.

Проекция отщепленных частей самости внутрь другой личности существенно влияет на объектные отношения, эмоциональную жизнь и на всю личность в целом. Чтобы проиллюстрировать это суждение, в качестве примера я возьму два универсальных и взаимосвязанных феномена: чувство одиночества и страх разрыва. Мы знаем, что один из источников депрессивных чувств, сопровождающих разрыв отношений с людьми, может быть обнаружен в страхе уничтожить объект направленными на него агрессивными импульсами. Но при тщательном рассмотрении в основании этого страха обнаруживаются расщепление и проективные процессы. Если агрессивные элементы доминируют в отношении к объекту и значительно усиливаются с переживанием фрустрации разрыва, то у личности появляется ощущение, что отколовшиеся части ее самости, спроецированные в объект, контролируют его агрессивным деструктивным путем. В то же время внутренние объекты, по ощущению личности, переживают опасность разрушения, подобно объектам внешним, в которых одна часть личности уже потеряна. В результате этого можно наблюдать серьезное ослабление, истощение Эго, появление ощущения, что ничто уже не способно его поддерживать. Соответственно, появляется и чувство одиночества. Хотя это описание в большей мере применимо к невротическим личностям, я считаю данный феномен общечеловеческим.

Следует подвергнуть серьезному исследованию тот факт, что и некоторые другие черты шизоидных объектных отношений, описанные мною ранее, также могут быть обнаружены, хотя и в меньшей степени и менее резких формах у нормальных людей.

Примерами таких феноменов могут служить застенчивость, недостаток спонтанности или, с другой стороны, чрезмерно интенсивный интерес к людям.

Подобным же образом обычно встречающиеся нарушения мыслительных процессов тесно связаны с ходом развития во время параноидно-шизоидной стадии. Говорит в пользу этого и присущая всем нам подверженность утрате или значительному ухудшению логического мышления на короткий срок, что проявляется в отделенности друг от друга мыслей и ассоциаций и отщепления их от ситуации. Фактически, имеет место временное расщепление Эго.

Депрессивная позиция в отношении к параноидно-шизоидной позиции

До сих пор я уделяла внимание рассмотрению различных механизмов, тревог и защит, характерных для периода первых нескольких месяцев жизни ребенка. В этой секции мне бы хотелось более подробно рассмотреть последующие этапы развития младенца. Вместе с интроекцией целостных объектов, впервые имеющей место где-то в течение второй четверти первого года жизни, происходит заметный скачок в развитии в направлении интеграции, что неизбежно влечет за собой существенные изменения в объектных отношениях. Любимый и ненавидимый аспекты матери более не ощущаются ребенком обособленными в той мере, в какой это присутствовало на ранних стадиях. Результатом этих перемен становится рост страха потери, возникновение состояний, аналогичных скорби и сильному чувству вины, поскольку ребенок ощущает, что его агрессивные импульсы направлены против любимого им объекта. Таким образом на передний план постепенно выходит депрессивная позиция. Сам же опыт переживания депрессивных чувств, в свою очередь, содействует продолжающейся интеграции Эго, увеличивая понимание младенцем психической реальности и улучшая качественный уровень восприятия внешнего мира, а также способствуя синтезу внешней и внутренней ситуации.

Стремление к репарации, играющее важную роль на этой стадии, может быть рассмотрено как следствие возрастающей синтетической деятельности и более глубокого проникновения в психическую реальность. Репарационные устремления представляют собой более реалистичный внутренний отклик на переживание горя, вины и страха, происходящих от собственной враждебности к «хорошим» объектам. Поскольку стремление к репарации или защите поврежденных объектов подготавливает почву для более удовлетворительных объектных отношений и сублимаций, можно сказать, что оно, в свою очередь, содействует и увеличению уровня синтеза, а также вносит вклад в процесс интеграции Эго.

В течение второй половины первого года младенец совершает несколько имеющих первостепенное значение шагов в развитии в направлении преодоления депрессивной позиции. Шизоидные механизмы однако все еще сохраняют свою значимость, хотя и претерпевают модификацию, теряя при этом в силе. В процессе изменений снова и снова переживаются ранние ситуации тревоги. Преодоление параноидно-шизоидной и депрессивной позиций, происходящее в течение первых лет детства, играет существенно важную роль в инфантильном неврозе. С развитием этого процесса наблюдается ослабление силы тревог, объекты становятся менее идеализированными и пугающими, а Эго — более целостным. Все эти перемены взаимосвязаны с возрастанием уровня восприятия реальности и адаптации к ней.

Если в течение параноидно-шизоидной позиции развитие происходило отличным от нормального путем, и младенец не способен (в силу внешних или внутриспсихических причин) совладать с влиянием депрессивной тревоги, то возникает порочный круг: слишком сильный страх преследования, а соответственно и слишком сильные шизоидные механизмы лишают Эго способности преодолеть депрессивную позицию. Это вынуждает Эго регрессировать к параноидно-шизоидной позиции и подкрепляет ранние страхи преследования и шизодные феномены. Таким образом закладывается базис для возникновения во взрослой жизни различных форм шизофрении. Подобного рода регрессии не только подкрепляют точки фиксации шизоидной позиции, но еще и увеличивают опасность наступления состояний дезинтеграции. Другим их последствием может стать укрепление депрессивных характеристик личности.

Внешний опыт, вне сомнения, играет в этом развитии очень значимую роль. В случае одного из моих пациентов, который ярко демонстрировал сочетание депрессивных и шизоидных черт, анализ выявил огромную значимость переживаний его раннего детства. Это проявилось в такой мере, что на некоторых сеансах у пациента даже стали появляться физические ощущения в области гортани и органов пищеварения.

Этот случай непосредственно связан с нашей темой, поэтому он заслуживает более подробного рассмотрения. Пациент был внезапно отлучен от груди в возрасте четырех месяцев по причине болезни матери. Кроме того, на протяжении четырех недель он был лишен даже возможности видеться с ней. Когда мать вернулась, то обнаружила в младенце серьезные перемены. До ее болезни он был живым малышом, активно интересовался своим окружением, теперь же казалось, что он утратил все свои интересы. Младенец стал апатичным. Он довольно легко перешел на искусственное питание и почти никогда не отказывался от еды. Но от этой пищи он больше не рос. Младенец быстро стал терять вес, у него появились серьезные проблемы с пищеварением. И только в конце первого года жизни, когда он получил возможность расширить свой рацион за счет других видов пищи, ребенок смог восстановить нормальный темп физического развития.

В ходе анализа была освещена проблема влияния упомянутых переживаний на общий ход развития личности пациента. Во взрослой жизни его мировоззрение и жизненные позиции основывались на паттернах, заложенных на тех ранних стадиях. Например, снова и снова давала знать о себе тенденция без разбора поддаваться влияниям других людей, а фактически — жадное принятие всего, что бы ни предлагалось. Наряду с этим присутствовало огромное недоверие, которое сопровождало процесс интроекции. Этот процесс постоянно подвергался нарушениям по вине тревоги различного происхождения, которая кроме всего прочего еще и содействовала увеличению жадности.

Рассматривая материал этого анализа в целом, я прихожу к заключению, что к моменту внезапной утраты груди и матери пациент уже в некоторой мере обладал сформированным отношением к целым хорошим объектам. Он, вне сомнения, уже вступил на депрессивную позицию, но не смог успешно преодолеть ее. В результате параноидно-шизоидная позиция стала регрессивно усиливаться. Это проявилось в «апатии», последовавшей за периодом, когда ребенок уже стал выражать живой интерес к своему окружению. Факт того, что он уже достиг депрессивной позиции и смог интроецировать целые объекты различными путями давал о себе знать в структуре его личности. Он в действительности обладал развитой способностью любить и имел страстное стремление к целостным и хорошим объектам. Характерной особенностью его личности было желание любить людей и доверять им. Бессознательно же он стремился воссоздать и укреплять снова хорошую и целую грудь, которой он уже однажды обладал, и которую потерял.

Связь между шизоидными и маниакально-депрессивными феноменами

Некоторые колебания между параноидно-шизоидной и депрессивной позициями всегда имеют место и это является частью нормального развития. Между этими двумя стадиями не может быть проведена четкая разграничительная линия. Более того, модификация тревог является ступенчатым процессом и феномены двух позиций в течение некоторого времени в какой-то мере остаются смешанными и взаимодействующими друг с другом. По моему мнению, в ходе патологического развития подобное взаимодействие определяет клиническую картину некоторых форм шизофрении и маниакально-депрессивных расстройств.

Для того, чтобы проиллюстрировать эту связь, я вынуждена буду кратко воспроизвести кое-что из имеющегося в моем распоряжении клинического материала. Я не собираюсь приводить здесь истории болезней в полном объеме, а ограничусь обсуждением отдельных отобранных мною фрагментов, тесно связанных с обсуждаемой темой. Пациентка, интересующая нас в этой связи, представляла собой ярко выраженный случай маниакально-депрессивного заболевания (диагностированного как таковое несколькими психиатрами).

Налицо были все сопутствующие этому расстройству характеристики: присутствовало чередование маниакальных и депрессивных состояний, имелись сильные суицидальные тенденции, которые приводили к повторяющимся попыткам совершить самоубийство. Кроме того, в наличии имелись и многие другие характерные черты мании и депрессии. В ходе анализа этой пациентки была достигнута стадия, на которой мы добились серьезных реальных перемен. Они заключались не только в прекращении маниакально-депрессивных циклов, но и в фундаментальных изменениях в структуре ее личности и объектных отношений. Получила развитие продуктивность, что проявилось в самых разных направлениях. Появилось настоящее (не маниакального типа) ощущение счастья. После этого наступила следующая фаза, появление которой было отчасти спровоцировано внешними обстоятельствами. Эта стадия, длившаяся несколько месяцев, характеризовалась особым стилем сотрудничества пациентки с аналитиком. Пациентка приходила регулярно, не пропуская аналитических сеансов, довольно легко давала свободные ассоциации, рассказывала сновидения и предоставляла материал для анализа. Однако в ходе работы отсутствовал какой-либо эмоциональный отклик на мои интерпретации и зачастую даже ощущалась пренебрежение к ним. Сознательное подтверждение того, что я ей предлагала, появлялось с ее стороны очень редко. Тем не менее материал, которым пациентка отвечала на мои интерпретации, отчетливо отражал эффект, который они оказывали на бессознательное. Мощное сопротивление, проявившееся на этой стадии, своим происхождением было обязано только одной из частей ее личности, в то время как другая часть отзывалась на аналитическую работу. И дело было не только в том, что часть ее личности не сотрудничала со мною. Казалось, что эти части не взаимодействуют друг с другом, и в таких случаях анализ не способен был помочь пациентке достичь синтеза. В течение этого периода она приняла решение прервать лечение. Внешние жизненные обстоятельства во многом посодействовали принятию такого решения. Был назначен срок последнего сеанса.

В этот назначенный заранее день во время сеанса она рассказала мне о сновидении следующего содержания: слепой человек в ее сне очень переживал по поводу своей слепоты; но он, казалось, успокаивал и утешал себя тем, что прикасаясь к платью, в которое была одета пациентка, он на ощупь мог узнать как оно застегнуто. Платье из

этого сна напомнило пациентке одно из ее детских платьиц, которое очень высоко застегивалось (до самого горла). После этого пациентка выдала еще две ассоциации относительно этого сна. Она, хотя и с некоторым сопротивлением, все же признала, что слепой человек из ее сна — это она сама. В связи с платьем, застегивающимся под самое горло, она отметила, что как бы снова влезла в сою прежнюю оболочку. В интерпретации я высказала предположение, что пациентка в этом сновидении бессознательно выражает свою «слепоту» в отношении собственных проблем, и что ее решение, касающееся курса лечения, как и другие решения, которые она принимает в своей жизни, не согласуются с ее бессознательным знанием. Это также было заметно по ее предположению о том, что она влезла в свою прежнюю оболочку, имея в виду, что она «закрылась», «застегнулась по самое горло». Это ощущение было хорошо знакомо ей по прежним состояниям, переживавшимся ранее в ходе анализа. Таким образом и бессознательный инсайт, и даже некоторое сотрудничество на сознательном уровне (признание того, что именно она была слепцом из сна и того, что она замыкается в своей «оболочке») происходило от изолированных частей ее личности. Интерпретация этого сна фактически не дала никакого эффекта и не повлияла на решение пациентки прервать анализ к концу этого, назначенного заранее часа.

Природа определенных затруднений, неожиданно встретившихся в этом анализе, как и в других подобных случаях, более явно проявила себя в течение нескольких следующих месяцев после внезапного прекращения лечения. Суть этих затруднений представляла собой смесь из шизоидных и маниакально-депрессивных характеристик, которые определяли сущность заболевания пациентки. На всем протяжении ее анализа, даже на самых ранних стадиях, когда депрессивные и маниакальные состояния достигли пика своего накала, шизоидные и депрессивные механизмы зачастую действовали одновременно. Бывали, например, часы, когда пациентка была особенно очевидно подавлена, переполнена упреками по отношению к себе и чувством собственной малоценности. Слезы текли по ее щекам, и даже ее поза выражала безнадежность и отчаяние. И тем не менее, в ответ на мои интерпретации этих проявлений она заявляла, что вообще ничего не ощущает, оставаясь абсолютно отстраненной от чувств, о которых я говорила в интерпретации. За этим следовали упреки к себе по поводу того, что она не чувствует ничего вообще, оставаясь абсолютно пустой. На таких сеансах у пациентки наблюдалась скачка идей, ее мысли казались разбитыми, а их выражение было несвязным.

Обычно после интерпретаций бессознательных причин, лежавших в основании подобных состояний, случались сеансы, во время которых эмоции и депрессивная тревога проявляли себя значительно более полно. Мышление и речь в эти периоды были более связными.

Эта тесная связь между депрессивными и шизоидными феноменами проявляла себя, хотя и в различных формах, в течение всего ее анализа. Особенно же отчетливой она стала в период, предшествовавший вышеописанному прерыванию лечения.

Я уже затрагивала вопрос о существовании в ходе развития ребенка связи между параноидной-шизоидной и депрессивной позициями. Теперь же возникает вопрос, — является ли эта присутствующая в развитии связь базисом для смешения данных характеристик в маниакально-депрессивных, равно как и в шизофренических расстройствах. Если эта экспериментальная гипотеза найдет свое подтверждение, станет возможным вывод о существовании значительно более тесной взаимосвязи шизофренической и маниакально-депрессивной групп расстройств, чем предполагалось ранее. Вышеупомянутые выводы могли бы стать объяснением и для тех случаев, в которых, по моему мнению, дифференциальная диагностика между меланхолией и шизофренией чрезвычайно сложна. Я была бы очень благодарна моим коллегам,

имеющим достаточный психиатрический материал, если в дальнейшем им удастся пролить больше света на мои предположения.

Некоторые шизоидные защиты

Принято считать, что шизоидные пациенты значительно сложнее поддаются анализу, чем пациенты маниакально-депрессивного типа. Их отстраненность, лишенное эмоций отношение, нарциссические элементы в их объектных отношениях (о чем я упоминала ранее), особая разновидность враждебности, пропитывающей все отношение пациента к аналитику — все это вместе создает очень сложный тип сопротивления. Я считаю, что причина неудачи контакта с пациентом в таких случаях и его нечувствительность к интерпретациям аналитика во многом коренится в действии процессов расщепления. Пациент чувствует себя отстраненным, находящимся где-то вдалеке отсюда, у аналитика же соответственно складывается впечатление, что значительная часть личности пациента и его эмоций является недоступной. Пациенты с шизоидными чертами личности часто могут сказать: «Я слышу, что Вы говорите. Вполне возможно, что Вы правы, но для меня это не имеет никакого значения». Часто они говорят о том, что чувствуют себя так, как будто бы их здесь нет. Выражение «не имеет значения» в подобных случаях не подразумевает активного неприятия интерпретации, а скорее говорит о том, что части личности и эмоций расщеплены. Подобные пациенты, следовательно, могут не справляться с интерпретациями — будучи не в состоянии ни принять их, ни отклонить.

Я проиллюстрирую процессы, лежащие в основании таких состояний отрывками материала, полученного в результате анализа одного из моих пациентов. Интересующий нас сеанс начался с того, что пациент сообщил мне о своей тревоге и о том, что он не может понять ее причины. Затем он стал сравнивать себя с людьми более удачливыми и преуспевающими, чем он сам. Эти его высказывания также определенным образом касались меня. Постепенно на передний план вышли очень сильные чувства фрустрации, зависти и обиды. Когда я проинтерпретировала эти чувства как направленные против аналитика и говорящие о желании уничтожить его (воспроизвожу здесь только суть моей интерпретации), настроение пациента резко изменилось. Тон его голоса стал однообразным, он заговорил медленно и невыразительно, сообщив, что чувствует огромную отстраненность от всей этой ситуации, добавив, что интерпретации кажутся ему верными, но для него лично не имеют никакого значения. У него на самом деле пропали все желания, и его больше ничего не волновало.

Следующие мои интерпретации были сфокусированы именно на этой резкой перемене настроения.

Я высказала предположение, что на момент произнесения моей интерпретации опасность уничтожить меня стала особенно реальна для пациента, а его спешное согласие было следствием боязни потерять меня. Вместо депрессии и чувства вины, которые обычно возникали вслед за подобными интерпретациями на некоторых стадиях его лечения, в этот раз пациент попытался справиться с тревогой посредством особого метода расщепления. Как мы знаем, в аналитической ситуации под давлением амбивалентности, конфликта и вины фигура аналитика часто расщепляется, что приводит к чередованию любви и ненависти, которые испытываются по отношению к терапевту. В другом случае отношение к аналитику может быть расколото таким образом, что терапевт воспринимается как хорошая (плохая) фигура в то время, как какой-либо другой значимый персонаж превращается в противоположную фигуру. Но это не та

разновидность расщепления, которая была использована в нашем случае. В этом случае пациент отщепил те части себя, т. е. своей самости, которые, как ему казалось, могут быть опасны и враждебны по отношению ко мне. Он таким образом направил свои деструктивные импульсы не на объект, а на Эго, в результате чего часть Эго временно оказалась за рамками существования. В бессознательной фантазии это было равносильно уничтожению части его личности. Срабатывание этого особого механизма позволило направить деструктивные импульсы против части собственной личности, результатом чего стало рассеивание эмоций и удержание тревоги в латентном состоянии.

Следствием моей интерпретации вышеупомянутых процессов была еще одна перемена настроения — пациент стал эмоционален, сообщил, что чувствует себя так, как будто бы он в этот момент рыдает. Отмечалась общая подавленность, которая однако сочеталась с ощущением возросшей цельности. В завершение всего было выражено чувство голода.

Интенсивное отщепление и уничтожение частей личности под давлением тревоги и вины, как свидетельствует мой опыт, является очень важным шизодным механизмом. Кратко обратимся к следующему примеру. Пациентка увидела во сне следующую ситуацию: она должна справиться со злой, испорченной девочкой, которая была полна решимости убить кого-то. Женщина в сновидении пыталась как-нибудь повлиять на ребенка, контролировать его. Кроме того она добивалась от девочки некоего признания, которое должно было смягчить ее участь. Но успеха она в этом деле не достигла. Аналитик тоже являлся частью сновидения, и его присутствие создавало ощущение, что он способен помочь пациентке справиться с ребенком. Затем, чтобы запугать ребенка и не дать ему причинить кому-то вред, женщина подвешивала ребенка на веревке на ветке дерева. Сновидение прерывалось пробуждением именно в тот момент, когда женщина уже собралась потянуть веревку и убить ребенка. В данной части сновидения аналитик снова присутствовал и снова оставался пассивным.

В данной статье я привожу только существенно важные и непосредственно затрагивающие нашу тему выводы, полученные при анализе этого сновидения. Во-первых, личность пациентки во сне была расщеплена на две части, злого и неконтролируемого ребенка, с одной стороны, и персону, которая пыталась повлиять на него, с другой. Ребенок, вне сомнений, символизировал множество фигур из ее прошлого, но в данном контексте девочка главным образом олицетворяла одну из частей самости пациентки. Другим выводом был такой: именно аналитик был тем человеком, которого ребенок собирался убить. Моя роль в сновидении отчасти заключалась в том, чтобы предотвратить это убийство. Уничтожение ребенка, убийство, к которому вынуждена была прибегнуть пациентка, символизирует собой уничтожение одной из частей ее личности.

Возникает вопрос: каким образом шизоидные механизмы уничтожаемой части самости связаны с вытеснением, которое, как мы знаем, направлено против представляющих опасность импульсов. Это однако проблема, которой я не могу уделить внимание в данной работе.

Естественно, что перемены в настроении не всегда дают о себе знать так драматично, как это произошло во время сеанса, упомянутого в первом примере этого раздела. Но я и в других случаях обнаружила, что интерпретация специфических истоков расщепления содействует прогрессу в направлении синтеза. Интерпретации такого рода должны детально затрагивать существующую «здесь и сейчас» ситуацию переноса, включая, конечно, связи с прошлым. Кроме того, они должны содержать в себе обращение к подробностям ситуаций тревоги, которые вынудили Эго регрессировать к шизоидным

механизмам. Синтез, происходящий в результате интерпретаций подобного рода, сопровождается депрессией и тревогой, которые могут иметь различную форму. Постепенно эти депрессивные «волны», следующие за возрастанием интеграции, приводят к ослабеванию шизоидных феноменов и к фундаментальным переменам в объектных отношениях.

Латентная тревога у шизоидных пациентов

Я уже упоминала о нехватке эмоций, которая превращает шизоидных личностей в «неотзывчивых» пациентов. Этому сопутствует отсутствие у них тревоги. Следовательно, потеряна одна из важных опор аналитической работы, поскольку другие типы пациентов имеют высокий уровень демонстрируемой и латентной тревоги. Ослабление же ее, происходящее в результате аналитических интерпретаций, становится опытом, увеличивающим способность таких пациентов сотрудничать с терапевтом.

Недостаток тревоги у шизоидных пациентов является только видимостью. Действие шизоидных механизмов подразумевает рассеивание эмоций, включающих тревогу, но эти рассеянные элементы продолжают существовать в пациенте. Такие пациенты обладают определенными формами латентной тревоги. Тревога удерживается в латентном состоянии посредством особого метода рассеивания. Наличие ощущения дезинтеграции, неспособности переживать эмоции, ощущение утраты объектов — фактически является эквивалентом переживания тревоги. Это проясняется с достижением прогресса в направлении синтеза. Следующее за этим огромное облегчение, которое испытывает пациент, происходит от ощущения, что окружающий и внутренний мир не только становятся ближе друг к другу, но еще и возвращаются к жизни. В такие моменты при взгляде назад создается впечатление, что когда эмоции были потеряны, отношения были смутными и неопределенными. Присутствовало ощущение, что части личности утрачены, а все вокруг казалось погибшим. Все эти переживания равносильны тревоге очень серьезной природы. Эта тревога, удерживавшаяся благодаря рассеиванию в латентном состоянии, все же в некоторой мере постоянно переживалась. Формы ее однако отличны от латентной тревоги, присутствующей в других случаях.

Интерпретации, направленные на синтез расколотой самости, включая и последствия рассеивания эмоций, предоставляют тревоге возможность постепенно быть пережитой как таковой. Несмотря на то, что это длительный процесс, мы фактически способны только сводить вместе мыслительные представления, но никак не произвольно извлекать на поверхность эмоции, содержащие тревогу.

Я также обнаружила, что интерпретация шизоидных состояний предъявляет особые требования к нашей способности формулировать свои замечания в интеллектуально четкой и недвусмысленной форме, в которой бы уже была заложена связь между сознательным, предсознательным и бессознательным компонентами. Это конечно всегда является одной из задач, стоящих перед нами, но это требование обретает особый вес в ситуации недоступности эмоций пациента, когда мы, кажется, адресуемся только к его интеллекту, к тому же еще и ослабленному.

Возможно, те несколько кратких советов, которые я дала в этом разделе, в какой-то мере применимы также и к технике психоаналитической работы с шизофреническими пациентами.

Общие выводы

В этой секции я обобщу некоторые из заключений, представленных в данном разделе. Одним из его ключевых моментов является предположение о том, что в первые несколько месяцев жизни тревога переживается преимущественно как страх преследования. Кроме того, она вносит свой вклад в формирование определенных механизмов и защит, являющихся отличительной особенностью параноидно-шизоидной позиции. Особенно выделяется среди этих защит механизм расщепления внутренних и внешних объектов, эмоций и Эго. Эти механизмы и защиты являются частью нормального развития и в то же время формируют базу для последующих шизофренических расстройств. В этом разделе я описала процессы, лежащие в основании идентификации через проекцию, как комбинацию отщепившихся частей самости и проецирование их на другую персону. Кроме того, рассматриваются влияния, оказываемые этой идентификацией на развитие нормальных и шизоидных объектных отношений. Наступление депрессивной стадии является моментом, в котором, посредством регрессии, могут укрепляться шизоидные механизмы. Я также выдвинула предположение, говорящее о близкой связи между маниакально-депрессивными и шизоидными расстройствами. Эта связь, по моему мнению, базируется на взаимодействии между параноидно-шизоидной и депрессивной инфантильными позициями.

Приложение

Фрейдский анализ случая Шребера содержит в себе обилие материала, имеющего непосредственное отношение к рассматриваемой нами теме. Но под давлением объективных обстоятельств в рамках данной работы я затрону лишь некоторые из выдвигаемых Фрейдом положений. Шребер очень ярко описывает расщепление души его лечащего врача Флечига, который для него символизировал любимый и преследующий объект. «Душа Флечига», некогда представлявшая собой систему «частей души», расщепляется на целых сорок или шестьдесят «подчастей». Души эти умножились до тех пор, пока не стали «помехой». Когда это случилось, Бог обрушил на них свой гнев, в результате чего из огромного количества душ Флечига было спасено только «одна-две формы». Другой момент, на котором делает ударение Шребер, это последовавшая за истреблением медленная и постепенная утрата оставшимися фрагментами души как своей мощи, так и своего рассудка. Один из выводов, сделанных Фрейдом в ходе анализа этого материала, заключается в том, что преследователь представлял собою образ, расщепленный между Богом и Флечигом, т. е. был образован из частей, отщепившихся от этих двух образов. Кроме того, Фрейд обнаружил, что Бог и Флечиг символизируют отца и брата пациента. Обсуждая разнообразие форм фантазий Шребера об уничтожении мира, Фрейд говорит: «... в любом случае конец света был следствием конфликта, который разразился между Шребером и Флечигом, или, в соответствии с этиологией, принятой на втором этапе его иллюзий, последствием неразрывных уз, которые образовывались между ним и Богом...» (указ. соч., с. 455—466).

Я могу предположить, продолжая развивать линию размышлений, представленных в данном разделе, что разделение души Флечига на множество душ было не только расщеплением объекта, но еще и проекцией ощущения Шребера, что его Эго было расщеплено. Здесь я только упомяну о связи подобного процесса расщепления с процессом интроекции. Само собой напрашивается предположение о том, что Бог и

Флечиг также символизировали части самости Шребера. Конфликт между Шребером и Флечигом, которому Фрейд приписывал ведущую роль в формировании иллюзий мировой катастрофы, нашел свое выражение в истреблении Богом душ Флечига. На мой взгляд, это истребление символизирует уничтожение одной частью личности других частей — что, как я считаю, является следствием действия шизоидного механизма. Тревоги и фантазии, связанные с внутренними разрушениями и Эго-дезинтеграцией непосредственно обусловлены действием этого механизма. Они проецировались в окружающий мир и легли в основание иллюзий его разрушения.

В отношении процессов, которые послужили почвой для параноидной «катастрофы мира», Фрейд приходит к следующим выводам: «Пациент отвел от окружающего мира в целом, и от окружавших его людей, в частности, либинозный катексис, который ранее был сцеплен с ними. Таким образом, все окружавшее стало ему безразличным и не имеющим к нему непосредственного отношения. Данная ситуация средствами вторичной рационализации должна была быть объяснена как существование чудесного и странного устройства. Конец света был проекцией его внутренней катастрофы, поскольку его субъективный мир пришел к своему концу в тот момент, когда он, Шребер, отнял у него свою любовь» (там же, с. 456—457). Это объяснение довольно точно характеризует тот развал в отношениях с миром и людьми, и те нарушения в объектном либидо, которые привели к таким результатам. Но в ходе дальнейшего рассмотрения данного случая Фрейд обращает внимание на новые его аспекты (с. 461—462). Он говорит: «Мы больше не можем уходить от обсуждения вопроса о возможности того, что нарушения либидо могут взаимодействовать с катексисом Эго в такой мере, что мы можем наблюдать обратную возможность, а именно — вторично индуцированные нарушения либинозных процессов могут быть результатом болезненных перемен, происходящих в Эго. Действительно, весьма вероятно, что процессы подобного рода вносят свой вклад в формирование отличительных характеристик психозов». Именно эта возможность, о которой говорится в последних двух предложениях, является связующим звеном между фрейдовским объяснением «мировой катастрофы» и моей гипотезой. «Болезненные перемены в Эго» обусловлены, как мы выяснили ранее, чрезмерностью процессов расщепления, действовавших в раннем Эго. Эти процессы неразрывно связаны с инстинктивным развитием и с тревогами, начало которым дают инстинктивные желания. В свете позднейшей фрейдовской теории инстинктов жизни и смерти, которая пришла на смену теории эгоистических и сексуальных инстинктов, нарушения в распределении либидо предполагают разделение либидо и деструктивных импульсов. Механизм уничтожения одной частью Эго других, по моему мнению, лежит в основании фантазий о «мировой катастрофе» (истреблении Богом душ Флечига) и основывается на преобладании деструктивных импульсов над либидо. В свою очередь, какие-либо нарушения в распределении нарциссического либидо тесно связаны с отношением к интроецированным объектам, которые (согласно моим выводам) с самого начала жизни участвуют в образовании частей Эго. Взаимодействие между нарциссическим либидо и объектным либидо соответствует подобного рода взаимодействию между отношениями к интроецированным и внешним объектам. Если Эго и переведенные во внутренний план объекты ощущаются разбитыми на части, то младенцем переживается внутренняя катастрофа, которая распространяется и на внешний мир, проецируясь на него. Подобные состояния тревоги, связанной с внутренней катастрофой, согласно гипотезам, обсуждавшимся в данном разделе, возникают в течение параноидно-шизоидной стадии и образуют базис для позднейшего развития шизофрении. По мнению Фрейда, диспозиционная фиксация на *dementia praecox* должна происходить на очень ранних этапах развития. В отношении *dementia praecox*, которую он отличал от паранойи, Фрейд говорил: «Диспозиционная точка фиксации должна, следовательно, быть расположена значительно ранее, чем в случае паранойи».

Точка фиксации должна находиться где-то в начале периода развития от аутоэротизма к объектной любви». Мне хотелось бы затронуть еще одно умозаключение Фрейда в отношении анализа случая Шребера. Я предполагаю, что истребление душ, приведшее в конце концов к тому, что души были редуцированы до нескольких разновидностей, было частью попыток, направленных на выздоровление. Истребление можно рассматривать как уничтожение сделанного, можно сказать, как исцеление, сопряженное с отщеплением и уничтожением частей Эго самим же Эго. В результате этого процесса были оставлены всего лишь несколько разновидностей души, которые, как мы можем предположить, были намерены сохранить свою прежнюю мощь и разумность. Эти усилия, направленные на выздоровление, осуществлялись однако очень деструктивными средствами, которые использовало Эго против себя и своих интроецированных объектов.

Фрейдовский подход к проблеме шизофрении и паранойи имеет фундаментальное значение. Произведенный им анализ Шребера (можно также упомянуть и работу Абрахама, в которой он ссылается на Фрейда) открывает перед нами возможность понимания психозов и процессов, лежащих в их основании.

10. Заметки о теории инстинктов жизни и смерти

Исследования Брейера и Фрейда, показавшие, что в основе истерических симптомов лежит неразрешенный интрапсихический конфликт, положили начало новой эре в развитии психологии. Сделав выводы из конкретного наблюдения, касавшегося истерических симптомов, Фрейд продолжал исследовать эмоциональную жизнь своих пациентов. Постепенно ему удалось создать стройную систему, позволявшую по-новому взглянуть на душевные расстройства и на психическое развитие человека в целом. Исследования природы интрапсихических конфликтов привели Фрейда к построению теории бессознательного, дающей понимание структуры и динамики психики. Следовательно, систематические исследования эмоциональных конфликтов, сначала в рамках медицинских наук, а потом — за их пределами, можно назвать процессом рождения того, что сейчас мы знаем как психоанализ.

Фрейд объяснял возникновение эмоциональных конфликтов взаимодействием базовых разнонаправленных сил, т. е. взаимодействием антагонистических инстинктов. В ходе работы Фрейд пришел к пониманию необходимости дуалистического подхода к психическим процессам, и продолжал подчеркивать важность понимания природы инстинктов. Прежде всего, следуя за общепринятым в то время противопоставлением голода и любви, Фрейд попытался увидеть противоположные влечения в инстинктах, направленных на самосохранение и сексуальных инстинктах. Позднее он стал противопоставлять Эго-инстинкты и сексуальные инстинкты на том основании, что подобный дуализм вполне гармонирует с двойственной ролью самого человека, являющегося индивидуальностью и одновременно представителем своего вида. Однако аналитическая практика не подтвердила рациональности подобного разделения, и в конце концов Фрейд вынужден был признать, что первичным двигателем человеческого поведения являются инстинкты жизни и смерти.

Интересно, что сам Фрейд достаточно долго не хотел придавать должного значения и статуса дуалистической теории, колеблясь в этом отношении вплоть до начала этапа своих последних исследований природы инстинктов. Именно эти исследования увенчались окончательным и кардинальным противопоставлением первичного инстинкта жизни и первичного инстинкта смерти, противопоставлением, которое и раньше незримо присутствовало в практике психоанализа. Он подчеркивал гипотетическую природу этой теории, никогда не упоминал ее в качестве неотъемлемой составляющей психоанализа и открыто признавался в «прохладной сдержанности» по отношению к идее дуализма инстинктов. Тем не менее его работы содержат высказывания, однозначно свидетельствующие в пользу убежденности Фрейда в истинности дуалистической теории: «Они-то (группа инстинктов), собственно, и являются влечениями к жизни: то, что они действуют в противовес другим влечениям, которые по своей функции ведут к смерти, составляет имеющуюся между ними противоположность, которой учение о неврозах приписывает большое значение».

Пытаясь объяснить враждебную реакцию, с которой столкнулась дуалистическая теория инстинктов, Фрейд однажды сравнил это учение с оскорблением в адрес человеческого нарциссизма. Самолюбие человечества получало такие раны и ранее. Копернику удалось разрушить нежно взлелеянную человечеством веру в то, что наша Земля является центром вселенной («космологический удар» по нарциссизму); Дарвин нанес «биологический удар», доказав, что человек не занимает особого, привилегированного положения в цепи творений природы; и наконец психоанализ ранил нарциссизм человека «психологическим ударом», обнаружив, что человек не является хозяином своего внутреннего мира, поскольку существуют бессознательные душевные процессы, не поддающиеся контролю

со стороны человеческого разума. Хочу подчеркнуть, что выдвинутая Фрейдом теория инстинкта смерти придала этому «психологическому удару» особую силу. Очевидно, что негодование и тревога, родившиеся в результате столкновения человеческого нарциссизма и знания, которое принес людям психоанализ, не могли не пополниться страхом, который вызвало известие о том, что позывы, ведущие к смерти, действуют на человека изнутри его же собственной психики.

Теория инстинкта смерти была встречена неодобрительно и вызвала множество возражений и дискуссий. Одним из аргументов, ставивших под сомнение ее право на существование, был тот факт, что Фрейд пришел к обоснованию инстинкта смерти исключительно путем философских спекуляций и своеобразной переоценки сути биологических явлений. В действительности это не совсем так. Если мы обратимся к работе «По ту сторону принципа удовольствия», то со всей очевидностью обнаружим, что свои рассуждения Фрейд начинает именно с анализа клинического материала, т. е. снов своих пациентов, страдавших от травматического невроза. Эти сны, в противоположность привычной для аналитического понимания функции сновидения как средства удовлетворения желания, раз за разом возвращали пациента к болезненной ситуации травмы. Кроме того, Фрейд подробно описывает игру ребенка, в которой тот снова и снова переживает болезненный для него опыт. Несмотря на то, что оба эти феномена не были детально обсуждены в работе, Фрейд указал на ключевые моменты обеих ситуаций — повторение травматических переживаний. Далее он описывает поведение некоторых своих пациентов, которые вместо того, чтобы вспомнить травмирующее и вытесненное событие из своего прошлого, вновь попадают в ту же самую ситуацию, причиняя себе, таким образом, огромную боль. Исходя из этих конкретных клинических наблюдений, Фрейд предполагает возможность существования некоторого «навязчивого повторения» как самостоятельного феномена, вездесущего и не подчиняющегося принципу удовольствия. Этот концепт полностью подтвердил свою валидность и нашел блестящее обоснование в аналитической и психологической практике.

Следовательно, вне сомнений остается тот факт, что, обосновывая существование инстинкта смерти, Фрейд исходил именно из клинического опыта и своих практических наблюдений. Именно так он исследовал и важнейший психологический принцип — феномен навязчивого повторения. Фрейд никогда в своих рассуждениях не терял связи с реальностью клинических фактов.

Биологические спекуляции Фрейда подводят нас к мысли, что с того момента, когда «baffles conjecture» жизнь родилась из неживого, стремление к возвращению в первоначальное состояние стало неотъемлемой частью всего живого. Инстинкт смерти действует наряду с инстинктом жизни в каждом живом существе. Мы можем оставить биологам судить о правомерности теоретических выкладок Фрейда в отношении принципов соотношения живого и неживого, но мы имеем полное право использовать психологическую часть его теории — использовать, а не надеяться, что она способна разрешить все загадки и тайны человеческого существования.

Психологическая работа не дает нам возможности непосредственно наблюдать действия человеческих инстинктов. Что мы можем наблюдать, так это действие некоторых импульсов, в результате которого рождаются эмоции, надежды, страхи, конфликты, формируется поведение и деятельность человека. Мы наблюдаем процессы типа трансформации бессознательных желаний в осознанный страх, либо бессознательной ненависти в преувеличенную сознательную любовь.

Мы не должны смешивать импульсы как клинически наблюдаемые сущности и инстинкты — первичные силы, дающие начало этим импульсам. Инстинкты, следовательно, представляют собой концепт, некоторую абстракцию, существующую в рамках конкретного психологического подхода. Мы не можем ни доказать ни опровергнуть факта их существования путем непосредственного наблюдения. В нашей власти только интерпретация наблюдаемых фактов. Подобная интерпретация, конечно, содержит некоторую спекуляцию, которую всегда можно поставить под сомнение. Невозможно познать истинную суть чего-либо путем простого коллекционирования фактов, связанных с предметом исследования. Если мы никогда не будем идти дальше уровня разрозненных фактов, то нарушим саму процедуру научного исследования, предполагающую использование таких средств, как абстрагирование и построение умозаключений — предположений (speculation). Они позволяют открывать принципы, манифестациями которых выступают наблюдаемые нами факты. Психологи, не разделяющие аналитических взглядов, говорят: «Истина находится в пределах очевидного, не выходящего за рамки здравого смысла». Но научный работник должен комбинировать трезвые наблюдения с умозрительными интерпретациями. Существуют однако и ограничения. Умозаключения способны ввести в заблуждение. Происходит это в том случае, когда спекуляции слишком далеко уходят от фактов, которые можно наблюдать в реальности. Подобный полет фантазии приносит не больше пользы, чем механическое коллекционирование фактов, не сопровождающееся аналитической проработкой.

Как уже говорилось, теория инстинктов, предложенная Фрейдом, вышла за рамки психологии и коснулась таких областей знания, как физиология и биология. Физиологи, психиатры, психологи, психоаналитики — все мы работаем с людьми, и никто из нас не имеет дела с изолированной человеческой душой. Мы каждый день в ходе своей клинической практики имеем возможность наблюдать, как психологические силы способны давать начало таким процессам, как возникновение конверсионных симптомов или психосоматических расстройств. Столь же очевидно влияние физиологических факторов на психологическое состояние личности. Поэтому невозможно исключить физиологический и биологический компонент из любого рода психологической работы.

Изучение человеческого поведения вынуждает нас признать двойственность источников тех сил, которые действуют в глубине нашей психики. Более того, наши наблюдения убеждают в том, что не существует достаточно глубокого раскола между душой и телом человека. Таким образом возникает очевидная необходимость введения физиологического фактора в нашу теорию инстинктов. Эта необходимость в полной мере удовлетворяется предложенной Фрейдом теорией инстинктов, преследующих противоположные цели — жизнь и смерть.

Согласно дуалистической теории инстинктов, созданной Фрейдом, два базовых влечения всегда смешаны друг с другом. Природа этого смешения и события, способные изменить соотношения сил каждого из инстинктов очень важны, но мы по-прежнему знаем об этом очень немного. Скорее всего именно характер взаимодействия и слияния противоположных инстинктивных влечений и определяет, будет ли получившаяся в результате «смесь» смертельной или животворной.

Несмотря на то, что инстинкты способны к слиянию и разделению, они борются друг с другом внутри человеческого организма. Цель инстинкта жизни в объединении, и он влечет одного человека к другим. Цель инстинкта смерти заключается в разрушении организма или объединения организмов. Инстинкт смерти препятствует образованию союзов между индивидуальными организмами. Развитие, превращающее одноклеточный организм в многоклеточный, увеличение дифференциации клеток, формирование новых

органов, выполняющих специальные функции — все это можно назвать результатом работы инстинкта жизни. В то же время подобное развитие создает множество целей для инстинкта смерти, поскольку каждый шаг в направлении усложнения и образования объединений несет в себе потенциальную угрозу дезинтеграции.

Теория двух основных инстинктов привнесла изменения в существовавшую классификацию. И инстинкт самосохранения, и сексуальный инстинкт теперь стали считаться представителями и проявлениями инстинкта жизни. Существовавшее ранее убеждение относительно того, что основным конфликтом человеческой жизни является несовпадение двух основных ее целей, претерпело трансформацию. Обе эти цели по сути своей дополняют друг друга. Обычно акт продления рода чрезвычайно сильно укрепляет ощущение индивидуальной безопасности человека, а реализованность его как индивида идет на пользу всему человеческому роду. Психоаналитические исследования убедительно доказали, что в случае возникновения конфликта из-за разности этих целей, причиной его являются нарушения в ходе индивидуального развития, а не врожденное противоречие двух целей человеческой жизни.

Психологическое выражение инстинкта жизни мы можем обнаружить в любви, конструктивных стремлениях и кооперативном поведении. Каждое из этих проявлений в своей основе имеет стремление к объединению. Поэтическая фраза «Эрос как связующая сила» достаточно часто встречается в психоаналитической литературе. Инстинкт смерти проявляет себя в ненависти, деструктивности и негативистических стремлениях, иначе говоря, во всех моделях поведения, которые являются антагонистическими по отношению к создаваемым или существующим связям или союзам, как интрапсихическим, так и социальным.

Фрейд считал, что главным средством, применяемым инстинктом жизни в борьбе с инстинктом смерти, является отклонение инстинкта смерти вовне. Он называл этот механизм первопричиной проекции и считал, что инстинкт смерти «безмолвно» действует внутри организма и становится отчетливо различимым только когда отклоняется от первичной цели.

Однако, остается вопросом, действительно ли инстинкт смерти столь «безмолвно» атакует самость человека? Достаточно часто можно наблюдать образцы демонстрируемого человеком саморазрушительного поведения, выражающегося как в небольших ошибках, явно наносящих вред интересам человека, так и в различного рода «несчастных случаях», мазохизме, суицидальном поведении. Более того, существование физических болезней, истощения организма, нарушений в процессе выздоровления, тоже должно быть отнесено за счет скрытого действия инстинкта смерти, толкающего организм навстречу внешним опасностям и усиливающего их влияние.

Проблема проекции опасных влечений за пределы самости не столь проста. Происходит не только проецирование деструктивных импульсов, позволяющее человеку избавиться от болезненного ощущения, что угрожающие ему силы бушуют внутри него самого. Позитивные, окрашенные любовью импульсы и стремления тоже подвергаются проецированию, и такая проекция может стать благотворной или опасной в зависимости от характера избранного объекта, и того, как в дальнейшем сложатся отношения с этим объектом. Опасность проекции лежит в замутнении ясного восприятия реальности, что зачастую приводит к возникновению очень серьезных искажений. Проецировать «позитивные», окрашенные любовью импульсы на «плохой» объект, превращая его таким образом в «хороший», может быть не менее больно, чем проецировать деструктивные, «плохие» импульсы на объект, к которому испытываешь любовь, и таким образом

потерять его. С другой стороны, проекция позитивных импульсов может оказаться благотворной в том случае, когда она укрепляет привязанность субъекта к объекту, оказывающему на него благотворное влияние. Субъект таким образом получает возможность интроецировать «хорошую» часть объекта (в том числе и вернуть себе то, что изначально было составляющей частью его собственного Эго).

Суждение, доказывающее, что любовь является проявлением инстинкта жизни, а ненависть — проявлением инстинкта смерти, требует некоторых оговорок. В садомазохистической любви сама любовь сложным образом переплетена с желанием причинять боль и страдать от боли, желанием, источником которого однозначно является инстинкт смерти. Тем не менее этот феномен не вносит изменений в теорию основных инстинктов. Это лишь еще одно доказательство способности инстинктов к слиянию, о которой неоднократно упоминает дуалистическая теория. То же соображение относится к ненависти по отношению к противнику и даже к тем случаям, когда один человек убивает другого в целях самозащиты. Деструктивное поведение, служащее интересам самосохранения, свидетельствует о том, что слияние базовых инстинктов работает в пользу инстинкта жизни. Такая интерпретация подтверждается тем фактом, что в подобных случаях доминирующим является мотив самосохранения, а агрессия не носит характера деструктивной жестокости.

Эти примеры, кроме прочего, предостерегают нас от стремления упрощать и свехупрощать теорию инстинктов. Мы не можем провести прямую линию между каким-либо событием, являющимся частью сложного и комплексного опыта человека, и инстинктом, ставшим причиной этого события. В ходе развития, от самых ранних его этапов до более зрелых, превращение первичных инстинктивных целей осуществляется в результате влияния и взаимодействия антагонистических инстинктов.

Существуют однако некоторые наблюдения, говорящие в пользу того, что базовые инстинктивные влечения способны модифицироваться до такой степени, когда один из основных инстинктов безраздельно царит в отдельно взятый момент. Подобное разделение можно, с одной стороны, заметить в предельном самоудовлетворении и чрезвычайно сильной привязанности (не носящей характера мазохистического удовольствия), а с другой — в бессмысленной и предельно деструктивной жестокости.

В этой работе я бы хотела уделить внимание только проявлениям человеческой деструктивности, поскольку сильная любовь и привязанность достаточно редко становятся психологической проблемой, требующей обсуждения.

Я думаю, излишне приводить конкретные примеры. Время от времени мир потрясают известия о «нечеловеческих», «зверских» убийствах, совершенных отдельными людьми или группами людей. В подобных случаях либо невероятная жестокость проявляется в отсутствии какой бы то ни было провокации со стороны жертвы, либо, в случае, когда провокация все же имела место, мера жестокости многократно превышает необходимую. Более того, эти жестокие преступления столь преднамеренны и детально подготовлены, что не возникает никаких сомнений в том, что их мотивом может быть только ненависть и дикая жестокость, рожденная инстинктом смерти. Убийце необходима жертва, которая позволит ему удовлетворить глубинную потребность в причинении кому-либо боли, и когда он совершает преступление, то действует без малейших колебаний, которые могут быть вызваны эмпатией, виной или переживанием ужаса от происходящего.

Очень странно, что подобное поведение достаточно часто относят к разряду извращенной сексуальности, маркируя подобные преступления как «совершенные на сексуальной

почве». Действительно, садизм является формой сексуальной перверзии, но совершенно необходимо различать сексуальное поведение, содержащее элементы садизма (мазохизма) и жестокие преступления, в которых именно жестокость является основной чертой. В прямом смысле слова под сексуальной перверзией следует понимать физическую близость между взрослыми людьми, в процессе которой предварительное удовольствие имеет более важное значение, чем удовольствие конечное, оральная, выделительная, вуайеристская и эксгибиционистская активность доминирует над нормальными гетеросексуальными половыми отношениями. Сюда же можно отнести случаи, когда физическое удовлетворение достигается в ходе контакта с представителями своего пола. В своих работах Фрейд показал, что такого рода извращенная сексуальность (обычно содержащая небольшую примесь садистических и мазохистических элементов) своим происхождением обязана инфантильной сексуальности, поскольку она репрезентирует те способы, посредством которых получает удовлетворение ребенок.

Жертвы убийств и так называемых «сексуальных преступлений» умирают не от переживания сексуального опыта, каким бы инфантильным он ни был, а от того, что становятся объектом невероятно жестокого насилия. Сексуальная сторона поведения убийцы лишь представляет ему возможность ввести свою жертву в заблуждение и реализовать внутренний агрессивный порыв при минимуме затруднений. Возможно, убийца даже начинает действовать в состоянии сексуального возбуждения, однако это состояние очень быстро сменяется импульсами агрессии и деструктивности. Иначе говоря, сексуальность выполняет лишь роль шлюзовых ворот, освобождающих агрессию. Создается впечатление, что люди, вынужденные заниматься изучением подобных случаев, прекрасно понимают, что причиной такого поведения человека может считаться только примитивная мощь инстинкта. Однако этим инстинктом чаще всего считают сексуальность. На мой взгляд, именно предложенная Фрейдом теория двух базовых инстинктов, противостоящих друг другу, и предположение о том, что инстинкт смерти способен отклоняться от своей первичной цели, позволили нам обнаружить истинное толкование этого типа человеческого поведения. В случаях проявления такого рода жестокости мы можем предположить некоторый сбой в процессе слияния инстинктов жизни и смерти. В результате произошедшего по какой-то причине нарушения, инстинкт смерти в такой степени активизируется внутри самости человека, что при невозможности нейтрализовать его посредством влияния инстинкта жизни, единственной, хотя и примитивной защитой, остается отклонение его от первичной цели. Происходит грубое отражение внутренней опасности во внешний мир, в результате чего страдает и умирает не сам человек, а избранная им жертва. Я не утверждаю, что убийца каким-либо образом сознательно переживает свою внутреннюю катастрофу или действует в состоянии сознательной паники. Тем не менее я убеждена, что понять его поступок можно только допустив, что сам убийца в момент совершения преступления находился под влиянием неопределенной потребности найти жертву, чтобы спасти самого себя. Одно это допущение, на мой взгляд, объясняет полнейшее отсутствие сострадания к мучениям жертвы, а также потребность совершать определенные действия в процессе убийства. Эти действия, часто трактуемые как «сексуальные», позволяют убийце получить полное удовлетворение от зрелища агонии жертвы. Я не стану детально анализировать этот процесс, поскольку он связан с глубинными слоями человеческой психики и требует подробного рассмотрения, а только обобщенно назову его переживанием внутренней катастрофы. Инстинктивная катастрофа приводит к тому, что инстинкт смерти полностью выходит из под контроля инстинкта жизни, и единственное, что может спасти человека от этой бури, бушующей в его собственной психике, — это отклонение инстинкта смерти вовне.

Фрейдская теория инстинктов жизни и смерти как первичных источников мотивации человека представляет собой наиболее доступную пониманию четкую систему, позволяющую трактовать наши клинические наблюдения. Эта система четко показывает, что эмоции и поведение человека являются результатом взаимодействия двух противоположных по сути и направленности базовых инстинктов. Множество дискуссионных проблем, касающихся, например, возникновения тревоги, предстают перед нами совсем в ином свете.

Существуют три основные теории, объясняющие причины возникновения тревоги. Первая — оригинальная теория Фрейда, трактующая тревогу как результат «автоматической трансформации» вытесненных либидинозных импульсов. Там, где происходит вытеснение либидинозных импульсов, возникает тревога. Несмотря на то, что позже Фрейд несколько трансформировал свои представления по этому вопросу, отметив, что тревога достаточно часто предшествует вытеснению, а также несмотря на спад интереса самого Фрейда к этой теории, он, по сути, так и не отказался от нее. Упоминания об этой теории достаточно часто встречаются в его работах.

Вторая теория была выдвинута Эрнестом Джонсом, который пытался понять, что же в общем заставляет человека испытывать страх. Джонс пришел к выводу, что существует «врожденная склонность к страху», которую он обозначил как «инстинкт страха».

Мелани Кляйн является автором третьей теории. По ее мнению, непосредственным источником возникновения тревоги являются деструктивные импульсы. Опасность, которую представляет для организма инстинкт смерти как источник деструктивных импульсов, она считала первопричиной возникновения тревоги. Ее теория также учитывает и либидинозный фактор, поскольку либидинозная фрустрация усиливает или высвобождает тревогу путем увеличения уровня агрессивности. Происходит это потому, что либидинозное удовлетворение обладает способностью ослаблять или сдерживать тревогу. Следовательно, ключевую роль играет процесс слияния и взаимодействия основных инстинктов, нарушения в котором становятся причиной возникновения тревоги.

Мне кажется, возможно дать более четкое определение этому взаимодействию инстинктов и определить роль каждого из них в процессе возникновения тревоги. Подобное определение даст возможность увидеть, что три вышеупомянутые теории, несмотря на всю их разнородность, вполне могут быть обобщены.

Нет никаких сомнений в том, что способность человека переживать испуг и тревогу является врожденной, точно так, как и способность человека любить и ненавидеть. Она представляет собой составную часть психологического инструментария человека. Тревогу можно рассматривать как состояние, в котором активизируется эта способность. Субъективно это переживается человеком как состояние болезненного напряжения, подталкивающего в направлении совершения каких-то шагов с целью защиты от угрожающей опасности. В этом смысле тревога выполняет предохранительную функцию, и ее следует рассматривать в контексте инстинктов самосохранения. Это означает, что склонность переживать испуг и тревогу следует относить на счет действия инстинкта жизни. То же следует сказать и об активации этой способности, ведущей к переживанию тревоги.

С другой стороны, опасность, против которой инстинкт жизни мобилизует способность переживать испуг, происхождением своим обязана инстинкту смерти, цель которого противоположна жизни и здоровью.

Опасность, первоначально возникающая внутри организма, является стимулом для активации врожденной способности человека бояться. Этот паттерн можно рассматривать как интрапсихическую диспозицию, позволяющую узнавать внешнюю опасность и использовать против нее защиты, первоначально отработанные во взаимодействии с внутренними опасностями.

Это обобщение использует принципиальные моменты теории М. Кляйн и выдвинутого Джонсом понятия «врожденной способности бояться», однако оно доказывает отсутствие необходимости дополнять теорию основных инстинктов введением третьего базового инстинкта.

Что же касается первоначальной идеи Фрейда об «автоматической трансформации» вытесненного либидо, то, на мой взгляд, здесь следует отметить следующие моменты. Во-первых, замечание относительно «автоматичности» процесса трансформации вытесненных импульсов наталкивает на мысль об инстинктивном элементе, о том, что все происходит на уровне инстинкта. Во-вторых, мы должны определиться с тем, что же все-таки за сила несет ответственность за торможение либидинозных импульсов. Как мы знаем, торможение либидинозных желаний может привести к заместительному удовлетворению, т. е. сублимации, и в таком случае тревога не возникает, как не возникает и неудовлетворительное состояние напряжения. Если же вытеснение либидинозных желаний приводит к возникновению неудовлетворительного состояния, то, как мы знаем по опыту анализа, в состав этого желания обычно включены деструктивные импульсы. Таким образом удовлетворение (и вытеснение) желания одновременно дает возможность выражения деструктивных компонентов этого либидинозного устремления (происходит отклонение инстинкта смерти вовне). В подобных случаях вытеснение либидо приводит к возникновению тревоги, которая рождается в ответ на опасность, которую представляет собой активизация инстинкта смерти внутри самости. Упоминание об «автоматической трансформации» вытесненного либидо подразумевает борьбу между основными инстинктами. В ходе этой борьбы инстинкту жизни не удается достигнуть полной победы (либидинозного удовлетворения или сублимации), из-за чего перед лицом опасности возможно возникновение реакции тревоги. Возможно, нелишним было бы более точно оговорить, что я рассматривала причины возникновения тревоги лишь в отношении к самым глубоким, инстинктивным уровням человеческой психики. Я не говорила о причинах возникновения тревоги на уровне сложных комплексных процессов высокого уровня, которые однако тоже конструируются в соответствии с базовыми паттернами.

Хочу сказать несколько слов о тех случаях, когда тревоге не удается выполнить своей роли целевого, защитного поведения. Как мы знаем, переживание избыточной тревоги способно парализовать человека. Таким образом тревога делает человека беззащитным перед лицом той опасности, от которой она должна была его предохранить. В таких случаях противостояние инстинктов заканчивается перевесом инстинкта смерти, нарушающим процесс защиты и мобилизацию способности бояться, способности, за которую отвечает инстинкт жизни. Подобная же расстановка сил объясняет неадекватное отсутствие тревоги и защитного поведения перед лицом опасности.

Заключительная фрейдовская теория первичных инстинктов жизни и смерти, клинически репрезентируемых импульсами любви, сексуальности и самосохранения, с одной стороны, и импульсами деструктивности, жестокости — с другой, так и не была в достаточной мере проработана и применена к практике. В работах по теории либидо по-прежнему сохраняется положение вещей, при котором жестокость рассматривается лишь как «компонент инстинкта» либидо. Психоаналитическая теория по-разному отнеслась к

инстинкту жизни и инстинкту смерти. Сексуальный инстинкт — первенец и привилегированное дитя психоанализа, деструктивный инстинкт — запоздалый ребенок и пасынок. Сексуальный инстинкт был признан сразу и получил отличительное имя либидо; признание прав на существование противоположного инстинкта заняло куда больше времени, а сам он до сих пор не имеет имени. (Термин «деструдо», предложенный Эдуардо Вейсом много лет назад, так и не получил признания в аналитическом словаре терминологии.)

Одним из краеугольных камней психоанализа является принцип, гласящий, что либидо развивается аналитически, т. е. в зависимости от развития физиологических функций. Несмотря на то, что этот фрейдовский принцип был с готовностью принят, а его полезность, безусловно, подтвердилась на практике, до сих пор не проработаны в достаточной мере феномены, лежащие в основании этой закономерности. Всем известные проявления орального, анального, мускульного эротизма, так же, как и либидинозные связи с объектом, удовлетворяющим физиологические потребности, — служат ярким примером привязанности либидо к телесным функциям. Работы Мелани Кляйн, анализировавшей маленьких детей, ее исследования интенсивных деструктивных фантазий, связанных с телесными функциями, дают основания полагать, что этот принцип применим и к действию деструктивных импульсов. В свете ее открытий становится понятно, что Фрейд, исследуя привязанность либидо к определенным телесным функциям, описал не просто характер развития либидо. Он затронул лишь частный случай более широкой закономерности, который однако позволяет судить об общих принципах действия инстинктов и осознать, что организм человека является телесно-психическим единством. Инстинкты — это источники энергии, от которых зависят все процессы, происходящие в психике и теле индивида. Они существуют на границе тела и души. Подобно двуликому Янусу, одно из лиц инстинктов повернуто к телесным, а другое — к психическим составляющим организма. Оба инстинкта, либидо и деструктивный инстинкт, пытаются достичь своей цели как в телесной активности, так и в сфере психических процессов. Душевные переживания должны сопутствовать деятельности инстинктов в телесной сфере, а эмоциональные отношения развиваются следом за телесной активностью, направленной на взаимодействие с удовлетворяющим или фрустрирующим объектом. Верно и обратное: физический контакт с объектом всегда включает в себя эмоциональные компоненты. Не вызывает сомнений, что мать, кормящая младенца, предлагает ему не просто физическую субстанцию, и не только дает приятные ощущения. Представление Фрейда о том, что либидо развивается «аналитически», следует расширить за счет включения отношений, в которых доминируют деструктивные импульсы. Фрустрация физических потребностей ребенка подготавливает почву для возникновения враждебности в отношении к объекту. Ранняя ненависть не менее тесно связана с телесными ощущениями, чем ранняя любовь. Термины «орально-садистический» и «анально-садистический» фактически описывают привязанность жестокости к определенным телесным функциям. Тем не менее эти понятия были сформулированы в ходе исследования жестокости как проявления активности инстинкта смерти. Изучение жестокости в этом контексте убедительно доказало, что она не является частью либидо, и по сути своей принципиально противоположна инстинкту жизни. В теории либидо существует еще одно фундаментальное положение, основывающееся на факте привязанности развития либидо к развитию физиологических функций. Это положение об эрогенности фактически всех органов человеческого организма. Этот постулат тоже должен быть дополнен на основе исследований, проведенных Мелани Кляйн. Способность органов продуцировать приятные ощущения, включающиеся в структуру либидинозных фантазий, служит исходным пунктом в доказательстве способности тех же органов рождать ощущения, сопровождающие деструктивные инстинктивные импульсы и жестокие фантазии.

Поскольку любая телесная и психическая активность базируется на первичных инстинктах, человеческий организм обречен служить двум господам — инстинкту жизни и инстинкту смерти.

Продвигает ли нас теория инстинкта смерти в психологическом понимании природы человека дальше, чем это делает более простой концепт инстинкта деструктивности или теория врожденной агрессивности? Я часто сталкиваюсь с утверждением, что спекуляции, связанные с инстинктом смерти, являются излишними, поскольку клинические проявления деструктивности и жестокости вполне могут трактоваться в русле представлений об инстинкте деструктивности.

Скажу только, что, отбрасывая постулат о первопричине существования деструктивного инстинкта (и врожденной деструктивности), мы очень обедняем теоретические основы наших концептов и очень сужаем рамки доступной нам психологической работы. Содержание понятия инстинкта смерти, действующего против инстинкта жизни, значительно богаче содержания теории деструктивного инстинкта. Здесь мы оказываемся в ситуации, подобной той, в которой находилась сексуальность до момента признания инстинкта жизни ее первоосновой. Мы недостаточно полно понимали императивную природу сексуальных импульсов и значение сексуального удовлетворения до того момента, когда Фрейд удалось доказать зависимость сексуальных проявлений от инстинкта жизни. В теоретическом понимании фактов существовал значительный пробел до тех пор, пока инстинкты самосохранения рассматривались как противоположность сексуальных импульсов. Множество проблем нашли свое решение после того, как Фрейд объединил сексуальные инстинкты и инстинкты самосохранения, и стал рассматривать их как различные проявления одной мощной и глубинной силы — инстинкта жизни.

Подобным же образом жестокость, как и вся система мотивации такого рода проявлений, может быть понята нами только в случае признания их первопричины — мощного и базового инстинкта смерти. Вне этой причинной связи деструктивный инстинкт оказывается, образно говоря, подвешенным в воздухе, подобно посольству несуществующей страны. В то же время, теория извечно и принципиально противостоящих друг другу основных инстинктов предлагает нам более широкое и глубокое понимание человеческой природы. Дуалистическая теория помогает нам точнее понимать поразительное разнообразие и многозначительность (сверхдетерминацию) внешних проявлений психологических процессов. Множественная детерминация обусловлена базовым дуализмом инстинктов и служит доказательством динамического взаимодействия либидо и инстинкта смерти.

Принятие теории инстинкта смерти изменяет наш взгляд на природу враждебности и жестокости. Тот факт, что эти проявления теперь рассматриваются как элемент комплексной и сложной сети эмоциональных процессов, оказывает значительное влияние на всю нашу концепцию личности. Человеческая душа теперь видится нам как сфера сложнейшего взаимодействия двух противоположных сил, из которого рождаются все эмоции, чувства и желания человека. Душа никогда не сможет избежать конфликтов, как никогда не сможет и оставаться статичной. Она всегда должна стремиться к достижению некоторого равновесия между владеющими ею силами. Единственным благополучным исходом непрекращающейся борьбы инстинктов является достижение состояния гармонии и единства, чему постоянно препятствуют внутренние факторы и внешние обстоятельства. А поскольку инстинкты даны нам с рождения, мы вынуждены согласиться с тем, что в той или иной форме конфликты сопутствуют всей нашей жизни, с момента рождения и до самой смерти. Мы убеждены, что подход к психологическим проблемам, основывающийся на теории первичных инстинктов жизни и смерти, способен

оказать неоценимую помощь в нашей работе. Наша оценка конфликтов в сфере социальных отношений претерпевает серьезные изменения, как только мы допускаем, что динамической основой этих конфликтов может быть непрерывная внутриспсихическая борьба противоположных инстинктов. В нашей работе мы часто слышим об обидах, причиненных пациентам их родителями, супругами, партнерами по работе и т. п., и эти жалобы часто кажутся правдивыми и соответствующими общим нашим наблюдениям. Тем не менее в ходе анализа становится ясно, в какой огромной степени эти происшествия активно спровоцированы самим пострадавшим. Именно тогда нам становится ясно, что из-за переполняющей человека ненависти и деструктивности, а в конечном счете — инстинкта смерти, он вынужден отклонять эту враждебность во внешний мир. Этой цели и служат «плохие» объекты, которые человек находит для себя или создает, если подходящих не оказывается под рукой.

Тесно связана с этой проблемой и проблема фрустрации (либидинозных импульсов и телесных потребностей), которая тоже предстает перед нами в новом свете, если мы соглашаемся допустить существование инстинктов жизни и смерти.

Поскольку фрустрирующие действия являются рычагом, позволяющим отражать во внешний мир ненависть и деструктивность, причиняющий неудовольствие объект вполне обоснованно рассматривается как заслуживающий враждебности и уничтожения. Таким образом фрустрация занимает свое законное место в кругу примитивных защит. Однако именно по этой причине фрустрирующее окружение, недостаток понимания и любви представляют такую опасность для ребенка.

Когда окружение реагирует на примитивную потребность ребенка отклонять деструктивные импульсы во внешний мир холодностью, отвержением и враждебностью, образуется замкнутый круг. Ребенок вырастает с ожиданием чего-то плохого, и когда он находит подтверждение своих страхов, его жестокость и негативистические импульсы многократно усиливаются и закрепляются.

Наше понимание природы человека становится более глубоким, когда мы находим в себе мужество осознать прочную биологическую обусловленность человеческой деструктивности, тревоги и защитной потребности быть несчастным, а множество сложнейших технических проблем, таких как садомазохизм, иллюзия преследования или негативная терапевтическая реакция, находят свое решение с признанием истинности фрейдовской теории инстинктов жизни и смерти.